АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (53)
2025

e-ISSN 2500-2856

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ **№ 3 (53) 2025**

Главный редактор
академик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:
член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**
доктор исторических наук **Ю.А. Зеленеев**
Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:
Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель)**, Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк –** Ph.D., профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук

Адрес редакции:
420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

Индекс ПП753,
электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"
Выходит 4 раза в год

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2025
© Журнал «Поволжская археология», 2025

Издательство «Фэн» Казань, Республика Татарстан

POVOLZHSKAYA ARKHEOLOGIYA e-ISSN 2500-2856
THE VOLGA RIVER REGION ARCHAEOLOGY № 3 (53) 2025

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:
B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D., Professor (Budapest, Hungary), **A.A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **M.M. Saidov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samarkand, Republic of Uzbekistan), **Sh.B. Shaidullaev** – Doctor of Historical Sciences, Republic of Professor (Termez, Uzbekistan)

Editorial Board:
A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A.A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2025
© Mari State University, 2025
© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2025

Publishing House "Fän" Kazan, Republic of Tatarstan

Содержание

Памятники эпохи первобытности Восточной Европы и Северной Азии

Лозовская О.В., Малютина А.А., Кульков А.М. (Санкт-Петербург, Россия)
Технологические следы на костяных изделиях позднего мезолита лесной зоны: попытка обобщения и интерпретации (на примере стоянки Замостье 2) 8

Андреев К.М., Андреева О.В., Бурыгин М.А., Королёв А.И., Сосновцева И.М. (Самара, Россия), Пархомчук Е.В. (Новосибирск, Россия), Бачура О.П. (Екатеринбург, Россия)
Итоги изучения стоянки Черновка I в Самарском Поволжье 28

Ткач Е.С. (Санкт-Петербург, Россия), Зальцман Э.Б. (Москва, Россия)
Материалы культуры гребенчатой керамики с минеральной примесью на территории Юго-Восточной Прибалтики 48

Малютина А.А. (Санкт-Петербург, Россия), Крюкова Н.В. (Москва, Россия)
Использование и обработка клыка моржа на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская обл.) 62

Ахундова Г.К. (Баку, Азербайджан)
Безкурганные погребения периода ранней бронзы на территории Азербайджана 80

Мимоход Р.А. (Москва, Россия)
Наконечники стрел культурного круга Лола: вопросы типологии и культурной специфики 96

Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Gursoy M., Zhetibaev K.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Seraliev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan)
Ritual Ceramic Wares of the Kaunchi Culture (based on the materials from Kultobe settlement site) 116

Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan Republic)
A Perspective from the South Caucasus on the Research by French Archaeologist Jacques de Morgan: Archaeological Materials from Azerbaijan in the Saint-Germain Museum, France 128

Галимова М.Ш. (Казань, Россия), Новиков А.В. (Кострома, Россия)
Каменный инвентарь эпохи мезолита, поздней бронзы – раннего железного века поселения Вознесенское I 141

Борзунов В.А. (Екатеринбург, Россия)
Несколько сюжетов по истории населения лесного Зауралья и его окружения в конце бронзового и начале железного веков 153

Оруджов Э.И., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия)
Макарьевское городище. Хронология и материальная культура 171

Памятники рубежа эр и средневековья

Красноперов А.А. (Ижевск, Россия)
Вопросы ранней датировки поясных прямоугольных накладок пьяноборского типа.....183

Савельев Н.С. (Уфа, Россия)
Имендяшевские древности лесостепи Южного Приуралья: культурная атрибуция, хозяйственная специфика, внешние связи 191

Серегин Н.Н., Матренин С.С. (Барнаул, Россия), Степанова Н.Ф. (Новосибирск, Россия)
Боевые ножи населения северных предгорий Алтая в эпоху тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) 207

Селин Д.В. (Новосибирск, Россия), Чиндина Л.А. (Томск, Россия)
Технология производства керамики кулайской культуры с Саровского городища 218

Искандерова А.Д. (Самарканд, Узбекистан), Бахтыбаев М.М., Мургабаев С.С. (Туркестан, Казахстан), Воякин Д.А., Арынов К.С., Апендиев Т.А. (Алматы, Казахстан)
Архитектурный декор мавзолеев некрополя Сыгнак 231

Список сокращений 248

Правила для авторов 250

Content

Monuments of the prehistory era of Eastern Europe and Northern Asia

Lozovskaya O.V., Malyutina A.A., Kulkov A.M. (Saint Petersburg, Russian Federation)
Technological Traces on Bone Artefacts from the Late Mesolithic Forest Zone: an attempt at generalization and interpretation (case study of the site Zamostje 2).....8

Andreev K.M., Andreeva O.V., Burygin M.A., Korolev A.I., Sosnovtceva I.M. (Samara, Russian Federation), Parkhomchuk E.V. (Novosibirsk, Russian Federation), Bachura O.P. (Yekaterinburg, Russian Federation)
Results of the Study of the Chernovka I Campsite in the Samara Volga Region.....28

Tkach E.S. (Saint Petersburg, Russian Federation), Zaltsman E.B. (Moscow, Russian Federation)
Comb Ware Ceramic Materials with Mineral Temper in the South-Eastern Baltic Region.....48

Malyutina A.A. (Saint Petersburg, Russian Federation), Kryukova N.V. (Moscow, Russian Federation)
The Use and Processing of Walrus Tusk at the Neolithic – Bronze Age Site of Mayak 2 (Murmansk Region) 62

Akhundova G.K. (Baku, Azerbaijan)
The Early Bronze Age Burials without Barrows in Azerbaijan.....80

Mimokhod R.A. (Moscow, Russian Federation)
Arrowheads of the Lola Culture: issues of typology and cultural specificity.....96

Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Gursoy M., Zhetibaev K.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Seraliev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan)
Ritual Ceramic Wares of the Kaunchi Culture (based on the materials from Kultobe settlement site) 116

Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan Republic)
A Perspective from the South Caucasus on the Research by French Archaeologist Jacques de Morgan: Archaeological Materials from Azerbaijan in the Saint-Germain Museum, France.....128

Galimova M. Sh. (Kazan, Russian Federation), Novikov A.V. (Kostroma, Russian Federation)
Mesolithic, Late Bronze and Early Iron Age Stone Artifact Collection from the Voznesenskoye I Site.....153

Borzunov V.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)
Several Narratives on the History of the Forest Trans-Ural Population and its Surroundings at the End of the Bronze Age and the Beginning of the Iron Age 167

Orudzhov E.I., Asylgarayeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation)
Makaryevskoye Hillfort. Chronology and Material Culture..... 181

Monuments of the turn of the Era and the Middle Ages

Krasnopeorov A.A. (Izhevsk, Russian Federation)
Issues of Early Dating of Rectangular Belt Mounts of the Pyany Bor Type 189

Savelev N.S. (Ufa, Russian Federation)
Imendyashevo Antiquities from the Southern Ural Forest-Steppe: Cultural Attribution, Economic Specifics, External Links 205

Seregin N.N., Matrenin S.S. (Barnaul, Russian Federation),
Stepanova N.F. (Novosibirsk, Russian Federation)
Combat Knives of the Population of the Altai Northern Foothills During the Turkic Khaganates Period (based on materials from the Gorny-10 necropolis) 216

Selin D.V. (Novosibirsk, Russian Federation),
Chindina L.A. (Tomsk, Russian Federation)
Production Technology of Kulaika Culture Ceramics from the Sarovka Hillfort Site 229

Iskanderova A.D. (Samarkand, Uzbekistan),
Bakhtybaev M.M., Murgabaev S.S. (Turkestan, Kazakhstan),
Voyakin D.A., Arynov K.S., Apendiev T.A. (Almaty, Kazakhstan)
Architectural Decoration of Necropolis Mausoleums in Sighnaq 245

List of Abbreviations..... 248

Submissions 250

Памятники эпохи первобытности Восточной Европы и Северной Азии

УДК 903.01. https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.8.28

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ НА КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЯХ ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2)[1]

© 2025 г. О.В. Лозовская, А.А. Малютина, А.М. Кульков

Мезолитическое население лесной зоны Восточной Европы достигло мастерства в технике обработки костяного сырья и изготовления из него широкого спектра инвентаря как стратегического, так и бытового характера. Нашим знаниям о разнообразии орудий и технических приемах их оформления мы обязаны торфяниковым памятникам региона, сохранившим богатый инвентарь, включающий как законченные изделия, так и многочисленные заготовки и обрезки с выразительными технологическими следами. В задачи работы входит сопоставление следов, наблюдаемых на поверхности костяных орудий, с набором производственных операций, доступных населению верхневолжского региона в конце каменного века, а также оценка возможностей их интерпретации с применением экспериментально-трасологического метода. Для анализа была выбрана многослойная стоянка Замостье 2, обладающая самой большой коллекцией костяных изделий позднемезолитического возраста в Волго-Окском междуречье. В результате анализа было выделено десять основных типов технологических следов: рубка (пробивание), обтеска, оббивка краев/ретуширование, выскабливание пазов (резцовое резание), скобление, строгание/подстругивание, пиление/резание, гравирование, сверление/разворачивание и объемное резание. С их помощью осуществлялись как стандартные операции первичной обработки кости, так и различные их комбинации в процессе оформления готовых орудий. Приемы чистовой и художественной отделки показывают некоторые культурные или хронологические тенденции. Так, роль сверления усиливается в раннем неолите, следы неясного генезиса в виде срезов с гладким дном характерны для конца мезолита. Для их интерпретации необходимы дополнительные исследования с новыми типами орудий и материалов. Различные технические приемы для формирования отверстий или боковых нарезок, возможно, отражают специфику данной индустрии.

Ключевые слова: археология, поздний мезолит, Волго-Окское междуречье, стоянка Замостье 2, костяной инвентарь, технологический анализ, следы обработки.

Введение

Эпоха мезолита и неолита стоит особняком в изучении костерезного мастерства каменного века благодаря существованию в Северной и Центральной Европе особого типа археологических памятников в мокрой среде, давшего тысячи образцов костяных артефактов с хорошей сохранностью поверхности. Особенности в способах изготовления орудий, связанные как с традиционными приемами и навыками, так и с типологическим обликом инструментов обработки из камня, раковин или зубов, выступают важным культуроопределяющим признаком наравне с типологией самих предметов. Понимание природы тех или иных наблюдаемых следов на поверхностях артефактов дает ключ не только к реконструкции конкретных движений, технологических операций и сложных приемов, принятых на том или ином поселении, но и к интерпретации всего костяного производства и инвентаря в целом.

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН FMZF-2025-0007 и проекта №125021702335-5 Центра Рентгеноструктурных исследований Научного парка СПбГУ.

Вопросы технологии обработки кости и изготовления костяных изделий не раз поднимались в научной литературе, в том числе для мезолитических памятников Волго-Окского региона. Достаточно упомянуть работы М.Г. Жилина (Жилин, 2004, с. 108–109; 2013; 2014; Skakun et al., 2011), а также некоторых зарубежных коллег (David, 1998; Treuillot, 2018). Однако, несмотря на реконструкцию многих технологических цепочек и общее понимание основных применявшихся производственных операций, никто до сих пор не представил на обсуждение конкретные следы, их разнообразие, вопросы их происхождения и часто проблемы их интерпретации (ср., Еньшин, Скочина, 2017; Maigrot, 2003; Osipowicz et al., 2020; Vitezović, 2016). Коллекция следов от обработки костяного сырья, представленная в данной работе, преследует две цели: методическую для обсуждения терминологии и систематизации характеристик разного рода следов и собственно археологическую – для уточнения репертуара технических приемов в костерезном производстве мезолитического населения Волго-Окского междуречья на примере стоянки Замостье 2. Важно подчеркнуть, что следы, связанные с использованием в работе, а также естественные, в т. ч. от механических повреждений, зубов животных, воздействия почвы и воды, в данном исследовании не обсуждаются.

Объект исследования

Археологические коллекции стоянки Замостье 2 (Волго-Окское междуречье) не первый раз используются в качестве репрезентативной выборки для проведения разного рода научных исследований. Общая численность инвентаря из твердых органических материалов животного происхождения (кость, рог лося, зубы) составляет не менее десяти тысяч изделий. Наиболее полно они характеризуют верхний слой позднего мезолита (ca. 6300–5900 cal BC), что делает его базовым для данного исследования. Для изучения выбирались предметы с наиболее показательными технологическими следами без привязки к типологическому или пространственному контексту. Дополнительно привлечены артефакты из других культурных слоев (подробнее о стоянке: Стоянка…, 2018) для иллюстрации тенденций или инноваций в технологии обработки кости. Благодаря хорошей сохранности технологические и трасологические аспекты изучения костяных изделий стоянки ранее уже привлекали внимание специалистов (напр.: Лозовская, 1997; Лозовская и др., 2022; Clemente et al., 2002; Maigrot et al., 2014), однако более или менее полный каталог следов изготовления на поверхностях артефактов будет представлен впервые. Изученные коллекции хранятся в СПГИХМЗ и ИИМК РАН.

Методы исследования

Анализ изделий из кости проводился как с использованием традиционных археологических методов наблюдения, описания и сравнения (морфологический, сравнительно-типологический методы), так и специальных методик, нацеленных на получение информации о технологиях изготовления и использования предметов (технико-типологический, трасологический и экспериментальный методы) (Лозовская и др., 2022; 2023). В ходе исследования на базе Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН использовалось следующее оборудование и программное обеспечение: стереомикроскоп МБС-10 (увеличение до ×98); металлографические микроскопы Olympus (до ×500) и Альтами МЕТ 6С (цифровой, до ×500); программное обеспечение Canon EOS Utility, Helicon Focus. Для фотофиксации макроследов применялась установка для макросъемки с возможностью микрофокусировки в сочетании с камерой Canon EOS 6D Mark II, объективами Canon Macro EF-S 60 mm 1:2.8 USM

и Canon MP-E 65mm f/2.8 1-5x Macro Photo. Интерпретации следов обработки на артефактах базировалась на сравнении с эталонной коллекцией ЭТЛ ИИМК РАН.

Для получения сравнительных данных о параметрах разового воздействия на кость как на экспериментальных, так и на археологических образцах негативов с высоким рельефом чертились микропрофили с точными замерами глубин с помощью цифрового микроскопа Keyence VHX 1000 на базе Ресурсного центра «Рентгенодифракционные методы исследования» СПбГУ.

Результаты

В ходе исследования были просмотрены все изделия верхнего позднемезолитического слоя стоянки Замостье 2 с хорошей сохранностью поверхности и различимыми следами изготовления. Поскольку основным сырьем для инвентаря служили кости лося, то стадии первичной обработки заготовок рассматриваются преимущественно на примере метаподий этого животного. Как и предполагалось, наиболее выразительные следы прослеживаются на заготовках, часто сломанных, на обрезках и других отходах производства. Но также читаются на периферийных частях готовых орудий и в виде следов переоформления или оживления рабочих лезвий. Отдельной технологической цепочкой было оформление режущих орудий из нижних челюстей бобра – самых распространенных на стоянке; как последовательная модификация основы, так и изготовление внешнего отверстия с помощью разных приемов подробно рассматривались ранее (Лозовская, Лозовский, 2015) и в настоящей работе будут упомянуты частично.

Итак, в результате наблюдения, описания и дальнейшего анализа было выделено десять основных типов технологических следов.

1. *Рубка.* Под рубкой мы понимаем нанесение ударов твердым инструментом под углом, близким к прямому, с целью пробивания верхних слоев кости. Следы от рубки наблюдаются как на обломках сырья (отчлененные эпифизы) и заготовках, так и на готовых изделиях. Форма и размеры следов зависят главным образом от силы удара, угла наклона и формы ударного острия. По имеющимся образцам на данный момент сложно описать внутренний контур отдельной фаски. В целом они представляют собой вмятины различной конфигурации с неровными краями и неровным дном (рис. 1: 1). На крупных костях следы обычно густо расположены цепочкой вдоль сломов и служат важным звеном намеренной фрагментации (рис. 1: 2–3). Иногда на краях сломов фаски различных размеров располагаются ступеньками, в глубину поперечной плоскости кости (рис. 1: 10). На небольших предметах следы выглядят как точки-вмятины, расположенные редко и хаотично.

1а. *Пробивание (отверстий).* Ударная техника является также частым способом пробивания отверстий, самостоятельно или в сочетании с другими операциями (выскабливание, подстругивание, продавливание и др.) (рис. 1: 7–9). Наиболее яркие примеры обнаруживаются на орудиях из челюстей бобра (рис. 1: 4–9); отмечены отпечатки разной формы, что косвенно указывает на ситуационное использование неспециализированных для этой цели каменных инструментов (рис. 1: 6).

2. *Обтеска (оттеска).* Данная ударная техника отличается от рубки кинематикой движения под острым углом к обрабатываемой поверхности и характеристиками формирующихся следов в виде коротких ограниченных срезов. Следы соответствуют плоским или слегка вогнутым фаскам различных размеров с приподнятыми бортами, расположенными последовательными цепочками. Форма фасок отражает контуры контактного участка лезвия под определенным углом атаки. Четкие следы с гладким

Рис. 1. Следы рубки (1–3, 10), обтески (11) и пробивания отверстий (4–9). Замостье 2. Поздний мезолит: нижний слой – 1–3, 4–5 и верхний слой – 6–11.

Fig. 1. Traces of chopping (1–3, 10), adzing (11) and punching holes (4–9). Zamostje 2. Late Mesolithic: Lower layer – 1–3, 4–5 and Upper layer – 6–11.

Рис. 2. Следы оббивки (2–11) и костяные отщепы (1). Замостье 2. Поздний мезолит: нижний слой – 5, верхний слой – 1, 3–4, 6–11. Ранний неолит – 2.

Fig. 2. Traces of flaking (2–11) and bone flakes (1). Zamostje 2. Late Mesolithic: Lower layer – 5, Upper layer – 1, 3–4, 6–11, Early Neolithic – 2.

дном являются отпечатками ровного, без зазубрин лезвия, тогда как фаски, заполненные прямыми или струящимися линиями, оставлены лезвием с неровной кромкой (ретушь обработки или ретушь утилизации). Данная техника, особо характерная для обработки рога лося, направлена на уплощение исходной поверхности. На некоторых костяных изделиях стоянки следы в виде плоских или вогнутых срезов наблюдаются на узких гранях продольно расщепленных трубчатых костей, где они формируют плоскую поверхность (рис. 1: 11).

3. *Оббивка краев/ретуширование* – стандартный прием обработки краев заготовок из крупных расколотых трубчатых костей лося, а также уплощения эпифиза в базальной части наконечников копий и острог. Следы оббивки легко читаются по близкому сходству с негативами оббивки каменных орудий, отличаясь лишь пропорциями (преобладают широкие и короткие сколы) и мелковолнистой поверхностью, повторяющей структуру кости (рис. 2: 3, 5, 10–11). Размеры отщепов, снятых со стенок длинных заготовок, в среднем достаточно стандартны: длиной 1–1,5 см и шириной до 3–4 см, имеют крупную гладкую ударную площадку и спинку с негативами предшествующих снятий (рис. 2: 1а). Краевая ретушь часто бывает многослойной, и верхний ярус превращается в забитость кромки. Следы оббивки, являющейся звеном стандартной технологической цепочки производства заготовок из трубчатых костей лося, в дальнейшем обычно нивелируются следами скобления (рис. 2: 8, 10), однако в отдельных случаях могут оставаться без модификаций и на готовых орудиях (рис. 2: 5–7). Кроме уплощения или скругления края оббивка применялась и для снятия неровностей эпифизов (сколы с торца имеют иные пропорции) (рис. 2: 1б, 4, 9) и для переоформления сломанных орудий (в т. ч. лезвий). В последнем случае ее локализация зависела от типа изделия. Прием оббивки заготовок применялся без изменений и в неолите (рис. 2: 2).

4. *Прорезание (выскабливание) пазов (резцовое резание)* – технологическое для фрагментации и функциональное для вставки кремневых вкладышей – по кинематике движения и инструментарию не различается. Существенным является только расположение на заготовке и наличие смолы внутри (особенно для артефактов из рога лося). Пазы обычно шириной 2–4 мм и глубиной до 6 мм (рис. 3: 2, 4), профиль варьирует от V-образного до трапециевидного, со скругленным или плоским дном, часто имеют боковые уступы от смены рабочего лезвия. Пазы ровные у орудий (наконечников стрел, кинжалов) (рис. 3: 1–2) и часто изогнутые или волнистые на технологических обрезках (рис. 3: 5, 8). Для вырезания заготовок также использовались двусторонние пазы (например, при изготовлении крючков, ножей из лопаток) (рис. 3: 3, 5–6, 8), для фрагментации крупных костей и переоформления орудий – односторонние (рис. 3: 7, 11–12). Почти всегда концы пазов сопровождаются «хвостиками» от движения резца по инерции, на заготовках часто наблюдаются боковые бороздки от срыва инструмента (рис. 3: 5, 8); на готовых изделиях края пазов тщательно скруглялись, а огрехи нивелировались. Резцовое резание применялось также и в необычной функции – например, для прорезания внешних отверстий в орудиях из челюстей бобра (тип D) (Лозовская, 2015, рис. 4: 13–15) и других изделиях (рис. 7: 9, 17). Встречена также разновидность паза – *полупаз* – на зубчатых остриях раннего неолита (верхневолжской культуры). Заключается в «резцовом резании» двух граней под тупым углом с целью формирования продольной ступеньки в процессе изготовления мелкозубчатого лезвия (рис. 3: 10; 5: 17–18).

5. *Скобление* – наиболее распространенный вид вторичной обработки

Рис. 3. Следы от прорезания пазов. Замостье 2. Поздний мезолит: нижний слой – 8, верхний слой – 1–3, 7, 11–12; финальный мезолит – 4, 6, 9; ранний неолит – 5, 10.

Fig. 3. Traces from cutting grooves. Zamostje 2. Late Mesolithic: Lower layer – 8, Upper layer – 1–3, 7, 11–12; Final Mesolithic – 4, 6, 9; Early Neolithic – 5, 10.

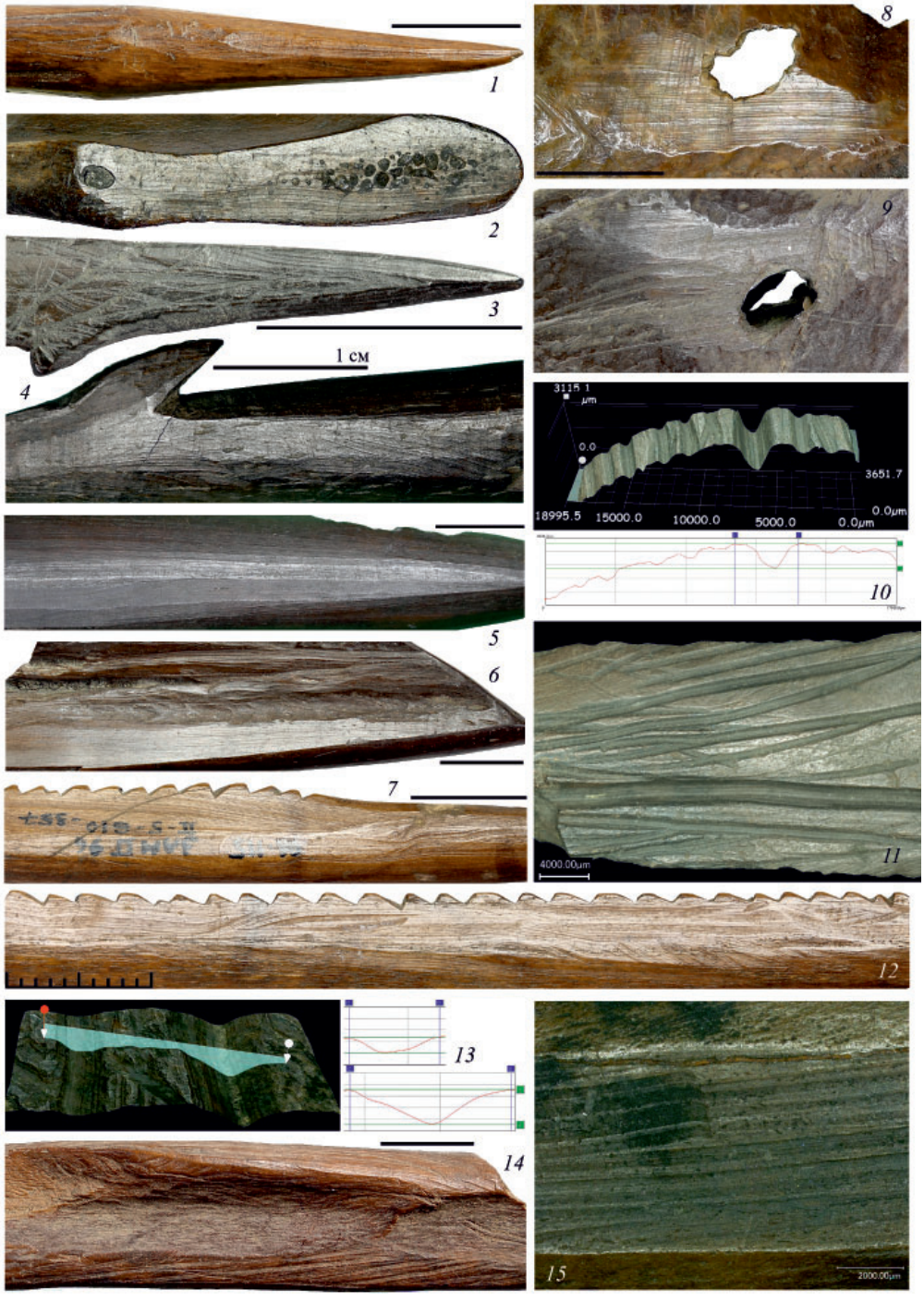

Рис. 4. Следы скобления. Замостье 2. Поздний мезолит: нижний слой – 2, 4, 8, верхний слой – 1, 3, 6, 9–11, 13–15; финальный мезолит – 7–8.

Fig. 4. Traces of scraping. Zamostje 2. Late Mesolithic: Lower layer – 2, 4, 8, Upper layer – 1, 3, 6, 9–11, 13–15; Final Mesolithic – 7–8.

поверхности кости, встречающийся как для тонкой доводки готового изделия (ровными лезвиями) (рис. 4: 2, 4–7, 12; 7: 15), так и для грубой нивелировки поверхности, в частности после оббивки краев (рис. 1: 8, 10; 4: 14). Состоит из нескольких параллельных (рис. 4: 15) или хаотично пересекающихся полос с неоднородными царапинами, которые напрямую зависят от цели обработки и обрабатывающего инструмента (в диапазоне от свежесколотого острого лезвия до зубчатого скребка). Часто это глубокие борозды, создающие нерегулярный изрезанный рельеф (рис. 4: 10–11; 7: 21–22), поперечное сечение у них часто полукруглое или подтреугольное (рис. 4: 10, 13). С учетом глубины борозд, полученных в результате часто одноразовых движений, возникает вопрос о значительном усилии, прилагаемом к рабочему инструменту, которое пока не удалось получить экспериментальным путем. Или о более податливом состоянии кости. В случае чистовой отделки следы скобления могут выглядеть как тонкие нитевидные поверхностные царапины. Скобление хорошо читается в виде свежей подправки и оживления рабочих лезвий (рис. 3: 11; 4: 3), что хорошо объяснимо с точки зрения продления времени службы костяных орудий и оптимальных рабочих характеристик. В Замостье 2 также зафиксировано использование скобления (широким лезвием) для выравнивания рельефа (рис. 4: 7–8) или нанесения орнамента, в частности зигзага и параллельных полос (Лозовская, 2020, рис. 3).

6. Строгание – срезание верхней части кости тонкими длинными стружками под острым углом атаки – достаточно сложная операция для такого твердого материала, как сухая и даже свежая кость. Для получения длинных негативов срезов требуется искусственно размягченное состояние кости в момент работы. Эксперименты с вымачиванием в природных кислых средах (забродившие растворы с крапивой или ягодами кислотностью до pH 5–4) дали очень локальный и кратковременный эффект. Опыты с распариванием оказались еще менее удачными, но уже стало очевидно, что маслообразное состояние кости исчезает вместе с остыванием предмета, что несопоставимо с временными (размачивание, нагревание) и материальными (шкура, костер) затратами на обработку. Следы от строгания отличаются от длинных полос скобления более тонкими и регулярными линейными следами и равномерным проникновением в материал; края срезов более или менее четко выражены. Кинематика движения, как и в случае с деревянными поверхностями, направлена «от себя», с резким неконтролируемым выходом. Однако в случае повышенной твердости материала (свежесваренная кость, например) строгание быстро превращается в вариант скобления «от себя». В материалах стоянки Замостье 2, несмотря на большое количество ровных длинных негативов, четко очерченных и заполненных параллельными тонкими струящимися линейными следами, однозначно утверждать об их происхождении в результате строгания нельзя. Наиболее выразительные экземпляры относятся к верхним, неолитическим (верхневолжская культура раннего и льяловская среднего неолита) слоям стоянки, в частности они присутствуют на отдельных наконечниках с ограненными насадами (рис. 5: 1–3). Для подобных следов характерны легкая поперечная волнистость в начале среза, резкий уход в бок пучка линейных следов перед его окончанием и заметное поднятие рельефа на конце среза. Похожий след приведен у Г. Осиповича для наконечников из Швянтойи (Osipowicz et al., 2020, fig. 5T).

6а. *Подстругивание* (подрезание), напротив, характеризуется более короткими и четкими негативами с выраженным концом (иногда с заломом), глубоким проникновением в матери-

Рис. 5. Следы строгания (1–5), изготовления нарезок-насечек и зубцов (6–18). Замостье 2. Поздний мезолит: нижний слой – 5, 11–12, верхний слой – 7–9, 13–14; финальный мезолит – 6, 10, 15; ранний неолит – 1, 4, 17–18; средний неолит – 3; подъемный материал – 16.

Fig. 5. Traces of planing (1–5), making cuts, incisions and barbs (6–18). Zamostje 2. Late Mesolithic: Lower layer – 5, 11–12, Upper layer – 7–9, 13–14; Final Mesolithic – 6, 10, 15; Early Neolithic – 1, 4, 17–18; Middle Neolithic – 3; unstratified – 16.

ал, часто извилистым контуром (от нажима); действие может быть в направлении как от себя, так и к себе. Оно часто используется для получения выпуклого или вогнутого рельефа, в раннем и среднем неолите особо востребованного при оформлении фигурных наконечников стрел (рис. 5: 4). Применялось также для вырезания крупных одиночных (рис. 5: 5) и серийных (рис. 5: 16, 18) зубцов. Движения подстругивания также входили в состав одной из техник изготовления нарезок (рельефные однонаправленные или встречные срезы) (рис. 5: 7, 14–15). В любом случае для глубокого проникновения в кость было необходимо острое и ровное (неретушированное, неповрежденное) лезвие.

7. *Пиление. Нарезки-насечки.* Пиление как операция, определяемая как возвратно-поступательные движения поставленного под прямым углом острого или зазубренного лезвия, в целом не характерна для позднемезолитического населения региона. В Замостье 2 отдельные следы пиления в виде коротких и неглубоких желобков с округлым, часто гладким дном (рис. 5: 6) – помимо серии подвесок из зубов, которые в данной статье не рассматриваются, – отмечены на ребрах или краях костяных орудий в качестве боковых насечек (рис. 5: 9) и/или в составе разнообразных техник по изготовлению нарезок (рис. 5: 8, 10–13). В большинстве случаев они невыразительны, часто выглядят как простые надрезы или частично скрыты последующими срезами. Во всех случаях они относятся к декорированию предметов и не несут формообразующую функцию.

Техники нарезок-насечек состоят из различных и разнонаправленных движений, включающих как поперечное резание-пиление, так и подрезание под разными углами, выбор которых выглядит ситуативным – в зависимости от рельефа предмета, имеющегося в руках инструмента и цели. Чаще всего нарезками декорировались наконечники метательного оружия, заколки, предметы искусства. В отдельных случаях нельзя исключать и утилитарную функцию, в частности намеренное создание неровного края. Частным примером нарезок является технология мелкозубчатых лезвий наконечников в раннем неолите (рис. 5: 17).

8. *Гравировки* (прорезанные одиночные линии) представляют собой самый простой способ нанесения видимого на поверхности кости изображения и поэтому широко использовались в орнаментации (рис. 6). Выполнялись различными острыми лезвиями естественного и искусственного происхождения (острия, проколки, зубцы и жальца, углы сломов и т. д.) с разной кинематикой. В отличие от борозд скобления все линии гравировки являются одиночными, а их форма (прямые, изогнутые линии) зависят от целей мастера. В зависимости от угла атаки, степени нажима и контуров рабочего лезвия варьировали профиль и глубина гравированных линий. В отдельных случаях широкие негативы с плоским дном напоминают следы резцового резания (рис. 6: 2, 5, 7, 14). Кроме орнаментальных изображений к гравированным линиям относятся простые царапины, обычно хаотичные, ошибочные борозды при прорезании пазов и других операций, линии разметки (рис. 6: 6), повреждения и т. д. Четкая граница между ними не всегда с уверенностью может быть прослежена. В Замостье 2 зафиксированы гравированные линии с самыми разными метрическими характеристиками, даже на одном и том же изделии, что указывает на осознанный выбор тех или иных параметров для выражения определенных смысловых акцентов.

9. *Сверление и разворачивание* не имело сильного распространения у мезолитического населения стоянки Замостье 2. Оно встречается на некоторых наконечниках острог (рис. 7: 21–26, 29), крючках (рис. 7: 1–7, 11–12), на орудиях из челюстей бобра

Рис. 6. Гравированные линии. Замостье 2. Поздний мезолит: нижний слой – 7, верхний слой – 1–5, 9, 14–15; финальный мезолит – 6, 10–13, 16; смешанные слои – 8.

Fig. 6. Engraved lines. Zamostje 2. Late Mesolithic: Lower layer – 7, Upper layer – 1–5, 9, 14–15; Final Mesolithic – 6, 10–13, 16; mixed layer – 8.

Рис. 7. Следы сверления (1–7, 11–13,15, 18, 21–26, 29) и прорезания-проскабливания отверстий (8–10, 14, 16–17, 19–20, 27–29). Замостье 2. Поздний мезолит: нижний слой – 18, 25–28, верхний слой – 1–8, 10–12, 14, 22–24, 29; финальный мезолит – 9, 15; ранний неолит – 13, 16; подъемный материал – 17, 19–20.

Fig. 7. Traces of drilling (1–7, 11–13,15, 18, 21–26, 29) and cutting-craping holes (8–10, 14, 16–17, 19–20, 27–29). Zamostje 2. Late Mesolithic: Lower layer – 18, 25–28, Upper layer – 1–8, 10–12, 14, 22–24, 29; Final Mesolithic – 9, 15; Early Neolithic – 13, 16; unstratified – 17, 19–20.

(всего у 3,4% наружных отверстий), разбильниках (рис. 7: 18) и на ряде орудий индивидуальных очертаний, часто декорированных, наравне с аналогичными изделиями с прорезанными или выскобленными отверстиями (рис. 7: 8–10, 14, 19–20, 27–29). В качестве технологического приема сверление начинает широко применяться в раннем неолите при производстве серийных крючков (рис. 7: 13). Используется как двустороннее, так и одностороннее сверление-разворачивание. В ряде случаев следы указывают на применение лучкового сверления.

10. *Объемное резание* по кости не столь характерно, как для рога (Лозовская, 2020, с. 38, 43). Оно ограничивается отдельными мотивами орнамента, такими как вырезание «точек» и других декоративных элементов (рис. 8: 6–8). Вырезание точек представляет собой действие острым орудием с комбинированной кинематикой, включающей подрезание, погружение в материал и разворот. Режущие движения острым лезвием, применявшиеся для выделения короткого прижатого к телу зубца на крючке финального мезолита (рис. 8: 5) и других частных задач (рис. 8: 1, 3–4), также представляют собой достаточно редкий прием.

11. Помимо перечисленных технологических следов были выявлены *следы неясного генезиса*, которые с учетом имеющегося на данный момент опыта, мы не можем интерпретировать. Некоторые из них представлены небольшими сериями, другие – единичными выразительными экземплярами.

11.1 – широкие короткие срезы-углубления с ровным гладким дном; один или оба края ровные; общая форма удлиненно-овальная. Встречены в качестве элементов орнамента на ножах из ребер лося в слоях позднего и финального мезолита (рис. 8: 11, 13–14, 17–21).

11.2 – орудие из челюсти бобра покрыто плотными группами параллельных следов с поперечной волнистостью и слабой продольной линейностью, на некоторых негативах дно ровное. Следы (срезы) равномерно широкие на всем протяжении и слабо изогнуты в плане (рис. 8: 12).

11.3 – подтреугольные глубокие и узкие следы, похожие на вдавления острым предметом; линейные следы или другие признаки кинематики не прослеживаются. Встречены на ноже из ребра лося (рис. 8: 9).

Наконец, следы от намеренной *шлифовки* и *полировки* костяных изделий (в отличие от роговых тесел и топоров) пока идентифицированы не были. Все наблюдавшиеся нами участки гладкой и заполированной поверхности обязаны были своим происхождением использованию орудий (износ или затертость от рук). Вогнутый участок со следами шлифовки на одном орудии из челюсти бобра является исключением, однако намеренность и назначение этой обработки не очевидны.

Обсуждение

Следы, выявленные на костяных изделиях стоянки Замостье 2, отличаются большим разнообразием, что вполне объяснимо количеством задач, стоявших перед мастерами-костерезами в процессе создания инвентаря, отвечавшего многоплановым потребностям местного охотничье-рыболовного населения. Навыки по рубке и обтеске костяного сырья, приемы продольного членения костей или вырезания заготовок с помощью резцового резания (технологических пазов), оббивка краев (грубое ретуширование) составляли различные технологические цепочки первичной обработки в зависимости от анатомических особенностей кости и производственных целей. Осуществление этих приемов обеспечивалось каменными шлифованными теслами – использование в этой функции подкреплено трасологическими данными (Лозовская, 2009, рис. 1: 1, 3, 11, 15; Лозовская и др., 2023, рис. 7), а также, по всей ви-

Рис. 8. Следы объемного резания (1–8) и неясного генезиса (9–21). Замостье 2. Поздний мезолит: верхний слой – 1–4, 6–7, 9–16; финальный мезолит – 5, 8, 17–21.

Fig. 8. Traces of relief carving (1–8) and unknown origin (9–21). Zamostje 2. Late Mesolithic: Upper layer – 1–4, 6–7, 9–16; Final Mesolithic – 5, 8, 17–21.

димости, и другими типами каменных орудий с острым концом. Следы, описанные М.Г. Жилиным как результат работы шлифованным топором – «дно желоба обычно плоское, края ровные, желоб очень мелкий, но широкий» (Жилин, 2001, с. 43), на костях Замостье 2 пока не отмечены. Оббивка производилась каменными отбойниками, выявить которые и обосновать их использование по кости не является простой задачей. Использование роговых отбойников или деревянных теоретически также вероятно, но артефактов с подобной установленной функцией пока не найдено.

Резцовое резание, напротив, было обеспечено целой серией кремневых орудий различного типологического облика. Несмотря на почти полное отсутствие в кремневой индустрии стоянки – как в мезолитических, так и в неолитических слоях – типологических резцов, функцию прорезания-проскабливания желобков и пазов, как показали выборочные функциональные исследования последних лет, могли исполнять как комбинированные скребки с выделенным жальцем, так и углы сломов самого разного типа заготовок (Лозовская и др., 2023). В то же время не стоит забывать, что часть гравированных линий могла выполняться с той же кинематикой и с теми же параметрами режуще-скоблящего острия.

Скобление, как наиболее универсальная операция – от придания грубой формы до финальной отделки, присутствует в том или ином виде на всех готовых изделиях. Метрические характеристики следов скобления различаются настолько, что многие образцы могут быть ошибочно приняты за срезы от строгания или борозды от прорезания (резцовое резание). К вопросу о глубине проникновения в кость, которую мы наблюдаем как на некоторых негативах скобления, так и на отдельных гравированных линиях, ставит вопрос о состоянии кости или о величине применяемого усилия. Сравнение с экспериментальными эталонами (напр., Лозовская и др., 2022) и анализ профилей убедительно показывают разницу результатов. Именно глубокие борозды скобления использовались обитателями стоянки для существенного изменения рельефа изделия. Скребки из кремня в значительной мере служили орудиями для обработки кости, и эта функция, по всей видимости, активно влияла на форму и вторичную обработку простых и комбинированных скребковидных орудий (Лозовская и др., 2023). Кроме кремневых лезвий нельзя забывать и о возможном использовании орудий из других материалов, в частности бокового лезвия резца бобра в составе широко распространенных орудий из челюстей бобра. И. Клементе Конте в 2011 году писал об их возможном применении для выглаживания поверхности не только на дереве, но и на роге и других твердых материалах (Clemente Conte, Lozovska, 2011).

Формирование отверстий разными техническими средствами, возможно, является одной из характерных черт костяной индустрии стоянки. При том что технологией двустороннего сверления и/или разворачивания население стоянки владело начиная с нижнего мезолитического слоя, более ощутимую роль она стала играть только с эпохи раннего неолита. Помимо сверления, широкое распространение имели прорезание, пробивание отверстий с ретушированием или крутым подстругиванием контура, проскабливание: они встречались не только в одном контексте (на одном типе орудий), но и на одном и том же предмете (рис. 7: 29). Сверла по кости (рогу) выделяются не только функционально-трасологически (Лозовская, Лозовский, 2003), но и – из-за сильного износа, видимого невооруженным глазом, – морфологически.

Функция нарезок и насечек в костяной индустрии не ясна. Чисто декоративная или практическая (например, усиление эффекта от ранения зверя),

с учетом того, что оружие украшалось намного чаще. Соответственно, и техника формирования нарезок-насечек не являлась устоявшейся. Использовались элементы подрезания, в том числе встречного, подстругивания, надпиливания и т. д. Развитием этой техники (подрезания) можно считать технологию оформления мелкозубчатого лезвия острий раннего неолита.

Следы неясного генезиса представляют наибольший интерес. Срезы с гладким дном, предположительно, могли быть вырезаны рабочей кромкой из зубной эмали – эксперименты с таким типом инструментов еще не проводились. Например, это могут быть зубы хищников с естественно острым концом, но подобные орудия в коллекции идентифицированы пока не были. Скорее всего, речь может идти об использовании резцов бобра для обработки поверхности кости, но этот вопрос пока остается открытым из-за разнообразия форм сохранившихся рабочих кромок этих орудий (Лозовская, Лозовский, 2015). Следы от работы резцом были ранее идентифицированы на некоторых деревянных изделиях стоянок Замостье 2 и Веретье 1 (Lozovskaya, Lozovski, 2013), а также предположены для вырезания отверстий в роговых навершиях в виде головы лося (Лозовская, Лозовский, 2015, рис. 10). Однако все эти следы имели сходство со срезами, полученными немодифицированным лезвием резца. Характеристики следов от подработанного рабочего края еще не определены.

Следы на челюсти бобра (рис. 8: 12) как раз близки срезам, полученным целым резцом по деревянной поверхности, как экспериментальным, так и в живой природе (Лозовская, Лозовский, 2015, рис. 9). К тому же типу следов могут относиться и негативы на ноже из ребра лося (рис. 8: 10). Однако для большей уверенности необходима экспериментальная проверка.

Наконец, несколько слов о шлифовке, очевидные следы которой в коллекции стоянки пока не обнаружены. Среди многочисленных шлифовальный камней, найденных во всех слоях стоянки, есть экземпляры со следами, интерпретированными как следы от шлифовки кости (Лозовская, Лозовский, 2003; Лозовская и др., 2023), в том числе стержневидной формы (наконечников?). Для ответа на вопрос, указывают ли эти следы именно на кость, а не на рог (роговые топоры, несомненно, шлифовались), нужны дальнейшие исследования.

Таким образом, репертуар рабочих операций и технических приемов в производстве костяных орудий в Замостье 2 был весьма обширен. Если технологические цепочки первичной обработки костей и получения из них заготовок были достаточно устойчивы во времени и лишь в деталях могли варьировать (например, отбивание эпифиза или его уплощение оббивкой), то вторичная обработка и формирование готового изделия происходили с использованием всего арсенала приемов. Приемы чистовой и художественной отделки показывают некоторые тенденции культурного или хронологического плана. Так, роль сверления заметно усиливается в раннем неолите (крючки, челюсти бобра, остроги и др.). Следы, которые ближе всего к строганию, отмечены также на наконечниках раннего и среднего неолита. Следы неясного генезиса в виде срезов с гладким дном характерны в основном для слоя финального мезолита. В выявлении других закономерностей потребуется более детальная статистика. Важно, что общее направление подобных исследований выглядит весьма перспективным.

Заключение

На материалах торфяниковой стоянки Замостье 2 удалось выделить технологические следы на поверхности костяных артефактов от десяти основных типов производственных операций, которые характеризуют навыки костеобработки охотников-со-

бирателей позднего мезолита в Волго-Окском междуречье. Эти следы – от рубки, обтески, оббивки, резцового резания (прорезания пазов), скобления, строгания, гравировки, сверления, пиления и объемного резания – не являются однородными внутри каждой рабочей операции, а значительно варьируют в зависимости от локализации на предмете, конкретной задачи и используемого инструмента. Наибольшая стабильность наблюдается в основных звеньях первичной обработки костяного сырья (рубка, оббивка, технологические пазы), в то время как приемы вторичной обработки, оформления изделий и их декорирования не только разнообразнее по форме и характеристикам конкретных следов, но и по количеству приемов и техник, комбинирующих разные операции и кинематики (например, нарезки-насечки, объемное резание, формирование отверстий и т. д.). Последнее, как кажется, имеет большой потенциал для выявления локальных различий и хронологических тенденций.

Анализ экспериментальных образцов позволил интерпретировать большую часть следов, выявленных на археологических артефактах, а имеющиеся данные по функциям каменных и кремневых изделий – связать с определенными типами рабочих инструментов. В то же время удалось выделить несколько типов следов обработки, которые не имеют однозначного объяснения их происхождения, в частности короткие четкие срезы с ровным дном. Таким образом, мы обладаем неполным списком приемов и рабочих инструментов, которым владели мастера-костерезы в конце каменного века. Задачей будущих исследований будет заполнить недостающие звенья и пополнить трасологическую базу новыми комплексами следов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еньшин Д.Н., Скочина С.Н.* Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергень 6 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 15–29.
2. *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
3. *Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004.144 с.
4. *Жилин М.Г.* Традиции и инновации в развитии костяной индустрии бутовской культуры // Stratum plus. 2013. № 1. С. 315–344.
5. *Жилин М.Г.* Преемственность и трансформации в развитии костяной индустрии бутовской культуры. М.: ИА РАН, 2014. 300 с.
6. *Лозовская О.В.* О функциональном назначении орудий 45° из мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края / Ред. Т.Н. Манушина и др. Сергиев Посад: СПГИХМЗ, 1997. С. 74–85.
7. *Лозовская О.В.* Деревянные рукояти топоров и тесел стоянки Замостье 2, археологический контекст (по материалам коллекций СПГИХМЗ) // Древности земли Радонежской. К 25-летию археологической экспедиции музея. Тезисы докладов / Отв. ред. В.И. Вишневский. Сергиев Посад, 2009. С. 13–19.
8. *Лозовская О.В.* Мотив зигзага в костяном инвентаре стоянки Замостье 2 (поздний мезолит – ранний неолит): техники и контекст // КСИА. 2020. № 261. С. 33–49.
9. *Лозовская О.В., Лозовский В.М.* Типология и функция каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит – ранний неолит Русской равнины) // Археологические вести. Вып. 10 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 31–46.
10. *Лозовская О.В., Лозовский В.М.* Универсальные орудия из челюстей бобра на поселении Замостье 2: технология изготовления и использование // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб: ИИМК РАН, 2015. С. 163–180.
11. Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене // Сост. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский. СПб: ИИМК РАН, 2018. 214 с.

12. Лозовская О.В., Малютина А.А., Фёдорова Д.Н. Новые данные о способах обработки кости в позднем мезолите Русской равнины (по материалам торфяниковой стоянки Замостье 2): методические аспекты экспериментально-трасологического анализа // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 21–34.

13. Лозовская О.В., Фёдорова Д.Н., Малютина А.А., Такташева С.Д. Типологический анализ и оценка костеобрабатывающего каменного инвентаря позднемезолитического слоя стоянки Замостье 2 // Поволжская археология. 2023. № 3 (45). С. 171–190.

14. Clemente I., Gyria E.Y., Lozovska O.V., Lozovski V.M. Análisis de instrumentos en costilla de alce, mandíbulas de castor y caparazón de tortuga de Zamostje 2 (Rusia) // Análisis Funcional. Su aplicación al estudio de sociedades prehistóricas. BAR International Serie 1073. 2002. P. 187–196.

15. Clemente Conte I., Lozovska O.V. Los incisivos de castor utilizados como instrumentos de trabajo. Rastros de uso experimentales para una aplicación arqueológica: el caso de Zamostje 2 (Rusia) / Morgado, A. Baena, J. García, D. (eds.) La investigación experimental aplicada a la arqueología. Málaga: Universidad de Granada, Universidad Autónoma de Madrid, Asociación Experimenta, 2011. P. 227–234.

16. David É. Etude technologique de l'industrie en matière dures animales du site mésolithique de Zamostje 2 – fouille 1991 (Russie) // Archéo-Situla. 1998 (1996). 26. P. 5–62.

17. Maigrot Y. Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, la station 4 de Chalain (Néolithique final, Jura, France): PhD thesis / University of Paris I. Paris, 2003. 284 p.

18. Maigrot Y., Clemente Conte I., Gyria E., Lozovskaya O., Lozovski V. All the Same, All Different! Mesolithic and Neolithic «45° Bevelled Bone Tools» from Zamostje 2 (Moscow, Russia) // International Conference on Use-Wear Analysis. Use-Wear 2012. Eds. J. Marreiros, N. Bicho, J. Gibaja Bao. Cambridge Scholars Publishing. 2014. P. 521–530.

19. Osipowicz G., Orłowska J., Piličiauskas G., Piličiauskienė G., Bosiak M. Osseous points and harpoon heads from Šventoji Subneolithic sites, coastal Lithuania. First traceological insight into the way they were produced and used // Lietuvos archeologija. 2020. 46. P. 147–169.

20. Skakun N., Zhilin M., Terekhina V. Technology of the processing of bone and antler at Ivanovskoje 7 Mesolithic site, Central Russia // Rivista di Scienze Preistoriche. LXI. 2011. P. 39–58.

21. Treuillot J. L'apport de l'expérimentation à l'étude des techniques de fracture. Le cas de la bipartition des métapodes au Mésolithique à Zamostje 2 (région de Moscou, Russie) // «À coup d'éclats!» La fracturation des matières osseuses en Préhistoire / Christensen M., Goutas N. (Eds.) Paris: Société préhistorique française. 2018. P. 261–282.

22. Vitezović S. Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija / Srpsko arheološko društvo. Beograd: Serbian Archaeological Society. 2016. 144 p.

Информация об авторах:

Лозовская Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая лабораторией. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); olozamostje@gmail.com

Малютина Анна Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); kostylanya@yandex.ru

Кульков Александр Михайлович, инженер, Ресурсный центр Рентгенодифракционные методы исследования. Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); a.kulkov@spbu.ru

TECHNOLOGICAL TRACES ON BONE ARTEFACTS FROM THE LATE MESOLITHIC FOREST ZONE: AN ATTEMPT AT GENERALIZATION AND INTERPRETATION (CASE STUDY OF THE SITE ZAMOSTJE 2)

O. Lozovskaya, A. Malyutina, A. Kulkov

The Mesolithic population inhabiting the Eastern European Forest zone demonstrated remarkable skill in processing bone raw materials and crafting a diverse array of implements

Program of FSR SAS no FMZF-2025-0007 and Project no 125021702335-5 of the Center for X-Ray Diffraction Research of the Science Park of St. Petersburg State University

for both strategic and domestic purposes. Our knowledge these tools and their production methods stems largely from wetland sites in the region, which have preserved an extensive collection of artefacts – including finished products, blanks, and cuttings bearing clear technological traces. The objectives of the work include to compare traces observed on the surface of bone tools with a set of production operations available to the population of the Upper Volga region at the end of the Stone Age, as well as to evaluate their interpretation through experimental and traceological analysis. For analysis, we have chosen the multilayer site Zamostje 2, which boasts the largest collection of Late Mesolithic bone artefacts in the Volga-Oka interfluve. The result is the revealing of ten main types of technological traces: chopping (punching), adzing, retouching, making grooves (scraping by burin), scraping, whittling, sawing/cutting, engraving, drilling/perforating and deep cutting. These techniques were used not only for standard preliminary bone processing but also for finishing tools through various combinations. Techniques of fine and artistic finishing show some cultural or chronological trends. For instance, drilling became more prevalent in the Early Neolithic, while Final Mesolithic artefacts feature distinctive cuts with smooth bottoms of unknown origin – requiring further research with new tool types and materials for interpretation. Different techniques for making holes or side cuts may reflect the specificity of this industry..

Keywords: archaeology, Late Mesolithic, Volga-Oka region, site Zamostje 2, bone items, technological analysis, processing traces.

REFERENCES

1. En'shin, D. N., Skochina, S. N. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 37 (2), 15–29 (in Russian).
2. Zhilin, M. G. 2001. *Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy (Bone Industry of the Mesolithic in the Forest Area of Eastern Europe).* Moscow: Editorial URSS Publ. (in Russian).
3. Zhilin, M. G. 2004. *Prirodnaya sreda i khozyaystvo mezoliticheskogo naseleniya tsentra i severo-zapada lesnoy zony Vostochnoy Evropy (Natural milieu and economy of the Mesolithic inhabitants of the centre and the north-east of the Eastern Europe*). Moscow: "Academia" Publ. (in Russian).
4. Zhilin, M. G. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (1), 315–344 (in Russian).
5. Zhilin, M. G. 2014. *Preemstvennost' i transformatsii v razvitii kostyanoy industrii butovskoy kul'tury (Continuity and Transformations in the Development of the Bone Industry of Butovo culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. (in Russian).
6. Lozovskaya, O. M. 1997. In Manushina, T. N. et al (eds.). *Drevnosti Zalesskogo kraya (Ancientries of the Zalesie Land).* Sergiev Posad: "SPSHAMP (Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve)", 74–85 (in Russian).
7. Lozovskaya, O. M. 2009. In Vishnevsky, V. I. (ed.). *(Drevnosti zemli Radonezhskoy. K 25-letiyu arkheologicheskoy ekspeditsii muzeya. Tezisy dokladov) Antiquities of the Radonezh land. Dedicated to the 25th anniversary of the museum's archaeological expedition. Abstracts of papers*. Sergiev Posad, 13–19 (in Russian).
8. Lozovskaya, O. V. 2020. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 261, 33–49 (in Russian).
9. Lozovskaya, O. V., Lozovski, V. M. 2003. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 10. Saint Petersburg "Dmitrii Bulanin" Publ., 31–46 (in Russian).
10. Lozovskaya, O. V. Lozovskiy, V. M. 2015. In Lozovskaya, O. V., Lozovskiy, V. M., Giria, E. Yu. *Sledy v istorii. K 75-letiyu Vyacheslava Evgen'evicha Shhelinskogo (Traces in History. The 75th Anniversary of Vyacheslav Evgenievich Schelinsky).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 163–180 (in Russian).
11. In Lozovskaya, O. V., Lozovski, V. M. (comp.). 2018. *Stoyanka Zamostje 2 i razvitie prirodnoy sredy Volgo-Okskogo mezhdurech'ya v golotsene (Site Zamostje 2 and landscape evolution in the Volga-Oka region during the Holocene)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS (in Russian).
12. Lozovskaya, O. V., Malyutina, A. A., Fedorova, D. N. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 21–34 (in Russian).
13. Lozovskaya, O. V., Fedorova, D. N., Malyutina, A. A., Taktasheva, S. D. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 45 (3), 171–190 (in Russian).
14. Clemente, I., Gyria, E. Y., Lozovska, O. V., Lozovski, V. M. 2002. In *Análisis Funcional. Su aplicación al estudio de sociedades prehistóricas.* BAR International Serie 1073. P. 187–196.
15. Clemente Conte I., Lozovska, O. V. 2011. In Morgado, A. Baena, J. García, D. (eds.) *La investigación experimental aplicada a la arqueología*. Málaga: Universidad de Granada, Universidad Autónoma de Madrid, Asociación Experimenta. 227–234 (in Spanish).
16. David, É. 1998 (1996). In *Archéo-Situla* 26, 5–62 (in French).

17. Maigrot, Y. 2003. *Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, la station 4 de Chalain (Néolithique final, Jura, France)*: PhD thesis. University of Paris I. Paris (in French).
18. Maigrot, Y., Clemente Conte I., Gyria E., Lozovskaya, O., Lozovski, V. 2014. In Marreiros, J., Bicho, N., Gibaja Bao, J. (eds.). *International Conference on Use-Wear Analysis. Use-Wear 2012.* Cambridge Scholars Publishing, 521–530.
19. Osipowicz, G., Orłowska, J., Piličiauskas, G., Piličiauskienė, G., Bosiak, M. 2020. In *Lietuvos archeologija*, 46, 147–169.
20. Skakun, N., Zhilin, M., Terekhina, V. 2011. In *Rivista di Scienze Preistoriche*. LXI, 39–58.
21. Treuillot, J. 2018. In Christensen M., Goutas N. (Eds.) *«À coup d'éclats!» La fracturation des matières osseuses en Préhistoire*. Paris: Société préhistorique française, 261–282 (in French).
22. Vitezović, S. 2016. *Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija.* Srpsko arheološko društvo. Beograd: Serbian Archaeological Society.

About the Authors:

Lozovskaya Olga. PhD. Head of Laboratory. Institute for the History of Material Culture RAS, Dvortsovaya naberezhnaya 18, Saint Petersburg, 191186, Russia, olozamostje@gmail.com

Malyutina Anna. PhD. Institute for the History of Material Culture RAS, Dvortsovaya naberezhnaya 18, Saint Petersburg, 191186, Russia, kostylanya@yandex.ru

Kulkov Alexander. Saint Petersburg State University. Research park, Decabristov lane 16, Saint Petersburg, 199155, Russia, a.kulkov@spbu.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/903
ББК 63.4
https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.29.48

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СТОЯНКИ ЧЕРНОВКА I В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ[1]

© 2025 г. К.М. Андреев, О.В. Андреева, М.А. Бурыгин, А.И. Королёв, И.М. Сосновцева, Е.В. Пархомчук, О.П. Бачура

В статье представлены итоги исследования стоянки Черновка I (Сергиевский район, Самарская область). Описывается топография памятника и излагается история его изучения. Приводятся сведения о стратиграфии и планиграфическом распределении материала на вскрытой площади. Представляется характеристика керамического комплекса и технологии изготовления посуды. Дается развернутое описание каменного инвентаря и основных категорий орудий. Характеризуются выявленные объекты и погребения, изученные в пределах раскопа. Материалы памятника допустимо разделить на несколько культурно-хронологических групп, которые маркируют кратковременные этапы антропогенной активности на нем. Наиболее ранний связан с мезолитическим периодом и приходится на начало второй четверти VIII тыс. до н. э. Большая часть морфологически выраженных орудий, в первую очередь асимметричная трапеция, находит прямые аналогии в комплексах янгельской культуры Южного Зауралья. Следующий эпизод посещения площади стоянки относится к концу второй четверти VI тыс. до н. э.: на ней зафиксирована хозяйственная активность неолитической группы. Столь же кратковременным было пребывание на памятнике носителей хвалынской культуры раннего энеолита. Еще одна достаточно выразительная группа артефактов может быть связана с поздним энеолитом (керамика типа Чекалино). Наконец, эпизодически памятник посещался в позднем бронзовом веке и позднем Средневековье, с последним этапом связаны два погребения.

Ключевые слова: археология, Самарская область, стоянка Черновка I, мезолит, неолит, энеолит, поздний бронзовый век, позднее средневековье, средневолжская культура, керамика типа Чекалино, хвалынская культура, срубная культура, археологическая керамика, кремневая индустрия, радиоуглеродное датирование, гончарная технология, историко-культурный подход. .

Введение

Стоянка Черновка I открыта в 2021 году К.М. Андреевым, К.И. Бородулиным и М.А. Бурыгиным при разведочном обследовании участка левобережной поймы реки Сок (левый приток реки Волги) в окрестностях села Черновка Сергиевского района Самарской области (Бурыгин, 2022). Памятник располагается на краю мысовидного останца (рис. 1: 1–3). В целях определения мощности литологических напластований был заложен шурф 2×2 м, выявивший культурные слои двух эпох – позднего бронзового века и мезолита, еще три шурфа 2×1 м маркировали его границы. Составлен инструментальный план места расположения памятника и получены первые представления о его стратиграфии. В 2022–2023 годах экспедицией СГСПУ под руководством К.М. Андреева, О.В. Андреевой, М.А. Бурыгина и А.И. Королёва были проведены научно-исследовательские раскопки на площади 192 кв. м, при которых осуществлялось просеивание всего извлеченного грунта (сита с размером ячеи 0,5×0,5 см) и фиксация артефактов в трехмерной системе координат. Общая коллекции находок составляет 798 единиц. Из них 154 – фрагменты керамики от примерно 24 сосудов, 522 изделия из кремня, 8 отщепов из

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

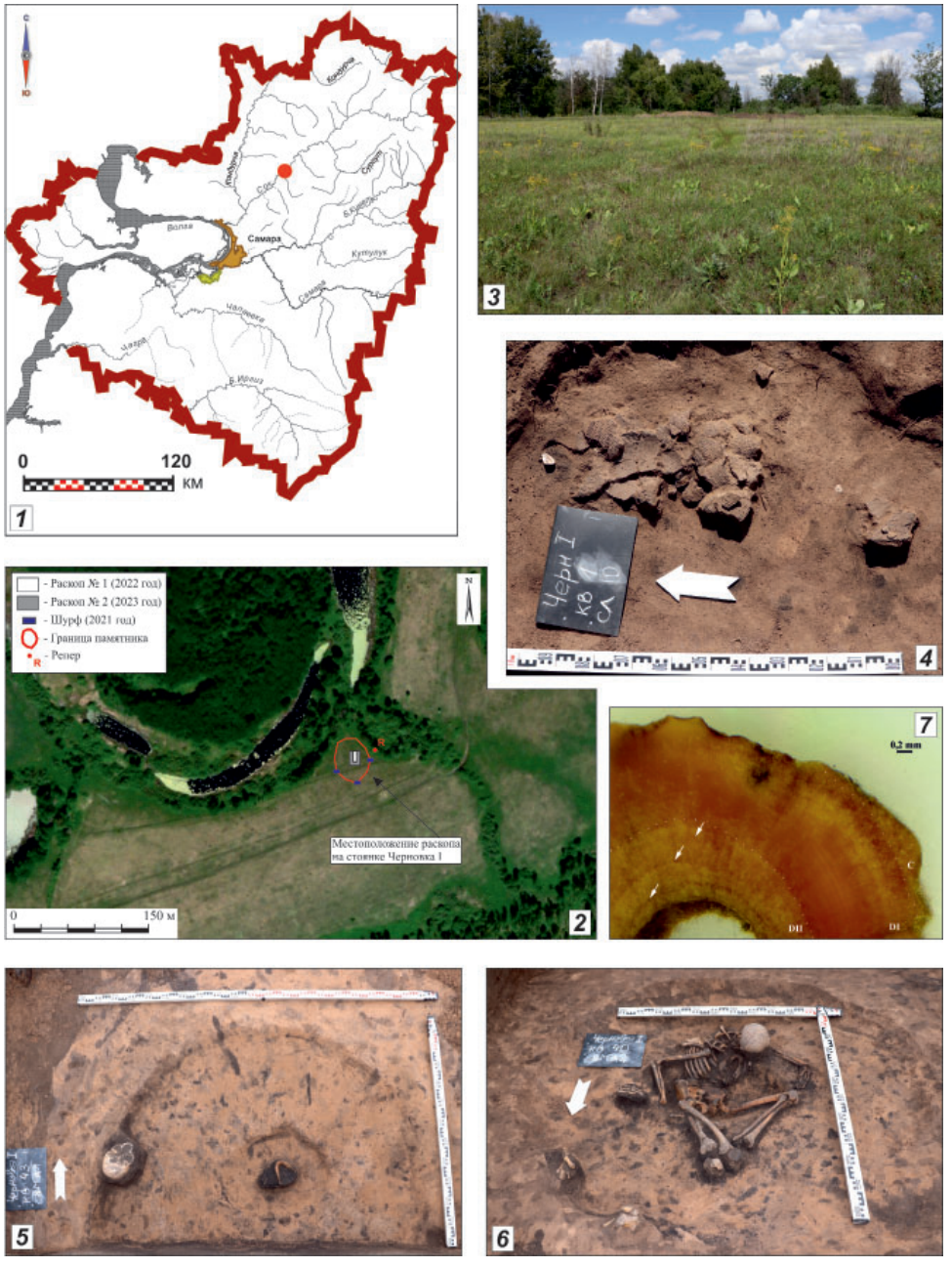

Рис. 1. Стоянка Черновка I. 1 – местоположение на карте Самарской области; 2 – спутниковый снимок; 3 – вид с юга; 4 – развал сосуда типа Чекалино; 5 – фотография погребения № 1; 6 – фотография погребения № 2; 7 – микрофотография ростовых слоев в дентине коренного зуба лося (стрелками обозначены зоны замедления роста (зимние слои), между ними ростовые слои. С – цемент, DI – первичный дентин, DII – вторичный дентин).

Fig. 1. Chernovka I campsite. 1 – location on the map of the Samara region; 2 – satellite image; 3 – view of the south; 4 – the Chekalino-type vessel fragments; 5 – photo of burial № 1; 6 – photo of burial № 2; 7 – microphotograph of growth layers in the dentine of the molar tooth of an elk (arrows indicate zones of slowed growth (winter layers), with growth layers between them. C – cement, DI – primary dentin, DII – secondary dentin).

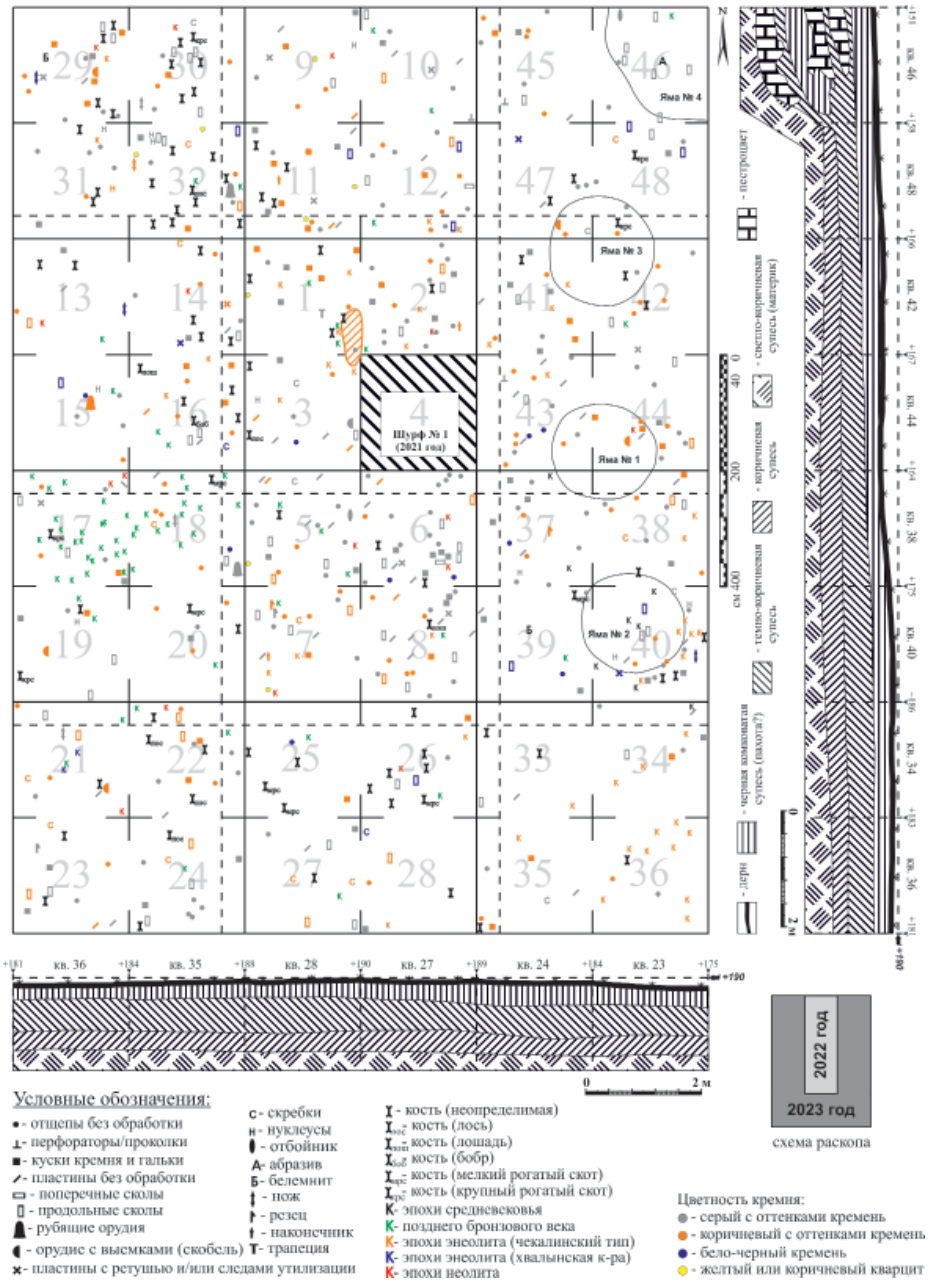

Рис. 2. Стоянка Черновка I. Планиграфическое расположение находок и стратиграфия.

Fig. 2. Chernovka I site. The planographic location of the finds and the stratigraphy of the site.

кварцита, 3 гальки, 2 ростра белемнитов, 1 абразив из песчаника, 1 железное шило и 173 фрагмента костей.

Стратиграфия и планиграфия памятника

В основании стратиграфической колонки залегает материковая светло-коричневая супесь с многочисленными свежими и древними норами землеройных животных, чья активная деятельность на площади археологического объекта привела к «смазанности» его стратиграфии и перемещению находок между слоя-

ми. Над материком представлен слой коричневой супеси мощностью от 18 до 42 см, контакт данного литологического горизонта с материком нечеткий и фиксируется благодаря некоторым различиям в их структуре и плотности. Выше располагается слой темно-коричневой супеси, светлеющей при высыхании, более плотный, чем предыдущий, мощностью от 25 до 69 см. Данный литологический горизонт фиксируется нечетко, местами сливаясь с ниже- или вышележащим, отмечается более темная окраска его кровли. Над слоем темно-коричневой супеси представлен литологический горизонт черной комковатой супеси, средне насыщенной корнями растений и карбонатными включениями, мощностью от 16 до 42 см. Выше располагается дерн, который имеет среднюю мощность 7–10 см (рис. 2).

При изучении стоянки сделаны важные стратиграфические наблюдения. Кремень мезолитического облика фиксировался преимущественно в слое коричневой супеси. Фрагменты керамики позднего бронзового века и основное количество костей животных были выявлены на контакте черной комковатой и темно-коричневой супеси в основном в 7–9 пластах. На слой темно-коричневой супеси приходится концентрация артефактов эпохи энеолита, которые были обнаружены главным образом в 11–13 горизонтах.

Наблюдается дисперсное распределение находок на изученной площади и немногочисленность четко выраженных скоплений артефактов (рис. 2). Выявленные ямы располагаются в восточной части раскопа и к ним приурочена концентрация немногочисленных черепков позднего Средневековья. Скопление фрагментов от одного горшка позднего бронзового века изучено в квадратах 17–18. Развал сосуда типа Чекалино выявлен в центральной части исследованной площади, остальные фрагменты керамики и изделия из камня, относящиеся к позднему энеолиту, распределяются по раскопу достаточно равномерно. В центральной и северо-западной частях вскрытой площади обнаружено большинство кремневых артефактов мезолитического облика, на других участках они также представлены, но менее многочисленны. Фрагменты керамики, связанные с неолитическим и раннеэнеолитическим этапами посещения площадки памятника, не образуют скоплений.

Ямы и погребения

Выявлены четыре археологических объекта, которые связаны с хозяйственной деятельностью обитателей стоянки разных исторических периодов.

Яма № 1 (погребение № 1). Очертания заполнения стали проступать после прохождения слоя черной комковатой супеси в виде более темного пятна. Яма имела округлую форму и размер на уровне материка 172×189 см. Стенки плавно понижаются к центру, дно плоское, глубина – 102 см от дневной поверхности. Заполнение слоистое с линзами пестроцвета, в нижней части фиксируется черная супесь (рис. 3: 2). При разборе ямы выявлено железное шило с прикипевшими остатками деревянной рукоятки (рис. 3: 6). В западной части на уровне предматерика зафиксирован череп, который располагался большим затылочным отверстием кверху, лицо ориентировано на ССВ, нижняя челюсть выявлена в 82 см к востоку от черепа, возле нее также обнаружены два шейных позвонка. Другие части скелета отсутствовали (рис. 1: 5; 3: 2). Череп принадлежал зрелой женщине 45–55 лет[2].

Яма № 2 (погребение № 2). Округлые очертания также стали читаться после прохождения слоя черной комковатой супеси, размеры 171×177 см, стенки отвесные, дно плоское, глубина – около 100 см от дневной поверх-

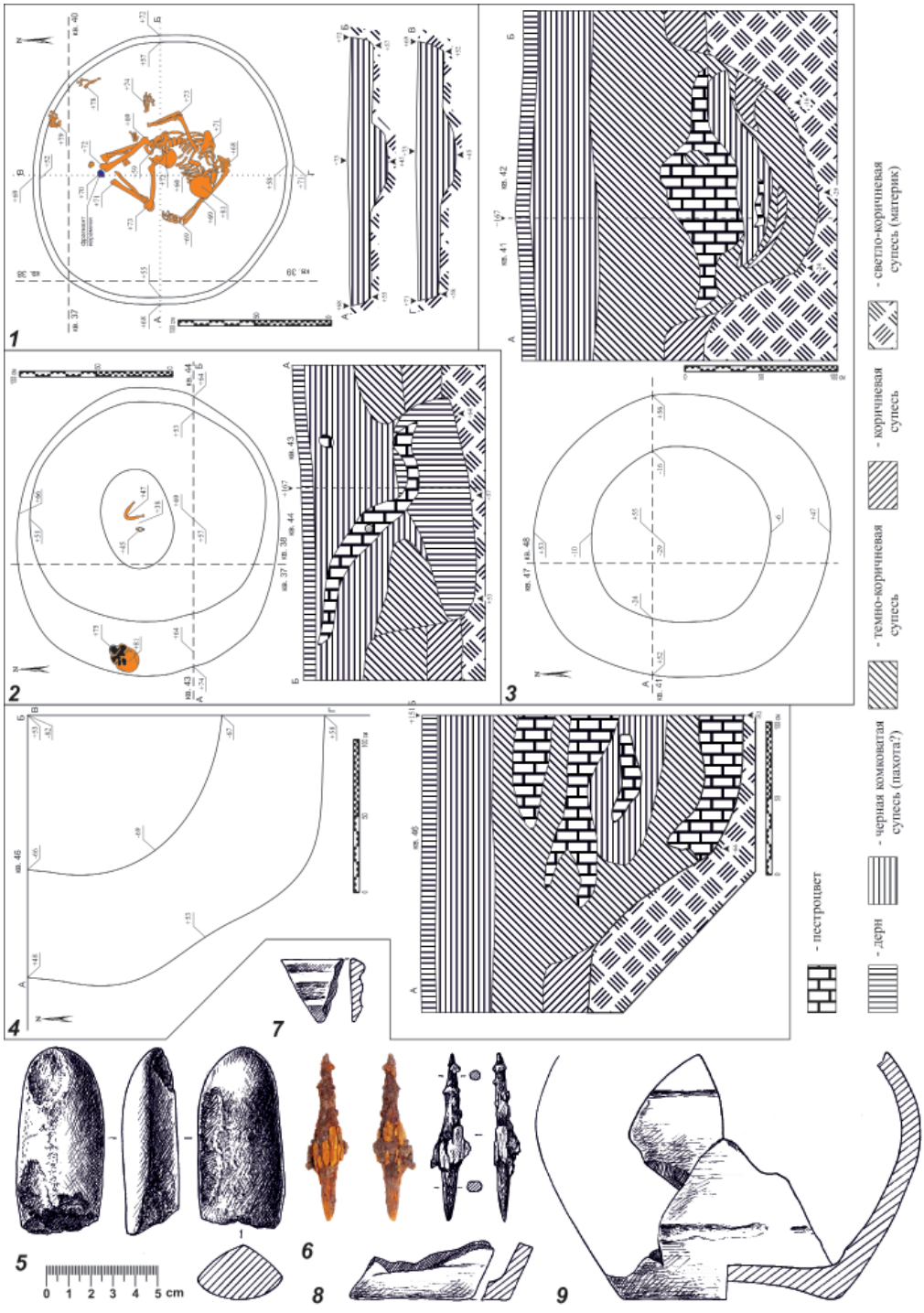

Рис. 3. Стоянка Черновка I. 1–4 – ямы №№ 1–4; 5 – отбойник; 6 – железное шило; 7–9 – керамика позднего средневековья.

Fig. 3. Chernovka I site. 1–4 – pits №№ 1–4; 5 – chipper; 6 – iron awl; 7–9 – ceramics of the late Middle Ages.

ности, заполнение – черная гумусированная супесь (рис. 3: 1). В южной части ямы на уровне предматерика были зафиксированы кости скелета. Первоначальная поза погребенного в положении сидя или полусидя головой (затылком) на юг. Затем скелет, сохраняя анатомическое сочленение, завалился влево (на запад). Череп лежал лицевой частью вниз с небольшим наклоном, глазницами на юго-запад (рис. 1: 6; 3: 1). Скелет принадлежал зрелой женщине 40–50 лет. Длина тела реконструируется в пределах 147,8–153,8 см. Возле колена левой ноги выявлен неорнаментированный фрагмент стенки позднесредневекового сосуда (рис. 3: 9).

Яма № 3. Очертания округлого пятна начали проступать после прохождения слоя темно-коричневой супеси, размер на уровне материка 195×186 см, стенки ровные, отвесные, дно относительно плоское, максимальная глубина ямы 196 см от дневной поверхности. Заполнение – темно-коричневая супесь с линзами пестроцвета, в нижней части черная супесь (рис. 3: 3), обнаружен фрагмент нижней челюсти МРС от особи возрастом около 2 лет.

Яма № 4. Фиксироваться контуры пятна стали также в нижней части слоя темно-коричневой супеси, размер изученной части 195×172 см, стенки ямы ровные, отвесные, дно относительно плоское, максимальная глубина ямы 233 см от дневной поверхности. Заполнение – темно-коричневая супесь с линзами пестроцвета, в нижней части черная супесь, на дне проступили грунтовые воды (рис. 3: 4). При ее изучении обнаружены нуклеус и продольный скол без ретуши, которые находятся в переотложенном состоянии.

Керамическая коллекция

Керамический комплекс стоянки Черновка I включает несколько культурно-хронологических групп посуды и насчитывает 154 фрагмента от примерно 24 сосудов (рис. 3: 7–9; 4).

Наиболее поздний эпизод посещения памятника представлен девятью фрагментами от трех сосудов, которые изготовлены с использованием гончарного круга: емкость баночной формы с раздутым туловом, стянутым устьем и плосковогнутым дном (рис. 3: 9), неорнаментированная придонная часть (рис. 3: 8), прямой венчик с каннелюрами и плоским скошенным наружу срезом (рис. 3: 7).

Следующая группа керамики (75 фрагментов) включает скопление и отдельные черепки от девяти емкостей, относящихся к позднему бронзовому веку (срубная культура). Реконструируется сосуд баночной формы со слегка стянутым устьем и плоским дном, имеющим закраины, орнаментированный в верхней части косой решеткой, образованной оттисками гребенчатого штампа (рис. 4: 24). Остальные восемь сосудов представлены отдельными фрагментами венчиков и стенок с примесью шамота или раковины в тесте (рис. 4: 15–22).

Воротничковое оформление венчика имеют два сосуда, которые могут быть связаны с ранним энеолитом (хвалынская культура). Первый – без орнамента с ямочным отверстием (рис. 4: 8), второй венчик орнаментирован по воротничку диагональными линиями оттисков гребенчатого штампа, а по тулову длинными горизонтальными линиями, фиксируются парные сверленые отверстия (рис. 4: 7).

Комплекс позднего энеолита (тип Чекалино) представлен шестью сосудами и развалом (рис. 1: 4), всего 51 фрагмент. Черепки толщиной около 0,8–0,9 см содержат обильную примесь раковины в тесте, а также имеют расчесы на внутренней и внешней поверхностях. Развал сосуда реконструируется не полностью, вся внешняя поверхность украшена вертикальным зигзагом из вдавлений гладкого

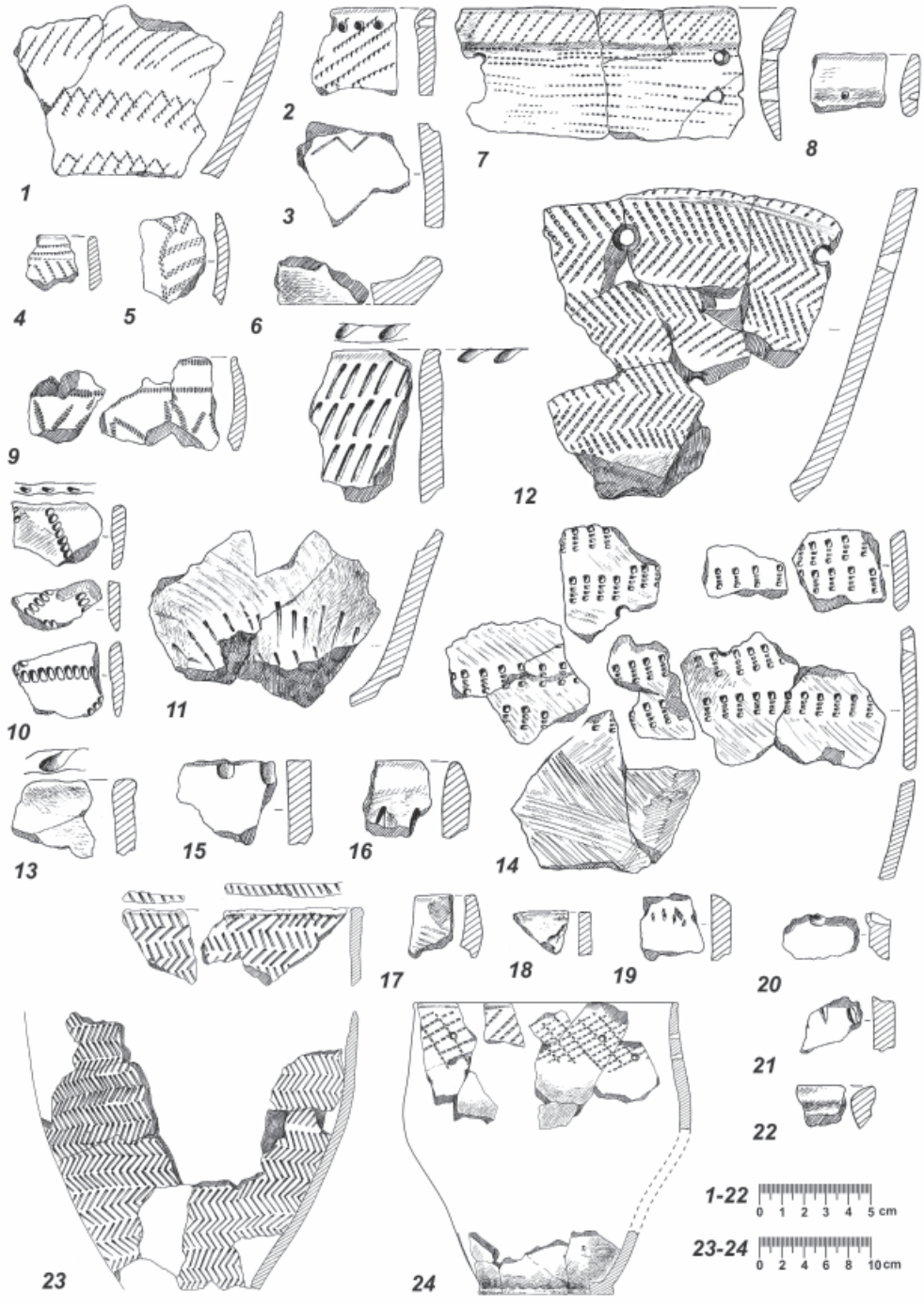

Рис. 4. Стоянка Черновка I. Керамика. 1–6 – неолитические фрагменты; 7–8 – венчики хвалынской культуры; 9–14, 23 – сосуды типа Чекалино; 15–22, 24 – отдельные фрагменты и реконструируемый сосуд позднего бронзового века.

Fig. 4. Chernovka I site. Ceramics. 1–6 – Neolithic fragments; 7–8 – rims of the Khvalynsk culture; 9–14, 23 – vessels of the Chekalino type; 15–22, 24 – individual fragments and a reconstructed vessel of the Late Bronze Age.

Таблица 1

Исходное пластичное сырье и формовочные массы керамики стоянки Черновка I

	Илистая глина			
	Не запесоченая (нет видимого песка в сколе)	Среднезапесоченая (до 25 включений на 1 кв.см)	Запесоченая (более 40 включений на 1 кв.см)	
Неолит				
ИПС+Ш	-	-	4 / 29 %	4 / 29 %
ИПС	-	-	1 / 7 %	1 / 7 %
Ранний энеолит				
ИПС+Ш	1 / 7 %	-	-	1 / 7 %
ИПС+ОР	-	-	1 / 7 %	1 / 7 %
Поздний энеолит				
ИПС+ДР	-	5 / 36 %	2 / 14 %	7 / 50 %
ИТОГО	**1 / 7 %**	**5 / 36 %**	**8 / 57%**	14 / 100 %

штампа, венчик прямой с плоским орнаментированным диагональными насечками срезом (рис. 4: 23). Также обнаружены фрагменты сосудов, орнаментированных оттисками гребенчатого и гладкого штампа, веревочкой и наколами, которые образуют мотивы горизонтальных рядов из коротких вертикально ориентированных вдавлений штампа, вертикального зигзага, горизонтальных линий в сочетании с зигзагом и треугольниками (рис. 4: 9–14).

Заключительная группа керамики – 16 фрагментов от шести сосудов, относящихся к эпохе неолита (средневолжская культура). Они украшены горизонтальным зигзагом из прочерченных линий (рис. 4: 3), оттисками трехзубого гребенчатого штампа, нанесенного в протащенной манере (рис. 4: 5) и наколами, образующими горизонтальные и диагональные линии, венчики прямые с округлым или плоским срезом, на одном ямочный поясок (рис. 4: 1–2, 4), также выявлена неорнаментированная придонная часть (рис. 4: 6).

Технология изготовления керамики

Технико-технологический анализ посуды стоянки Черновка I проведен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (Бобринский, 1999). Было проведено изучение относящихся к эпохам неолита и энеолита 14 фрагментов орнаментированных стенок и венчиков от разных сосудов. Гончары использовали один вид исходного пластичного сырья (ИПС) – илистая глина (ИГ). В неолитическую эпоху население отдавало предпочтение запесоченной ИГ. В период энеолита стоянка заселялась не единожды, с этим связаны разные взгляды на свойства исходного сырья. В основном использовали среднезапесоченную ИГ, реже запесоченную. Незапесоченное сырье применяли для лепки одного сосуда хвалынской культуры. При составлении формовочной массы (ФМ) к ИПС добавляют искусственные примеси, нами выявлены следующие: шамот (Ш), органический раствор (ОР) и дробленая раковина (ДР). В неолитическом комплексе выделено два рецепта: ИГ + Ш в концентрации 1:7, размер фракции до 3,0 мм, один сосуд был изготовлен из чистой илистой глины. Энеолитическая посуда: два сосуда хвалынской культуры выполнены в разных традициях: ИГ + Ш в концентрации 1:9, размер шамота до 1,5 мм, и ИГ + ОР; посуда типа Чекалино создана по единому рецепту: ИГ + ДР.

Кремневый и каменный инвентарь

Комплекс каменного инвентаря стоянки Черновка I представлен

Рис. 5. Стоянка Черновка I. Каменный инвентарь. 1–8 – нуклеусы; 9 – поперечный скол без ретуши; 10–11 – продольные сколы без ретуши; 12, 17–18 – проколки; 13–14 – рубящие орудия; 15–16 – скребки.

Fig. 5. Chernovka I campsite. Stone inventory. 1–8 – cores; 9 – sidestruck flake without retouching; 10–11 – longitudinal chipping without retouching; 12, 17–18 – punctures; 13–14 – cutting tools; 15–16 – scrapers..

Рис. 6. Стоянка Черновка I. Каменный инвентарь. 1 – кинжал; 2, 4 – ножи; 3, 6–7 – скребки; 5 – скобель; 8–10 – резцы; 11 – асимметричная трапеция; 12–58 – пластины и их фрагменты.

Fig. 6. Chernovka I campsite. Stone inventory. 1 – dagger; 2, 4 – knives; 3, 6, 7 – scrapers; 5 – side-scraper; 8–10 – burin; 11 – asymmetric trapeze; 12–58 – blades and their fragments.

522 изделиями из кремня, восемью отщепами из кварцита, тремя гальками и одним абразивом из песчаника. На основании цветовых, качественных и морфологических признаков данную коллекцию можно разделить на три культурно-хронологические группы.

Небольшая часть изделий из голубого и бело-черного мелового кремня и, возможно, кварцита относится к раннему энеолиту (хвалынская культура), всего 37 единиц. Обнаружены: концевой или боковой скребок на продольном сколе с прямым рабочим краем (рис. 7: 15), скошенный скребок на продольном сколе (ложкарь?) (рис. 7: 22), кинжал на массивной пластине с выделенным острием и регулярной ретушью по продольным граням с дорсальной стороны (рис. 7: 19), два ножа на пластине и продольном сколе с краевой ретушью по одной грани (рис. 7: 20–21), три фрагмента пластин с ретушью (рис. 7: 16–18), а также 10 продольных сколов и 19 отщепов без ретуши.

Артефакты из коричневого с оттенками кремня плохого качества (176 единиц) допустимо связать с поздним энеолитом (чекалинский тип). Торцевой и аморфный сильно сработанные одноплощадочные нуклеусы (рис. 8: 1–2). Тринадцать фрагментов пластин с нерегулярной огранкой (рис. 7: 23; 8: 16, 19, 21, 23, 25–26, 28), на трех представлена краевая ретушь по одной из граней с дорсальной стороны (рис. 8: 17, 27, 30). Наиболее многочисленной группой являются скребки (12 экз.) на отщепах, осколках и продольных сколах преимущественно концевого типа с округлым или прямым рабочим краем (рис. 8: 6, 9, 11–15, 20), а также боковой (рис. 8: 8), угловой (рис. 8: 10) и дублированный (рис. 8: 7). Выявлены два угловых резца на продольном сколе и проксимальной части пластины (рис. 8: 24, 29). Два осколка кремня с невыраженными выемками, возможно скобели (рис. 8: 5). Дерево-вообрабатывающее орудие (стамеска или клин) подквадратных очертаний (рис. 8: 3). Обломок (насад) бифасиально ретушированного наконечника иволистной формы (рис. 8: 22). Два ножа на продольных сколах с регулярной краевой ретушью по одной грани с дорсальной стороны (рис. 6: 4; 8: 4). Продольный скол с нерегулярной краевой ретушью (рис. 8: 18), а также 19 продольных сколов, 40 осколков и 81 отщеп без ретуши.

Наконец, изделия из серого с оттенками и бежевого качественного кремня образуют наиболее многочисленную группу (317 единиц) и могут быть отнесены к эпохе мезолита. Выявлены шесть торцевых одноплощадочных сработанных нуклеусов со следами снятия пластин и два аморфных ядрища (рис. 5: 1–8). Собственно пластины и их фрагменты представлены 56 экземплярами, что составляет 17,6% от всех изделий из камня данной группы: три целые, 25 проксимальных, 12 медиальных и 16 дистальных частей, на пяти представлена регулярная и нерегулярная ретушь, которая наносилась исключительно по одной грани с дорсальной (3 ед.) или вентральной (2 ед.) стороны (рис. 6: 12–58; 7: 1–8, 10, 12). Весьма примечательна дистальная часть пластины с ретушированной выемкой на конце одной из граней (рис. 6: 58). Метрические показатели изделий следующие: ширина варьируется в диапазоне 0,5–1,9 см, большая часть (55%) – 0,8–1,1 см; толщина 0,1–0,6 см, преобладает (82%) 0,2–0,4 см. Морфологически выраженные орудия представлены 20 экземплярами. Скребки (6 ед.): концевые на пластинах и продольных сколах с округлым, прямым и скошенным рабочим краем (рис. 5: 15–16; 6: 3, 6), а также на осколке треугольных очертаний с прямым рабочим краем и утилизацией по одной грани (рис. 6: 7) и скошенным на отщепе (рис. 7: 13). Три проколки с симметричным

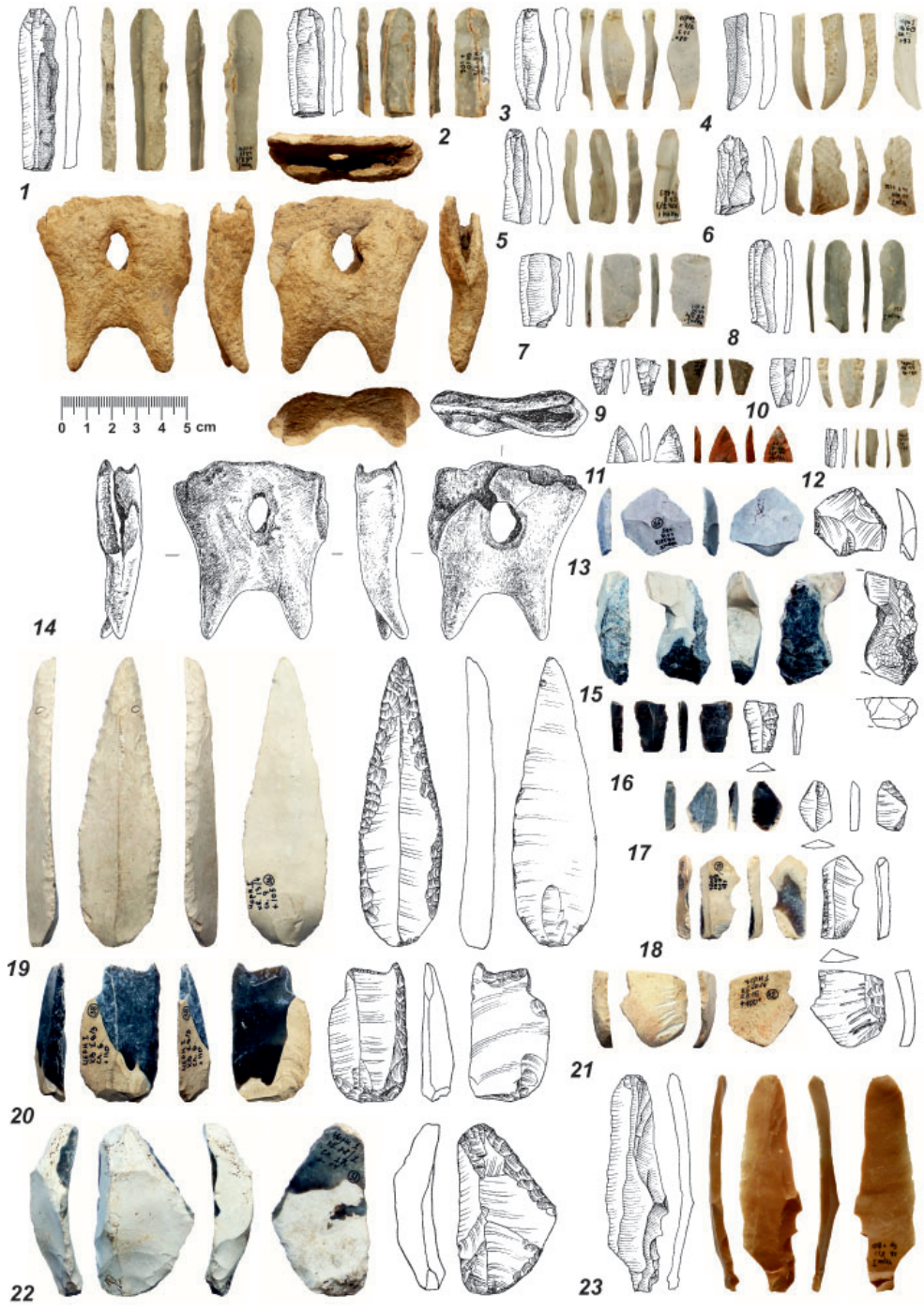

Рис. 7. Стоянка Черновка I. Каменный инвентарь (1–13, 15–23) и изделие из кости (14). 1–8, 10, 12, 16–18, 23 – пластины и их фрагменты; 9, 11 – фрагменты наконечников; 13, 15, 22 – скребки; 14 – муфта; 19 – кинжал; 20–21 – ножи.

Fig. 7. Chernovka I campsite. Stone inventory (1–13, 15–23) and bone item (14). 1–8, 10, 12, 16–18, 23 – blades and their fragments; 9, 11 – fragments of points; 13, 15, 22 – scrapers; 14 – sleeve, possibly a linksfaft; 19 – dagger; 20–21 – knives.

Рис. 8. Стоянка Черновка I. Каменный инвентарь (1–30) и фрагменты ростров белемнитов (31–32). 1–2 – нуклеусы; 3 – деревообрабатывающее орудие; 4 – нож; 5 – скобель; 6–15, 20 – скребки; 16–17, 19, 21, 23, 25–28, 30 – пластины и их фрагменты; 18 – продольный скол с ретушью; 22 – фрагмент наконечника; 24, 29 – резцы; 31–32 – фрагменты ростров белемнитов.

Fig. 8. Chernovka I campsite. Stone inventory (1–30) and fragments of belemnite rostrums (31–32). 1–2 – cores; 3 – woodworking tool; 4 – knife; 5 – scraper; 6–15, 20 – scrapers; 16–17, 19, 21, 23, 25–28, 30 – blades and their fragments; 18 – longitudinal flake with retouching; 22 – fragment of a point; 24, 29 – burins; 31–32 – fragments of belemnite rostrums.

острием на пластинах и продольном сколе (рис. 5: 12, 17–18). Кинжал на пластине с выделенным острием и регулярной ретушью по продольным граням (рис. 6: 1) и нож на пластине с регулярной ретушью по обеим граням с дорсальной стороны (рис. 6: 2). Продольный скол и осколок с мелкими и неглубокими ретушированными выемками, возможно скобели, на одном также присутствует резцовый скол (рис. 6: 5, 9). Два резца: угловой на медиальной части пластины (рис. 6: 10) и на продольном сколе со следами обработки на торце, вероятно ретушной (рис. 6: 8). Два деревообрабатывающих орудия (тесла) подтреугольной и подпрямоугольной формы с выпуклыми рабочими краями и подправкой многочисленными сколами одной или обеих боковых граней (рис. 5: 13–14). Обломок (острие) наконечника на пластине с вентральной ретушью на кончике (рис. 7: 11) и обломок (насад) наконечника с регулярной краевой ретушью по обеим продольным граням (рис. 7: 9). Асимметричная трапеция на медиальной части пластины с крутой дорсальной ретушью по коротким сторонам (рис. 6: 11). Также обнаружены три поперечных (рис. 5: 9) и 56 продольных (рис. 5: 10–11) сколов, 50 осколков и 124 отщепа без ретуши.

Культурно-хронологическая атрибуция двух фрагментов ростров белемнитов (рис. 8: 31–32), трех галек со следами забитости на концах (рис. 3: 5), а также плитки сливного мелкозернистого песчаника с глубокими и узкими параллельными пазами на одной из плоских поверхностей (абразив) затруднена. Однако все они обнаружены не выше 15 горизонта, и можно допустить их связь с мезолитическим комплексом.

Остеологическая коллекция

Остеологическая коллекция стоянки Черновка I насчитывает 173 фрагмента[3]. Сохранность костного материала неудовлетворительная. Определение принадлежности остеологических материалов стоянки к определенному периоду ее существования затруднено.

Подавляющая часть коллекции представляет собой неопределимые фрагменты – 83,2% остатков, которые происходят преимущественно от крупных копытных (табл. 2). До таксона определены кости лошади, крупного рогатого скота (КРС), мелкого рогатого скота (МРС) – овцы и/или козы, лося, бобра и сайги. Анатомический спектр представлен всеми частями скелета. Исследуемые фрагменты костей принадлежат взрослым особям, остатков от новорожденных и молодых особей не обнаружено. На 32 фрагментах костей зафиксированы следы дробления. Рассматриваемая коллекция принадлежит категории «кухонные остатки». Исключение может представлять фрагмент правой нижней челюсти МРС от особи возрастом около двух лет, найденный в яме № 3. Так как это была единственная находка в ней, ее могли поместить намеренно, данная челюсть может иметь разные семантические значения. Также в остеологической коллекции обнаружено изделие из рога животного семейства оленьи *Cervidae* с выскобленной губчатой тканью внутри, которое, вероятно, являлось муфтой (рис. 7: 14).

Три постоянных предкоренных зуба лосей послужили образцами для определения сезона их добычи и радиоуглеродного датирования (см. следующий раздел данной статьи). Установить сезон гибели животных позволяет анализ ростовых слоев в корневом цементе и вторичном дентине зубов, они состоят из зоны роста (у лося – с конца апреля по ноябрь) и линий замедленного роста (зимние слои), которые откладываются в известной последовательности (Клевезаль, 1988). Проанализированные образцы сохранили цемент лишь

Таблица 2

Таксономический состав животных стоянки Черновка I

Археологический объект	Определимые фрагменты						Неопределимые фрагменты			Всего
	Лошадь *Equus sp.*	Лось *Alces alces*	Сайга *Saiga tatarica*	Бобр *Castor fiber*	МРС *Ovis aries/Capra hircus*	КРС *Bos taurus*	Крупные копытные	Средние копытные	Неопределимые фрагменты	
Горизонт 3							2			2
Горизонт 4							4	1	4	9
Горизонт 5	1					1	14			16
Горизонт 6	1						17	7	5	30
Горизонт 7							9	12	1	22
Горизонт 8					3	2	3	2		10
Горизонт 9			1	1		1	2	2		7
Горизонт 10				1	2		3	1		7
Горизонт 11					1	1	1	2	1	6
Горизонт 12					1	1	3		4	9
Горизонт 13					2		8			10
Горизонт 14							8			8
Горизонт 15							3	2		5
Горизонт 16		3					8		2	13
Горизонт 17						2	8	1		11
Горизонт 18	1	1					2			4
Горизонт 19		1					1			2
Горизонт 20								1		1
Яма 3					1					1
Всего:	3	5	1	2	10	8	96	31	17	173
	29						144			

фрагментарно и нет уверенности, что он представлен полностью. При этом вторичный дентин полностью уцелел и в нем достаточно хорошо читались ростовые слои. Все три образца показали теплое время. Степень сформированности последнего ростового слоя одинаковая более чем на 50%, но не полностью по сравнению с предыдущим (рис. 1: 7). Для выяснения принадлежности зубов лося одной или нескольким особям дополнительно был определен примерный индивидуальный возраст для каждого зуба. У копытных животных во вторичном дентине число слоев не всегда соответствует индивидуальному возрасту животного (Клевезаль, 1988). В образцах № 4 и № 5 (табл. 3) было найдено пять годовых слоев, а в образце № 6 (табл. 3) – три годовых слоя. Таким образом, зубы лося происходят как минимум от двух особей. Скорее всего, они были добыты в один и тот же сезон, наиболее вероятное время – конец лета – начало осени.

Таблица 3

Радиоуглеродные датировки материалов стоянки Черновка I

№	Материал	Лаб. индекс	Радиоуглеродный возраст (лет ВР)	Календарный возраст по 2σ (лет до н.э.)[5]	$\delta^{13}C$‰	$\delta^{13}C_{VPDB}$, ‰	$\delta^{15}N_{Air}$, ‰
1	Кость метаподия лошади (Раскоп № 1, кв. 8/2, гор. 18, +75)	GV-4314	8616 ± 28	7729 – 7721 (1,5%), 7716 – 7690 (7,6%), 7684 - 7582 (86,3%)	-24,6	-21,8	3,5
2	Лучевая кость запястья лося (Раскоп № 1, кв. 3/3, гор. 16, +74)	GV-4451	8629 ± 41	7736 – 7584 (95,4%)	-19,8	-20,8	4,5
3	Изделие (муфта) из рога лося или оленя (Раскоп № 2, кв. 32/4, гор. 16, +73)	GV-5006	8641 ± 48	7776 – 7581 (95,4%)	-22,4	-19,9	4,8
4	Зуб лося (Раскоп № 2, кв. 22/1, гор. 16, +94)	GV-5008	8653 ± 55	7935 – 7915 (1,3%), 7824 – 7582 (94,1%)	-17,4	-19,8	6,0
5	Зуб лося (Раскоп № 2, кв. 22/4, гор. 18, +84)	GV-5009	8597 ± 48	7736 – 7539 (95,4%)	-24,7	-20,0	6,6
6	Зуб лося (Раскоп № 2, кв. 24/1, гор. 19, +74)	GV-5010	8691 ± 48	7939 – 7899 (3,8%), 7833 – 7591 (91,6%)	-24,4	-19,9	6,0
7	Позвонок бобра (Раскоп № 2, кв. 16/4, гор. 10, +107)	GV-5007	6601 ± 46	5621 – 5579 (27,0%), 5573 – 5478 (68,4%)	-25,1	-21,7	5,2

Радиоуглеродное датирование

Материалы памятника (кости и зубы животных) были датированы методом ускорительной масс-спектрометрии в ЦКП «УМС НГУ-ННЦ» (г. Новосибирск), предварительная пробоподготовка проводилась в ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Всего изучено семь образцов. Фрагмент кости метаподия лошади (табл. 3: 1), лучевая кость запястья (табл. 3: 2) и три зуба лосей (табл. 3: 4–6), а также изделие из рога животного семейства оленьи (табл. 3: 3) получили достаточно компактные даты, которые укладываются в начало второй четверти VIII тыс. до н. э.[4] Вероятно, с этим временным промежутком связано кратковременное посещение площадки памятника мезолитическими обитателями лесостепного Поволжья. Еще одна дата конца второй четверти VI тыс. до н. э. получена по позвонку бобра (табл. 3: 7) и, видимо, маркирует столь же непродолжительный эпизод бытования неолитического населения на месте изученной стоянки.

Обсуждение и результаты

В ходе работ на стоянке Черновка I выявлено несколько культурно-хронологических комплексов.

Наиболее ранний эпизод посещения площадки памятника связан с мезолитическим периодом; согласно радиоуглеродным определениям, он приходится на начало второй четверти VIII тыс. до н. э. Учитывая количественную ограниченность артефактов среднего каменного века, немногочисленность морфологически выраженных орудий и их обедненный типологический набор можно допустить кратковременность данного пребывания. Проанализированные зубы лосей свидетельствуют об их гибели/добыче в один и тот же сезон, в конце лета – начале осени. Также объектом охоты для мезолитического населения служила лошадь.

Среди кремневых артефактов, относящихся к этому этапу бытования стоянки, особый интерес представляет асимметричная трапеция. Изделия близких форм известны в комплексах истайской культуры Северного Прикаспия (Васильев, Выборнов, Комаров, 1988, с. 18, 21) и янгельской Южного Зауралья (Матюшин, 1976; 1989). Причем последний вектор поиска аналогий материалам нашего памятника выглядит более предпочтительным, особенно коллекция стоянки Долгий Ельник II. Помимо асим-

метричных трапеций в зауральских комплексах также встречаются такие специфические типы артефактов, как наконечники стрел с нерегулярной ретушью пера и насада, проколки с симметричным острием, ретушные резцы, пластины с узкими и глубокими выемками по краю. Представленные категории орудий находят аналогии в коллекции стоянки Черновка I и могут свидетельствовать о ее связи с янгельской культурой. Отличительной особенностью нашего памятника является наличие двух тесел, возможно, их появление – результат адаптации к новым условиям пришлого населения или его саморазвития.

Следующий эпизод посещения площади стоянки приходится на конец второй четверти VI тыс. до н. э. и связан с носителями средневолжской неолитической культурной традиции. Их пребывание на памятнике было еще непродолжительнее и представлено всего шестнадцатью фрагментами керамики. Прямые аналогии им обнаруживаются в комплексах ранее изученных неолитических стоянок лесостепного Поволжья (Выборнов, 2000). Стоит оговориться, что, возможно, с этим периодом связана небольшая часть коллекции изделий из кремня коричневого с оттенками цвета, однако ее выделение крайне затруднено на современном этапе изучения.

Столь же кратковременным, по всей видимости, был эпизод посещения памятника носителями хвалынской культурной традиции раннего энеолита, которыми оставлено два сосуда и около 35 единиц кремня и кварцита. Наибольшее сходство представленные фрагменты керамики обнаруживают с материалами стоянки Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995). Важно отметить, что именно в этот период начинает впервые применяться техника усиленного отжима и активно используется меловой кремень, что позволяет достаточно уверенно выделять соответствующую группу каменных артефактов, которые находят аналогии в ранее исследованных комплексах. Судя по радиоуглеродным датам, этот эпизод может быть связан с первой половиной V тыс. до н. э. (Королёв, Ставицкий, 2021, с. 60).

Следующий этап функционирования стоянки приходится на поздний энеолит (керамика типа Чекалино). Он имеет достаточно широкие хронологические рамки, укладывающиеся во вторую половину V – первую половину IV тыс. до н. э. (Королёв, 2021, с. 122). Выявленные сосуды с точки зрения технологии, морфологии и орнаментации находят прямые аналогии в материалах стоянок Чекалино IV и Лебяжинка VI (Королёв, 2021). Небольшая коллекция кремневого инвентаря, на наш взгляд, связана с данным эпизодом функционирования памятника. Сырьем выступал цветной кремень плохого качества, орудия выполнены на отщепах и сколах, имеют типологически неустойчивые формы, немногочисленные пластины – нерегулярную огранку.

Очередной эпизод посещения площадки памятника приходится на поздний бронзовый век (срубная культура) и укладывается в середину II тыс. до н. э. Он, как и большинство отмеченных ранее, был кратковременным и, вероятно, однократным, видимо, к нему относится большая часть остеологической коллекции, в частности кости КРС и МРС.

Культурно-хронологическая атрибуция двух ям (№ 3–4) затруднена из-за отсутствия в заполнении надежно документированных артефактов, однако стратиграфический контекст обнаружения позволяет соотнести их с периодом посещения площадки памятника населением эпохи позднего бронзового века или энеолита.

Наконец, завершающий этап антропогенной активности на площади

стоянки связан с организацией двух погребений в позднем Средневековье. Обозначенное предположение подтверждается данными стратиграфии (могильные пятна начали читаться с верхних пластов культурного слоя) и сохранностью антропологических останков. Также об этом свидетельствует железное шило, обнаруженное в яме № 1, и фрагменты керамики, выявленные в заполнении ямы № 2.

Примечания:

[2] Здесь и далее половозрастные определения проведены младшим научным сотрудником Волго-Уральского центра палеоантропологических исследований СГСПУ А.П. Григорьевым.

[3] Выражаем признательность к.и.н. Н.В. Росляковой за предоставленные определения 2022 года раскопок.

[4] Здесь и далее приведены калиброванные значения дат, определенные по 2σ с вероятностью 95,4%.

[5] Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный проведена на основе калибровочной кривой Intcal20 в программе OxCal 4.4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 136–164.

2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СГПУ, 1999. С. 5–109.

3. Бурыгин М.А. Итоги археологических разведок в Сергиевском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области 2021 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во СОИКМ им. П.В. Алабина, 2022. С. 51–52.

4. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. С. 3–41.

5. Выборнов А.А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 177–215.

6. Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.

7. Королёв А.И. Памятники позднего энеолита лесостепного Поволжья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 106–126.

8. Королев А.И., Ставицкий В.В. Хвалынская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 40–60.

9. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.

10. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Зауралья // Мезолит СССР. Археология СССР: в 20 томах. Т. 2 / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 144–148.

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Андреева Ольга Викторовна, лаборант. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); olgayer@mail.ru

Бурыгин Максим Александрович, лаборант. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); burigin.maxim@yandex.ru

Королёв Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, декан исторического факультета, доцент. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Сосновцева Ирина Михайловна, лаборант. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); irinasosnovtceva@gmail.com

Пархомчук Екатерина Васильевна, кандидат химических наук, заведующая ЦКП «Геохронология кайнозоя», Институт археологии и этнографии СО РАН; директор ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ», Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); evparkhom@yandex.ru

Бачура Ольга Петровна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); olga@ipae.uran.ru

RESULTS OF THE STUDY OF THE CHERNOVKA I CAMPSITE IN THE SAMARA VOLGA REGION

K.M. Andreev, O.V. Andreeva, M.A. Burygin, A.I. Korolev, I.M. Sosnovtceva, E.V. Parkhomchuk, O.P. Bachura

The paper deals with the results of study of the Chernovka I campsite located in the Sergiyevsk district, Samara region. The topography of site, the history of its study, information about stratigraphy and planigraphy of archaeological material location are considered. The characteristics of pottery assemblage of site and technology of pottery making are discussed. The detail description of the stone inventory and the main types of tools are presented. It characterizes the identified objects and burials studied within the excavation site. The materials from the site can be divided into several cultural-chronological groups, marking short-term phases of anthropogenic activity. The earliest is associated with the Mesolithic period and dates back to the beginning of the second quarter of the VIII millennium BC. Most of the morphologically marked tools, primarily the asymmetric trapezoid, find direct analogies in assemblages of the Yangelka culture from the Southern Trans-Urals. The next episode of visitation at the campsite dates back to the end of the second quarter of the VI millennium BC and records the economic activity of Neolithic groups there. Equally short-term was the presence at the site of bearers of the Early Eneolithic Khvalynsk culture. Another rather expressive group of artifacts may be associated with the late Eneolithic (Chekalino-type ceramics). Finally, the site was visited episodically in the late Bronze Age and the late Middle Ages; two burials are associated with this last phase.

Keywords: archaeology, Samara region, Chernovka I campsite, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, late Bronze Age, late Middle Ages, Srednevolzhskaya culture, Chekalino-type ceramics, Khvalynsk culture, Srubnaya culture, archaeological ceramics, flint industry, radiocarbon dating, pottery technology, historical and cultural approach.

REFERENCES

1. Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 136–164 (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 5–109 (in Russian).
3. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2021 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2021).* Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 51–52 (in Russian).
4. Vasiliev, I. B., Vybornov, A. A., Komarov A. M. 1988. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Archaeological Cultures of the Northern Cis-Caspian Region).* Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–41 (in Russian).
5. Vybornov, A. A. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 177–215 (in Russian).
6. Klevezal', G. A. 1988. *Registriruyushchie struktury mlekopitayushchikh v zoologicheskikh issledovaniyakh (Recording structures of mammals in zoological studies)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

The research was supported by the Russian Science Foundation grant (project №. 23-78-10088) "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region"

7. Korolev, A. I. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 106–126 (in Russian).
8. Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 40–60 (in Russian).
9. Matiushin, G. N. 1976. *Mezolit Iuzhnogo Urala (Mesolithic of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Matiushin, G. N. 1989. In Kol'tsov, L. V. (ed.). *Mezolit SSSR (Mesolithic of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 144–148 (in Russian).

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Andreeva Olga V. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; olgayer@mail.ru

Burygin Maxim A. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; burigin.maxim@yandex.ru

Korolev Arkady I. Candidate of Historical Sciences, Dean, Associate Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Sosnovtceva Irina M. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; irinasosnovtceva@gmail.com

Parkhomchuk Ekaterina V. Candidate of Chemical Sciences, Head of the Center, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS; Head of AMS laboratory, Novosibirsk State University. Pirogova St., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; evparkhom@yandex.ru

Bachura Olga P. Candidate of Biological Sciences. Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. March 8 St., 202, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; olga@ipae.uran.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/903, 902.64 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.49.62

МАТЕРИАЛЫ КУЛЬТУРЫ ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ С МИНЕРАЛЬНОЙ ПРИМЕСЬЮ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ[1]

© 2025 г. Е.С. Ткач, Э.Б. Зальцман

Единичные находки сосудов гребенчатой керамики в Юго-Восточной Прибалтике (современная Калининградская область и северо-восток Польши) были выявлены еще в начале XX века. Иногда они сопоставлялись с материалами раннего или позднего неолита. К сожалению, большинство артефактов было утрачено в ходе Второй мировой войны. На данный момент можно утверждать, что в Калининградской области выявлено пять памятников культуры гребенчатой керамики, из которых к изучению доступны лишь керамические материалы из трех – Цедмар Д (раскопки 70-х гг. XX века), Прибрежное (раскопки в XXI в.), Петриккен (фрагменты от сохранившего сосуда из исследований первой половины XX в.). Анализ их морфологии, технологии и орнаментации, а также изучение довоенной литературы позволяет предположить наличие двух этапов заселения региона группами гребенчатых культур – типичной и поздней гребенчатой керамики в течение IV – начала III тыс. до н. э. Территория Юго-Восточной Прибалтики является периферией распространения круга культур гребенчатой керамики, что также прослеживается в керамическом материале субнеолитических стоянок Польши.

Ключевые слова: археология, неолит, субнеолит, керамика, культура гребенчатой керамики, Восточная Пруссия, Калининградская область, Польша, Юго-Восточная Прибалтика.

Материалы раннего и среднего неолита на территории Юго-Восточной Прибалтики (ныне Калининградская область) на современном этапе исследований изучены довольно скудно. Они представлены в основном несколькими цедмарскими стоянками, формирование которых могло происходить под влиянием не только населения с востока и юго-востока (нарвская, неманская культуры), но и с юго-запада (общность воронковидных кубков) (Тимофеев, 1998).

В регионе представляется возможным как проследить различного рода контакты между группами населения в позднем каменном веке, так и изучить единичные и немногочисленные периферийные стоянки больших общностей первобытности. К таковым относятся материалы культуры гребенчатой керамики. Всего в Калининградской области достоверно выявлены лишь две однослойные стоянки с такими материалами (здесь и далее в первую очередь речь идет о керамической посуде), причем артефакты с обеих, к сожалению, считаются давно утраченными (за исключением трех фрагментов от сосуда со стоянки Петриккен). Среди материалов стоянки Кенигсберг также выявлены фрагменты от сосудов воронковидных кубков. На иных памятниках керамические фрагменты залегают совместно с посудой типа Цедмар или Прибрежное. Для территории Северо-Восточной Польши выделено менее десяти памятников с гребенчатой керамикой, также смешанных. Малочисленность стоянок и самих сосудов, с одной стороны, позволяют говорить о периферийной зоне распространения гребенчатых материалов; с другой стороны, их детальное изучение позволяет выделить специфические черты, характерные для исследуемой территории, а также проследить

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-78-01172 «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области»).

Рис. 1. Стоянки с материалами гребенчатой керамики по опубликованным данным: 1 – Петриккен, 2 – Бергфриде, 3 – Айхенберг, 4 – Хольштейн, 5 – Кенигсберг, 6 – Николайки, 7 – Вайсенберг, 8 – Видмирнен, 9 – Цедмар, 10 – Прибрежное, 11 – Мазухонен, 12 – Матершобензее, 13 – Лелестен, 14 – Зенден, 15 – Бухвальде, 16 – Вальдау.

Fig. 1. Sites with Comb Ware ceramic according published data: 1 – Petricken, 2 – Bergfriede, 3 – Eichenberg, 4 – Holstein, 5 – Konigsberg, 6 – Nikolaiken, 7 – Weissenberg, 8 – Widmirnen, 9 – Zedmar, 10 – Pribrezhnoe, 11 – Masuchonen, 12 – Materschobensee, 13 – Lehlesten, 14 – Senden, 15 – Buchwalde, 16 – Waldau.

их влияние на развитие местных культур.

Гребенчатая керамика в Юго-Восточной Прибалтике: подходы и гипотезы

Материалы культуры гребенчатой керамики встречаются в публикациях различных исследователей по каменному веку Восточной Пруссии начиная с первой половины XX века. В пределах Калининградской области это стоянки Хольштейн, Цедмар, Кенигсберг и Петриккен, в Северо-Восточной Польше – Миколайки, Домбек, Баркведа, Бяла Гура и некоторые другие (рис. 1).

Так, для территории Польши, включая ее северо-восточную часть, в 1923 г. Л. Козловски выделена гребенчато-ямочная культура («балтийская» керамика). По мнению исследователя, она получила широкое распространение – от Финляндии до юга России и от рек Неман и Буг до Урала. На территории Польши посуда встречается также и на левом берегу р. Вислы (Kozlowski, 1927, s. 128–129).

В 1926 г. В. Герте была изучена стоянка с анализируемыми в статье материалами в г. Кенигсберг. В его монографии 1927 года опубликованы все известные к тому времени находки, касающиеся культуры гребенчатой керамики с территории бывшей Восточной Пруссии (Gaerte, 1927). В это же время Х. Гроссом проводились палинологические исследования рядом с цедмарским торфяником, где выявленные К. Штади керамические материалы с гребенчатым орнаментом были сопоставлены с верхним слоем фазы 6 и фазами 7 и 8 на стоянке Цедмар А (Gross, 1939).

В 1929 г. Йозефом Костжевским (Kostrzewski, 1929, s. 395) группа сосудов гребенчатой керамики была выделена на поселении Жуцево на побережье Балтийского моря. Тогда же стоянка со схожей по орнаментации керамикой – Нешавка – была откры-

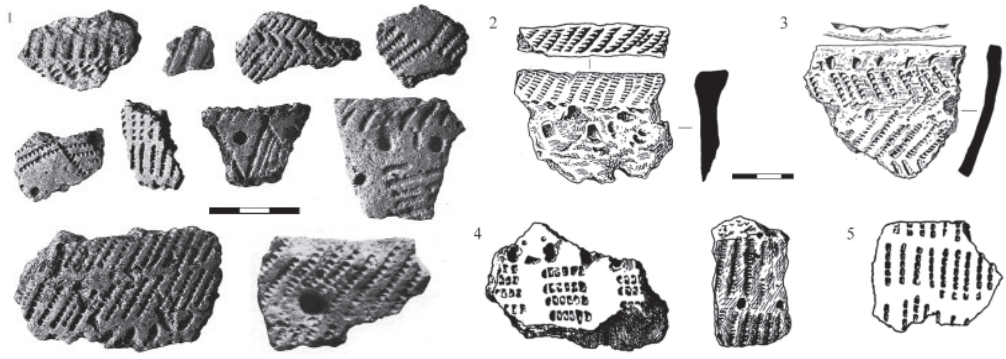

Рис. 2. Материалы культуры гребенчатой керамики в Юго-Восточной Прибалтике: 1 – Кенигсберг; 2 – Бяла Гура (Вайсенберг); 3 – Баркведа (Бергфриде); 4 – Айхенберг (Домбек); 5 – Николайки (Миколайкен).

Fig. 2. Comb Ware culture materials in the South-Eastern region: 1 – Königsberg, 2 – Byala Gura (Weissenberg), 3 – Barkweda (Bergfielde); 4 – Eichenberg (Dombek); 5 – Nikolaiken (Mikolaiken).

та на террасе р. Вислы (Kostrzewski, 1929, s. 397).

Материалы Юго-Восточной Прибалтики также рассмотрены в статье А. Европеуса-Яйряппаа 1930 г. (Europaeus-Äyräpää, 1930, s. 214–216). Исследователь указывает, что они образуют юго-западную границу распространения исследуемых материалов в Европе. Типичная гребенчатая керамика выявлена на пяти памятниках: Цедмар, Кенигсберг (рис. 2: 1), Айхенберг (Домбки) (рис. 2: 4), Николайкен (Миколайки), Вайсенберг (Бяла Гура) (рис. 2: 2), схожие материалы выявлены также на иной стороне р. Вислы – стоянки Нешавка и Жуцево. По мнению исследователя, данная керамика на побережье Балтийского моря появилась в момент максимального своего распространения, о чем свидетельствует единство стиля орнаментации посуды (Europaeus-Äyräpää, 1930, s. 214).

Материалы, расположенные южнее («балтийская» керамика по Л. Козловски), А. Европеус-Яйряппаа относит к иной культурной традиции, с гребенчатыми материалами Финляндии не связанной (Europaeus-Äyräpää, 1930, s. 216).

В середине 1930-х годов К. Энгелем для каменного века территории Восточной Пруссии выделены четыре типа керамики. Посуда первого типа – восточно-балто-финская – имела широкое горло и заостренное или круглое дно, в качестве примеси использовались дресва или – реже – раковина (Engel, 1935, s. 158–165). Тип разделялся на две группы: северный, с преобладанием гребенчатого штампа в орнаментации, имеющий прямые аналогии среди материалов стиля 2 в Финляндии по Европеус-Яйряппаа; и южный, где почти отсутствует гребенчатый штамп, а орнаментация представлена оттисками перевитого шнура (Engel, 1935, s. 159. Karte V). К первой группе (с выделением отдельно балтийской подгруппы) отнесены материалы, выявленные в Друмхаке (балтийская подгруппа), Цедмаре, Кенигсберге, Бергфриде (Баркведа) (балтийская подгруппа) (рис. 2: 3), Мазухонен (Мазуховка) (балтийская подгруппа), Николайкен (Миколайки) (рис. 2: 5), Вайсенберге (Бяла Гура), Айхенберге. Вторая группа включала в себя остальные гребенчатые материалы, в том числе территории Вармии, Мазовии, Силезии (Engel, 1935, s. 319–320). Среди них Друмхак ныне некоторые исследователи относят к нарвской культуре (Rimantienė, 1999, s. 133).

В совместной монографии К. Энгеля и В. Ла Бома комплексы с гребенчатой керамикой поделены по хронологическому принципу: к наиболее ранним отнесены материалы со стоянок Кенигсберг и с «песчаных стоянок Вислы и Ногаты» (Engel, La Baume, 1937, s. 37). На позднем этапе выделяются две группы – балтийская (Цедмар и стоянки с прилегающей части Восточной Балтики) и польская, представленная стоянками Южной Пруссии к югу от Мазурского поозерья (Engel, La Baume, 1937, s. 38).

В 1965 г. Я. Озольс опубликовал работу, посвященную ревизии материалов из южной группы гребенчатой керамики (стиль 2 по Европеус-Яйряппаа). Им описаны артефакты как с территории Восточной Пруссии, так и с территории Латвии (отсутствие гребенчатых материалов в последней Я. Озольс объясняет плохой изученностью региона (Ozols, 1965, p. 48)).

В исследование было включено девять памятников с территории Восточной Пруссии: Альт Хайдлаукен (Петриккен), Бергфрид, Айхенберг, Хольштейн, Кенигсберг, Николайкен, Вайсенберг, Видминнен (с оговоркой, так как материал детально не опубликован), Цедмар (Ozols, 1965, p. 48–52).

Согласно его концепции, материалы из местонахождений Петриккен, а также фрагмент сосуда с поселения Цедмар могут быть сопоставлены с белорусской группой гребенчатой культуры (Ozols, 1965, p. 64–65). Остальные же находки могут быть соотнесены со стилем 2, выделенным А. Европеус-Яйряппаа.

Подробный анализ существующих классификаций гребенчатой керамики с территории Польши был произведен Е. Кемписты (Kempisty, 1970, p. 232–295). В результате к культуре гребенчатой керамики, имеющей прямые аналогии в Финляндии, исследователем отнесена посуда со следующих стоянок (Kempisty, 1970, p. 232–257): Баркведа (отмечено большое количество раковины в качестве примеси в формовочное тесто) в Ольштынском повяте (Kempisty, 1970, fig. 79: 10, 11), Бяла Гура и Миколайки в Штумском повяте (Kempisty, 1970, fig. 79: 1, 2), Домбек-Качинос в Мальборкском повяте (Kempisty, 1970, fig. 79: 3, 5), Нешавка в Торуньском повяте (Kempisty, 1970, fig. 79: 4), Жуцево в Пуцком повяте (Kempisty, 1970, fig. 79: 6–9) (Kempisty, 1970, p. 254).

Исследователь отмечает стоянки на территории Польши, где, по ее мнению, также были выявлены материалы культуры гребенчатой керамики, однако коллекции не были достаточно опубликованы и на данный момент утрачены: Кайково, Вальдово (Острудский повят), Лелешки, Сасек Вельки (Щитненский повят), Мазуховка, Мочиска, Видмины (Гижицкий повят) (Kempisty, 1970, p. 256–257) (часть из этих памятников входит в южную группу гребенчатой керамики, выделенную К. Энгелем в 1935 г. – *прим. авт.*).

Во второй половине XX века материалы гребенчатой культуры в Польше начинают рассматриваться в контексте изучения субнеолитических культур в целом (Kowalczyk, 1969; Kempisty, 1973; Kempisty, Sulgostowska, 1976; Kempisty, Sulgostowska, 1991; и др. Обзор исследований дан в статье С. Кукавки (Kukawka, 2019) (под субнеолитом понимаются культуры, среди материалов которых выявлена керамика, однако отсутствуют свидетельства производящего хозяйства)).

Е. Кемписты проводятся систематические исследования неолитических памятников в Мазовии. Отсутствие гребенчатых материалов исследователем связывается с плохой изученностью региона. Немаловажную роль играет и местонахождение памятников: они расположены не на песчаных почвах, а зачастую в торфяниковых толщах, что значительно

Рис. 3. Материалы культуры гребенчатой керамики с местонахождений Петриккен.
Fig. 3. Comb Ware culture materials from Petricken location.

усложняет как их поиск, так и проведение самих полевых работ.

В это же время В.И. Тимофеевым начинаются полномасштабные исследования на стоянках Цедмар А и Д в районе цедмарского торфяника Калининградской области, довоенные материалы с которых приводились исследователями в качестве подтверждения там наличия культуры гребенчатой керамики. Локализация стоянки Дудка (по Л. Килиану (1938) – Röster Wiesen, Bagno Moczyska – по Gross, 1939, s. 144; Firbas, 1949, s. 98) была осуществлена в начале 1980-х гг. (Kempisty, Sulgostowska, 1986), а планомерные работы проводились с 1985 г. В. Гуминьским и Я. Федорчуком (Gumiński, 1999a). Также выявлены новые стоянки цедмарской культуры – Щепанки 8, Щепанки 8А. Однако однозначных следов пребывания носителей традиций гребенчатой керамики зафиксировано не было.

В течение последних 50 лет проводились интенсивные спасательные работы как в Калининградской области, так и на территории Северо-Восточной Польши, однако новых материалов, за исключением одного памятника, выявить не удалось. Небольшой комплекс гребенчатых материалов был обнаружен уже в начале XXI века в ходе исследований на поселении Прибрежное в Калининградской области (Зальцман, 2022, с. 23–24).

Последние десятилетия польскими исследователями продолжалась разработка вопросов взаимоотношения культур присваивающего и производящего хозяйства, появления и развития субнеолитических культур на Северо-Востоке Польши, к которым относится культура гребенчатой керамики, а также выделение нескольких волн неолитизации (например, Gumiński, 1999b; Domańska, 2003; Kabaciński, 2001; Nowak, 2006; 2021; и др.).

Памятники с гребенчатой керамикой с примесью дресвы Калининградской области: обзор и критика источника

Для систематизации изучаемых материалов с целью критики источника мы использовали разработанную

польскими исследователями схему (Józwiak, Domaradzka, 2011, s. 89) с небольшими доработками. Материалы разделены на три группы:

1 – материалы и архивные (полевые) данные существуют частично или полностью, доступны к изучению в вузах, музеях и архивах: поселения Прибрежное, Цедмар (работы В.И. Тимофеева), три фрагмента от гребенчатого сосуда со стоянки Петриккен;

2 – уничтожены или утеряны архивные материалы, которые можно частично проверить по сохранившемуся чертежу или описательной документации;

3 – уничтожены или утеряны как архивные материалы, так и сами археологические находки. Идентификация возможна по публикациям или по сведениям из музейных карточек: стоянки Кенигсберг, Петриккен (бóльшая часть коллекции), Хольштейн, Цедмар (довоенная коллекция).

Основная часть материалов относится к третьей группе, что существенно сужает наши возможности для достоверного анализа. Например, невозможно установить точное месторасположение памятника и его абсолютную хронологию. Однако, опираясь на полученную из опубликованных источников информацию, мы способны выяснить приблизительное нахождение стоянки, составить представление о профилировке и орнаментации посуды, реже – примеси в тесте сосудов.

1. Кенигсберг (Schlosskaserne). Памятник выявлен в 1926 г. Расположен на склоне делювиальной террасы на глубине более одного метра (Bohne-Fisher, 1941, s. 86–87). Спасательные работы проводились В. Герте (Gaerte, 1927). Толщина культурного слоя 0,2–0,25 м (Ebert, 1927, s. 266). Материал представлен фрагментами от сосудов гребенчатой керамики (рис. 2: 1), кремневыми ножевидными пластинами, скребками, сверлом, обломком наконечника копья и каменного топора, изделиями из янтаря (Ebert, 1927, s. 267), а также, по-видимому, очагами с остатками древесного угля, точильными камнями (Bohne-Fisher, 1941, s. 86). Стоянка является многослойной – среди материалов встречены несколько фрагментов культуры воронковидных кубков (Okulicz, 1973, s. 79).

2. Петриккен (Petricken, Alt-Heidlauken). Серия стоянок обнаружена в 1937/38 гг. Всего выявлены три места обнаружения находок, которые исследователи описывают в рамках единого памятника. Согласно опубликованным данным, материалы также залегали в делювиальных отложениях.

Участок А – на глубине 3,5 м в аллювиальном слое выявлен треугольный топор из рога лося с частично сохранившейся деревянной рукоятью.

Участок Б – в слое темно-серого цвета на глубине 3,5–4 м обнаружен треугольный черешковый наконечник стрелы и фрагменты от не менее чем трех гребенчатых сосудов (рис. 3). Также в слое выявлены необработанные кости рыб и животных (Ozols, 1965, s. 49).

Участок В (расположен в 200 м от участка Б) – в аллювиальном слое на глубине 4,5–5 м на уровне грунтовых вод обнаружены нож из ребра дикой лошади и фрагменты от крупного гребенчатого сосуда. Культурный слой насыщен остатками древесины, костями рыб и животных, а также мидиями.

3. Хольштейн (Holstein).

Единичные находки от сосудов с гребенчатым орнаментом происходят из поселения на северном берегу р. Преголя (Šturms, 1970, s. 246). К сожалению, отсутствует более детальное описание как места памятника, так и самого археологического материала.

4. Цедмар. Стоянки (Цедмар А и Д) расположены в пределах заторфованной низины между отрогами моренной возвышенности. Культурный слой представлен песчаными отложениями, расположенными на алеврите и запечатанными сверху сапропелем и/или торфом (Тимофеев, 1996, с. 262, 264). Немногочисленными фрагменты гребенчатой керамики с дресвой были выявлены в ходе работ К. Штади в начале XX века (Stadie, 1921).

В первой половине XX века многими исследователями материалы стоянок были отнесены к кругу гребенчатой керамики (впрочем, выделяли и иные культурные группы – воронковидных кубков, группу «Цедмар-Эртебелле», культуры шнуровой керамики) (Gaerte, 1927, 1928; Engel, La Baume, 1937; Europaeus-Äyräpää, 1930). Позднее были высказаны гипотезы о выделении особой культуры – цедмарской (серовской), не имеющей прямого отношения к культуре гребенчатой керамики (Äyräpää, 1955; Kempisty, 1970; Šturms, 1970). Исследования, проведенные В.И. Тимофеевым в 1970-х гг., подтвердили отличие цедмарских материалов от гребенчатых (Тимофеев, 1998). В ходе раскопок поселения Цедмар Д ему удалось выявить несколько фрагментов от сосудов гребенчатой керамики с примесью дресвы, которые залегали совместно с посудой типа Цедмар.

Согласно полученным радиоуглеродным датировкам, время существования стоянки относится к концу IV – первой половине III тыс. до н. э. (Timofeev, Zaitseva, Possnert, 1994; Kozicka, 2017, p. 267).

5. Прибрежное. Памятник выявлен в 1990-х гг. на берегу Вислинского залива. Культурный слой залегает в песчаных отложениях мощностью до 0,6 м. Возможно, часть слоя с материалами раннего – среднего неолита на данный момент находится под водой. Археологическая коллекция представлена артефактами приморской культуры шнуровой керамики (Зальцман, 2010). Три фрагмента от сосудов с гребенчатым орнаментом и примесью дресвы обнаружены в нижней части заполнения котлована постройки № 7 и культурном слое памятника (Зальцман, 2022).

Посуда культуры гребенчатой керамики с дресвой в Калининградской области

Цедмар Д. Среди коллекции керамических материалов, полученных в ходе работ К. Штади на цедмарском торфянике, к материалам гребенчатой культуры часто относили различные фрагменты керамики (Gaerte, 1927, abb. 68, 69, 70). В первую очередь значение имело наличие оттисков гребенчатого штампа вне зависимости от профилировки или формовочного теста сосуда. По нашему мнению, к материалам гребенчатой керамики из опубликованных в довоенное время материалов сейчас возможно отнесение только двух фрагментов (Gaerte, 1927, abb. 68, 70).

Фрагменты от двух сосудов были выявлены в ходе работ В.И. Тимофеева на стоянке Цедмар Д. Оба представлены венчиками (рис. 4: 1, 2). В формовочном тесте присутствует искусственная примесь дресвы. Внутренняя поверхность заглажена. Ленты соединены внахлест. Края венчиков прямые. Толщина стенок 10 мм. Орнаментация представлена рядом подквадратных ямок под венчиком сосудов. На одном фрагменте (рис. 4: 1) ямки сочетаются с рядом гребенчатых наклонных оттисков. Края обоих венчиков орнаментированы гребенчатыми отпечатками.

Прибрежное. С поселения к анализируемым материалам можно отнести фрагменты от трех керамических сосудов (рис. 4: 3–5). Как уже упоминалось, два фрагмента зафиксированы на нижнем уровне заполнения котлована постройки 7. Еще один

выявлен непосредственно в нижней части культурного слоя. Полученная AMS-дата по углю, извлеченному с нижнего уровня заполнения котлована того же сооружения, укладывается в интервал 3010–2900 Cal BC (4351 ± 24 BP, 3025–2902 (95,4%), GV-04329). Заглубленные в материковый песок в среднем до 0,50 м, длинные дома приморской культуры содержали значительное количество археологического материала. Помимо выявленных фрагментов гребенчатой керамики в этой постройке также обнаружено несколько мелких обломков посуды с обильной органической примесью (растительность), относящейся к неолитическому времени. В малом количестве такая керамика встречается в большинстве остальных жилых сооружений. Наличие чуждой местному комплексу керамики трактуется как показатель культурных связей (Зальцман, 2022, с. 122).

Указанные фрагменты керамики обладают следующими характеристиками:

1) Сосуд открытой формы, край венчика прямой, Г-образный (выявлен в постройке 7). В формовочном тесте присутствует примесь раковины и песка. Толщина стенки 8 мм. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены. Сосуд орнаментирован рядом ямок в шахматном порядке сразу под срезом венчика, от которого отходят вертикальные оттиски гребенчатого штампа. Срез венчика также орнаментирован короткими оттисками гребенки.

2) Фрагмент стенки сосуда, украшенного оттисками гребенчатого штампа (выявлен в постройке 7), по всей видимости, относится к тому же сосуду.

3) Сосуд открытой формы, край венчика скошен внутрь. В тесте в качестве искусственной примеси использованы кварц и песок. Ленты соединены внахлест. Толщина стенки 9 мм. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены. Под срезом венчика на тулове косо нанесены в ряд оттиски короткого полого штампа, под которым расположены друг под другом узкие овальные ямки. Срез венчика орнаментирован оттисками короткого гребенчатого штампа.

Петриккен. В фондах Калининградского областного историко-художественного музея выявлены три фрагмента от венчика сосуда, который был обнаружен на участке В (Ozols, 1965, abb. 1). Они относятся к сосуду открытой формы, с округлым краем венчика. В качестве примеси добавлена крупная дресва. Ленты соединены внахлест. Орнаментация представлена рядом косых коротких оттисков гребенки сразу под краем венчика, под которым расположены горизонтальные ряды оттисков гребенки, между первым и вторым рядами – округлые ямочные вдавления. Поверхность сосуда заглажена внутри и снаружи.

Материалы Калининградской области в контексте гребенчатых культур Юго-Восточной Прибалтики

К настоящему моменту польскими исследователями пристально изучены фрагменты керамики со стоянки Баркведа, прежде относившиеся к кругу гребенчатых культур. По их мнению, технология изготовления посуды и ее орнаментация находят близкие аналогии среди материалов нарвской культуры. В качестве подтверждения данного предположения исследователи приводят результаты радиоуглеродного датирования по нагару (без учета резервуарного эффекта) с данного фрагмента – 4820 ± 60 кал. лет до н. э. (Józwiak, Domaradzka, 2011, s. 97–98). По мнению С. Кукавки, в данном фрагменте возможно проследить смешение нарвской и гребенчатой культур, однако полученная дата

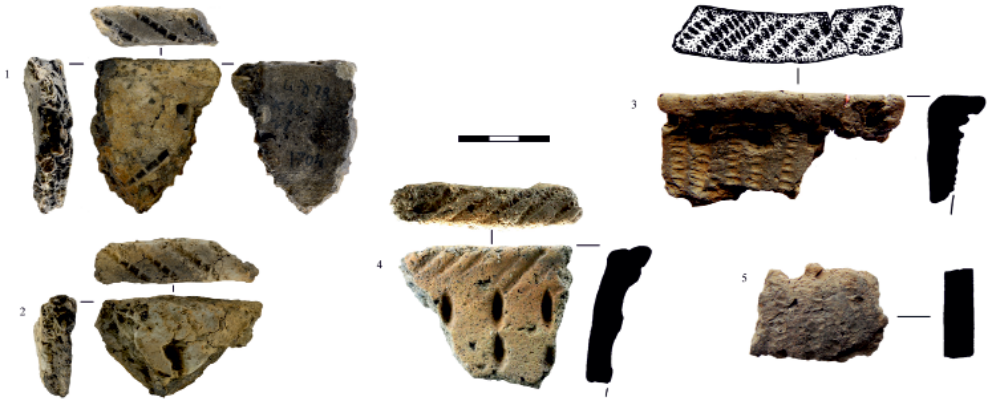

Рис. 4. Материалы культуры гребенчатой керамики Калининградской области: 1, 2 – Цедмар Д, 3–5 – Прибрежное.

Fig. 4. Comb Ware culture materials in Kaliningrad region: 1, 2 – Zedmar D, 3–5 – Pribrezhnoe.

представляется сильно удревненной (Kukawka et al., 2022, p. 447).

По мнению Б. Юзвяка и С. Домарадской, многие материалы, ранее по публикациям относимые к гребенчатым (за исключением стоянки Домбек), могут быть сопоставлены именно с нарвской культурой.

Серия стоянок, выявленная в верховьях р. Вислы, а также полученные радиоуглеродные даты свидетельствуют о наличии контактов между земледельцами и охотниками-собирателями на протяжении длительного времени и могут относиться к середине IV тыс. до н. э. (3700/3600 кал. лет до н. э.). Субнеолитические материалы также выявлены на левом берегу Вислы (Kukawka et al., 2022, p. 448).

Не менее интересными представляются открытия, сделанные в Литве. До начала 2000-х годов основные материалы гребенчатой керамики были выявлены на поселении Крятуонас 1А, немногочисленные фрагменты керамики встречались на памятниках Жямайтишке 2, Яра 2 и 4, Пашвитинис (Гирининкас, 1990, с. 63; Girininkas, 2009). Материалы с оттисками гребенчатого штампа также представлены на поселении Дактаришке (Piličiauskas, 2019, fig. 22, p. 54). Минимальное влияние гребенчатой керамики прослеживалось на обитателей стоянок в прибрежной части Литвы – Швентойи 2–4А, Швентойи 26 (Rimantienė, 2005).

В 2013 г. было обнаружено поселение Швентойи 43, расположенное на берегу древней лагуны или озера. Исследования на площади 67 кв. м позволили выявить поселение культуры гребенчатой керамики. Всего коллекция насчитывает фрагменты от минимум 21 сосуда. Посуда имела округлое дно и диаметр от 10 до 30 см. В формовочное тесто в качестве искусственной примеси добавлялись дробленая раковина и, возможно, растительность или волосы животных (Piličiauskas, 2019, p. 79). Ленты соединены внахлест в N-технике, поверхность заглажена. Орнаментация покрывала всю поверхность сосуда и представлена сочетанием глубоких и круглых ямок с оттисками гребенчатого штампа. Также встречаются оттиски зубчатого штампа разных размеров, реже оттиски шнура, а также полого штампа в виде «елочки». Аналогии материалам исследователи прослеживают среди посуды типичной (Mökkönen, Nordqvist, 2017) и поздней гребенчатой (пористой) керамики в Литве (Rimantienė, 2005). Всего получено восемь радиоуглеродных дат, из кото-

рых шесть могут быть сопоставлены с гребенчатой керамикой (Piličiauskas, 2019, p. 89, fig. 17). Первая фаза заселения памятника может быть отнесена к периоду 3900–3650 кал. лет до н. э., вторая фаза соотносится со временем распространения пористой керамики в регионе – 3300–3100 кал. лет до н. э.

В Белоруссии стоянки с материалами гребенчатой культуры выявлены в основном на севере и северо-западе страны, однако также они обнаружены в восточной части. Памятники расположены на низких песчаных озерных берегах (Археалогія Беларусі, 1997, с. 207). В качестве примеси в тесте использованы дресва и песок. В орнаментации доминирует гребенчатый штамп, посуда полностью покрыта орнаментом. По мнению исследователей, аналогии прослеживаются среди материалов восточной Литвы (памятник Крятуонас) и восточной Латвии (памятник Адамава). К сожалению, радиоуглеродные даты отсутствуют. По мнению М.М. Чернявского, появление гребенчатой керамики может быть соотнесено с первой половиной III тыс. до н. э., а источником могла послужить территория восточной Латвии (Археалогія Беларусі, 1997, с. 209).

Обсуждение

Немногочисленные памятники с материалами гребенчатой керамики в Юго-Восточной Прибалтике расположены в озерных котловинах, на берегах небольших рек и, в исключительных случаях, на берегу залива. В аналогичных местах памятники расположены и на территории Финляндии, Карельского перешейка, Эстонии (Europaeus-Äyräpää, 1930; Mökkönen, Nordqvist, 2017). Можно согласиться с гипотезой польских коллег, что памятников гребенчатой керамики в представленном регионе может быть больше, а их малоизученность объясняется сложностью поиска и залеганием культурного слоя в том числе в торфяниковых отложениях.

Посуда гребенчатой керамики Юго-Восточной Прибалтики характеризуется большими сосудами с острым дном, край венчика Г-образный или скошен внутрь. Сосуды лепились в ленточной технике (соединение внахлест), толщина стенок составляет от 7 до 10 мм. В качестве примесей использовались как минеральная (дресва, песок), так и органическая (раковина) примеси. Не зафиксировано использование минеральной и органической примесей одновременно. Орнаментация представлена оттисками гребенчатого штампа в сочетании с ямками различной формы.

Гребенчатая керамика из Прибрежного, судя по радиоуглеродным определениям, датируется началом IV–III тыс. до н. э. Близкий по форме и декору фрагмент сосуда был обнаружен на территории Северной Польши в довоенное время (Бяла Гура) (Gaerte, 1927, abb. 67). Аналогичный орнамент имел обломок сосуда со стоянки Яра-2, однако фрагменты различаются по технологии (минеральная/органическая примеси) (Piličiauskas, 2018, fig. 20: 2).

Вызывает интерес полное отсутствие изделий из сланца в изучаемом регионе (за исключением одного упоминания из коллекции Цедмар из раскопок К. Штади – Engel, 1935, s. 164). Они не выявлены как в культурных слоях памятников, так и в качестве случайных находок. Наиболее южными сланцевыми изделиями являются материалы со стоянок Швентойи 26 и 2–4А (Rimantienė, 2005). К сожалению, кремневые коллекции культуры гребенчатой керамики, изученные в довоенные годы, утеряны и не были опубликованы.

На данный момент можно с уверенностью сказать, что регион Юго-Восточной Прибалтики является юго-западной периферией распространения

гребенчатой керамики. Однако остается неясным вопрос о влиянии данной культуры на местное население, а также абсолютная хронология этого процесса.

Не менее перспективным является изучение вопроса распространения пористой гребенчатой керамики, сосуды которой выявлены на памятнике Швентойи 43. Появление гребенчатой керамики (3900–3650 cal BC) в прибрежной части Литвы совпадает со средним этапом развития цедмарской культуры (Gumiński, 2020, p. 128–129). Редкие фрагменты посуды цедмарской культуры декорированы гребенчатым оттиском (Gaerte, 1927, abb. 69). В то же время среди коллекций цедмарских материалов стоянок Щепанки и Дудка гребенчатой орнаментации не выявлено вовсе (Gumiński, 2020, p. 147).

С другой стороны, пористая керамика, встречаемая на памятнике Прибрежное, может быть синхронна второй фазе распространения пористой керамики в Прибалтике.

Детальное изучение материалов культуры гребенчатой керамики в Юго-Западной Прибалтике позволит не только очертить границу ее распространения, но и пролить свет на развитие субнеолитических культур региона в IV–III тыс. до н. э., включая ее влияние на развитие цедмарской культуры в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменны і бронзавы вякі / Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 1 / Пад рэд. М.М. Чарняўскага, А.Г. Калечыц. Мінск: Беларуская навука, 1997. 424 с.
2. *Гиринінкас А.А.* Крягуонас средний и поздний неолит / Археология Литвы. Кн. 7. Вильнюс: Мокслас, 1990. 112 с.
3. *Зальцман Э.Б.* Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 14. М.: ИА РАН, 2010. 312 с.
4. *Зальцман Э.Б.* Восточная группа приморской культуры. Проблемы происхождения и развития / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 27. М.: ИА РАН, 2022. 288 с.
5. *Тимофеев В.И.* Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии / Археология СССР. Т. 3 / Ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 162–165.
6. *Тимофеев В.И.* Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1998. С. 273–280.
7. *Äyräpää A.* Den yngre stenålderns kronologi i Finland i Sverige // Finskt Museum. 1955. № 62. С. 5–47.
8. *Bohne-Fischer H.* Ostpreußens Lebensraum in der Steinzeit // Schriften der Albertus-Universitat. Naturwissenschaftliche Reihe. Band. 2. Ost-Europa-Verlag, Königsberg (pr) und Berlin, 1941. 156 s.
9. *Domańska L.* Hunter-gatherers and farmers: neighbours in north-eastern Kuiavia, Poland // Documenta Praehistorica. 2003. 30. P. 93–98. https://doi.org/10.4312/dp.30.4
10. *Ebert M.* Reallexikon der Vorgeschichte Ostpreussen. Berlin: Walter de Gruyter, 1927. 322 s.
11. *Engel C.* Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen. Bd. I. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1935. 347 s.
12. *Engel C., La-Baume W.* Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1937. 291 s.
13. *Europaeus-Äyräpää A.* Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finnland I–II // Acta Archaeologica. 1930. Vol. I. P. 165–190, 205–220.
14. *Firbas F.* Waldgeschichte Mitteleuropas. Vol. 1. Jena, 1949.
15. *Gaerte W.* Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1927. 99 s.
16. *Gaerte W.* Zedmar // Reallexicon der Vorgeschichte. Band 14. 1928. S. 518–522.
17. *Girininkas A.* Lietuvos Archeologija. T. 1. Akmens amžius. Vilnius: Versus aureus, 2009. 328 s.
18. *Gross H.* Moorgeologische Untersuchungen der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // Prussia. Zeitschrift für Heimatkunde. 1939. H. 33, 1–2. S. 100–168.
19. *Gumiński W.* Środowisko przyrodnicze a tryb gospodarki i osadnictwa w mezolicie i paraneolicie nastanowisku Dudka w Krainie Wielkich Jezior Mazurskich // Archeologia Polski. 1999a. T. 44, z. 1–2. S. 31–74.

20. Gumiński W. Kultura Zedmar a kultura Narva. Razem czy osobno // Światowit. 1999b. T. 42. S. 59–69.

21. Gumiński W. The oldest pottery of the Para-Neolithic Zedmar culture at the site Szczepanki, Masuria, NE-Poland // Documenta Praehistorica. 2020. XLVII. P. 126–154.

22. Józwiak B., Domaradzka S. Studia nad osadnictwem społeczności subneolitycznych w Polsce północno-wschodniej. Zarys problematyki // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu / Eds. U. Stankiewicz, A. Wawrusiewicz. Białystok: Muzeum Podlaskie w Białymstoku, 2011. P. 87–101.

23. Kabaciński J. The Mesolithic-Neolithic transition in the southern Baltic Coastlands // Fontes Archaeologici Posnanienses. 2001. 3. P. 129–161.

24. Kempisty E. The Complex of Comb- and Pit-marked Pottery Cultures // The Neolithic in Poland. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo polskiej akademii nauk, 1970. P. 232–295.

25. Kempisty E. Kultura ceramiki grzebykowo-dołkowej na Mazowszu i Podlasiu // Wiadomości Archeologiczne. 1973. T. 38, z. 1. S. 3–74.

26. Kempisty E., Sulgostowska Z. Pierwsza osada neolityczna z ceramika typu Dubiczaj w północno-wschodniej Polsce // Wiadomości Archeologiczne. 1976. 41 (3). P. 305–324.

27. Kempisty E., Sulgostowska Z. Badania rozpoznawcze wokół torfowiska Łąki Staświńskie, woj. Suwałki // Sprawozdania Archeologiczne. 1986. T. 38. S. 57–76.

28. Kempisty E., Sulgostowska Z. Osadnictwo paleolityczne, mezolityczne i paraneolityczne w rejonie Woźnej Wsi, woj. łomżyńskie. Warszawa: Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk, 1991. 158 s.

29. Kilian L. Neuere Funde ältester Irdenware in Ostpreussen // Alt-Preussen. 1938. T. 3, z. 3. S. 85–89

30. Kostrzewski J. 1929. Nouvelles fouilles et découvertes en Poméranie polonaise // Revue Anthropologique. 1929. Vol. 39. S. 383–397.

31. Kowalczyk J. Poczqtki neolitu na ziemiach polskich // Wiadomości Archeologiczne. 1969. T. 34. S. 3–69.

32. Kozicka M. Absolute chronology of the Zedmar culture: re-thinking radiocarbon dates // Geochronometria. 2017. Vol. 44. P. 256–268.

33. Kozłowski L. Epoka Kamienia na wydmach wschodniej części wyżyny Małopolskiej. Lwów: Książnica Polska towarz. naucz. szkół wyższych, 1927. 274 s.

34. Kukawka S. The State of Current Knowledge of the Eastern European sub-Neolithic in Poland // Archaeologia Polona. 2019. Vol. 57. P. 63–77.

35. Kukawka S., Małecka-Kukawka J., Adamczak K. Where the Neolithic and Subneolithic met: pottery, landscape and hybridisation in the Lower Vistula region // Walking among ancient trees. Studies in honour of Ryszard Grygiel and Peter Bogucki on the 45th anniversary of their research collaboration / Eds. M. Grygiel, P. Obst. Łódź: Fundacja Badań Archeologicznych Imienia Profesora Konrada Jażdżewskiego, 2022. P. 441–454.

36. Mökkönen T., Nordqvist K. Kierikki Ware and the contemporary Neolithic asbestos- and organic-tempered potteries in north-east Europe // Fennoscandia Archaeologica. 2017. XXXIV. P. 83–116.

37. Nowak M. Transformation in East-Central Europe from 6000 to 3000 BC: local vs. foreign patterns // Documenta Praehistorica. 2006. XXXIII. P. 143–158.

38. Nowak M. Different Paths of Neolithisation of the North-Eastern Part of Central Europe // Open Archaeology. 2021. 7 (1). P. 1582–1601. 10.1515/opar-2020-0214

39. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e. Wroclaw-Warszawa-Krakow-Gdansk: Ossolineum, 1973. 588 s.

40. Ozols J. Die Südgruppe der kammkeramischen Kultur // Finski museum. 1965. 72. S. 47–76.

41. Piličiauskas G., Kisielienė D.; Piličiauskienė G.; Gaižauskas L.; Kalinauskas A. Comb Ware culture in Lithuania: new evidence from Šventoji 43 // Lietuvos Archeologija. 2019. 45. P. 67–103. https://doi.org/10.33918/25386514-045002 .

42. Timofeev V.I., Zaitseva G.I., Possnert G. The radiocarbon chronology on Zedmar Neolithic culture in the South-Eastern Baltic area // Światowit. 1994. 39. P. 125–134.

43. Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius: Žiburys, 1996. 175 s.

44. Rimantienė R. Akmens amžiaus žvejai prie Pajūrio lagūnos. Vilnius: Išleido Lietuvos nacionalinis muziejus, 2005. 527 p.

45. Stadie K. Die Steindörfer der Zedmar // Festschrift für A. Bezzenberger. Göttingen, 1921. S. 148–165.

46. Šturms E. Die Steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn: Habelt, 1970. 298 s.

Информация об авторах:

Ткач Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); evgeniia.tkach@gmail.com

Зальцман Эдвин Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); edwin_zalcman@mail.ru

COMB WARE CERAMIC MATERIALS WITH MINERAL TEMPER IN THE SOUTH-EASTERN BALTIC REGION

E.S. Tkach, E.B. Zaltsman

Rare finds of Comb Ware pottery vessels in the South-Eastern Baltic region (contemporary Kaliningrad region and North-Eastern Poland) were identified as early as the beginning of the XX century. Sometimes they were compared with materials from the Early or Late Neolithic periods. Unfortunately, most of the artifacts were lost during World War II. Currently, five Comb Ware culture sites have been identified in the Kaliningrad region, though ceramic materials from only three are available for study: Zedmar D (excavated in the 1970s), Pribrezhnoe (excavated in the XXI century), and Petricken (fragments of a preserved vessel from early XX century research). Analysis of their morphology, technology, and ornamentation – along with pre-war literature – suggests two distinct stages of habitation of the region by Comb Ware culture groups: Typical phase and the Late Comb ceramic one (IV–early III millennium BC). The southeastern Baltic represents the periphery of the Comb Ware cultural expansion, a trend also reflected in the pottery from the sub-Neolithic campsites in Poland.

Keywords: archaeology, Neolithic, sub-Neolithic, ceramics/pottery, Comb Ware culture, Eastern Prussia, Kaliningrad region, Poland, South-Eastern Baltic.

REFERENCES

1. Charnyaўskaga, M. M., Kalechyts, A. G. (eds.). 1997. Kamenny i bronzavy vyaki (Stone and Bronze Ages). Series: Arkhealogiya Belarusi *(Archaeology of Belarus)* 4. Minsk: “Belaruskaya navuka” Publ. (in Belorussian).
2. Girininkas, A. A. 1990. *Kryaguonas sredniy i pozdniy neolit (Krjatuonas. Middle and Late Neolithic).* Series Arkheologiya Litvy (Archaeology of Lithuania) 7. Vil'nyus: “Mokslas” Publ. (in Russian).
3. Zaltsman, E. B. 2010. *Poseleniya kul'tury shnurovoy keramiki na territorii Yugo-Vostochnoy Pribaltiki (Corded Ware culture settlements on the territory of the South-Eastern Baltic).* Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Proceedings of Rescue Archaeological Studies)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
4. Zaltsman, E. B. 2022. *Vostochnaya gruppa primorskoy kul'tury. Problemy proiskhozhdeniya i razvitiya (Eastern group of the Baltic Ware culture. Problems of origin and development).* Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Proceedings of Rescue Archaeological Studies)* 27. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
5. Timofeev, V. I. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoy Evrazii (The Neolithic of Northern Eurasia).* Series: Archaeology of the USSR 3. Moscow: “Nauka” Publ., 162–165 (in Russian).
6. Timofeev, V. I. 1998. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 3. Tver: “Tver State United Museum” Publ., 273–280 (in Russian).
7. Äyräpää, A. 1955. In *Finskt Museum*, 1955, 62, 5–47 (in Finnish).
8. Bohne-Fischer, H. 1941. In *Schriften der Albertus-Universitat. Naturwissenschaftliche Reihe,* 2 (in German).
9. Domańska, L. 2003. In *Documenta Praehistorica*, 2003, 30, 93–98 (in English).
10. Ebert, M. 1927. *Reallexikon der Vorgeschichte Ostpreussen*. Berlin: “Walter de Gruyter” Publ. (in German).
11. Engel, C. 1935. *Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen.* Bd. I. Königsberg: “Gräfe und Unzer” Publ. (in German).
12. Engel, C., La-Baume, W. 1937. *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande.* Königsberg: “Gräfe und Unzer” Publ. (in German).

The article was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-78-01172, "At the intersection of two worlds: cultural traditions of Central and Eastern Europe in the Late Stone Age of the Kaliningrad region").

13. Europaeus-Äyräpää, A. 1930. In *Acta Archaeologica*, 1930, I, 165–190, 205–220 (in Finnish).
14. Firbas, F. 1949. *Waldgeschichte Mitteleuropas.* Vol. 1. Jena (in German).
15. Gaerte, W. 1927. *Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens.* Königsberg: "Gräfe und Unzer" Publ. (in German).
16. Gaerte, W. 1928. In *Reallexicon der Vorgeschichte,* 14, 518–522 (in German).
17. Girininkas, A. 2009. *Lietuvos Archeologija.* T. 1. Akmens amžius. Vilnius: "Versus aureus" Publ. (in Lithuanian).
18. Gross, H. 1939. In *Prussia. Zeitschrift für Heimatkunde,* 33, 1–2, 100–168 (in German).
19. Gumiński, W. 1999a. In *Archeologia Polski*, 44, 1–2, 31–74 (in Polish).
20. Gumiński, W. 1999b. In *Światowit,* 42, 59–69 (in Polish).
21. Gumiński, W. 2020. In *Documenta Praehistorica,* XLVII, 126–154 (in English).
22. Józwiak, B., Domaradzka, S. 2011. In Stankiewicz, U, Wawrusiewicz A. (eds.). *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: "Muzeum Podlaskie w Białymstoku" Publ., 87–101 (In Polish).
23. Kabaciński, J. 2001. In *Fontes Archaeologici Posnanienses*, 3, 129–161 (in English).
24. Kempisty, E. 1970. In *The Neolithic in Poland.* Wrocław–Warszawa–Kraków: "Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo polskiej akademii nauk" Publ., 232–295 (in English).
25. Kempisty, E. 1973. In *Wiadomości Archeologiczne*, 38, 1, 3–74 (in Polish).
26. Kempisty, E., Sulgostowska, Z. 1976. In *Wiadomości Archeologiczne*, 41 (3), 305–324 (in Polish).
27. Kempisty, E., Sulgostowska, Z. 1991. *Osadnictwo paleolityczne, mezolityczne i paraneolityczne w rejonie Woźnej Wsi, woj. łomżyńskie.* Warszawa: "Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk" Publ. (in Polish).
28. Kempisty, E., Sulgostowska, Z. 1986. In *Sprawozdania Archeologiczne,* 38, 57–76 (in Polish).
29. Kilian, L. 1938. *In Alt-Preussen*,3, 3, 85–89 (in German).
30. Kostrzewski, J. 1929. In *Revue Anthropologique*, 39, 383–397 (in French).
31. Kowalczyk, J. 1969. In *Wiadomości Archeologiczne*, 34, 3–69 (in Polish).
32. Kozicka, M. 2017. In *Geochronometria*, 44, 256–268 (in English).
33. Kozłowski, L. 1927. *Epoka Kamienia na wydmach wschodniej części wyżyny Małopolskiej.* Lwów: "Książnica Polska towarz. naucz. szkół wyższych" Publ. (in Polish).
34. Kukawka, S. 2019. In *Archaeologia Polona*, 57, 63–77 (in English).
35. Kukawka, S., Małecka-Kukawka, J., Adamczak, K. 2022. In Grygiel, M., Obst P. (eds.). *Walking among ancient trees. Studies in honour of Ryszard Grygiel and Peter Bogucki on the 45th anniversary of their research collaboration*. Łódź: "Fundacja Badań Archeologicznych Imienia Profesora Konrada Jażdżewskiego" Publ., 441–454 (in English).
36. Mökkönen, T., Nordqvist, K. 2017. In *Fennoscandia Archaeologica*, XXXIV, 83–116 (in English).
37. Nowak, M. 2006. In *Documenta Praehistorica*, XXXIII, 143–158 (in English).
38. Nowak, M. 2021. In *Open Archaeology,* 7 (1), 1582–1601 (in English).
39. Okulicz, J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e.* Wroclaw-Warszawa-Krakow-Gdansk: "Ossolineum" Publ. (in Polish).
40. Ozols, J. 1965. In *Finskt museum,* 72, 47–76 (in German).
41. Piličiauskas, G., Kisielienė, D., Piličiauskienė, G., Gaižauskas, L., Kalinauskas, A. 2019. In *Lietuvos Archeologija,* 45, 67–103 (in English).
42. Timofeev, V.I., Zaitseva, G.I., Possnert, G. 1994. In *Światowit*, 39, 125–134 (in English).
43. Rimantienė, R. 1996. *Akmens amžius Lietuvoje.* Vilnius: "Žiburys" Publ. (in Lithuanian).
44. Rimantienė, R. 2005. *Akmens amžiaus žvejai prie Pajūrio lagūnos.* Vilnius: "Išleido Lietuvos nacionalinis muziejus" Publ. (in Lithuanian).
45. Stadie, K. 1921. In *Festschrift für A. Bezzenberger.* Göttingen, 148–165 (in German).
46. Šturms, E. 1970. *Die Steinzeitlichen Kulturen des Baltikums.* Bonn: "Habelt" Publ. (in German).

About the Authors:

Tkach Evgeniia S. Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; evgeniia.tkach@gmail.com

Zaltsman Edwin B. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; edwin_zalcman@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.63.80

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОБРАБОТКА КЛЫКА МОРЖА НА ПОСЕЛЕНИИ НЕОЛИТА – ЭПОХИ БРОНЗЫ МАЯК 2 (МУРМАНСКАЯ ОБЛ.)[1]

© 2025 г. А.А. Малютина, Н.В. Крюкова

В статье представлены результаты комплексного анализа предметов, изготовленных из клыка атлантического моржа (*Odobenus rosmarus rosmarus*), найденных при раскопках поселения неолита – эпохи бронзы Маяк 2 в Мурманской обл. В результате просмотра коллекции изделий из твёрдых органических материалов нами было выделено и описано 20 предметов, сырьём для которых послужили зубы и кости этого животного. Для всех изделий был проведён трасологический анализ. Анализируемая выборка была разделена на категории: лезвийные вставки топоров/тёсел, кинжаловидное изделие, украшения-подвески и орнаментированные накладки, фрагменты изделий. Кроме того, были определены заготовки и отходы производства. Все находки соотнесены со структурными элементами моржового клыка, дана по возможности половозрастная идентификация животных, клыки которых были использованы. По итогам анализа была реконструирована цепочка операций, направленных на получение клыка и определены приёмы его обработки. Установлено, что для обработки большей части предметов использовались металлические инструменты. Эти данные, в совокупности с результатами фаунистического анализа и стратиграфической позицией изделий, позволили прийти к выводу о развитии промысла моржей с дальнейшей обработкой их клыков не раньше середины 2 тыс. до н. э. (эпоха бронзы). На данный момент мы можем утверждать, что находки с поселения Маяк 2 являются самыми ранними свидетельствами этого производства в Европейской Арктике.

Ключевые слова: археология, Арктика, Фенноскандия, Маяк 2, клык моржа, трасология, структурно-морфологический анализ, технология, следы обработки, неолит, бронзовый век, охотники на морских зверей.

Это исследование является продолжением серии публикаций, посвящённых вопросам косторезного производства в арктической зоне Фенноскандии в эпоху неолита и бронзового века, вопросам, связанным с транзитом технологии производств с использованием каменных и позднее металлических (бронзовых) инструментов (Мурашкин и др., 2019; Малютина, 2019; Малютина, Мурашкин, 2022; Малютина и др., 2023).

Памятников каменного – бронзового века с сохранившимися изделиями из твёрдых органических материалов на территории Кольского п-ова известно не так много. Среди них многослойное поселение Маяк 2, исследованное КолАЭ ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной в 1979–1984 гг., является уникальным по количеству, разнообразию и сохранности изделий из кости, рога и зубов. Сам памятник находится в северной части Кольского п-ова на побережье Дроздовской губы Нокуевского залива Баренцева моря (рис. 1: 1). По результатам радиоуглеродного датирования древесного угля и нагара на керамике поселение датируется в интервале 4730–1430 calBC (Гурина, 1997; Мурашкин, Карпелан, 2013). Длительное существование поселения, судя по всему, было обусловлено его удачной локацией, ограниченной на севере-востоке морем, с противоположной, юго-западной, – небольшой морской бухточкой, с двух других сторон – скальными возвышенностями (рис. 1: 2). Как отмечает Н.Н. Гурина, небольшой заболоченный участок с северо-западной стороны, из которого вытекает ручей, был в момент существования поселения небольшим водоёмом – источником пресной воды

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект №23-28-00543: “Традиции косторезного производства в арктической зоне Фенноскандии в неолите и бронзовом веке”.

Рис. 1. 1 – карта Кольского полуострова с указанием расположения поселения Маяк 2 (топооснова GEBCO Web Map Service); 2 – вид на поселение Маяк 2, 2023 г. (указано стрелочкой) (фото: Дзенисов Г.А.)

Fig. 1. 1 – A map of the Kola Peninsula indicating the location of the settlement Mayak 2 (topographic basis GEBCO Web Map Service); 2 – view of the settlement of Mayak 2, 2023 (indicated by an arrow) (photo: Dzenisov G.A.)

(Гурина, 1997, с. 56). Такое расположение позволяло совмещать успешную эксплуатацию как морских, так и наземных ресурсов.

В эпоху неолита на побережье Баренцева моря сформировалась культура охотников на морского зверя. Морской зверобойный промысел достигает здесь своего расцвета в начале бронзового века (в эпоху раннего металла) (Шумкин, 2016). На это указывают в том числе обнаруженные фаунистические остатки. Так, в культурных слоях поселения Маяк 2, относящихся к этому периоду, кости морских млекопитающих (гренландский тюлень, кольчатая нерпа) составляют до 90% (Гурина, 1997; Шумкин, 1984). Промысел млекопитающих из семейства настоящих тюленей (*Phocidae*) обеспечивал население пищей, шкурами и жиром. В меньшем количестве определены кости китообразных (*Cetacea*). Для специализированной охоты использовались разнообразные наконечники гарпунов, острог и копий, кинжалы из кости, рога и сланца (Гурина, 1997, с. 104; Киселёва, Мурашкин, 2019а). Сцены этой охоты отражены и в наскальных изображениях (Колпаков, Шумкин, 2012; Шумкин, 2016). Считается, что охота на гренландских тюленей и кольчатую нерпу велась с поздней зимы до весны (с марта по май) во время их миграции с Белого моря к кромкам полярных льдов (Helskog et al., 2023, p. 109). Немигрирующие виды лишь периодически отмечены на побережье Баренцева моря (Hodgetts, 1999). Сухопутная охота, судя по костным остаткам, велась на северного оленя, медведя, бобра, песца и птиц. Многочисленны также кости рыб. Рога и кости северного оленя служили основным сырьём для изготовления промыслового снаряжения, изделий утилитарного и неутилитарного характера (Малютина, Мурашкин, 2022; Малютина и др., 2023).

Среди коллекции из твёрдых органических материалов поселения Маяк 2 особняком стоят уникальные для неолита и бронзового века Северной Фенноскандии изделия из клыка моржа, кости которого в небольшом количестве также были обнаружены в процессе раскопок. В настоящее время границы ареала атлантическо-

го подвида моржа (*Odobenus rosmarus rosmarus*) расположены гораздо восточнее. Однако в аномально морозные годы возможны заходы моржей за пределы ареала и сейчас, поскольку море в районе северной части Кольского п-ова не замерзает. Например, в период 1972–1995 гг. моржей встречали в осеннее и зимнее время в районах о-ва Кильдин, о-вов Семь островов, на северном побережье Кольского п-ова (Соколов и др., 2001).

В процессе просмотра всей коллекции изделий и отходов их производства из кости, рога и зубов памятника Маяк 2 (1824 экз.) нами было отобрано 20 предметов, археозоологическое определение которых позволило соотнести их с костями и зубами вида *Odobenus rosmarus rosmarus* (определения сделаны к.б.н. Н.В. Крюковой). В связи с этим проведённое исследование преследовало несколько задач: создание подробной характеристики клыка моржа как поделочного сырья, описание его свойств, знание которых позволяло древним косторезам создавать свои изделия; анализ и введение в научный оборот, в том числе раннее не опубликованных, изделий из клыка моржа и отходов его производства на поселении Маяк 2 с детальным описанием следов обработки и использования; анализ археологических и этнографических данных по способам промысла моржей и различным вариантам добычи клыка с целью его последующей обработки с обсуждением и реконструкцией этих возможностей в период неолита – бронзового века на поселении Маяк 2.

Методика исследования

Хорошая сохранность поверхности анализируемой выборки позволила применить к ним методику экспериментально-трасологического анализа следов обработки и использования (Семёнов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996; Marreiros et al., 2015; Малютина, 2023). Для анализа использовалось следующее оборудование и программное обеспечение: стереомикроскоп МБС-9 (косонаправленное освещение; увеличение до 98 крат) и стереомикроскоп Альтами СМ0745 (косонаправленное освещение; увеличение до 45 крат), установка для макросъёмки с возможностью микрофокусировки в сочетании с камерой Canon EOS 450D и Canon EOS R6 Mark II, объективами Canon Macro EF-S 60 mm 1:2.8 USM и Canon Macro EF-S 100 mm f/2.8L Macro IS USM при косонаправленном внешнем освещении светодиодными и люминесцентными осветителями; программы Canon EOS Utility, Helicon Focus.

Клык моржа как поделочное сырьё

Морж – самое крупное ластоногое Арктики. Самцы атлантического моржа достигают 1200–1500 кг веса и 3,1–3,5 м длины. Самки мельче, их вес составляет около 600–700 кг, а длина – до 2,5–2,8 м (Чапский, 1936; Mansfield, 1958). Моржи большую часть года проводят на льдах, а после их распада в летне-осенний период выходят на берег для отдыха, формируя временные залёжки или лежбища.

Особенностью данного вида является наличие крупных верхних клыков (бивней) у обоих полов (рис. 2: 1), которые растут в течение всей жизни. Самцы имеют более толстые и прямые клыки, концы которых расходятся. Самки, наоборот, имеют более тонкие и чуть изогнутые клыки, концы которых идут параллельно или сходятся. Сечение клыков у самцов более округлое, а у самок – овальное. У самца при длине клыка по внешнему краю изгиба – 46 см, обхват бивня в районе десны составляет 20 см, а у самок при длине клыков 52,5 см – обхват 13,4 см (Чапский, 1936). Клыки на внутренней (язычной) стороне имеют одну неглубокую продольную бороздку, идущую по всей длине клыка, а на наружной поверхности – две (Fay, 1982).

Когда постоянные зубы моржей прорезаются, они покрыты слоем эмали. Эта эмаль, постепенно стираясь в течение двух лет, полностью исчезает к возрасту трёх лет. После этого эмаль больше не откладывается и у взрослых моржей клык покрывает слой цемента, отполированный водой.

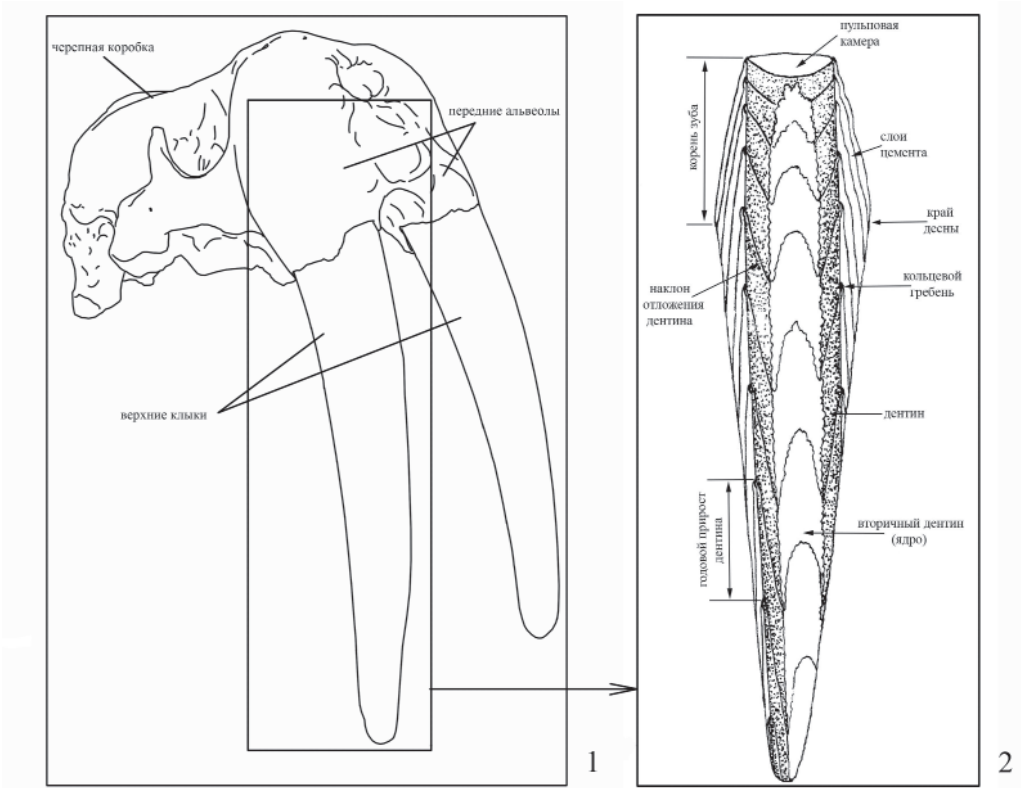

Рис. 2. Фрагмент черепа моржа и его элементы (рисунок Малютиной А.А.) – 1, структура клыка (бивня) моржа (по: Fay, 1982 с дополнениями Крюковой Н.В.) – 2.

Fig. 2. A fragment of a walrus skull and its elements (drawing by Malyutina A.A.) – 1, the structure of a walrus tusk (by: Fay, 1982 with additions by Kryukova N.V.) – 2.

Цемент откладывается на стенках корня верхнего клыка ежегодно в течение всей жизни, пока зуб находится в альвеоле. Динамика отложения цемента на клыках отличается от таковой на остальных функциональных зубах (Крюкова, 2015а). Все слои цемента на клыках имеют примерно одинаковую толщину и каждый слой лишь частично перекрывает предыдущий (Fay, 1982) (рис. 2: 2). У самых молодых животных из-за быстрого линейного роста бивня наблюдается наименьшая степень перекрытия слоёв цемента (около 60%), а наибольшая степень перекрытия (более 95%) наблюдается у самых старых животных. Максимальная толщина цемента на бивнях приходится на край десны. Толщина цемента в этом месте у самцов в возрасте около 15 лет составляет около 2–2,5 мм, у старых – около 4 мм, а у самок примерно на 2/3–3/4 меньше, чем у самцов сходного возраста (Fay, 1982).

Дентин откладывается в бивне ежегодно в течение всей жизни. Слои гомогенного дентина располагаются на стенках пульповой камеры и её внутренней части под острым углом. На наружной стенке клыка видны кольцевые гребни дентина, которые появляются в конце годового нарастания. У молодых животных темп прироста длины клыков высокий, но с возрастом он замедляется, и ширина между кольцевыми гребнями уменьшается. Обычная скорость прироста дентина у взрослого моржа 1–3 см в год, а у старых животных – всего 1 мм в год, при этом увеличивается угол отложения дентина (Fay, 1982) (рис. 2: 2).

По весу дентин менее минерализован (70%), чем эмаль (96%), но более минерализован, чем кость или цемент

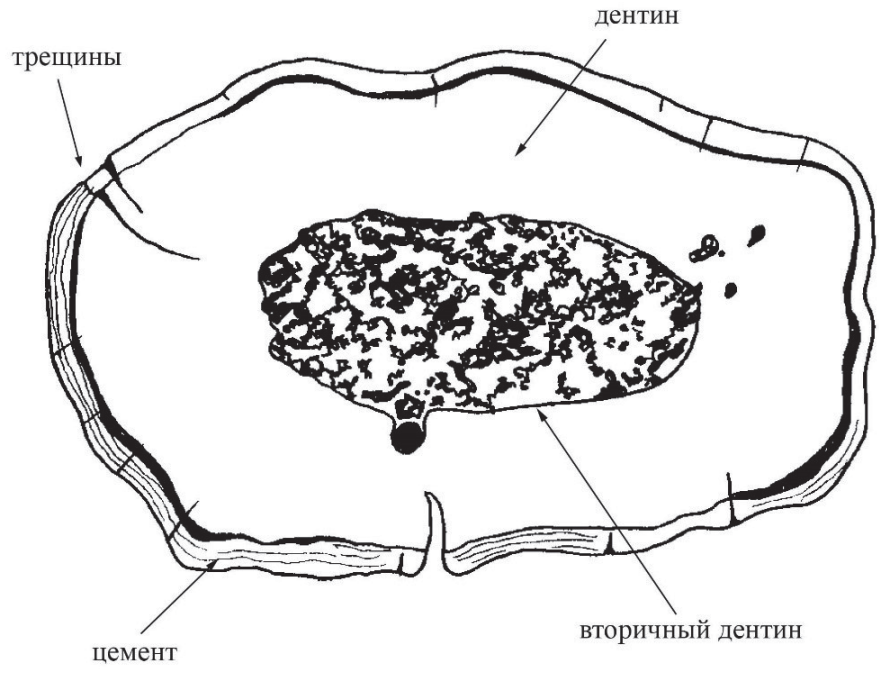

Рис. 3. Морфология клыка на поперечном сечении
(по: LeMoine, Darwent, 1998 с дополнениями Крюковой Н.В.).

Fig. 3. Morphology of the tusk in cross section
(by: LeMoine, Darwent, 1998 with additions by Kryukova N.V.).

(около 65%) (Goldberg et al., 2011). Однако дентин неоднороден и состоит из разных типов, отражающих разные функции и несущих свои особенности. Особенностью строения зубов моржей является наличие в их центральной части большого количества вторичного дентина, расположенного в виде стержня или ядра (core) (Ray, 1975; Fay, 1982) (рис. 2: 2). Его еще называют глобулярный остеодентин (globular osteodentin), глобулярный (globular dentin) или мраморный дентин (marbled dentin) (Fay, 1982; LeMoine, Darwent, 1998). Этот дентин, подверженный вторичной минерализации, имеет более плотную структуру в виде скопления глобул сферической формы. Количество вторичного дентина с возрастом увеличивается. По всей видимости, у самцов откладывается большее его количество, чем у самок. Стержень глобулярного дентина составляет около 40% объема бивня (Fay, 1982). Этот тип дентина встречается также и у других животных, таких как кашалот, морской слон, кабан, но в значительно меньшем количестве и имеет немного другое распределение (Ray, 1975). На срезе клыка скопление глобулярного дентина имеет форму овала (рис. 3).

Цемент и гомогенный дентин имеют слоистую структуру белого цвета. Цемент хрупкий, и часто на клыках появляются трещины, которые проникают в дентин (рис. 3: 3). Глобулярный дентин имеет иную структуру – шаровидные глобулы желтоватого оттенка, по всей видимости имеющие минерализацию более 70%. Среди этих трёх структур клыка (цемент, гомогенный и глобулярный дентин) при соприкосновении с морской водой темнеет раньше остальных гомогенный дентин. Это хорошо видно у живых моржей: там, где стёрт тонкий слой цемента и оголяется дентин, последний начинает темнеть.

С использованием всей вышеприведенной информации о строении и морфологии клыка моржа, с учетом

Таблица 1

№	№ по описи_год	Гор-т	Категория, группа	Материал	Пол	Возраст	Структурные особенности использованного сырья	Рис.
1	6328_1980	-	лезвийная вставка топора/ тесла	клык	самка	неопр.	Проксимальная часть клыка. Глобулярный дентин смещён к одной из сторон	Рис. 4: 1, 2
2	12_1981	1	лезвийная вставка топора/ тесла	клык	самка	около 20 лет	Проксимальная боковая часть клыка. Хорошо видны кольцевые гребни дентина	Рис. 4: 3
3	55_1981	2	кинжаловидное изделие (заготовка)	клык	самка	неопр.	Проксимальная часть клыка. Заготовка-целый клык	Рис. 5: 1
4	61_1980	2	изделие, фрагмент	клык	неопр.	неопр.	Глобулярный дентин с видимыми слоями гомогенного дентина	Рис. 5: 2
5	38_1980	2	украшение-подвеска	клык	самец	взрослая особь	Глобулярный дентин в проксимальной части клыка ближе к краю альвеолы с остатками гомогенного дентина.	Рис. 5: 3, 5
6	47_1980	2	украшение-подвеска, фрагмент	клык	самец	взрослая особь	Глобулярный дентин в проксимальной части клыка ближе к краю альвеолы с остатками гомогенного дентина.	Рис. 5: 4, 6, 7
7	79_1980	2	орнаментированная накладка	клык	самец	взрослая особь	Проксимальная часть клыка, наиболее близкая к пульповой камере. Гомогенный дентин. Остатки глобулярного дентина.	Рис. 6: 1-4
8	3403_1982	2	орнаментированная накладка, фрагмент	клык	неопр.	неопр.	Гомогенный дентин с видимыми участками глобулярного.	Рис. 6: 5
9	2782_1980	2	заготовка	клык	неопр.	неопр.	Глобулярный дентин с видимыми слоями гомогенного дентина	Рис. 7: 1, 2
10	3841_1980	2-3	заготовка	клык	неопр.	неопр.	Гомогенный дентин с видимыми участками глобулярного.	Рис. 7: 3, 4
11	6329_1980	-	заготовка	клык	неопр.	неопр.	Гомогенный дентин с видимыми участками глобулярного.	Рис. 7: 5
12	114_1981	2	заготовка	клык	неопр.	неопр.	Гомогенный и глобулярный дентин.	Рис. 7: 6
13	16_-	-	заготовка	клык	неопр.	неопр.	Гомогенный дентин.	Рис. 7: 7
14	97_-	2	заготовка	клык	неопр.	неопр.	Гомогенный и глобулярный дентин.	Рис. 7: 8
15	51_1980	2	отход производства	клык	самка	взрослая особь	Дистальная часть зуба. Гомогенный дентин с видимым стержнем глобулярного.	Рис. 7: 9
16	3017_1982	2	отход производства	клык	неопр.	неопр.	Проксимальная часть клыка. Гомогенный дентин с видимыми участками глобулярного.	Рис. 7: 10
17	3205_1982	2	отход производства	клык	неопр.	неопр.	Наружная стенка. Гомогенный дентин с видимыми участками глобулярного.	Рис. 7: 11
18	548_1980	1	отход производства	клык	неопр.	неопр.	Дистальная часть зуба. Слои цемента.	Рис. 7: 12
19	54_1979	1	отход производства	клык	неопр.	неопр.	Боковая часть зуба. Гомогенный дентин с видимыми участками глобулярного.	Рис. 7: 13
20	564_1980	1	отход производства	кость	неопр.	6-9 лет	Сосцевидный отросток черепа	Рис. 7: 14

Рис. 4. Маяк 2. Лезвийные вставки топоров/ тёсел из клыка моржа – 2, 3, следы использования на рабочем лезвии – 1 (фото: Малютина А.А., Такташева С.Д.)

Fig. 4. Mayak 2. Blade inserts of axes/ adzes made of walrus tusk – 2, 3, traces of use on the working blade – 1 (photo: Malyutina A.A., Taktasheva S.D.)

возрастных и половых его особенностей были обследованы изделия с поселения Маяк 2.

Изделия из клыка моржа с поселения Маяк 2

В результате проведённого комплексного исследования (трасологический анализ и структурно-морфологический анализ сырья) все имеющиеся предметы (20 экз.) были разделены на категории и группы (табл. 1).

1. Лезвийные вставки топоров/ тёсел (2 экз.). Два массивных предмета по форме выделенного лезвия и обушка могут быть отнесены к категории рубящих орудий, точнее их лезвий (табл. 1; рис. 4: 2, 3). В обоих случаях сырьём послужили проксимальные части клыков самок, ближе к альвеолярным полостям корней зубов, где ширина и толщина зуба достигает своих максимальных значений. Следов первичного извлечения необходимых фрагментов из зуба не сохранилось. На одном изделии лучшей сохранности (рис. 4: 2) отмечены следы продольной поверхностной оттёски, рубки и линейные следы, наиболее близкие по своей морфологии к следам скобления. Исходя из характера последних, можно сказать, что инструментом обработки клыка послужило каменное орудие. Сама структура зуба указывает на то, что заготовку обрабатывали со всех сторон, обтёсывая или подрубая последовательными движениями, снимая слои цемента и дентина, доходя местами до центрального вторичного или глобулярного дентина. Лезвие, судя по всему, было сформировано продольными к оси клыка сняти-

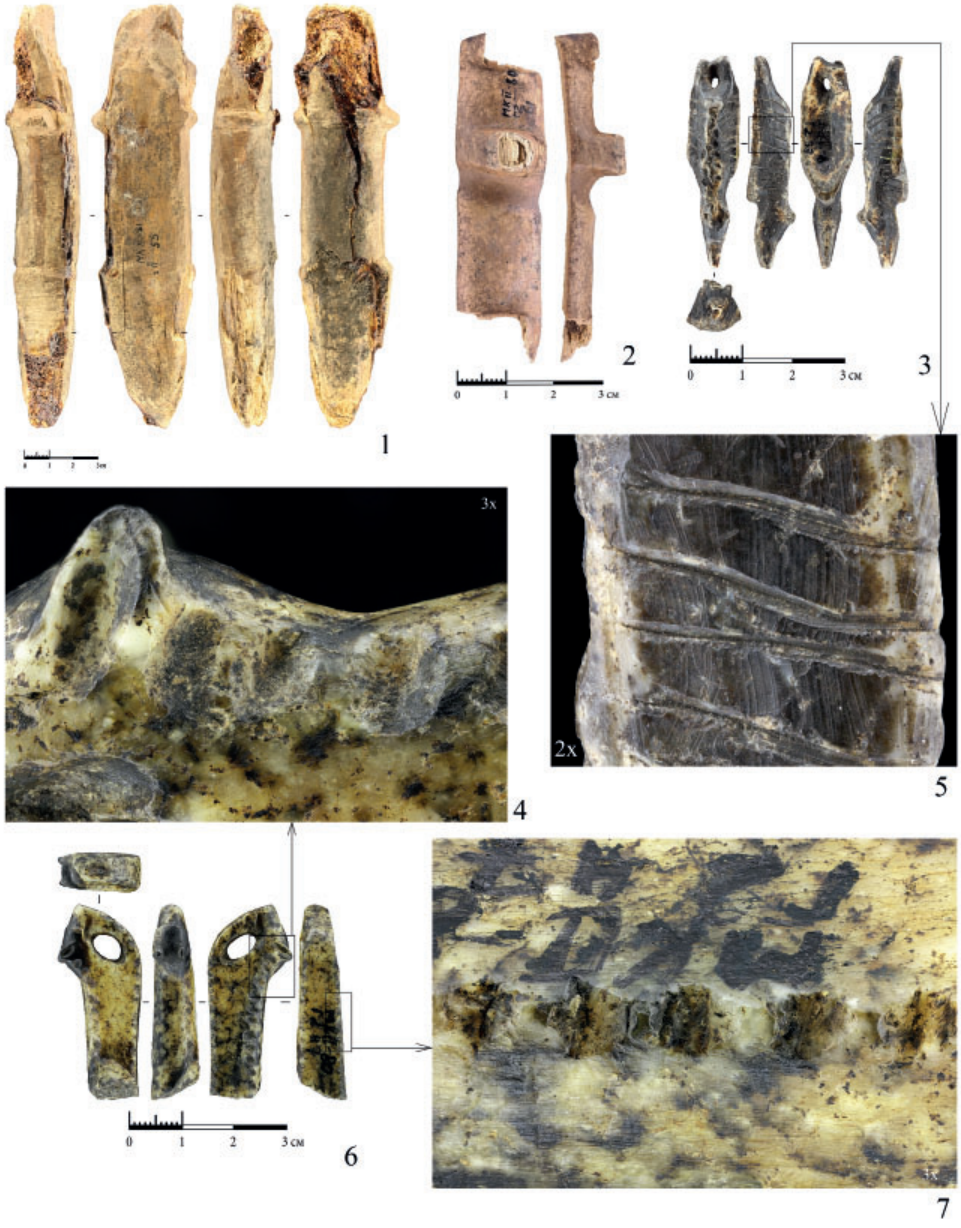

Рис. 5. Маяк 2. Изделия из клыка моржа. Кинжаловидное изделие (заготовка) – 1, изделие, фрагмент – 2, украшения-подвески – 3, 6. Макрофотографии деталей гравировки украшений-подвесок (ув. 2×, 3×) – 4, 5, 7 (фото: Малютина А.А., Такташева С.Д.)

Fig. 5. Mayak 2. Products made from walrus tusk. Dagger-shaped product (blank) – 1, item, fragment – 2, pendants – 3, 6. Macrophoto of details of engraving pendants (×2, ×3) – 4, 5, 7 (photo: Malyutina A.A., Taktasheva S.D.).

ями (ударами в торец). Получившиеся фасетки сколов чуть более выражены на одну сторону и менее на противоположную, где их грани сильно сглажены. На асимметрично скошенном лезвии хорошо прослеживается износ утилизации в виде сильной забитости кромки лезвия с сильной деформацией ближе к одному краю (рис. 4: 1). На некоторых участках лезвия просматриваются грубые линейные следы, продольно и под наклоном от-

ходящие от кромки лезвия. Характер износа указывает на длительную работу по твёрдому материалу, такому как древесина или лёд. Аналогичный утилитарный износ был неоднократно экспериментально воспроизведён на рубящих орудиях из рога оленей или лосей (Orłowska, Osipowicz, 2017; Малютина, 2023). Однако, до проведения экспериментов с клыком моржа, однозначную функциональную интерпретацию изделию с Маяка 2 мы давать не будем. На втором предмете из этой категории следов обработки не обнаружено (рис. 4: 3). Лезвие сохранилось частично в форме нескольких фасеток сколов, сильно сглаженных, эродированных. Следов использования также не выявлено.

2. Кинжаловидное изделие (заготовка). В единственном экземпляре представлен стержневидный заостренный с одного конца предмет с двумя валиками. Валик, расположенный ближе к рукояточной части, имеет более четкую форму, оба валика охватывают ¾ периметра изделия (табл. 1; рис. 5: 1). Для изготовления был использован почти целый клык самки моржа, ближе к его проксимальной части. Поверхность использованного зуба со всех сторон обработана продольной рубкой и оттёской, так что местами хорошо различимы глобулы вторичного дентина. Боковые валики грубо вырублены. Предмет сильно деформирован и испорчен реставрацией. Тем не менее технологические следы достаточно хорошо различимы. Характер этих следов, сама форма изделия позволяют заключить, что предмет не закончен и может быть охарактеризован как заготовка массивного кинжаловидного изделия с упорами для фиксации (наконечник копья?). Следов использования нет.

3. Изделие, фрагмент. В виде фрагмента сохранилось более крупное и сложное по форме изделие (табл. 1; рис. 5: 2). Сложно определить, какая часть клыка была использована; здесь были отмечены участки и глобулярного дентина, и гомогенного, по слоям которого, судя по всему, и произошло расслоение изначального предмета. На фрагменте сохранились три выступа, у центрального из которых выполнен желобок. На поверхности сохранились следы изготовления в виде тонких регулярных линий скобления и тонких, еле заметных следов резания. Инструмент обработки, судя по всему, был сделан из металла. На дне желобка были прослежены поперечные к оси изделия линейные регулярные следы, которые могли сформироваться в результате трения.

4. Украшения-подвески. Уникальными примерами косторезного мастерства являются две подвески (одна фрагментированная) с зооморфными изображениями (табл. 1; рис. 5: 3, 6). Н.Н. Гурина видела в этих объёмных скульптурах собаку или другого небольшого хищника (лисица или горностай) (Гурина, 1997, с. 116–117), но, на наш взгляд, это больше похоже на голову (рис. 5: 6) и изображение плывущего белого медведя (рис. 5: 3), фигурки которых у коренных народов Севера (чукчей) использовались в качестве оберегов (амулетов) (Тейн, 1983, с. 5; Бронштейн и др., 2002). В археологии Северной Фенноскандии имеется множество других примеров символического значения этого хищника (Хельског, 2016). Обе подвески изготовлены из глобулярного дентина клыков взрослых самцов моржей. Использовалась проксимальная часть клыка, где стержень зуба шире (соответственно, и объём вторичного дентина больше). Украшения отличаются тщательностью обработки, все следы получения заготовки снивелированы дальнейшим формообразованием. На поверхности изделий хорошо просматриваются следы скобления, следы от вырезания объёмных деталей, пиления (зарубки) и гравировки (рис. 5: 4, 5, 7). Морфологические особенности одиночных линий гравировки по бокам целой подвески (рис. 5: 5): V-образное сечение линий, прямые борта с одно- или двусторонней выкрошенностью («пильчатая выкрошенность»), тонкие острые окончания прорезов близки экспериментально полученным об-

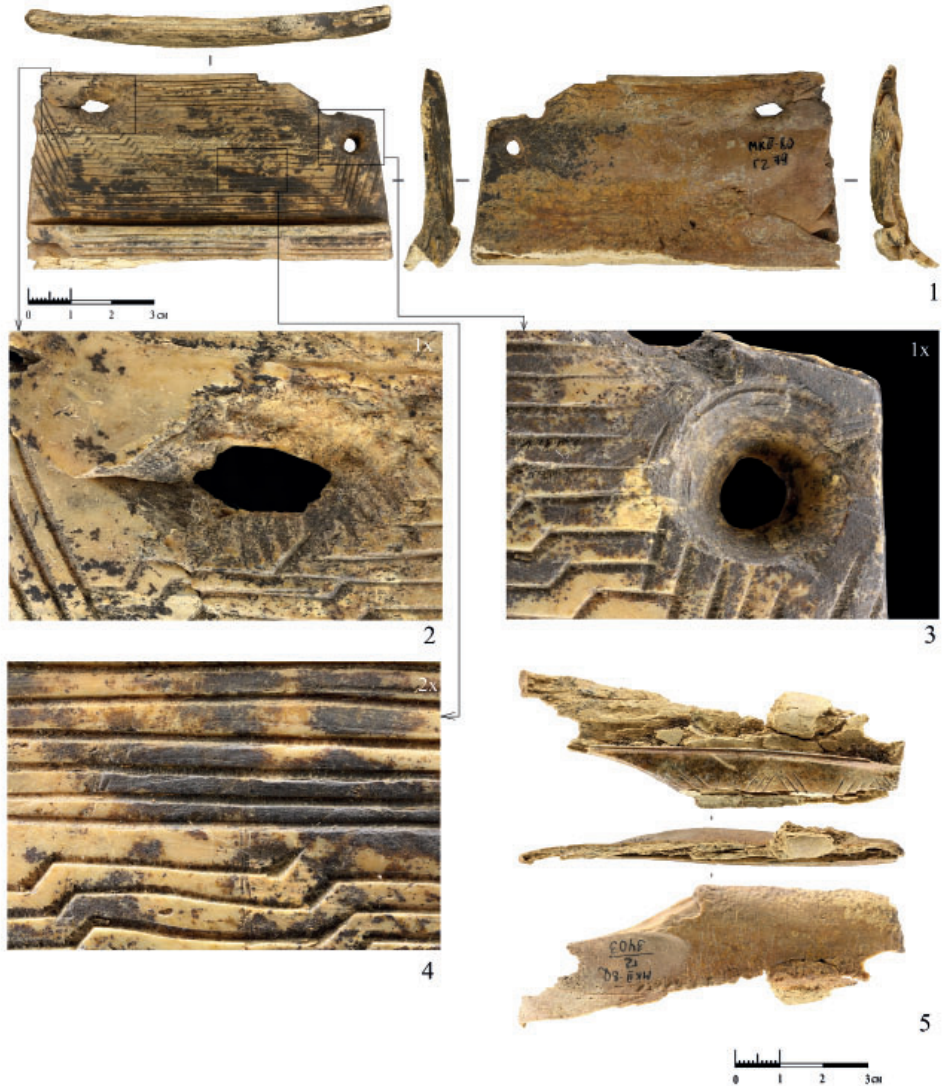

Рис. 6. Маяк 2. Орнаментированные накладки из клыка моржа – 1, 5. Макрофотографии следов изготовления и орнамента (ув. 1×, 2×) – 2-4. (фото: Малютина А.А., Такташева С.Д.).

Fig. 6. Mayak 2. Ornamented onlays made of walrus tusk – 1, 5. Macrophoto of traces of manufacture and ornament (×1, ×2) – 2-4. (photo: Malyutina A.A., Taktasheva S.D.).

разцам от гравирования «эмали» (правильно – цемента, поскольку у взрослого моржа эмали на клыках нет, см. выше; *прим. Н.В. Крюковой*) клыка моржа металлическим ножом (Гиря, Дорофеева, 2010, с. 70, рис. 6: 4). Такую технику можно охарактеризовать как пиляще-режущие движения лезвием ножа, расположенным горизонтально к обрабатываемой поверхности. При наклоне лезвия образуется выкрошенность по одному борту (там же, с. 69). Какими инструментами (каменными или металлическими) была сделана обработка чистовым скоблением и произведено вырезание объёмных деталей, сказать по имеющимся следам на данный момент сложно. Мы склоняемся к тому, что аккуратное, мелкое доведение деталей украшений из твёрдого по своим физико-химическим свойствам дентина возможно

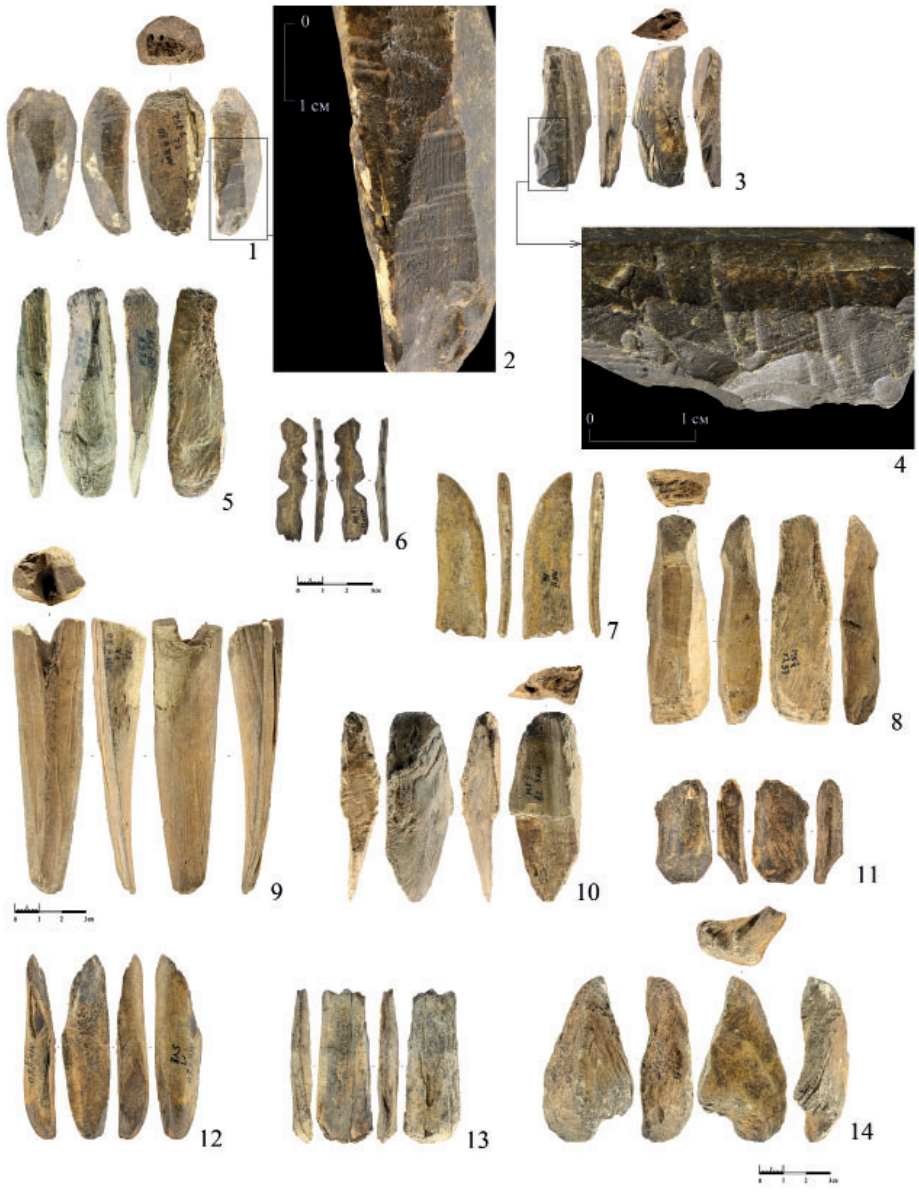

Рис. 7. Маяк 2. Заготовки (1, 3, 5–8) и отходы производства (9–14) из клыка и кости моржа. Макрофотографии следов обработки на заготовках (2, 4) (фото: Малютина А.А., Такташева С.Д.).

Fig. 7. Mayak 2. Blanks (1, 3, 5–8) and waste products (9–14) from the tusk and bone of a walrus. Macrophoto of processing traces on blanks (2, 4) (photo: Malyutina A.A., Taktasheva S.D.).

было сделать только металлическими инструментами. При этом грубая работа по первичному получению заготовок могла производиться и каменными орудиями. Оба украшения были в обиходе человека – на отверстиях сохранился хорошо выраженный износ от крепления. Поверхность подвесок в целом отличается заполировкой и мягкой сглаженностью выступающих граней.

5. Орнаментированные накладки. В эту категорию отнесены две пластины-накладки с орнаментацией по внешней

стороне (табл. 1; рис. 6: 1, 5). Остановимся подробнее на наиболее целом предмете с хорошей сохранностью следов изготовления и использования (рис. 6: 1–4). Клык был извлечён целиком из альвеолы взрослого моржа-самца. Для изготовления изделия была выбрана проксимальная часть зуба, слой гомогенного дентина, наиболее близкий в этом месте к пульповой камере. С одной короткой стороны пластины сохранился след от прорезанного паза. Таким образом, можно заключить, что заготовку вырезали, а форма пластины указывает на то, что это была боковая, менее выпуклая сторона клыка. После извлечения заготовку обрабатывали строганием/скоблением металлическим лезвием. После этого на внешней стороне пластины был нанесён орнамент из линейного многоступенчатого мотива (Мурашкин, 2024, с. 215). Орнамент прорезан-продавлен резчиком с П-образным сечением, а также лезвием с V-образным сечением, что хорошо видно на окончаниях линий (рис. 6: 2–4). Борта линий как с односторонней, так и двусторонней пильчатой выкрошенностью, как мы уже видели на украшениях-подвесках. Можно заключить, что инструментов для создания орнамента было несколько: металлическое и каменное (с П-образным сечением). Нельзя исключать, что орнаментацию сначала могли нанести тонким лезвием металлического ножа, а затем расширить каменным. Следующим этапом стало создание двух отверстий с одного края. Они грубо прорезаны (рис. 6: 2) с двух сторон. Следы от их прорезания перекрывают линии орнамента. Складывается впечатление, что изначально пластина не была предназначена для подвешивания (или фиксации), и отверстия сделаны другой, менее профессиональной рукой. После поломки пластины предмет отремонтировали, сделав уже аккуратное отверстие ниже (рис. 6: 3). Оно просверлено ручным способом с лицевой и немного дорезано с внутренней стороны. После этого предмет остался в обиходе человека – оба целых отверстия имеют износ от трения; по сверлёному отверстию хорошо видно, что основная зона износа приходится на его внешний край. Судя по всему, пластину-накладку плотно нашили. Очевидно, изделие имело длинную «жизнь». Найдена она была на 13 роговых наконечниках дротиков, аккуратно уложенных один к другому. Н.Н. Гурина интерпретировала эту находку как колчан, а пластину-накладку считала его украшением (Гурина, 1997, с. 88). Обращает на себя уникальная для поселения Маяк 2 орнаментальная композиция. Многоступенчатый линейный мотив находит аналогии среди орнаментов роговых изделий из Кольского Оленеостровского могильника, который датируется 1500–1100 кал. до н. э. (Мурашкин, 2024, с. 215–217). Сходный возраст может иметь и рассмотренная выше накладка.

Второй предмет не столь выразителен и сильно разрушен (рис. 6: 5). Из какой части клыка было сделано изделие, определить не удалось: по сохранившимся частям просматриваются как слои гомогенного, так и глобулярного дентина. Судя по всему, это была пластина, следы получения которой не сохранились. На лицевой стороне зафиксированы следы строгания/скобления металлическим лезвием, а на внутренней имеется серия грубых насечек, вполне вероятно оставшихся от первичных этапов разделки клыка. Из орнамента сохранился небольшой участок в форме выделенного кантика с нарезанным на нём геометрическим узором. Линии прорезаны острым лезвием с V-образным сечением.

Заготовки. Небольшую группу (6 экз.) составляют предметы из клыка моржа со следами обработки, которые можно рассматривать как вероятные заготовки будущих изделий (табл. 1; рис. 7: 1–8). Все они имеют участки гомогенного и глобулярного дентина, по всей видимости, их обработка производилась со всех сторон. Следы обработки хорошо сохранились – это рубка, оттёска, строгание/скобление, резание. По негативам следов (рис. 7: 2, 4) угадывается и орудие обработки – металлический рубящий инструмент.

Следы скобления/строгания сопровождает эффект гофрированной поверхности, или эффект шабрения, в сочетании с тонкими ровными линейными следами – также характерный признак использования металлических орудий для обработки твёрдых органических материалов (Christidou, 2008). Обращают на себя внимание небольшие предметы: тонкая пластина гомогенного и глобулярного дентина с оформленными зигзагообразными выступами (рис. 7: 6) и тонкая пластина из гомогенного дентина (рис. 7: 7) с тщательно отшлифованными гранями.

Отходы производства. Пять предметов являются отходами разделки клыка (табл. 1; рис. 7: 9–13). В эту же группу отнесён один фрагмент черепной кости моржа – фрагмент сосцевидного отростка (рис. 7: 14) со следами рубки на одной стороне. Наиболее выразительный предмет – крупный фрагмент дистальной части клыка взрослой самки, отделённый по прорезанным пазам по поперечной оси зуба и затем разделённый продольно по таким же пазам (рис. 7: 9).

Обсуждение

Морж – крупное ластоногое, хорошо адаптированное к жизни в арктической и субарктической среде. Его циркумполярное распространение, большой размер тела и бивни играли важную роль в качестве пищи, сырья (для инструментов и произведений искусства), дохода и культурного влияния на многие общины коренных народов Арктики на протяжении тысячелетий (Buss et al., 2024).

Как происходит охота на моржей? Согласно имеющимся этнографическим данным и описаниям современных коренных народов Арктики, сохранившим знания моржового промысла, охота на этих гигантов может проходить несколькими способами: охотой на льду, на плаву и поколом на лежбищах (Богословская и др., 2007, с. 307–312). Последний вариант, очевидно, был самым доступным. Покол моржей производится на лежбищах, когда можно подойти с подветренной стороны, не побеспокоив основную залёжку. Опытный охотник закалывает моржа одним точным ударом в сердце пикой или копьём. Бьют не в спину, а со стороны живота, где слой жира гораздо меньше.

Как происходит добыча моржового клыка. Здесь также имеется несколько вариантов. Вынимать клыки могли у погибших и выброшенных на берег моржей. После гибели животного происходит гниение его тканей, и через небольшое время клык можно вытащить, просто выдернув его с усилием из альвеолы. В некоторых случаях моржи теряют клыки при жизни вследствие воспаления альвеолы или случайно их обламывают на лежбище о камни (Крюкова, 2015б). Чукотские охотники «снимают» клыки, вынимая их полностью. Сначала срезают полностью верхнюю губу моржей с вибриссами до носового отверстия (мягкие ткани), затем топором надсекают сверху костное основание альвеолы клыка. В результате этого по боковым стенкам альвеол клыков распространяются трещины, которые позволяют подцепить край стенки альвеолы и таким образом отделить её переднюю стенку (из личных наблюдений Н.В. Крюковой). Похожий способ реконструируется для культуры Дорсет и её ранних этапов на территории арктической Канады и Гренландии: верхние клыки удаляли, либо вытягивая их, оставляя альвеолу нетронутой, либо выламывая их, удаляя прямоугольный участок передней стенки (LeMoine, Darwent, 1998; Darwent, LeMoine, 2021). Последующая разделка клыка, согласно этим же исследованиям, включала как его расщепление посредством серии ударов тяжёлым предметом, так и разделение поперёк и продольно по прорезанным пазам с извлечением необходимых фрагментов (Darwent, LeMoine, 2021, p. 112, fig. 5: 5).

Охота на моржей и добыча клыка на поселении Маяк 2. Исходя из фаунистических находок, мы можем утверждать, что промысел моржа, наравне с гренландским тюленем и нерпой, у населения памятника был. Вероятнее всего, это был покол моржей на их бе-

реговых залёжках при помощи колющего снаряжения. Скорее всего, в этих целях использовали каменные массивные наконечники, представленные в коллекции памятника (Гурина, 1997). Важно отметить, что все имеющиеся находки костей моржа (117 экз. от 12 особей) относятся к бронзовому веку (эпохе раннего металла) (Helskog et al., 2023, p. 108, tab. 8.2). Скорее всего, в позднем неолите и в переходные этапы промысел этот также существовал, но уровень обработки остеологических материалов в момент проведения раскопок являлся выборочным и сильно усреднённым, что могло отразиться на фактических данных.

Несмотря на то, что воды Баренцева моря, омывающие Кольский п-ов, сейчас не являются ареалом атлантического моржа, однако случаи захода этих животных в холодные годы сюда зафиксированы, о чём говорилось выше. Судя по всему, такие ситуации были и в период существования поселения. По имеющимся в нашем распоряжении материалам из клыка моржа (заготовки, отходы производства) и единственному фрагменту черепной кости, добыча и обработка бивня производилась на месте. Это подтверждается и наблюдениями, сделанными в результате возвращения на место раскопок в 2000 г. с целью осмотра фаунистических остатков, оставленных на памятнике. Согласно этим данным, на месте был обнаружен череп моржа с визуально различимыми насечками, а также фрагменты рёбер с нарезками от разделки и многочисленные бивневые отщепы (Helskog et al., 2023, p. 110). Важно обратить внимание, что все описываемые нами изделия были найдены в первом и втором горизонтах (табл. 1), формирование которых относится к концу неолита и бронзовому веку (Киселёва, Мурашкин, 2019б). До этого периода предметов из клыка моржа найдено не было. Высокое качество и разнообразие сохранившихся готовых изделий демонстрирует безусловные навыки обработки этого специфического сырья. Таким образом, мы можем предположить появление на поселении мастеров, знающих как вести промысел моржа, способы извлечения и обработки его клыков и, что не менее важно, процесс создания из этого сырья сложных по форме и вложенному в них смыслу изделий (подвесок-амулетов, орнаментированных предметов). Учитывая наличие следов обработки металлическими орудиями на большой части описанных артефактов, можно предположить, что произошло это в бронзовом веке. Планиграфический анализ изделий из моржового клыка вместе с другими материалами позволит в будущем определить контекст этого производства.

Согласно проведённому трасологическому анализу, изделия из клыка моржа на поселении Маяк 2 получались посредством его расщепления по прорезанным пазам с последующей обработкой скоблением/строганием, рубкой и оттёской. Мелкие детали вырезались, для создания отверстий использовались свёрла. Характер технологических следов указывает на использование металлических инструментов для строгания, рубки и резания. Нельзя исключать, что на стадии добычи клыка из челюстей животных и начальных этапах его разделки использовались каменные орудия. Такое сочетание разных орудий, очевидно, является характерной чертой технологии производства в период появления первых металлических орудий на севере Кольского п-ова, которая фиксируется и по другим находкам (Мурашкин, 2022; Малютина и др., 2023).

Предметы бытового и неутилитарного характера, изготовленные из клыка моржа, отмечены во многих культурах и на широком хронологическом интервале. Согласно имеющимся археологическим данным, начало активного промысла этих животных в Атлантической Арктике приходится на культуру Пре-Дорсет (Pre-Dorset, 2 тыс. до н. э.) с дальнейшим развитием производства изделий из бивня в культуре Дорсет (Early-Late Dorset, 800 л. до н. э. – 800 л. н. э.) (Keighley et al., 2019; Darwent, LeMoine, 2021). В этом контексте находки с поселения Маяк 2

занимают место одних из самых ранних примеров обработки и использования моржового бивня с середины 2 тыс. до н. э. в Европейской Арктике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бронштейн М.М. Карахан И.Л., Широков Ю.А.* Резная кость Уэлена. Народное искусство Чукотки. М.: Святигор, 2002. 97 с.
2. *Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И.* Основы морского зверобойного промысла: научно-методическое пособие. М.: Институт Наследия, 2007. 480 с.
3. *Гиря Е.Ю., Дорофеева Т.С.* Уникальный моржовый клык с Рюрикова городища: трасологический анализ // РА. 2010. № 1. С. 64–73.
4. *Гурина Н.Н.* История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 240 с.
5. *Киселёва А.М., Мурашкин А.И.* Морская охота и рыболовство на побережье Северной Фенноскандии до рубежа эр // Самарский научный вестник. 2019а. Т. 8. № 2 (27). С. 171–179.
6. *Киселева А.М., Мурашкин А.И.* Культурная стратиграфия поселения Маяк 2 на Кольском полуострове // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка / Ред. А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ, 2019. С. 37–39. https://doi.org/10.31600/978-5-91867-189-4-2019-37-40
7. *Колпаков Е.М., Шумкин В.Я.* Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
8. *Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.
9. *Крюкова Н.В.* Возрастные изменения функциональных зубов тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens*) // Зоологический журнал. 2015а. Т. 94. № 4. С. 478–483. https://doi.org/10.7868/S004451341504008X
10. *Крюкова Н.В.* Травмы и заболевания, встреченные у тихоокеанских моржей *(Odobenus rosmarus divergens)* на мысе Ванкарем в 2010 г. // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник научных трудов по материалам 8-ой международной конференции (Санкт-Петербург, Россия). Т.1 / Сост. А.Н. Болтунов, Н.Л. Ременникова, В.С. Семенова. М., 2015б. С. 246–248.
11. *Малютина А.А.* Производство и функции изделий из твёрдых органических материалов в неолите Днепро-Двинского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. 28 с.
12. *Малютина А.А.* Эксперимент и трасология // Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник (1925–2013). СПб: Вологда: Древности Севера, 2019. С. 436–459.
13. *Малютина А.А., Мурашкин А.И.* Изделия из кости, рога и зубов животных на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская область) // Археология Арктики. Тезисы докладов II Международной конференции / Отв. ред. Н.В. Федорова, А.В. Гусев. Салехард: Наука, 2022. С. 102–104. https://doi.org/10.7868/9785604610893036
14. *Малютина А.А., Мурашкин А.И., Такташева С.Д.* Обработка рога северного оленя на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская обл.) / Поволжская археология. 2023. № 3 (45). С. 204–218. https://doi.org/10.24852/pa2023.3.45.204.218
15. *Мурашкин А.И.* Обработка и использование металла в позднем неолите и эпоху бронзы на Кольском Севере // Престижная экономика первобытных людей / Ред. А.М. Жульников, М.П. Отливанчик, Е.В. Свидерская. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 155–175.
16. *Мурашкин А.И.* Типология орнаментов на изделиях из кости и рога поселения Маяк 2 (Мурманская обл., Россия) // Stratum Plus. 2024. № 2. С. 205–219. https://doi.org/10.55086/sp242205219
17. *Мурашкин А.И., Карпелан К.* Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 200–207.
18. *Мурашкин А.И., Малютина А.А., Киселёва А.М.* Костяной и роговой инвентарь неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: типология, технология, трасология // Записки ИИМК РАН. Вып. 20 / Отв. ред. В.А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 85–103. https://doi.org/10.31600/2310-6557-2019-20-85-103
19. *Семенов С.А.* Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. № 54. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
20. *Соколов В.Е., Кондаков А.А., Зырянов С.В., Воронцов А.В., Хахин Г.В.* Экология атлантического моржа // Морж. Образ вида / Отв. ред. Д.С. Павлов, В.А. Бычков. М.: Наука, 2001. С. 74–91.

21. Тейн Т.С. Тайна Чертова оврага. Магадан: Книжное изд-во, 1983. 94 с.
22. Хельског К. Медведь: смыслы и образы в обществах охотников-собирателей Северной Фенноскандии 9000-2500 лет до н.э. // Археология Арктики. Вып. 3 / Отв. ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Калининград: РОС-ДОАФК, 2016. С. 25–48.
23. Чапский К.К. Морж Карского моря // Труды Арктического института. Т. 67. Л.: Главсевморпуть, 1936. 124 с.
24. Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрии мезолита – раннего металла Кольского полуострова. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 227 с.
25. Шумкин В.Я. Морской зверобойный промысел населения Северной Фенноскандии эпохи раннего металла как эмбриональный вид производящего хозяйства // Археология Арктики. Вып. 3 / Отв. ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Калининград: РОС-ДОАФК, 2016. С. 117–139.
26. Buss D.L., Dierickx K., Falahati-Anbaran M. et al. Archaeological evidence of resource utilisation of walrus, *Odobenus rosmarus*, over the past two millennia: A systematic review protocol [version 1; peer review: awaiting peer review] // Open Research Europe 2024, 4:86 https://doi.org/10.12688/openreseurope.17197.1
27. Christidou R. An application of micro-wear analysis to bone experimentally worked using bronze tools // Journal of Archaeological Science. Vol. 35, iss. 3. 2008. P. 733–751.
28. Darwent C.M., LeMoine G.M. The Atlantic Walrus: Multidisciplinary Insights into Human-Animal Interactions. Edited by: Xénia Keighley, Morten Tange Olsen, Peter Jordan and Sean Desjardins // Pre-Inuit walrus use in Arctic Canada and Greenland, c.2500 BCE to 1250 CE. 2021. P. 99–120.
29. Fay F.H. Ecology and biology of the pacific walrus, *Odobenus rosmarus divergens*, Illiger. North American Fauna. 1982. 279 pp.
30. Goldberg M., Kulkarni A.B., Young M., Boskey A. Dentin: structure, composition and mineralization // *Frontiers in Bioscience*, 3. 2011. P. 711–35. DOI: 10.2741/e281.
31. Helskog K.A., Hood B.C. & Shumkin V.Ya. Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Northern Coast, 2300–1500 cal. BC // ISKOS 26. Helsinki, 2023.185 pp.
32. Hodgetts L. Animal bones and human society in the late Younger Stone Age of arctic Norway. Unpublished PhD dissertation. Durham: University of Durham, 1975. 401 p.
33. Knightley X., Tange Olsen M., Jordan P. Integrating cultural and biological perspectives on long-term human-walrus (Odobenus rosmarus rosmarus) interactions across the North Atlantic// Quaternary Research , Vol. 108. 2022. P. 5–25. https://doi.org/10.1017/qua.2018.150
34. LeMoine G.M., Darwent C.M. The Walrus and the Carpenter: Late Dorset Ivory Working in the High Arctic // Journal of Archaeological Science. Vol. 25. 1998. P. 73–83.
35. Mansfield A.W. The biology of the Atlantic walrus, *Odobenus rosmarus rosmarus* (Linnaeus) in the eastern Canadian Arctic. Fisheries Research Board Canada Manuscript Report. Series (Biology). № 653. 1958. 146 pp.
36. Marreiros J.M., Gibajo Bao J.F., Bicho N.F. Use-wear and residue analysis in archaeology. Springer International Publishing Switzerland. 2015. 223 p. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-08257-8_1
37. Orłowska J., Osipowicz G. Searching for the function of the early Holocene heavy duty bevel-ended tools: remarks from experimental and use-wear studies // Археология Евразийских степей. 2017. № 2. С. 103–121.
38. Ray C.E. The relationships of Hemicaulodon effodiens Cope 1869 (Mammalia; Odobenidae) // Proceedings of the Biological Society of Washington. Vol. 88, 1975. P. 281–303.

Информация об авторах:

Малютина Анна Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); kostylanya@yandex.ru

Крюкова Наталья Владимировна, кандидат биологических наук, ведущий инженер. Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва, Россия); nkryukova@gmail.com

THE USE AND PROCESSING OF WALRUS TUSK AT THE NEOLITHIC – BRONZE AGE SITE OF MAYAK 2 (MURMANSK REGION)

A.A. Malyutina, N.V. Kryukova

This paper deals with the results of a comprehensive analysis of artifacts made of the Atlantic walrus (*Odobenus rosmarus rosmarus*) tusk found during the excavations of the

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00543: "Traditions of bone carving in the Arctic zone of Fennoscandia during the Neolithic and Bronze Age".

Neolithic – Bronze Age site of Mayak 2 in the Murmansk region. Upon reviewing the collection of items made of hard organic materials, we identified and described 20 implements, the raw materials for which were the teeth and bones of this animal. A traceological analysis was conducted for all artifacts. The analyzed sample was divided into categories: blade inserts of axes/ adzes, dagger-shaped product, pendants and ornamented plates, fragments of items. In addition, blanks and production waste were identified. All the finds are correlated with the structural elements of the walrus tusk, and, if possible, the sex and age identification of the animals whose tusks were used is given. Based on the results of the analysis, the operational sequence involved in obtaining and processing the tusk was reconstructed. It was found that metal tools were used to process most of the objects. These data, combined with the results of faunal analysis and the stratigraphic position of the artifacts, led to the conclusion that walrus hunting and subsequent tusk processing developed no earlier than the mid-2nd millennium BC (Bronze Age). Currently, we can say that the finds from the ancient settlement of Mayak 2 are the earliest evidence of this production in the European Arctic.

Keywords: archaeology, Arctic, Fennoscandia, Mayak 2, walrus tusk, traceology, structural and morphological analysis, technology, traces of processing, Neolithic, Bronze Age, hunters of marine animals.

REFERENCES

1. Bronshteyn, M. M. Karakhan, I. L., Shirokov, Yu. A. 2002. *Reznaya kost' Uelena. Narodnoe iskusstvo Chukotki (Bone carving in Uelen. The folk art of Chukchi Peninsula).* Moscow: “Svyatigor” Publ. (in Russian).

2. Bogoslovskaya. L., Slugin. I., Zagrebin. I., Krupnik. I. 2007. *Osnovy morskogo zveroboynogo promysla: nauchno-metodicheskoe posobie (Fundamentals of marine mammal harvesting: a scientific and methodological manual).* Moscow: “Institut Nasledіya” Publ. (in Russian).

3. Girya, E. Yu., Dorofeeva, T. S. 2010. . In *Rossiyskaya arkheologiya* (*Russian Archaeology*) (1), 64–73 (in Russian).

4. Gurina, N. N. 1997. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova (History of culture of the Kola Peninsula ancient population)*. Saint-Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).

5. Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A., Khramov, D. Yu. 2019. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Journal of Science).* Vol. 8, no. 27 (2), 171–179 (in Russian).

6. Kiseleva, A. M., Murashkin, A. I. 2019. In Vybornov, A. A., Dolbunova, E. V., Kolpakov, E. M., Tkach, E. S. (eds.). *Evolyutsiya neoliticheskikh kul'tur Vostochnoy Evropy*. (*Evolution of Neolithic Cultures of the Eastern Europe).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS; State Hermitage, Samara: Samara State Pedagogical University, 37–39 (in Russian).

7. Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. 2012. *Petroglify Kanozera (Rock Carvings of Kanozero).* St. Petersburg: Saint Petersburg: “Art of Russia” Publ. (in Russian).

8. Korobkova, G. F., Shchelinsky, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Methodology of Micro- and Macroanalysis of Prehistoric Implements)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS (in Russian).

9. Kryukova, N. V. 2015. In *Zoologichesky zhurnal (Russian Journal of Zoology)* 4(94), 478–483 (in Russian).

10. Kryukova, N. V. 2015. In Boltunov A. N. Remennikova N. L., Semenova V. S. (comp.). *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki (Marine Mammals of the Holarctic).* Moscow, 246–248 (in Russian).

11. Malyutina, A. A. 2023. *Proizvodstvo i funktsii izdeliy iz tverdykh organicheskikh materialov v neolite Dnepro-Dvinskogo mezhdurech'ya (Production and functions of products made of hard organic materials in the Neolithic of the Dnieper-Dvina interfluve).* . PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

12. Malyutina, A. A. 2019. In Kolpakov, E. M., Murashkin, A. I., Khartanovich, V. I., Shumkin V. Ya. *Kol'skiy Oleneostrovskiy mogil'nik: 1925–2013 (Kola Oleneostrovsky cemetery: 1925–2013)*. Saint-Petersburg, Vologda: “Drevnosti Severa” Publ., 436–459 (in Russian).

13. Malyutina, A. A., Murashkin, A. I. 2022. In Fedorova, N. V., Gusev, A. V. (eds.). *Arkheologiya Arktiki (Arctic Archaeology)*. Salekhard: “Nauka” Publ., 102–104 (in Russian).

14. Malyutina, A. A., Murashkin, A. I., Taktasheva, S. D. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (45), 204–218 (in Russian).

15. Murashkin, A. I. 2022. In Zhul'nikov, A. M., Otlivanchik, M. P., Sviderskaya, E. V. (eds.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Prestige economy of primitive people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 155–175 (in Russian).

16. Murashkin, A. I. 2024. In *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 205–219 (in Russian).

17. Murashkin, A. I., Karpelan, K. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy (Issues of Periodization and Chronol-*

ogy in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe). Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 200–207 (in Russian).

18. Murashkin, A. I., Malyutina, A. A., Kiseleva, A. M. 2019. In Lapshin, V. A. (ed.). *Zapiski instituta istorii material'noy kul'tury(Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* (20). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 85–103 (in Russian).

19. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika (Primeval Technics)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

20. Sokolov, V. E., Kondakov, A. A., Zyryanov, S. V., Vorontsov, A. V., Khakhin, G. V. 2001. In Pavlov, D. S., Bychkov, V. A. (eds.). *Morzh. Obraz vida (The Walrus: Mode of the Species).* Moscow: "Nauka" Publ., 74–91(in Russian).

21. Teyn, T. S. 1983. *Tayna Chertova ovraga (The mystery of the Devil's Ravine).* Magadan: "Knizhnoe izd-vo" Publ. (in Russian).

22. Helskog, K. 2016. In Tupakhin, D. S., Fedorova, N. V. (eds.). *Arkheologiya Arktiki (Arctic Archaeology)* 3. Kaliningrad: "ROS-DOAFK" Publ., 25–48 (in Russian).

23. Chapskiy, K. K. 1936. *Morzh Karskogo morya (The Walrus of the Kara Sea).* Series: Proceedings of the Arctic Institute. Vol. 67. Leningrad: "Glavsevmorput"' Publ. (in Russian).

24. Shumkin, V. Ya. 1984. *Kamennaya i kostyanaya industrii mezolita – rannego metalla Kol'skogo poluostrova (Stone and bone industries of the Mesolithic – Early Metal Age of the Kola peninsula).* PhD. Diss. Leningrad (in Russian).

25. Shumkin, V. Ya. 2016. In Tupakhin, D. S., Fedorova, N. V. (eds.). *Arkheologiya Arktiki (Arctic Archaeology)* 3. Kaliningrad: "ROS-DOAFK" Publ., 117–139 (in Russian).

26. Buss, D. L., Dierickx, K., Falahati-Anbaran, M. et al. 2024. In *Open Research Europe* 2024, 4:86 https://doi.org/10.12688/openreseurope.17197.1

27. Christidou, R. 2008. In *Journal of Archaeological Science*. Vol. 35, iss. 3, 733–751.

28. Darwent, C. M., LeMoine, G. M. 2021. In Xénia Keighley, Morten Tange Olsen, Peter Jordan and Sean Desjardins (eds.). The Atlantic Walrus: Multidisciplinary Insights into Human-Animal Interactions, 99–120.

29. Fay, F. H. 1982. *Ecology and biology of the pacific walrus, Odobenus rosmarus divergens, Illiger. North American Fauna.*

30. Goldberg, M., Kulkarni, A. B., Young, M., Boskey, A. 2011. In *Frontiers in Bioscience,* 3. 711–35. DOI: 10.2741/e281.

31. Helskog, K. A., Hood, B. C. & Shumkin, V.Ya. 2023. *Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Northern Coast, 2300–1500 cal. BC.* ISKOS 26. Helsinki.

32. Hodgetts, L. 1975. *Animal bones and human society in the late Younger Stone Age of arctic Norway*. Unpublished PhD dissertation. Durham: University of Durham.

33. Knightley, X., Tange Olsen, M., Jordan, P. 2022. In *Quaternary Research* , Vol. 108, 5–25. https://doi.org/10.1017/qua.2018.150

34. LeMoine, G. M., Darwent, C. M. 1998. In *Journal of Archaeological Science.* Vol. 25. 73–83.

35. Mansfield, A. W. 1958. *The biology of the Atlantic walrus, Odobenus rosmarus rosmarus (Linnaeus) in the eastern Canadian Arctic. Fisheries Research Board Canada Manuscript Report. Series (Biology).* № 653.

36. Marreiros, J. M., Gibajo Bao, J. F., Bicho, N. F. 2015. *Use-wear and residue analysis in archaeology.* Springer International Publishing Switzerland. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-08257-8_1

37. Orłowska, J., Osipowicz, G. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (2). 103–121 (in Russian).

38. Ray, C. E. 1975. In *Proceedings of the Biological Society of Washington*. Vol. 88, 281–303.

About the authors:

Malyutina Anna A. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; kostylanya@yandex.ru

Kryukova Natalia V. Candidate of Biological Sciences. Institute of Ecology and Evolution A.N. Severtsov of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospect, 33, Moscow, 119071, Russian Federation; nkryukova@gmail.com

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902.2 (903.5) https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.81.96

БЕЗКУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРИОДА РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

© 2025 г. Г.К. Ахундова

Многочисленные археологические памятники раннего бронзового века, обнаруженные на территории Азербайджана, свидетельствуют о том, что регион интенсивно заселялся племенами куро-араксской культуры или куро-араксской культурно-исторической общности (КИО). Исследованные погребальные памятники этого периода, когда экономика основывалась на земледелии и скотоводстве, в основном состоят из курганов. Под насыпями курганов обнаружено несколько типов могильных камер и наблюдаются различные погребальные обряды. На территории Азербайджана до сих пор изучено ограниченное количество грунтовых могил. Одной из основных причин этого является отсутствие наземных признаков подобных погребений. Эти захоронения были случайно обнаружены в разных регионах в результате тех или иных природных и антропогенных воздействий или обнаружены при раскопках различных памятников. До сих пор на территории Азербайджана не изучены некрополи с большим числом бескурганных захоронений куро-араксской КИО. Разнообразие захоронений и погребальных обрядов было связано как с локальными особенностями этой культуры, так и с хронологическими различиями.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, куро-араксская КИО, бескурганные могилы, грунтовые захоронения, локальные варианты, археологические культуры, металлические изделия, керамика.

Введение

На территории Азербайджана бескурганные некрополи куро-араксской культуры или культурно-исторической общности (КИО) до сих пор хорошо не изучены, хотя грунтовые могилы без курганных насыпей известны в разных регионах республики (рис. 1). Эти погребения были обнаружены при раскопках различных археологических памятников или в результате их частичного разрушения природными или антропогенными факторами. К сожалению, в публикациях нет полной информации о подобных погребальных памятниках, раскопанных в предыдущие годы. Так, в этих публикациях не были указаны размеры отдельных могил, не даны подробные сведения об археологических материалах, обнаруженных в них, или отсутствуют план и графические изображения археологических материалов.

Памятники и материалы

Погребения Мингячевира. Первые сведения о грунтовых могилах были получены во время раскопок в 1946–1947 годах в Мингячевире. Здесь под могилами поздней бронзы – раннего железа и Античности были обнаружены четыре грунтовых захоронения эпохи ранней бронзы. Одно из них было полностью разрушено, поэтому получить о нем необходимую информацию не удалось. Из этой могилы удалось собрать фрагменты и восстановить лишь один сосуд. Сохранность остальных трех могил (№ 3, 82, 101) удовлетворительная. Во всех трех могилах захоронения совершены на правом боку, в сильно скорченном положении, руки согнуты в локтях и лежат кистями перед лицом, головой ориентированы на юг (с отклонением к востоку или западу) или на север (1) (рис. 2: 1–3). В каждой из этих могил найден только один керамический сосуд с двумя ручками. Все три сосуда однотипные (Асланов, Ваидов, Ионе, 1959, с. 26–27).

Погребения Бабадервиш. В 1966 году в Газахском районе под культурным слоем поселения Бабадервиш V эпохи поздней бронзы – раннего железа было обнаружено несколько

Рис. 1. Расположение памятников. 1 – Мингячевир; 2 – Бабадервиш V; 3 – Овчулартепеси; 4 – Гёл ери; 5 – Гасансу; 6 – Гарачай.

Fig. 1. Location of monuments. 1 – Mingechevir; 2 – Babadervish V; 3 – Ovchular tepesi; 4 – Ghol yeri; 5 – Hasansu; 6 – Garachay.

грунтовых захоронений периода ранней бронзы. Все они подверглись разрушению. Сравнительно хорошо сохранилось лишь одно из них. В этой могиле умерший был захоронен на левом боку, в скорченном положении, руки перед лицом, головой на северо-восток (рис. 3: 1). К северу от головы погребенного лежали керамические сосуды. Все они чернолощёные и относятся к разным типам. Керамический материал состоял из подставки с врезным схематическим изображением птиц (3: 2), поставленного на нее кувшина (рис. 3: 3) и глубокой, крупного размера чаши (рис. 3: 4). Около шейных позвонков найдено бронзовое кольцо диаметром 2 см (рис. 3: 5). Рядом с костями рук обнаружено пряслице из эпифиза крупного рогатого скота (рис. 3: 6). Из разрушенных погребений происходят два относительно целых кружкообразных керамических сосуда (рис. 3: 7, 8). Внутренние поверхности этих чернолощёных сосудов розовые. На корпусах всех обнаруженных сосудов и подставки есть округлые вдавления (İsmayılov, Əliyev, 1972, s. 41–42).

Погребение Овчулартепеси. В 1969 году при земляных работах у южного подножия холма Овчулартепеси, расположенного на левом берегу р. Арпачая в Шарурском районе, было изучено полуразрушенное вследствие земляных работ погребение эпохи ранней бронзы. Погребальная камера ориентирована длинной осью по линии восток – запад. Она построена из речного камня на скрепляющем глиняном растворе. Длина камеры составляла около 2 м, ширина 1,12 м, глубина 88 см. В могиле похоронены два человека. Их черепа находились в восточной части камеры. Их руки были согнуты в локтях. Поскольку западная сторона могилы была разрушена, определить положение ног скелетов не удалось. В погребении обнаружены кувшины, горшки, миски и чашевидные сосуды (рис. 2: 4–9). Два сосуда находились около голов погребенных. Фрагменты остальных сосудов были разбросаны по всей могильной камере. Керамика в основном черного и темно-серого цвета, с хорошо лощенной поверхностью. На основе керамического материала авторы

Рис. 2. 1–3 – погребения Мингячевира; 4–9 – керамика из погребения Овчулартепеси.
Fig. 2. 1–3 – Burials of Mingachevir; 4–9 – Ceramics from the Ovchular tepesi burial.

раскопок датировали погребение второй половиной III тысячелетия до н. э. (Əliyev, Göyüşov, 1993, s. 14–17).

Погребения Гёлери. Во время раскопок, проведенных в 2009–2010 годах на поселении раннего бронзового века Гёлери в Геранбойском районе, были обнаружены четыре грунтовых погребения этого же периода. Камера могилы № 1 имела трапециевидную форму. Восточная и западная стены камеры имели длину 1,7 м, северная стена – 1,65 м, южная стена – 1,9 м. Скелет человека лежал на правом боку, в слегка скорченном положении. Могилы № 2, 3 и 4 имели круглую в плане форму. Во всех трех могилах умершие были похоронены на левом боку, с поднятыми перед лицом руками, со слабо согнутыми ногами. Погребальный инвентарь обнаружен в могилах 3 и 4. В каждой из них вокруг головы умершего выявлены по два керамических сосуда. Сосуды представляют собой одноручные кувшины с цилиндрическим горлышком. Кроме того, в могиле № 4 вокруг скелета обнаружены бусы из различных минералов. На правой стороне черепа, в области ушной раковины, лежала бронзовая спиральная серьга (Hüseynov, 2011, s. 36–37). Керамический материал позволяет датировать эти могилы первой половиной III тысячелетия до н. э.

Погребение Гасансу. В ходе раскопок, проведенных в 2011 году на неолитическом поселении Гасансу в Агстафинском районе, было обнаружено впускное погребение периода ранней бронзы (Müseyibli, Axundova, Ağalarzadə, 2012, с. 97). Могила прорезала почти весь культурный слой. Она обнаружена на глубине 2,3 м. Кости скелетов и вся площадь погребальной камеры были покрыты буровато-красноватой порошкообразной массой толщиной 8–10 см, напоминающей сгнившую древесину, а возможно, охру. Размеры прямоугольной

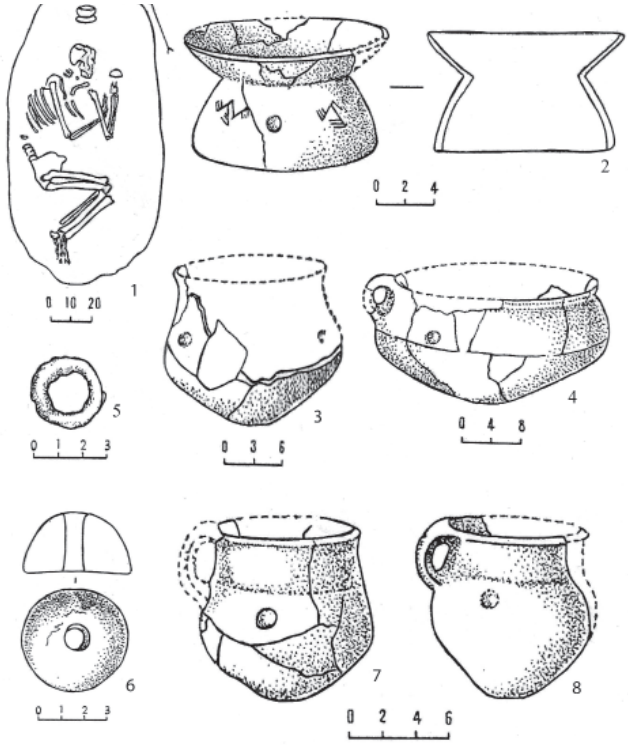

Рис. 3. Погребение Бабадервиш V: 1 – план; 2–8 – погребальный инвентарь.

Fig. 3. The Babadervish burial V: 1 – plan; 2–8 – burial goods.

погребальной камеры 3,3×1,5 м. Она ориентирована длинной осью по линии восток – северо-восток – запад – юго-запад (рис. 4: 1).

В северо-восточной половине камеры захоронены два человека. Первый из них (скелет № 1) был погребен на правом боку, головой на юго-запад. Кости черепа, ребра и два сосуда, стоявшие у черепа, сильно раздавлены тяжестью земли, заполнявшей могилу. Один из сосудов темно-серого цвета, а второй – чернолощёный (рис. 4: 2, 3). К юго-западу от сосудов находились бронзовые изделия – втульчатый топор (рис. 4: 4), небольшой листовидный нож или наконечник копья (рис. 4: 5), тесло – плоское клиновидное орудие (рис. 4: 6), долотовидное длинное орудие с квадратным сечением (рис. 5: 1). Слева от скелета лежал бронзовый листовидный кинжал (рис. 4: 7).

Второй погребенный (скелет № 2) лежал на левом боку с согнутыми ногами, поднятыми перед лицом руками и головой на северо-восток. Череп был раздавлен на мелкие кусочки под тяжестью могильного перекрытия. Кости ног костяка № 2 были обнаружены над костями ног скелета № 1, а бедренные кости костяка № 2 лежали на поясе скелета № 1. Около черепа скелета № 2 находились шесть спиралевидных подвесок, две из которых изготовлены из золотой проволоки (рис. 5: 2), а четыре – из бронзовой (рис. 5: 3). На правом запястье лежал серебряный браслет, имеющий круглое сечение (рис. 5: 4), и рядом с ним – одна серебряная спиралевидная подвеска (рис. 5: 5). На пальцевой кости скелета находилось кольцо из аметиста (рис. 5: 6).

Скорее всего, между двумя захоронениями был небольшой временной промежуток, и порядок первого скелета был слегка нарушен при погребении второго человека. Однако захоронение второго человека в этой могиле, судя по всему, носило целенаправленный характер, и оба похороненных здесь человека были связаны социальными и бытовыми отношениями. Итак, на основании образцов оружия, обнаруженных рядом со скелетом № 1, и позе погребенного скорченно на правом боку, можно сказать, что оно принадлежало мужчине. Костяк № 2, судя по положению скорченно на левом боку, вероятно, принадлежал женщине. На территории Азербайджана и в других регионах Южного Кавказа в периоды бронзы и антично-

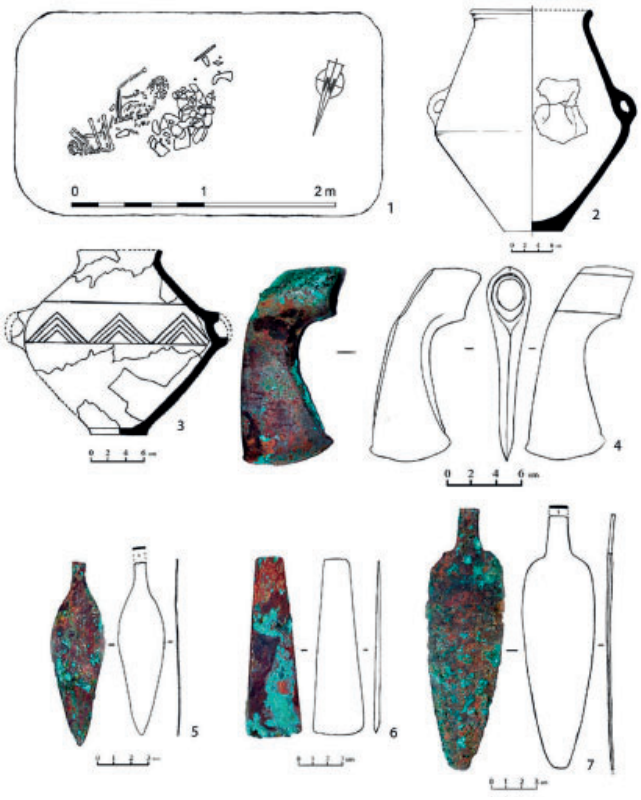

Рис. 4. Погребение Гасансу: 1 – план; 2–7 – погребальный инвентарь.

Fig. 4. The Hasansu burial: 1 – plan; 2–7 – burial goods.

сти захоронения мужчин совершались в основном на правом боку, а женщин – на левом (Müseyibli, Axundova, 2007, s. 58). Кроме того, если рядом со скелетом № 1 было обнаружено различное оружие, то при скелете № 2 были только украшения (Müseyibli, Axundova, Ağalarzadə, 2012, s. 97), что также подтверждает предположение о женской принадлежности костяка № 2.

Следует отметить, что данное захоронение с находками из бронзы и благородных металлов (золота, серебра), а также кольца из драгоценного минерала – аметиста – является одним из богатейших погребальных памятников эпохи ранней бронзы – куро-араксской КИО в регионе. Такой богатый погребальный инвентарь свидетельствует о привилегированном положении в обществе похороненных здесь людей (Müseyibli, Axundova, Ağalarzadə, 2012, s. 97).

Первый сосуд (рис.4: 2), обнаруженный в погребении, крупный и имеет биконическую форму. На противоположных сторонах корпуса расположены две полушарные ручки. Внешняя поверхность сосуда черная, плохо полированная, внутренняя – красная. Для утолщения плоского дна изнутри на донную часть был нанесён дополнительный слой глины.

Второй сосуд (рис. 4: 3) относительно небольшой. Внешняя черная поверхность хорошо отполирована до полного блеска. Сосуд имеет выпуклый корпус и каблучковый поддон. На выпуклой части корпуса расположены две полушарные ручки. На одном уровне с ручками прочерчены две параллельные врезные линии, которые обрамляют корпус сосуда. Пространство между этими линиями заполнено четырьмя параллельными зигзагообразными линиями, образующими треугольники (Müseyibli, Axundova, Ağalarzadə, 2012, s. 99).

Как уже отмечалось, вокруг скелета № 1 обнаружены только бронзовые изделия. Все они хорошей сохранности. В основном это образцы оружия. Наиболее интересной находкой является втульчатый топор. Он имеет длинную втулку, овальную в сечении, и широкий клин с длинным лезвием, имеющим оттянутые углы (рис. 4: 4). Точная аналогия этому топору из памятников на территории Азербайджана не известна. Наиболее близкие

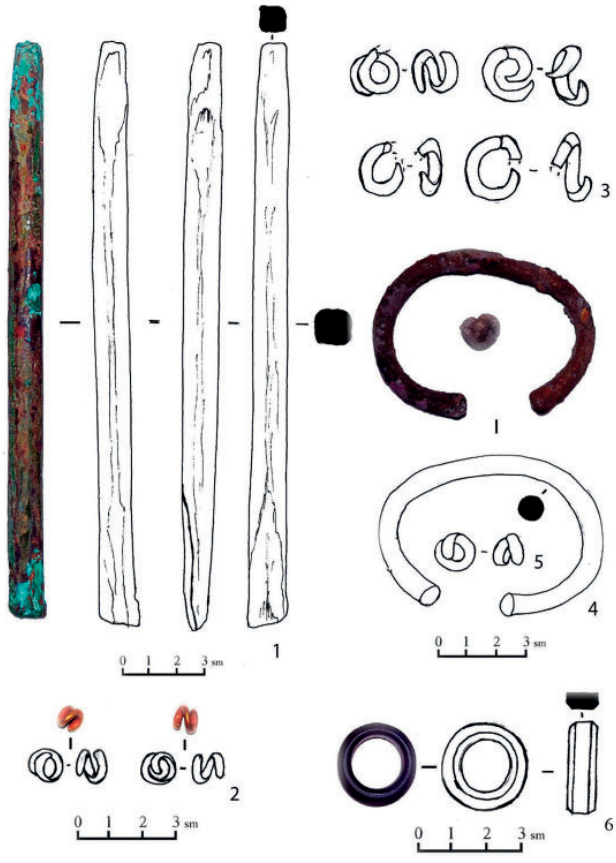

Рис. 5. Инвентарь погребения Гасансу.
Fig. 5. Grave goods of Hasansu burial.

и многочисленные параллели этому топору из погребения Гасансу есть в памятниках раннего бронзового века в Грузии (Гамбашидзе и др., 2010, с. 524, 528, 538). Подобные топоры известны из Великентских катакомб III тыс. до н. э. в Дагестане (Магомедов, 2000, с. 58).

К числу находок, часто встречающихся в памятниках эпохи ранней бронзы, относится также тесло – плоское клиновидное орудие (рис. 4: 6). Подобные орудия, в том числе параллели и другим бронзовым изделиям, найденным в могиле Гасансу, обнаружены в Тельманкендском кургане № 1, раскопанном в юго-восточной части Азербайджана (Махмудов, Мунчаев, Нариманов, 1968, с. 21; Махмудов, 2008, рис. 24, 1–2), в памятниках раннего бронзового века Северного Кавказа (Кореневский, 2011, рис. 69), памятниках Грузии (Гамбашидзе и др., 2010, с. 543), Великентских могилах (Магомедов, 2000, с. 58) и других памятниках. Удлиненные долотовидные и плоские клиновидные орудия обнаружены в Телль-Хазне I в Сирии, в погребениях III тыс. до н. э. – раннединастического периода (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004, табл. 4). Эти предметы идентифицированы как столярные инструменты (Авилова, 2008, с. 169).

Проанализирован химический состав топора, наконечника копья и спиральных бронзовых изделий, найденных в могиле. Среди них два предмета, то есть оружие, были сделаны из мышьяковистой бронзы (Cu – As). В металле, из которого сделана спираль, количество мышьяка находится на низком (естественном) уровне. Относительно высокое содержание мышьяка в составе металла для изготовления оружия было призвано сделать эти предметы более прочными (Courcier et al., 2017, p. 530, 533).

Как уже упоминалось, при скелете № 2 были найдены спиралевидные украшения – четыре из бронзы, два из золота и одно из серебра. Подобные золотые спиральные украшения были найдены в Месопотамии, в царской гробнице в Уре и Триалети, Марткопи, курганах Ананаури в Грузии (Куфтин, 1941, с. 95, рис. 99; Гамбашидзе и др., 2010, табл. G-IV, G-V, XXXV).

Следует отметить, что в том же регионе, что и Гасансу, в Болнисском

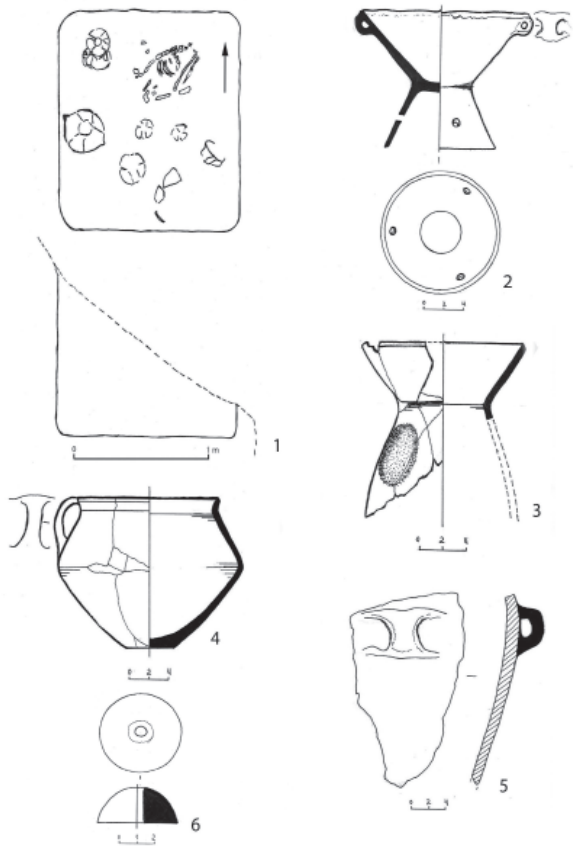

Рис. 6. Гарачайское погребение № 1: 1, 2 – план и разрез; 3–6 – погребальный инвентарь.

Fig. 6. The Garachay burial No. 1: 1, 2 – plan and section; 3–6 – burial goods.

районе Грузии, находится Сагдрисское месторождение золота, которое широко использовалось в период куро-араксской культуры (Гамбашидзе и др., 2010, с. 256). Выдвигалось предположение о том, что сырьевым источником золотых изделий, обнаруженных в погребении Гасансу, является месторождение Сагдриси (Müseyibli, Axundova, Ağalarzadə, 2012, s. 104). Дальнейшие исследования, химический анализ этого золотого украшения и сравнительный анализ результатов с анализами, проведенными по образцам месторождения Сагдриси, подтвердили правильность указанного предположения (Courcier, et al., 2017, p. 530–533; Ştöllner, 2021, p. 113).

Серебряные браслеты, подобные браслету из Гасансу, были найдены в катакомбах Великента в Дагестане (Магомедов, 2000, с. 78). Многочисленные аналогии золотым и серебряным изделиям из Гасансу известны из памятников Грузии (Гамбашидзе, др., 2010, с. 238–239, 536).

По всем технико-типологическим показателям сосуды из погребения Гасансу идентичны керамике из памятников региона первой половины и середины III тыс. до н. э. С другой стороны, памятники соседней Грузии, где обнаружены металлические изделия, аналогичные материалам из погребения Гасансу, датируются концом IV – первой половиной III тысячелетия до н. э. (Гамбашидзе и др., 2010, с. 257). Кроме этого, радиоуглеродные анализы по катакомбам Великента, где были обнаружены металлические изделия, идентичные находкам захоронения Гасансу, показали начало III тысячелетия до н. э. (Магомедов, 2000, с. 86). На основании таких сравнительных материалов погребения Гасансу раннего бронзового века можно отнести к первой половине III тысячелетия до н. э.

Гарачайские захоронения. В 2014 г. экспедиция «Древняя Габала» провела осмотр местности на основе информации жителей села Дизахлы Габалинского района и установила, что там, на высокой правой террасе р. Гарачай, находятся грунтовые захоронения куро-араксской культуры эпохи ранней бронзы (Müseyibli, Ağalarzadə, Axundova, 2015, s. 82). Эта часть берега реки высотой 27 м представляет собой VI террасу, образовавшуюся в Хвалынский период (10–12 тыс. лет назад) (Ширинов,

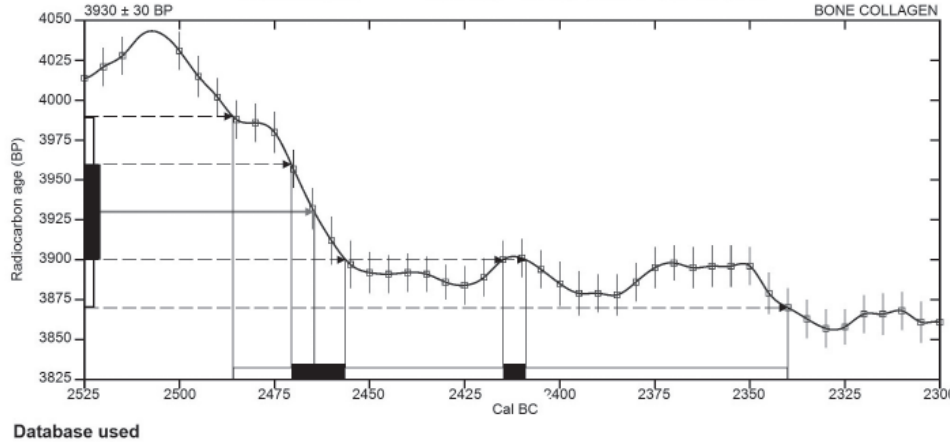
Таблица 1

Радиоуглеродная дата Гарачайского погребения №1.

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12 = -19.1 o/oo : lab. mult = 1)

Laboratory number	**Beta-393429**
Conventional radiocarbon age	**3930 ± 30 BP**
2 Sigma calibrated result 95% probability	**Cal BC 2485 to 2340 (Cal BP 4435 to 4290)**
Intercept of radiocarbon age with calibration curve	Cal BC 2465 (Cal BP 4415)
1 Sigma calibrated results 68% probability	Cal BC 2470 to 2455 (Cal BP 4420 to 4405) Cal BC 2415 to 2410 (Cal BP 4365 to 4360)

Database used
INTCAL13

References

Mathematics used for calibration scenario
A Simplified Approach to Calibrating C14 Dates, Talma, A. S., Vogel, J. C., 1993, Radiocarbon 35(2):317-322

References to INTCAL13 database
Reimer PJ et al. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. Radiocarbon 55(4):1869–1887.

Beta Analytic Radiocabon Dating Laboratory
4985 S.W. 74th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305)667-5167 • Fax: (305)663-0964 • Email: beta@radiocarbon.com

1973, с. 159–163). Выбор такого труднодоступного места для захоронения в эпоху ранней бронзы, по-видимому, был целенаправленным с точки зрения защиты могилы от разграбления. Могилы не имеют никаких наземных признаков, и только обломки керамики, которые появились здесь в результате частичного разрушения, указывали на наличие археологического памятника. Проведены спасательные раскопки этого погребения (погребение № 1) (рис. 6: 1).

Самый край оврага, где находилась могила, имеет склон на восток, в сторону ущелья реки. Таким образом, западная стенка могилы высокая и здесь глубина погребальной камеры достигает 1,1 м, а восточная – низкая, срезанная склоном оврага. Размеры могилы по линии север-юг составляли 1,4 м, а по линии восток-запад – 1,2 м. Юноша захоронен в могиле на левом боку в сильно скорченном положении, головой ориентирован на северо-восток. Раздавленный на фрагменты череп лежал отдельно от нижней челюсти и позвоночника в северо-западном углу могилы. В погребальной камере перед скелетом обнаружено шесть керамических сосудов. Еще один сосуд в раздавленном виде находился над черепом погребенного. Между черепом и сосудом лежала прослойка земли. Четыре сосуда представляют собой глубокие миски разной величи-

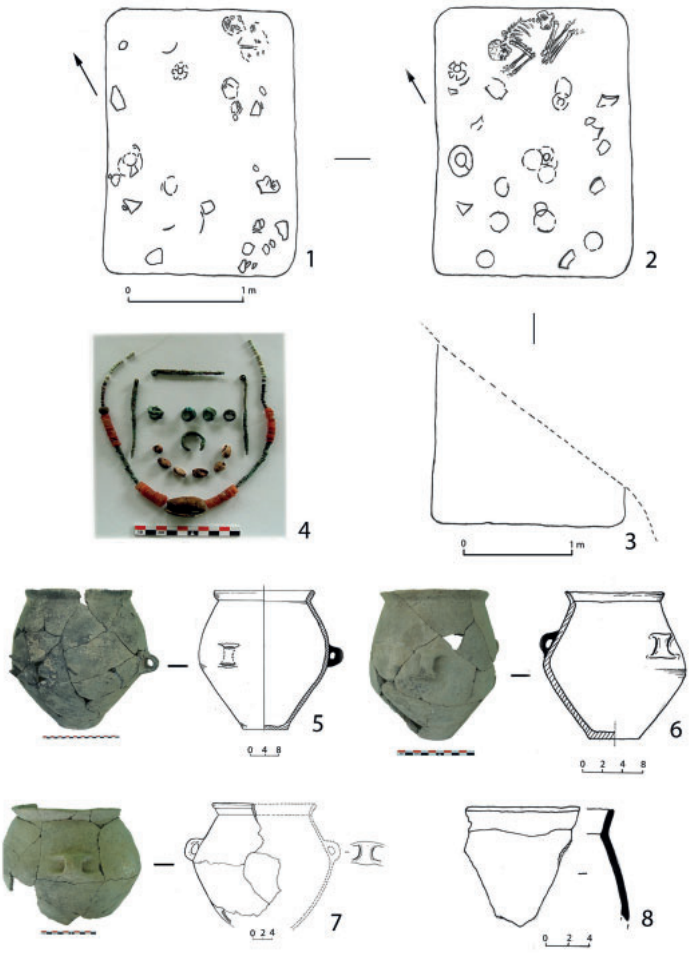

Рис. 7. Гарачайское погребение № 2: 1–3 – план и разрез; 4–8 – погребальный инвентарь.

Fig. 7. The Garachay burial No. 2: 1–3 – plan and section; 4–8 – burial goods.

ны. Кроме того, в могиле находились чаша с одной ручкой, ваза и подставка. Все сосуды темно-серого цвета и снабжены ручками (рис. 6: 2–5). Также в могиле было обнаружено пряслице, изготовленное из эпифиза кости крупного рогатого скота (рис. 6: 6).

По результатам радиоуглеродных анализов (табл. 1), сделанных по костям человека, погребение № 1 датируется третей четвертью III тыс. до н. э.

В 2016 году в том же Гарачайском некрополе исследовано полуразрушенное погребение № 2 (Müseyibli və b., 2017, s. 100–103). Погребение № 2 находилось на краю оврага, в 4 м к югу от погребения № 1.

Размеры камеры в погребении № 2 по линии северо-восток – юго-запад составляли 2,2 м, а по линии северо-запад – юго-восток 1,4 м. Максимальная глубина могилы 1,4 м. В результате антропогенного вмешательства были разрушены восточная и юго-восточная части погребальной камеры, а нижняя часть скелета (до пояса) захороненного здесь человека была выброшена в ущелье вместе с некоторым погребальным инвентарем. Сохранилась только верхняя часть скелета, поэтому положение ног определить не удалось. Сохранившиеся кости также были в некоторой степени перемешаны, а череп разбит на мелкие фрагменты и лежал в северо-восточном углу могилы. По этим причинам определить положение, в котором было совершено захоронение, не удалось (рис. 7: 1). На шейных позвонках скелета и вокруг черепа обнаружены более 100 бус из сердолика, пасты, ракушек, бронзы, несколько бронзовых посоховидных булавок, бронзовые спиралевидные подвески и другие украшения (рис. 7: 4) (Müseyibli və b., 2017, s. 100).

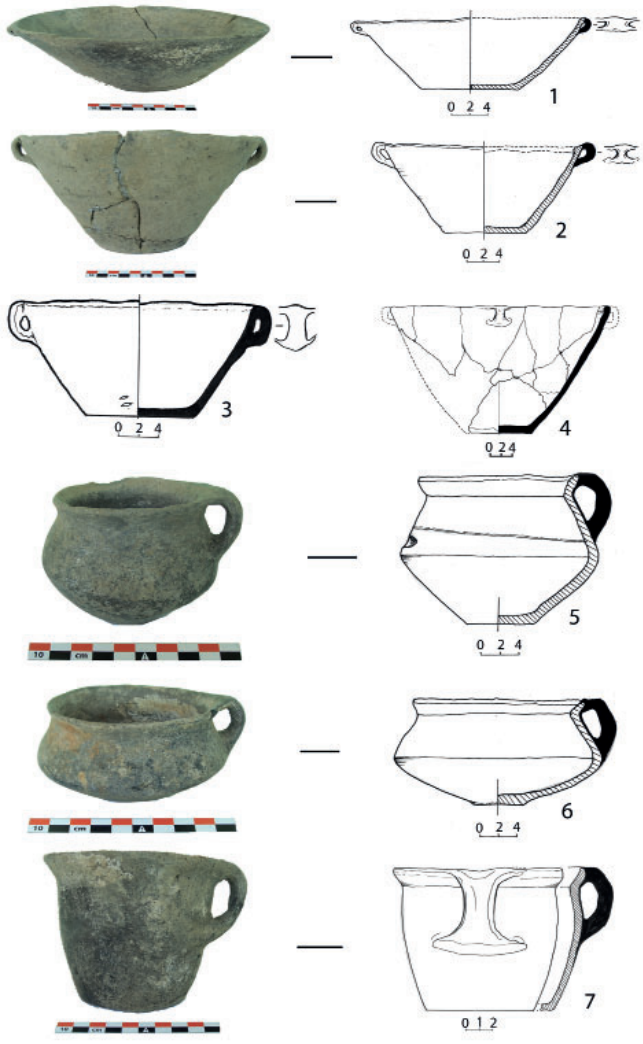

Рис. 8. Керамика Гарачайского погребения № 2.
Fig. 8. Ceramics from Garachay burial site No. 2.

После удаления костей этого скелета под ним был обнаружен скелет второго человека, захороненный в скорченном положении на правом боку, головой на запад. Руки согнуты в локтях и кисти лежат перед лицом (рис. 7: 2–3). Между скелетами лежал слой почвы мощностью более 10 см, что свидетельствует об определенном промежутке времени, прошедшем между этими захоронениями. Однако из-за смешанного размещения керамики на уровне обоих погребений невозможно определить, какие сосуды принадлежат первому, а какие второму погребению. Захоронение одного умершего над другим обнаружено также в могиле № 2 Шамкирчайского кургана № 3 эпохи ранней бронзы (Museyibli, Najafov, Hajili, 2010, p. 212).

Археологический материал, обнаруженный в Гарачайской могиле № 2, состоит из различных видов керамики и ее фрагментов. Всего в могиле обнаружено около 30 керамических сосудов и их фрагментов, типологию и форму которых можно определить. Удалось полностью или частично восстановить 26 из этих сосудов (Müseyibli və b., 2017, s. 100).

Все сосуды изготовлены вручную из глины с добавлением мелкозернистого песка и слабо обожжены. Самый большой из кувшинов, подставки и одна чаша с одной ручкой черные, а вся остальная посуда – темно-серая. Как правило, керамика не имеет орнамента, кроме отдельных округлых вдавлений на корпусе.

Так, керамические изделия, найденные в могиле, представляют собой кувшины, миски, вазы, чаши, кружку и подставки.

Общее количество кувшинов шесть. Все они относительно большие, с высоким туловом и узким поддоном. Как правило, эти сосуды имеют биконический корпус и снабжены тремя ленточно-полушарными ручками, симметрично рас-

Рис. 9. Керамика Гарачайского погребения № 2.
Fig. 9. Ceramics from Garachay burial site No. 2.

положенными на корпусе. У двух кувшинов ручки отсутствуют. Размеры самого большого кувшина: высота 44 см, диаметр тулова 33 см, горловины 29 см, поддона 12 см (рис. 7: 5–8).

Миски (рис. 8: 1–4) представлены шестью экземплярами. Только две миски удалось восстановить полностью. Некоторые миски довольно глубокие. Миски имеют по две ручки.

Выявлены три чаши. Одна из них с прямыми стенками и широко открытым устьем, с узким и плоским поддоном. Две остальные оснащены одной ручкой и имеют биконический корпус (рис. 8: 5–6). На корпусе одной из них, в противоположной от ручки части, имеется овальное вдавление (рис. 8: 5).

Выявлена одна целая кружка с прямыми стенками и плоским дном. Она асимметрична – одна сторона выше другой. Имеется одна ручка продолговато-ленточной формы (рис. 8: 7).

Вазы являются наиболее многочисленными сосудами, найденными в могиле (рис. 9: 1–7). Удалось восстановить девять таких сосудов. Вазы, скорее всего, появились в результате эволюции технологии изготовления сосудов типа мисок. Основания этих ваз обычно представляют собой небольшие перевернутые повторения основных, верхних частей. Обе части имеют форму миски. На стенках нижних частей ваз есть три симметрично расположенные, круглые, реже овальные, отверстия. У некоторых ваз нижняя часть имеет большой диаметр, близкий диаметру верхней части. Венчи-

ки всех ваз загнуты внутрь. Верхние, тарелочные части всех ваз снабжены двумя плоскими ленточными ручками с вдавленной верхней частью. Только одна ваза имеет полушаровидную ручку. Высота ваз варьирует в пределах 14–20 см. Все вазы серого цвета. Найдена только одна черная ваза этого типа. Эти сосуды можно разделить на две группы по форме.

Нижние части ваз первой группы даны как непосредственное продолжение верхних частей, и только в одном случае сделан слабовыраженный узкий переход. Как правило, отверстия в нижних частях ваз этой группы имеют круглую форму. Вазы, относящиеся ко второй группе, отличаются тем, что часть, соединяющая верхнюю и нижнюю части, сравнительно тонкая и вытянутая. При этом, в отличие от сосудов первой группы, отверстия в нижних частях ваз второй группы не круглые, а соответственно форме сосуда, продолговато-овальные.

Обнаружены четыре подставки (рис. 9: 8–11). Три из них удалось частично восстановить. Все подставки черного цвета. Как правило, верхняя часть всех подставок, куда ставится посуда, имеет воронкообразную форму. За исключением одной фрагментированной подставки, на нижних частях остальных трех были сделаны противолежащие округлые вдавления диаметром 3–5 см.

Следует отметить, что сосуды обеих Гарачайских могил идентичны по всем своим техническим и типологическим характеристикам.

Обсуждения и выводы

Таким образом, количество исследованных бескурганных захоронений куро-аракской КИО на территории Азербайджана невелико. Эти могилы относятся к первой половине и середине III тысячелетия до н. э. Однако можно наблюдать значительные различия в их конструкциях и погребальных обрядах по регионам. Все упомянутые памятники типологически являются грунтовыми могилами. Лишь конструкция могилы, обнаруженной в Овчулартепеси Шарурского района, отличается от остальных. Так, стены вырытой в земле погребальной камеры были выложены речными камнями, закрепленными глиняным раствором. Камера имеет арочное перекрытие. Аналогичные погребальные камеры известны в Эларском некрополе в Армении. Ряд изученных в Грузии грунтовых могил также был сооружен из речных камней (Мунчаев, 1994, с. 36). Могилы такой конструкции характерны для западного ареала куро-аракской КИО.

Погребение Гасансу выделяется среди всех остальных по ряду признаков. Главной особенностью этого погребения является то, что покойник и погребальный инвентарь были покрыты густым мягким веществом. Конструкция остальных рассматриваемых могил простая. Они различаются лишь размерами.

По два человека похоронены в могилах Овчулартепеси, Гасансу и могиле № 2 в Гарачае. В других могилах обнаружено по одному погребенному. Во всех могилах умерших хоронили скорченно на правом или левом боку, с сильно или слабо согнутыми ногами.

Что касается археологических материалов, то следует отметить, что эти находки являются показателями особенностей локальных вариантов куро-аракской КИО с их характерными различиями. Как конструкция, так и керамика могилы Овчулартепеси типичны для западного/юго-западного района куро-аракской КИО. Для этой зоны типичны керамические сосуды с высоким цилиндрическим горлышком, узким поддоном и полушарными ручками «нахчыванского типа». Более богатые находки были обнаружены в Гасансу и Гарачайской могиле № 2. В этой связи особо следует упомянуть

захоронение Гасансу. Обнаруженные в этой могиле богатые металлические изделия – оружие и украшения – редкие находки для раннего бронзового века в Азербайджане. Ближайшие аналоги этим металлическим изделиям, а также найденной в могиле керамике известны из памятников того же периода в Грузии (Гамбашидзе и др., 2010). В Гарачайской могиле № 2 наряду с керамикой обнаружены многочисленные украшения и предметы быта из бронзы и различных минералов. Данное захоронение выделяется среди всех могил богатейшим керамическим инвентарем. В каждой могиле Мингячевира и Гёлери были найдены по одному или несколько керамических сосудов.

В Гарачайском некрополе впервые обнаружены новые типы образцов керамики для эпохи ранней бронзы Ширванского региона Азербайджана. Особо следует отметить сосуды вазового типа. Гарачайский некрополь является в Азербайджане самым западным памятником, в котором найдены сосуды вазового типа. Подобные сосуды характерны для северо-восточной – Губа-Хачмазской зоны Азербайджана. Многочисленные сосуды вазового типа обнаружены на поселениях Серкертепе и Чаггалыгтепе этого региона (Мусаев, 2006, с. 39–43; Aşurov və b., 2017, s. 132). Подобные сосуды известны из Великентских катакомб, Каякентских могил и поселения Торпах-Кала эпохи ранней бронзы на юге Приморского Дагестана. Всего в памятниках Дагестана обнаружено семь целых ваз и фрагменты таких сосудов (Гаджиев, 1991, с. 135; Магомедов, 2000, с. 13–19; Будайчиев, 2023, с. 1013). Наряду с другими археологическими материалами важными находками для определения локального варианта куро-аракской КИО являются сосуды вазового типа, характерные для памятников Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана. Эти сосуды относятся к керамическому производству этих зон эпохи ранней бронзы и появились на основе местных традиций.

Некоторые вопросы, связанные с локальными вариантами куро-аракской КИО, были решены исследованиями, проведенными еще в прошлом веке. Памятники эпохи ранней бронзы Южного Дагестана входят в состав восточнокавказской локальной группы или варианта этой культуры. Р.М. Мунчаев считал памятники этого периода Дагестана одним из локальных вариантов куро-аракской культуры (Мунчаев, 1961, с. 100). В своих более поздних исследованиях он отмечал, что будущие исследования позволят определить, совместимы ли памятники северо-восточного региона Азербайджана с памятниками Дагестана или они являются еще одним локальным вариантом этой культуры (Мунчаев, 1994, с. 23). М.Г. Гаджиев на основании прикаспийских памятников Дагестана отмечал, что культура, представленная памятниками раннебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа (северо-восточнокавказская культура), принадлежит обширному куро-аракскому культурному единству (Гаджиев, 1991, с. 233). Г. Исмаилзаде также считает местные варианты куро-аракской КИО самостоятельными археологическими культурами, имеющими общее происхождение (Исмаилзаде, 2008, с. 175).

Раскопки в Гарачайском некрополе, давшие ценную информацию, позволили сделать новые предположения по этой теме. Итак, на основании обнаруженных к настоящему времени археологических материалов памятники III тыс. до н. э. Ширванского, Губа-Хачмазского регионов Азербайджана и Южного Дагестана можно объединить в культуру эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа в рамках куро-аракской КИО. Можно выделить локальные

варианты или группы этой культуры с рядом местных особенностей (Южный Дагестан, Ширван, Губа-Хачмаз и др.). К особенностям, характеризующим культуру раннего бронзового века Восточного Кавказа, можно отнести постройки круглой формы, полуземлянки и турлучные сооружения, грунтовые бескурганные погребения, своеобразные погребальные обряды, местные особенности керамического производства с наличием сосудов вазового типа и специфических керамических подставок, посоховидные бронзовые булавки и т. д. Конечно, продолжение исследований в этом направлении даст возможность более детально определить аспекты, отличающие эту культуру (Müseyibli və b., 2017, s. 103).

Таким образом, исследованные на территории Азербайджана грунтовые могилы раннего бронзового века имеют важное значение для изучения погребальных обрядов и материальной культуры этого периода, в том числе для изучения локальных особенностей куро-араксской КИО.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авилова А.И.* Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. Москва: «Памятники исторической мысли», 2008. 227 с.
2. *Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И.* Древний Мингечаур: эпоха энеолита и бронзы. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1959. 190 с.
3. *Будайчиев А.Л.* Керамические вазы-«фруктовницы» из памятников Приморского Дагестана раннего бронзового века // История, археология и этнография Кавказа. Т. 19. № 4. 2023. С. 1011–1030.
4. *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура северо-восточного Кавказа. Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. 264 с.
5. *Гамбашидзе Ир., Миндиашвили Г., Гогочури Г., Кахиани К., Джапаридзе И.* Древнейшая металлургия и горное дело в Грузии в VI–III тыс. до н. э. Тбилиси: Mtsignobari, 2010. 592 с.
6. *Исмаилзаде Г.С.* Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку: Nafta-Press, 2008. 303 с.
7. *Кореневский С.Н.* Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.
8. *Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Грузин. ССР, 1941. 491 с.
9. *Магомедов Р.Г.* Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 120 с.
10. *Махмудов Ф.А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г.* О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4. С. 16–26.
11. *Махмудов Ф.А.* Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Nafta-Press, 2008. 216 с.
12. *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 190 с.
13. *Мунчаев Р.М.* Куро-аракская культура / Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Археология СССР / Отв. ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 8–57 с.
14. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I: Культово-административный центр IV – III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. Т. 1. М.: Палеограф, 2004. 488 с.
15. *Мусаев Д.* Серкертепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку: Nafta-Press, 2006. 173 с.
16. *Ширинов Н.Ш.* Геоморфологическое строение Куро-Араксинской депрессии. Баку: Элм, 1973. 216 с.
17. *Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyeva S.A., Babayeva T.V., Nəhmətova İ.A., Məmmədova N.V., Abdullayeva A.Q.* "Şabran arxeoloji ekspedisiyası"nın 2016-cı il tədqiqatları // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2015-2016. Bakı: Xəzər Universiteti, 2017. S. 129–134.
18. *Courcier A., Museibli N. Ragimova M., Jalilov B.* Metallurgical Developments in Azerbaijan from the Neolithic to the Early Bronze Age // Subartu XXXVIII. At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology. Brussel: 2017. P. 525–541.
19. *Əliyev V.H., Göyüşov R.B.* Arpaçay vadisində İlk Tunc dövrünə aid qəbir abidəsi // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. Bakı: "Elm", 1993. S. 14–19.
20. *İsmayılov Q.S., Əliyev V.H.* Babadərviş qədim yaşayış yerində qəbir abidələri // Azərbaycan SSR EA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası. 1972, № 2. S. 38–51.

21. Hüseynov M.M. Kür-Araz mədəniyyəti tayfalarının yeni dəfn adəti // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. 2011. № 2. S. 36–42.
22. Müseyibli N., Axundova G. II Qıraq Kəsəmən nekropolunda arxeoloji qazıntılar // "Azərbaycan arxeologiyası", № 3–4. Bakı: "Khazar University Press", 2007. S. 53–65.
23. Müseyibli N., Axundova G., Ağalarzadə A. Ağstafa rayonunda tunc dövrünün qəbir abidələri // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011. Bakı: "Xəzər Universiteti", 2012. S. 97–108.
24. Müseyibli N.Ə., Ağalarzadə A.M., Axundova G.K. Qəbələ rayonunun qədim abidələrində 2013-2014-cü illərdə aparılmış arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2013–2014. Bakı: "Xəzər Universiteti", 2015. S. 79–83.
25. Müseyibli N.Ə., Ağalarzadə A.M., Axundova G.K., Qasımov A.A. İlk Tunc dövrü Qaraçay nekropolunda arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2015–2016. Bakı: "Xəzər Universiteti", 2017. S. 100–104.
26. Museyibli N., Najafov Sh., Hajili Z. Early Bronze Age Shamkirchai Kurgan // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов / Отв. ред. Г. Гамбашидзе. Тбилиси: "Meridiani", 2010. P. 212–214.
27. Stöllner T. Sakdrisi and the Gold of the Transcaucasus // Der Kaukasus Bridge between the urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3rd millennium BC The transfer of knowledge and technologies between East and West in the Bronze Age / Proceedings of the Caucasus conference / Edited by Herausgegeben von Liane Giemsch · Svend Hansen. Frankfurt am Main: 2021. P. 101–118.

Информация об авторе:
Ахундова Гюльнара Камал кызы, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии НАНА (г. Баку, Азербайджан); gulnara.akhundova29a@mail.ru

THE EARLY BRONZE AGE BURIALS WITHOUT BARROWS IN AZERBAIJAN

G.K. Akhundova

Numerous Early Bronze Age archaeological sites discovered in Azerbaijan indicate that the region was intensively settled by tribes of the Kura-Araxes culture or the Kura-Araxes cultural-historical community (CHC). The studied burial sites of this period, when the economy was based on agriculture and cattle breeding, primarily consist of barrows (kurgans). Beneath the barrows, several types of burial chambers have been found, along with varying burial rites. To date, only a limited number of burials without mounds have been studied in Azerbaijan. One of the main reasons for this is the absence of surface markers for such burials. These burials were accidentally discovered in different regions due to various natural and anthropogenic impacts or were found during excavations of different sites. So far, no necropolises with a large number of burials without barrows from the Kura-Araxes CHC have been studied in Azerbaijan. The diversity of burials and burial rites was associated both with the local peculiarities of this culture and with chronological differences.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Kura-Araxes CHC, burials without barrows, burials without mounds, local options, archaeological cultures, metal products, ceramics.

REFERENCES

1. Avilova, A. I. 2008. *Metall Blizhnego Vostoka. Modeli proizvodstva v eneolite, rannem i srednem bronzovom veke (Near Eastern metal: production patterns in the Chalcolithic, Early and Middle Bronze Ages)*. Moscow: "Monuments of Historical Thought" Publ. (in Russian).
2. Aslanov, G. M., Vaidov, R. M., Ione, G. I. 1959. *Drevniy Mingechaur: epokha eneolita i bronzy (Ancient Mingachevir: Eneolithic and Bronze Ages)*. Baku: Academy of Sciences of the AzSSR Publ. (in Russian).
3. Budaychiev, A. L. 2023. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza (History, Archeology and Ethnography of the Caucasus)* 19 (4). 1011–1030 (in Russian).
4. Gadzhiev, M. G. 1991. *Rannezemledel'cheskaya kul'tura severo-vostochnogo Kavkaza. Epokha eneolita i ranney bronzy (Early agricultural culture of the northeastern Caucasus. Chalcolithic and Early Bronze Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Gambashidze, Ir., Mindiashvili, G., Gogochuri, G., Kakhiani, K., Dzhaparidze, I. 2010. *Drevneyshaya metallurgiya i gornoe delo v Gruzii v VI–III tys. do n. e*. Tbilisi: "Mtsignobari" Publ. (in Russian).
6. Ismailzade, G. S. 2008. *Azerbaydzhan v sisteme rannebronzovoy kul'turnoy obshchnosti Kavkaza (Azerbaijan in the system of the Early Bronze Age cultural community of the Caucasus).* Baku: "Nafta-Press" Publ. (in Russian).

7. Korenevskiy, S. N. 2011. *Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turniy aspect (The earliest metal of the Northern cis-Caucasus. Typology. Historical and cultural aspect).* Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
8. Kuftin, B. A. 1941. *Arkheologicheskie raskopki v Trialeti (Archaeological excavations in Trialeti).* Tbilisi: "Academy of Sciences of Georgia SSR" Publ. (in Russian).
9. Magomedov, R. G. 2000. *Materialy k izucheniyu kul'tur epokhi bronzy v Primorskom Dagestane (Materials for the study of Bronze Age cultures in seaside Dagestan)*. Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Makhmudov, F. A., Munchaev, R. M., Narimanov, I. G. 1968. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 16–26 (in Russian).
11. Makhmudov, F. A. 2008. *Kul'tura yugo-vostochnogo Azerbaydzhana v epokhu bronzy i rannego zheleza (Culture of south-eastern Azerbaijan in the Bronze and Early Iron Ages).* Baku: "Nafta-Press" Publ. (in Russian).
12. Munchaev, R. M. 1961. *Drevneyshaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza (The most ancient culture of the Northeastern Caucasus).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 100. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
13. Munchaev, R. M. 1994. In Kushnareva, K. Kh., Markovin, V. I. (eds.). *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza (The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze of the Caucasus)*. Series: Archaeology of the USSR Moscow: "Nauka" Publ., 8–57 (in Russian).
14. Munchaev, R. M., Merpert, N. Ya., Amirov, Sh. N. 2004. *Tell' Khazna I: Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii (Tell Hazna I: Religious and Administrative Center of IV–III millenuim BC in North-East Syria)* 1. Moscow: "Paleograph" Publ. (in Russian).
15. Musaev, D. 2006. *Serkertepe – poselenie epokhi ranney bronzy (Serkertepe – a site of the Early Bronze Age)*. Baku: "Nafta-Press" Publ. (in Russian).
16. Shirinov, N. Sh. 1973. *Geomorfologicheskoe stroenie Kuro-Araksinskoy depressii (Geomorphological structure of the Kura-Araxes depression).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
17. Aşurov, S. H., Hüseynova, S. A., Əliyeva, S. A., Babayeva, T. V., Nəhmətova, İ. A., Məmmədova, N. V., Abdullayeva, A. Q. 2017. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2015-2016 (Archaeological research in Azerbaijan-2015-2016)*. Bakı: "Xəzər Universiteti" Publ., 129–134 (in Azerbaijani).
18. Courcier, A., Museibli, N. Ragimova, M., Jalilov, B. 2017. In *Subartu XXXVIII. At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology.* Brussel. 525–541.
19. Əliyev, V. H., Göyüşov, R. B. 1993. In *Azərbaycanın maddi mədəniyyəti (Material culture of Azerbaijan)*. Bakı: "Elm", 14–19 (in Azerbaijani).
20. İsmayılov, Q. S., Əliyev, V. H. 1972. In *Azərbaycan SSR EA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası (Bulletin of the Azerbaijan SSR Academy of Sciencies. History, philosophy and law Series)* 2, 38–51 (in Azerbaijani).
21. Hüseynov, M. M. 2011. In *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası (Archaeology and Ethnography of Azerbaijan)* 2, 36–42 (in Azerbaijani).
22. Müseyibli, N., Axundova, G. 2007. In *Azərbaycan arxeologiyası (Archeology of Azerbaijan)* 3–4. Bakı: "Khazar University Press", 53–65 (in Azerbaijani).
23. Müseyibli, N., Axundova, G., Ağalarzadə, A. 2012. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011 (Archaeological research in Azerbaijan-2011).* Baku: "Xəzər Universiteti" Publ., 97–108 (in Azerbaijani).
24. Müseyibli, N. Ə., Ağalarzadə, A. M., Axundova, G. K. 2015. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2013–2014 (Archaeological researches in Azerbaijan – 2013–2014.).* Bakı: "Xəzər Universiteti" Publ., 79–83 (in Azerbaijani).
25. Müseyibli, N. Ə., Ağalarzadə, A. M., Axundova, G. K., Qasımov, A. A. 2017. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2015–2016 (Archaeological research in Azerbaijan – 2015–2016).* Bakı: "Xəzər Universiteti" Publ., 100–104 (in Azerbaijani)
26. Museyibli, N., Najafov, Sh., Hajili, Z. 2010. In Gambashidze G. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza». Sbornik kratkikh soderzhaniy dokladov (International scientific conference "Archaeology, ethnology, folkloristics of the Caucasus". Collection of abstracts of reports).* Tbilisi: "Meridiani" Publ, 2010. P. 212–214.
27. Stöllner, T. 2021. In Liane Giemsch, Svend Hansen (eds.). *Der Kaukasus Bridge between the urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3rd millennium BC The transfer of knowledge and technologies between East and West in the Bronze Age*. Frankfurt am Main, 101–118.

About the Author:

Akhundova Gyulnara K. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid pr.-115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; gulnara.akhundova29a@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.97.115

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ КУЛЬТУРНОГО КРУГА ЛОЛА: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ[1]

© 2025 г. Р.А. Мимоход

В статье рассматриваются наконечники стрел из кремня, кости и рога, обнаруженные в погребениях культурного круга Лола. В хронологическом отношении подавляющее большинство из них датируются ранней фазой существования блока посткатакомбных культурных образований в пределах 2200–2100 CalBC. Установлено, что часть наконечников в захоронениях являлась сопровождающим инвентарем, а часть – свидетельствами ранений или убийств. Разработана типология этих изделий как для изделий из кремня, так и для стрел, изготовленных из кости и рога. Выделены типы, характерные для носителей лолинских традиций: листовидные с овальным основанием и черешковые, а также инокультурные типы. Последние зачастую являлись в погребениях свидетельствами ранений или убийств и иллюстрируют военные конфликты внутри посткатакомбного мира и сопредельных территорий.

Ключевые слова: археология, наконечники стрел, культурный круг Лола, хронология, типология, сопровождающий инвентарь, ранения и убийства.

Наконечники стрел культурного круга Лола (2200–1800 CalBC), в который на сегодняшний день входят лолинская и невинномысская культура, а также волго-уральская культурная группа (рис. 1), уже попадали в фокус исследования (Мимоход, 2013, с. 135–159; 2022; Мимоход, Загородняя, 2020; Mimokhod, Zagorodnia, 2021), но не становились предметом специального исследования с учетом всех данных по этой проблематике. Последние серьезно расширили и разнообразили ассортимент данных изделий, обнаруженных в посткатакомбных погребениях Предкавказья и Нижнего Поволжья.

Сейчас известно 16 наконечников стрел, которые обнаружены в 11 погребениях культурного круга Лола (рис. 1). Основные данные о них сведены в табл. 1.

Половозрастные характеристики людей, с которыми обнаружены наконечники стрел, следующие. Во всех случаях в могилах обнаружены скелеты взрослых индивидов, за исключением комплекса Зимняя Ставка 4/1, в котором находился скелет ребенка (рис. 2: 5). Половая принадлежность определена для трех захоронений, в которых обнаружены мужские костяки (рис. 2: 3; 3: 1, 3). Возраст 30–40 лет определен для мужчины из комплекса Песчаный V 14/3 (рис. 2: 3). Таким образом, можно предположить, что наконечники стрел характерны для захоронений взрослых людей мужского пола.

По месторасположению наконечников стрел в могилах представленная выборка четко распадается на две фактически равнозначные в количественном отношении группы.

Первую из них составляют четыре погребения, где рассматриваемые изделия следует расценивать как сопровождающий инвентарь в прямом смысле этого слова. В комплексе Цаган-Усн VII 4/27 кремневый наконечник лежал под лопаткой МРС, а костяной находился в скоплении астрагалов (рис. 3: 1). В п. 1 к. 9 мог. Манджикины 1 мы имеем дело с набором мастеров-стрелоделов, куда входили как фактически законченные изделия, так и заготовки (рис. 3: 2). Такие комплекты хорошо представлены и в катакомбных культурах (Смирнов, 1983; Санжаров, 2008), и в культур-

[1] Работа подготовлена в рамках НИР НИОКТР 122011200270-0.

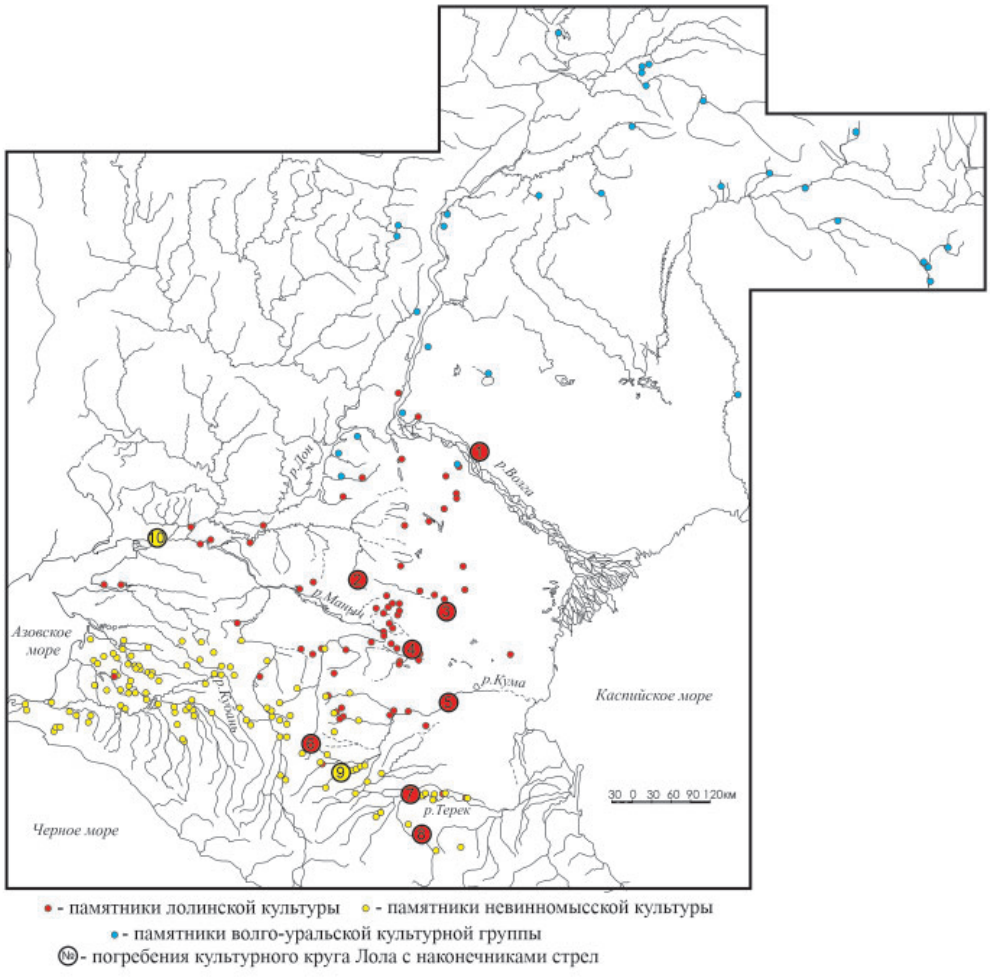

Рис. 1. Погребения культурного круга Лола с наконечниками стрел. Территория. 1 – Степная IV 3/3; 2 – Песчаный V 14/3; 3 – Цаган-Усн VII 4/27; 4 – Манджикины 1 9/1; 5 – Зимняя Ставка 4/1; 6 – Кунаковский 2 3/3; 7 – Черноярская 3/10; 8 – Беслан А/703; 9 – Иноземцево 1 1/2, 7/4; 10 – Ростов-Западный 5/3.

Fig. 1. Burials of the Lola culture circle with arrowheads. Area.

ном круге Бабино (Литвиненко, 1997, с. 32; 1998а; 2006, с. 178; 2019, рис. 4, 5; Мимоход, 2014, с. 113, рис. 2: 6). В комплексе Черноярская 3/10 наконечники стрел лежали вплотную друг к другу за спиной умершего (рис. 3: 3). Такое расположение симптоматично. С.Н. Братченко указывал, что за спиной обычно размещался колчан охотников и воинов энеолита – бронзового века (Братченко, 1989, с. 80; 2006, с. 279). Положение колчанного набора по отношению к костяку в погребении из Черноярской находит аналогии в материалах культурного круга Бабино (Полидович, 1993, рис. 50; Литвиненко, 1998, с. 49; Разумов, 1999, с. 213; Братченко, 2006, рис. 129, с. 279), синташтинских, потаповских, покровских и срубных захоронениях (Шишлина, 1990, с. 27; Васильев и др., 1994, рис. 18: 2; Виноградов, 2003, рис. 38: 2; Епимахов, 2005, рис. 41, 47; Юдин, 2008, рис. 7). В комплексе Иноземцево 1 7/4 стрелка лежала перед черепом (рис. 3: 6). В п. 3 к. 3 мог. Степная IV

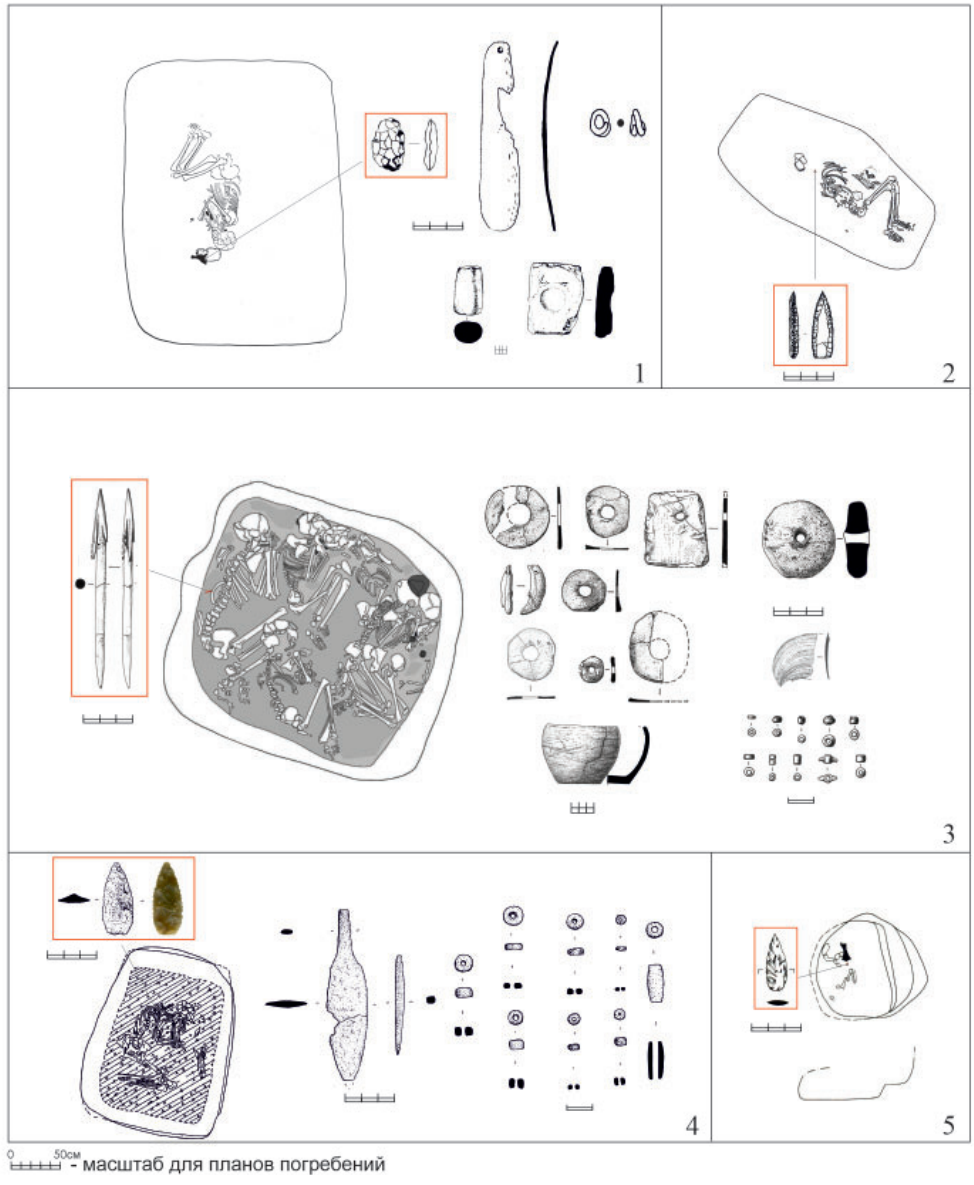

Рис. 2. Погребения лолинской культуры с наконечниками стрел. 1 – Степная IV 3/3; 2 – Беслан А/703; 3 – Песчаный V 14/3; 4 – Кунаковский 2 3/3; 5 – Зимняя Ставка 4/1.
Fig. 2. Burials of the Lola culture with arrowheads.

наконечник находился тоже перед черепом и был накрыт лопаткой МРС (рис. 2: 1). Аналогичный контекст обнаружения имеет уже упоминавшийся кремневый наконечник из комплекса Цаган-Усн VII 4/24 (рис. 3: 1). Он также располагался перед черепом и частично перекрыт лопаткой МРС.

Вторая группа включает наконечники стрел, которые можно рассматривать как свидетельства убийств или ранений. Иными словами, они не намеренно положены в могилу, а просто не были извлечены из тел после военных стычек. В комплексах Беслан А/703 и Зимняя Ставка 4/1 ин-

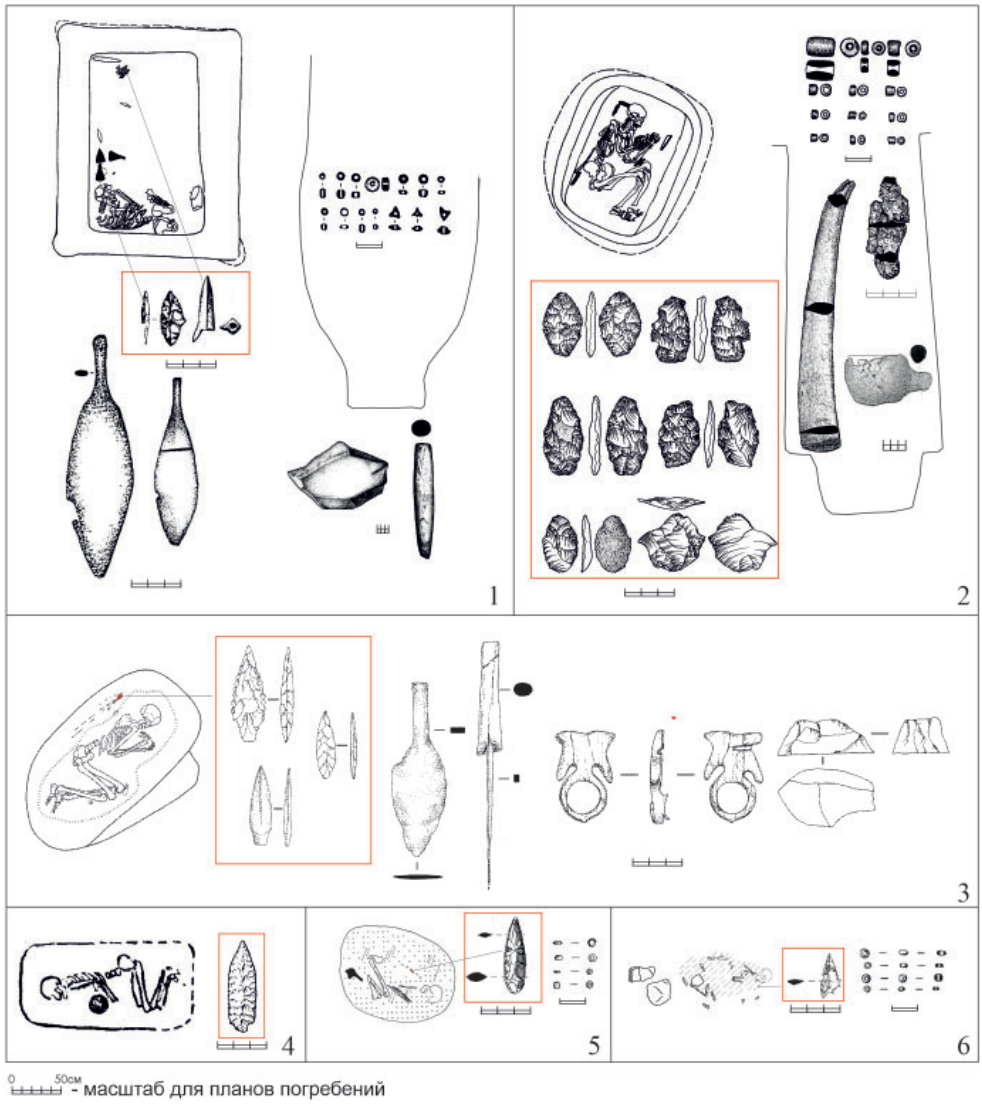

Рис. 3. Погребения культурного круга Лола с наконечниками стрел. 1–3 – лолинская культура; 4–6 – невинномысская культура. 1 – Цаган-Усн VII 4/27; 2 – Манджикины 1 9/1; 3 – Черноярская 3/10; 4 – Ростов-Западный 5/3; 5 – Иноземцево 1 1/2; 6 – Иноземцево 1 7/4.

Fig. 3. Burials of the Lola culture circle with arrowheads.

дивиды получили ранения стрелами в области шеи (рис. 2: 2). В п. 3 к. 3 мог. Кунаковский 2 стрела вонзилась в человека в области лопаток (рис. 2: 4). В комплексах Иноземцево 1 1/2 и Песчаный V 14/3 умершие были поражены в спину в районе середины позвоночного столба (рис. 2: 3; 3: 5). Последнее погребение представляет особый интерес, т. к. является коллективным погребением, в котором только мужчина 30–40 лет был убит или ранен стрелой. Следует отметить, что в четырех из пяти погребений нашей второй группы в погибших стреляли сзади (рис. 2: 2–4; 3: 5). Скорее всего, люди убегали от преследователей, были ранены стрелами и добиты.

Приблизительно такая же история гибели реконструируется, например, для большинства мужчин в знаменитом Пепкинском кургане (Халиков и др., 1966, с. 17; Медникова, Лебединская, 1999; Кузнецов, 2004; Медникова, 2019).

Хронологическая позиция большинства погребений с рассматриваемой категорией инвентаря устанавливается достаточно точно. По характерным архаическим чертам обрядово-инвентарного комплекса большая часть захоронений относится к фазе ПКБ I, т. е. ко времени становления посткатакомбного блока (рис. 2: 1, 3–5; 3: 1–3). Относительную хронологическую позицию остальных погребений (рис. 2: 2; 3: 4–6) установить сложно. Они могут датироваться любой из трех фаз ПКБ. Однако в любом случае можно сделать однозначный вывод, что наконечники стрел характерны преимущественно для раннего этапа культурного круга Лола (2200–2100 CalBC). Аналогичная ситуация прослеживается и для культурного круга Бабино, где кремневые наконечники стрел также маркируют преимущественно фазу ПКБ I (Литвиненко, 1997, с. 31; 1998, с. 51, 52; Мимоход, 2023, с. 17). На сегодняшний день имеется восемь радиоуглеродных дат, полученных по двум погребениям лолинской культуры с наконечниками стрел (табл. 2) (Мимоход, Шишлина, 2004, табл. 1; Шишлина, 2013, табл. 4). Причем пять из них – это высокоточные AMS-даты (табл. 1: 3–6, 8).

Оба погребения надежно датируются фазой ПКБ I. Результаты суммирования (sum_probability OxCal v.3.10) с вероятностью в 1σ дают интервал 2260–2030 CalBC. Основное тело этого диапазона хорошо соответствует времени становления блока посткатакомбных культурных образований в рамках XXII–XXI вв. до н. э.

По сырью наконечники стрел культурного круга Лола делятся на две части. Первая из них изготовлена из кремня (рис. 4: 1–8, 11–13, 15–17), вторая – из кости (рис. 4: 9, 10, 14). С учетом различия поделочного материала для каждой группы предлагается своя типология.

В серии **кремневых изделий** можно выделить пять типов.

Тип 1 – это листовидные наконечники с овальным основанием (рис. 4: 1–7)[2]. По классификации С.Н. Братченко, они принадлежат к стрелам группы V «листовидные с выпуклым основанием». Исследователь отмечал, что такие наконечники редко встречаются в памятниках бронзового века (Братченко, 2006, с. 269).

В данной серии листовидных изделий выделены три варианта.

Вариант 1 – листовидные наконечники с овальным широким основанием, которые имеют приземистые пропорции. К нему относятся наконечники и их заготовки из комплекса Манджикины 1 9/1 и предмет из комплекса Степная IV 3/3 (рис. 4: 1–4; 5: I). Это довольно крупные и тяжелые наконечники. Максимальное расширение находится посередине пера. Стрелы обработаны довольно крупной ретушью. Они выглядят массивными и относительно небрежными.

Листовидные наконечники, аналогичные предметам первого варианта, иногда встречаются в позднекатакомбных погребениях. Из комплекса Овата V 1/4 поздней восточноманычской катакомбной культуры (ВМКК) происходят наконечники, а также их заготовки, близкие лолинским (рис. 5: 1). Известны подобные изделия в позднекатакомбных погребениях Подонья и Подонцовья (рис. 5: 2–4).

Аналогии изделиям первого варианта присутствуют и на Северо-Восточном Кавказе (рис. 5: 6, 7). Серия наконечников, очень близких лолинским, известна в материалах Верхнегунибского поселения гинчинской культуры. Р.Г. Магомедов в своей

Таблица 1

Данные о погребениях культурного круга Лола с наконечниками стрел

№	Комплекс	Культура	Публ./архив	Рис.	Пол, возр	Сырье	Кол-во	Ранение/ убийство	Как инвентарь	Месторасположение
1	Беслан А/703*	лолинская	(Мимоход, Загородняя, 2020, рис. 4: 1; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, fig. 5.4: a)	2: 2	Взр.	Кремень	1	+	–	Область шеи
2	Зимняя Ставка 4/1	лолинская	(Лычагин, 2009, рис. 178–183)	2: 5	Реб.	Кремень	1	+	–	Область шеи
3	Кунаковский 2 3/3	лолинская	(Мимоход, Загородняя, 2020, рис. 4: 1; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, fig. 5.4: a)	2: 4	Взр.	Кремень	1	+	–	Верхняя часть грудной клетки
4	Манджикины 1 9/1	лолинская	(Мимоход, 2013, илл. 30: 6)	3: 2	Взр.	Кремень	3 + заготовки	–	+	В сумочке на предплечьях
5	Песчаный V 14/3	лолинская	Шишлина, 2013, табл. 1, рис. 1; Мимоход, Загородняя, 2020, рис. 4: 3; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, fig. 5.4: c	2: 3	Реб 5–6 лет, 4 подр. 12–13 лет, м. 30–40 лет	Рог	1	+	–	Центральная часть спины
6	Степная IV 3/3**	лолинская	(Мимоход, 2013, с. 146, илл. 32: 14)	2: 1	Взр.	Кремень	1	–	+	У черепа, под лопаткой МРС
7	Цаган-Усн VII 4/27	лолинская	(Мимоход, 2013, илл. 30: 9)	3: 1	Взр., м.	Кремень, кость	2	–	+	У черепа, под лопаткой МРС (кремень), в скоплении астрагалов (кость)
8	Черноярская 3/10	лолинская	Калмыков, Мимоход, 2005, с 208, рис. 5; Ростунов, 2007, рис. 42, 5–12	3: 3	Взр, м.	Кремень, кость	3	–	+	За спиной, в колчане
9	Иноземцево 1 1/2	невинномысская	(Березин, 2000, рис. 64–66, 68)	3: 5	Взр.	Кремень	1	+	–	В центральной части позвоночного столба
10	Иноземцево 1 7/4	невинномысская	(Березин, 2000, рис. 64–66, 68)	3: 6	Взр.	Кремень	1	–	+	Перед черепом
11	Ростов-Западный 5/3	невинномысская	(Шарафутдинова, 1987, рис. 3: 5, 6)	3: 4	Взр.	Кремень	1	–	+	?

* Здесь и далее в числителе дается номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

** Этот комплекс можно отнести как к лолинской культуре, так и к волго-уральской культурной группе. В их пограничье обрядовые признаки могут совпадать, как в нашем случае.

классификации отнес их к типу 3 (Магомедов, 1998, с. 104, рис. 106: 34–37). Несложно заметить, что наибольшее расширение пера у этой серии находится в нижней трети изделия, чем они отличаются от лолинской выборки. Примечательно то, что в рамках гинчинских древностей кавказские наконечники являются наиболее поздними (Котович, 1965, с. 125, 131; Магомедов, 1998, с. 105) и, соответственно, синхронны культурному кругу Лола. Следует отметить, что по небрежной и крупной ретуши, а также метрическим параметрам лолинские наконечники варианта 1 больше соответствуют кавказским, чем позднекатакомбным экземплярам.

Изредка листовидные наконечники, близкие лолинским изделиям

Таблица 2

^{14}C данные погребений лолинской культуры с наконечниками стрел

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1	Манджикины 1 9/1	ИГАН-2278	Кость человека	3740±	2190–2044
2	Манджикины 1 9/1	ИГАН-2227	Дерево	3850±	2453–2197
3	Манджикины 1 9/1	KIA-45525	Ребро коровы	3704±27	2138–2038
4	Манджикины 1 9/1	KIA-45524	Кость человека	3824±26	2296–2205
5	Песчаный V 14/3	GrA-32895	Кость человека (подросток 1)	3710±35	2141–2036
6	Песчаный V 14/3	GrA-55077	Астрагал MPC	3695±35	2135–2035
7	Песчаный V 14/3	IGAN-4557	Кость человека (мужчина 30-40 лет)	3770±70	2294–2043
8	Песчаный V 14/3	GrA-55090	Кость человека (подросток 1)	3880±35	2457–2301

первого варианта, встречаются позже, в памятниках начала позднего бронзового века. Известны они в синташтинских и покровских материалах (рис. 5: 8–10). Характерно, что в этих сериях представлены также достаточно массивные изделия, как и в лолинской культуре, но обработка их иная.

Вариант 2 – это листовидный наконечник стройных пропорций с зауженным основанием (рис. 4: 6, 7, 15, 5: II). Очень редко подобные наконечники встречаются в позднекатакомбных комплексах (рис. 5: 11, 12). Чаще, но также не существенно по сравнению с иными типами, такие изделия представлены в комплексах рубежа средней – поздней бронзы. Они известны в синташтинских и раннепокровских (доно-волжских абашевских) захоронениях (рис. 5: 14–17). Серия аналогичных наконечников обнаружена в руинах Ливенцовской крепости (рис. 5: 13). Небезынтересно заметить, что аналогии стрелам варианта 2 пока неизвестны на Кавказе, хотя наконечники первого варианта там присутствуют.

К *варианту 3* относится наконечник листовидной формы с боковым шипом в центре пера, обнаруженный в п. 27 к. 4 мог. Цаган-Усн VII 4/27 (рис. 4: 5). Его форма аналогична, к примеру, стреле из п. 9 к. 8 мог. Ясырева I (рис. 4: 6). Выделение наконечника из Цаган-Усна в отдельный вариант обусловлено наличием специфической конструктивной детали в виде бокового шипа. Он придает изделию определенную исключительность, т. к. кремневые стрелки с боковым шипом посередине пера не характерны для культур среднего и позднего бронзового веков. Попытки найти ему убедительные аналогии в культурах средней и поздней бронзы не увенчались успехом (Мимоход, 2013, с. 150–153, илл. 69: 20–26).

Тип 2 представлен кремневым наконечником с пером листовидной, близкой к подтреугольной формы и трапециевидным черешком (рис. 4: 8; 5: III). Обе стороны изделия отретушированы в характерной для Кавказа пильчатой технике.

Характерно, что подобные наконечники неизвестны на Кавказе. В этом регионе представлены черешковые изделия из кремня иных типов (рис. 5: 21). В катакомбных древностях между Днепром и Волгой черешковые стрелы встречаются крайне редко. Из них ближе всего к нашему экземпляру стоит один из наконечников из орджоникидзенского захоронения (рис. 5: 18). Следует отметить, что изделия именно такой морфологии отсутствуют на Кавказе. Здесь известны черешковые кремневые стрелы, но других типов (рис. 5:

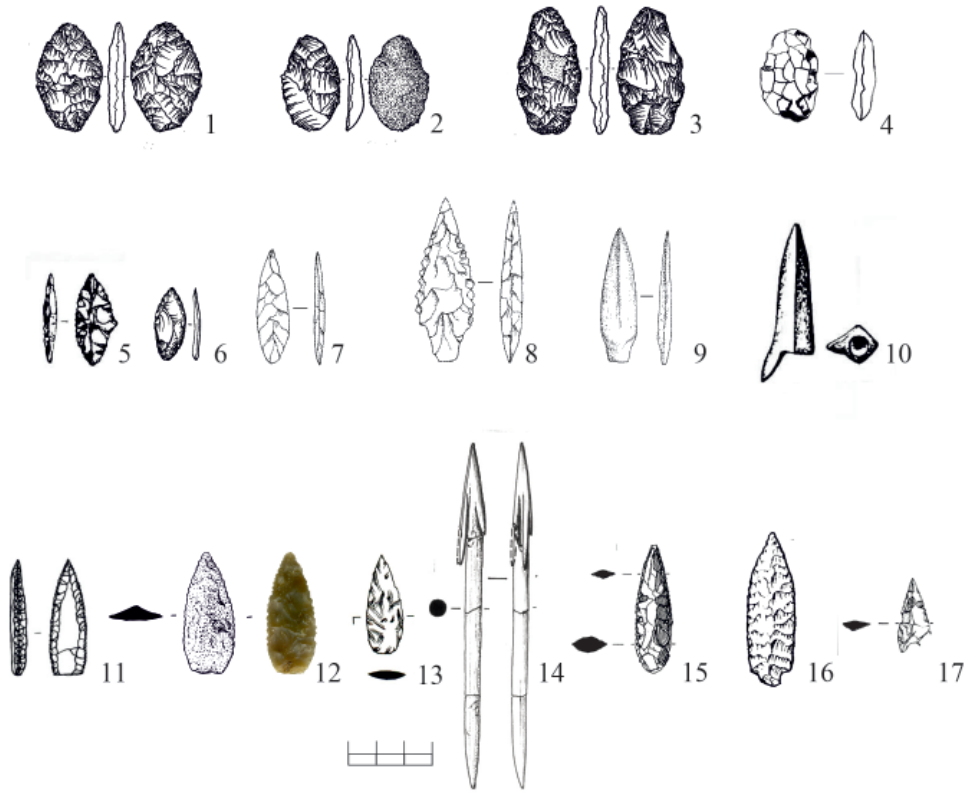

Рис. 4. Наконечники стрел культурного круга Лола. 1–9, 11–13, 15–17 – кремень; 9, 10 – кость; 14 – рог. 1–14 – лолинская культура; 15–17 – невинномысская культура. 1–3 – Манджикины 1 9/1; 4 – Степная IV 3/3; 5, 10 – Цаган-Усн VII 4/27; 6 – Ясырев I 8/9; 7–9 – Черноярская 3/10; 11 – Беслан А/703; 12 – Кунаковский 2 3/3; 13 – Зимняя Ставка 4/1; 14 – Песчаный V 14/3; 15 – Иноземцево 1 1/2; 16 – Ростов-Западный 5/3; 17 – Иноземцево 1 7/4.

Fig. 4. Arrowheads of the Lola culture circle.

20). Показательная серия изделий нашего второго типа происходит из материалов Ливенцовской крепости (рис. 5: 21–25). Изделие из комплекса Черноярская 3/10 (рис. 5: III) относится к листовидному варианту типа 1 по классификации С.Н. Братченко (2006, с. 135).

Общеизвестно, что широкое распространение кремневые наконечники с черешком получают в финале средней – начале поздней бронзы в абашевских памятниках и культурах горизонта щитковых псалиев. При наличии общего сходства следует отметить существенные отличия черноярской стрелы от вышеуказанной серии. Его нельзя отнести к наконечникам «сейминского» типа (рис. 5: 26–29)[3]. Для изделий этой серии характерен более короткий треугольный черешок, перо треугольной формы и выраженные шипы в основании острия (Кузьмина, 1992, с. 65; Кузнецов, 2004, рис. 3: IV; Кузьмина, Крамарев, 2021, рис. 2: 1–4). У синташтинско-потаповских и покровских наконечников помимо характерной «сейминской» морфологии пера иногда присутствует черешок, не скругленный либо треугольный (рис. 5: 27–29), а трапециевидный (рис. 5: 26). Этим они несколько сближаются с лолинским экземпляром (рис. 5: III). Кардинально

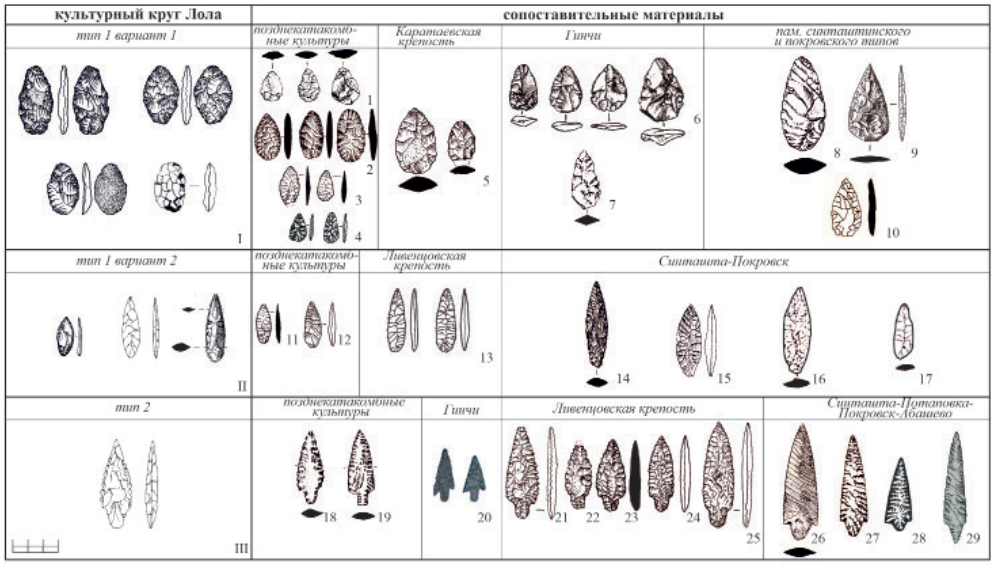

Рис. 5. Кремневые наконечники культурного круга Лола и сопоставительные материалы. 1 – Овата V 1/4; 2 – Богучарский II 2/13; 3 – Александровск 1/49; 4 – Балабинский I 37/13; 5 – Каратаевская крепость; 6 – Верхнегунибское пос.; 7 – Карабудахкентское пос.; 8 – Каменный Амбар 5 2/15; 9 – пос. Ляпичев хутор землянка 6; 10 – Кондрашкинский од. кург./1; 11 – Александровск 1/49; 12 – Кременевка 2/13; 13 – Ливенцовская крепость; 14 – Синташта СМ/30; 15 – Селезни 2 1/1; 16 – Танаберген II 7/22; чч17 – Танаберген II 7/15; 18, 19 – Орджоникидзе 3/3; 20 – Гонобский п. 5; 21–25 – Ливенцовская крепость; 26 – Синташта СII п.7; 27 – Потаповка 3/4; 28 – Покровск 8/1; 29 – Виловатово II 10/1.

Fig. 5. Flint points of the Lola culture circle and comparative materials.

различается и техника ретуширования. У северных наконечников отсутствует характерная пильчатая ретушь. Зачастую они обработаны очень изящно и тонко, в билатеральной или трансмедиальной технике (Горащук, Кузнецов, 1999, с. 108).

Тип 3 составляют три экземпляра, обнаруженные в погребениях лолинской культуры. Он представлен изделиями листовидной формы с усеченным основанием (рис. 4: 11–13; 6: 1). Изделие из комплекса Зимняя Ставка 1 4/1 обработано ретушью с двух сторон (рис. 4: 13), тыльная сторона наконечника из Кунаковский 2 3/3 не ретушировалась, его края обработаны в технике пильчатой ретуши (рис. 4: 12). Промежуточное положение в этом отношение занимает наконечник из п. 703 к. А мог. Беслан. Лицевая сторона обработана ретушью, а тыльная отретуширована только по краям, спинка не обработана (рис. 4: 11). Несмотря на то, что этот тип наконечника (рис. 6: I) по формальным показателям соответствует наконечникам стрел «турбинского» или «покровского» типа с усеченным основанием (рис. 6: 1–10), которые получают широкое распространение в колесничных культурах на фазе ПКБ III, он представляет собой самостоятельное явление. Так, рассматриваемые стрелы обнаружены в лолинских погребениях фаз ПКБ I и II (рис. 2: 2, 4, 5), т. е. они уже использовались до формирования культур горизонта щитковых псалиев. Кроме того, есть и отличия в технике изготовления. Например, у двух экземпляров из лолинских захоронений края обработаны характерной пильчатой ретушью кавказского происхождения (рис. 4: 11, 12), кото-

Рис. 6. Кремневые наконечники культурного круга Лола и сопоставительные материалы (продолжение). 1 – Каменный Амбар 5 2/15; 2 – Танаберген II 7/15; 3 – Халвай III кург./9; 4 – Бестамак п.5; 5 – Потаповка 3/4; 6 – Утевка VI 6/4; 7 – Спиридоновка II 1/1; 8 – Натальино II 14/1; 9 – Дубовый Гай кург./4; 10 – Неткачево 6/2; 11, 12 – Суворовский 10/6; 13–20 – Ливенцовско-Каратаевская крепость; 21, 22 – Петрунино II 5/2; 23 – Верхнерубежный I 3/4; 24 – Высокая Гора 5/1; 25 – Беева Могила п. 3; 26 – Николаевка 1/8; 27 – Близнецы 1/1; 28 – Князево 1/5; 29 – Репный I 7/10; 30 – Кулешовка 425/б,в,г; 31 – Новые Раскаецы 1/15; 32 – Кременчуг; 33 – Большая Знаменка 15/70; 34 – Никольское 1 3/2.

Fig. 6. Flint points of the Lola culture circle and comparative materials (continuation).

рая не характерна для изделий колесничных культур (рис. 6: 1–10). Есть и другие технологические отличия.

Таким образом, кремневые стрелы с усеченным основанием появляются значительно раньше фазы ПКБ III (2000–1800 CalBC) и известны уже на заре посткатакомбной эпохи – фазе ПКБ I (2200–2100 CalBC). Тот факт, что наконечники с усеченным основанием в посткатакомбных погребениях не имеют синхронной культурно-хронологической связи с изделиями «турбинского/покровского» типов, которые позже распространились в военизированных северных культурах, подтверждает локализация лолинских захоронений с этом типом изделий. Все три комплекса находятся не просто в южной части ареала культуры, а на его южном пограничье (рис. 1), т. е. в той части, которая наиболее удалена от территории колесничных культур.

Тип 4 представлен одним экземпляром, который происходит из невинномысского п. 3 к. 5 мог. Ростов-Западный (рис. 4: 16; 6: II). Он хорошо опознается и относится к черешковым башневидно-листовидным наконечникам по типологии С.Н. Братченко (Братченко, 2006, с. 135–145). Эти изделия составляют самую многочисленную серию стрел, обнаруженных в руинах Ливенцовско-Каратаевской крепости (рис. 6: 13–20), которые принадлежали штурмовавшим ее отрядам. Такие наконечники известны в колчанном наборе позднекатакомбного погребения в Западном Предкавказье (рис. 6: 11, 12). Обнаружение башневидно-листовидной стрелки в невинномысском погребении (рис. 3: 4) – лишнее подтверждение тому, что именно носители лолинских и невинномысских традиций принимали участие в штурме Ливенцовско-Каратаевской крепости, что уже было предметно обосновано (Мимоход, 2022).

Тип 5 тоже представлен одним экземпляром и тоже происходит из не-

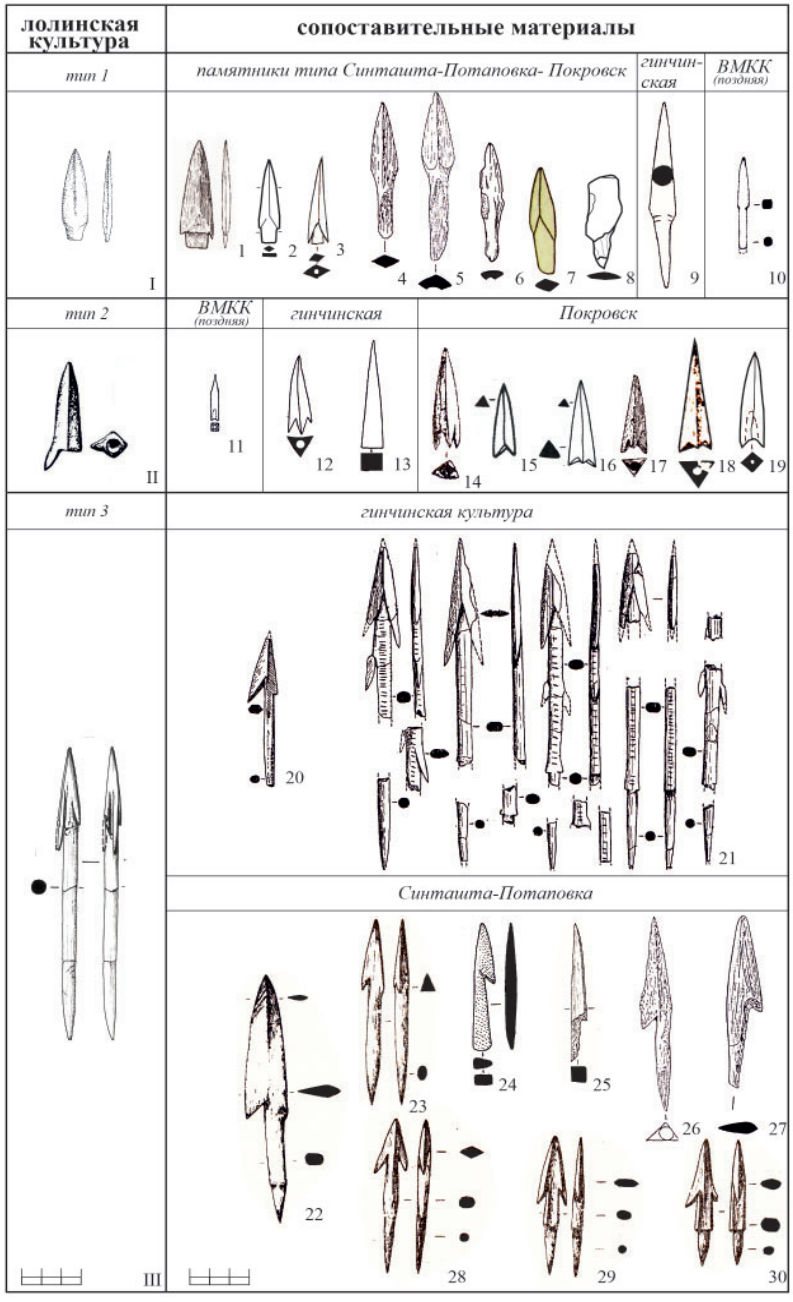

Рис. 7. Роговой и костяные наконечники стрел культурного круга Лола и сопоставительные материалы. 1 – Спиридоновка II 1/1; 2 – Новоселки 3/2; 3 – Ветлянка IV 14/2; 4,5 – Большекараганский 25/10; 6 – Каменный Амбар 5 2/15; 7 – Солнце II 3/1; 8 – Танаберген II 7/22; 9 – Бельты п.41; 10 – Овата V 1/4; 11 – Эвдык I 4/15; 12, 13 – Бельты; 14 – Чамлык-Никольское 1/1; 15 – Покровск 8/1; 16 – Натальино II 14/1; 17 – Владимировский I 1/1; 18 – Старо-Юрьево 2/1; 19 – Ветлянка IV 14/2; 20 – Гични склеп 2; 21 – Ирганай склеп 5; 22 – Потаповский 3/4; 23, 28–30 – Лопатинский II 2/1; 24 – Синташта СМ/16; 25 – Синташта СМ/30; 26, 27 – Большекараганский 25/12.

Fig. 7. Antler and bone arrowheads of the Lola culture circle and comparative materials.

винномысского захоронения (рис. 3: 6; 4: 17; 6: III). Он относится к хорошо известным выемчатым наконечникам. Они широко представлены в катакомбных культурах и на Кавказе. Данный тип является господствующим и во всех культурах бабинского круга (рис. 6: 21–34). В культурном круге Лола это единственный наконечник такого типа, и он явно выбивается из посткатакомбной предкавказской серии, основу которой составляют листовидные стрелы с овальным основанием и черешковые. Примечательно, что он обнаружен именно в погребении невинномысской культуры, у которой прослеживаются достаточно тесные связи с носителями днепро-донских бабинских традиций (Мимоход, 2023а; 2024). Именно в их контексте и следует рассматривать появление выемчатого наконечника в серии культурного круга Лола.

Вторую группу составляют наконечники **из кости**. В нее входят три предмета, которые принадлежат трем разным типам.

Тип 1 – это костяной листовидный черешковый наконечник (рис. 4: 9; 7: I). Стрелы, сделанные из кости, не характерны для захоронений ранней – средней бронзы степи-лесостепи. В катакомбных материалах мне известно всего два погребения, в которых были найдены черешковые костяные наконечники. Один из них относится к поздней ВМКК (рис. 7: 10). На Кавказе традиция помещать костяные стрелы в погребения известна еще со времен куро-аракской культуры. Особенно важно, что костяные наконечники хорошо известны в контексте погребального обряда гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа (рис. 7: 9), которая частично синхронна культурному кругу Лола (Гаджиев, 1969, рис. 13: 1; Виноградов, Хашегульгов, 1988, рис. 6: 16; Магомедов, 1998, с. 109, 110, рис. 107: 1, 108: 7–21, 112: 2). Впрочем, точные аналогии на Кавказе костяной стреле из п. 10 к. 3 мог. Черноярская мне пока не известны. Стрелы из этого региона относятся к другим типам.

Лучше черноярский наконечник сопоставлять с серией костяных стрел, которые хорошо представлены в памятниках начального периода позднего бронзового века. Речь идет о колесничных культурных образованиях (рис. 7: 1–8). В их материалах есть группа костяных изделий с пером листовидной формы и плоским в сечении. Наиболее близки нашему экземпляру три костяных наконечника из погребений начала позднего бронзового века Волго-Уралья (рис. 7: 1–3). Несложно заметить, что стрела из комплекса Черноярская 3/10 (рис. 4: 9) является костяной модификацией кремневого листовидного черешкового наконечника (рис. 4: 8) из этого же колчанного набора (рис. 3: 3).

Тип 2 представлен оригинальным втульчатым четырехгранным наконечником из комплекса Цаган-Усн VII 4/27. Особую специфику ему придает косой шип в основании пера (рис. 4: 10; 7: II). Эта стрелка уникальна не только для культурного круга Лола. Прямые аналогии ему, равно как и кремневому шипастому наконечнику из этого же погребения (рис. 3: 1; 4: 5), не удалось обнаружить в материалах бронзового века восточноевропейской степи-лесостепи и в памятниках кавказского региона. Сопоставлять его можно только с отдельными костяными наконечниками финала средней – начала поздней бронзы, и то только по некоторым деталям.

Втульчатые костяные наконечники, в том числе и четырехгранные, известны по материалам поздней ВМКК и гинчинской культуры (рис. 7: 11–13)[4]. Костяные стрелы с втулкой хорошо известны в восточноевропейских памятниках поздней бронзы уже с начального (покровского) периода. Некоторые из них можно рассматри-

вать как шипастые, равно как и один из гинчинских экземпляров (рис. 7: 12). Как правило, это три коротких прямых шипа, которые образованы вырезами в теле пера (рис. 7: 14–19). В серии костяных граненых втульчатых стрел раннего этапа позднего бронзового века экземпляры с квадратным четырехгранным сечением острия встречаются редко. Как аналогию предмету из Цаган-Усна (рис. 7: II) можно рассматривать наконечники из п. 2 к. 14 Ветлянка IV предсрубного времени в Южном Приуралье (рис. 7: 19).

Тип 3 представлен крупным костяным черешковым наконечником. Острие имеет три шипа, два из них длинные, один короткий (рис. 4: 14; 7: III). Это фактически та же схема, которая реализована в бельтинской стрелке (рис. 7: 12) и серии изделий начала поздней бронзы (рис. 7: 14–19). В материалах культурного круга Лола это единственный наконечник такого типа, причем им был убит представитель этой культуры. Логично предположить, что стрела является инокультурной. Круг аналогий данной стреле устанавливается достаточно четко. На рубеже средней – поздней бронзы длинные шипастые черешковые стрелы эксплуатировались носителями двух культурных традиций: гинчинской (рис. 7: 20, 21) и синташтинско-потаповской (рис. 7: 22–30). Я уже указывал на возможную связь между этими сериями, которая могла осуществляться посредством лолинской культуры (Мимоход, 2013, с. 141, 142). С учетом очевидного раннелолинского возраста комплекса Песчаный V 14/3 (фаза ПКБ I) наконечник из этого погребения следует сопоставить с гинчинской серией, т. к. синташтинско-потаповские древности датируются более поздним периодом (фаза ПКБ III). Однако и в типологическом отношении стрела из Песчаного (рис. 7: III) находит более убедительные соответствия именно в материалах Гинчи (рис. 7: 20, 21). В синташтинско-потаповской серии чаще встречаются одношипные стрелы (рис. 7: 22–27), но известны и двухшипные (рис. 7: 28–30). Видимо, в качестве индикатора более позднего возраста стрел Синташты-Потаповки следует рассматривать уменьшение размеров изделий за счет укорачивания черешка.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В рассматриваемой выборке есть группа стрел, которая принадлежит социумам культурного круга Лола. К ней относятся кремневые листовидные наконечники с овальным основанием (рис. 4: 1–6, 15) и черешковые экземпляры (рис. 4: 8, 16). Об этом надежно свидетельствует нахождение этих стрел в колчанном наборе (рис. 3: 3), в производственном комплекте мастера – изготовителя стрел (рис. 3: 2), и в качестве сопроводительного инвентаря, не будучи причиной ранений или убийств (рис. 2: 1; 3: 1, 16). В одном случае представитель невинномысской культуры был убит стрелой с кремневым наконечником стройных пропорций с зауженным основанием (тип 1, вариант 2) (рис. 3: 5), по всей видимости лолинской, что подтверждает наличие изделия этого типа в колчане лолинского воина (рис. 3: 3; 4: 7). Это говорит о том, что отношения между носителями невинномысских и лолинских традиций не всегда носили мирный характер. По вышеуказанным критериям к собственным предметам вооружения посткатакомбных культур Предкавказья также следует относить и два костяных наконечника (рис. 4: 9, 10).

Явно инокультурной стрелой является костяное изделие из комплекса Песчаный V 14/3 (рис. 4: 14; 7: III). Как уже отмечалось, им был ранен мужчина (рис. 2: 3). Приведенные аналогии (рис. 7: 20, 21) позволяют уверенно

атрибутировать этот наконечник как гинчинский. Возникновение культурного круга Лола было напрямую связано с миграцией кавказского населения в степь в период 4.2 ka BP climatic event (фаза ПКБ I, 2200 CalBC) (Мимоход, 2013, с. 292–316; 2018, с. 37, 38, 40; Мимоход и др., 2022), которое, скорее всего, носило волнообразный характер. При таких обстоятельствах военные столкновения между выходцами с Северо-Восточного Кавказа и местными, уже сформировавшимися раннелолинскими социумами были неизбежны.

Как инокультурный для культурного круга Лола следует оценивать и выемчатый наконечник (рис. 4: 17), даже несмотря на то, что в погребении он не был причиной ранения или убийства, а являлся самостоятельным приданым (рис. 3: 6). Как уже отмечалось, он полностью выпадает из лолинских типологических рядов и соответствует бабинским, и его обнаружение в невинномысской могиле следует расценивать на иначе, как в контексте межкультурных связей.

Ситуация с наконечниками стрел в погребениях культурного круга Лола не обходится без загадок. Речь идет о кремневых изделиях с усеченным основанием (тип 3) (рис. 4: 11–13). Все три наконечника стали причинами смерти индивидов лолинской культуры (рис. 2: 1, 4, 5) Выше уже было показано, что эти изделия не имеют никакого отношения к стрелам «турбинского/покровского» типа начала поздней бронзы. Загадочность ситуации придает то, что данные наконечники пока неизвестны в составе колчанов, производственных наборов и как самостоятельного приданого ни в одной из культур финала среднего бронзового века. Наконечник этого типа есть в комплексе Котлубань VI 1/4 днепро-донской бабинской культуры в Нижнем Поволжье. Однако и здесь умерший был поражен стрелой в грудную клетку (Шарафутдинова, 1987, с. 37, рис. 3: 9–11; Литвиненко, 2019, с. 317, рис. 7: 1–3; Мимоход, Загородняя, 2020, с. 144, рис. 3: 1; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, p. 63, fig. 5.3: 1). Причем этот комплекс датируется фазой ПКБ II, т. е. временем до появления колесничных культурных образований. Культурную принадлежность таинственных стрелков финала средней бронзы, которым принадлежали наконечники с усеченным основанием, еще предстоит выяснить.

Примечания

[2] В серию наконечников культурного круга Лола включено изделие из комплекса Ясырев I 8/9 в Нижнем Подонье (рис. 4: 9), который относится к днепро-донской бабинской культуре. В культурном отношении он является лолинским и попал в могилу в результате военного столкновения между носителями бабинских и лолинских традиций (Мимоход, 2013, с. 149, 150; Литвиненко, 2019, с. 327, 328; Мимоход, Загородняя, 2020, с. 144; Mimokhod, Zagorodnia, 2021, p. 63).

[3] Абашевского типа по О.В. Кузьминой (1992).

[4] На мой взгляд, изделие из Бельтинского могильника (рис. 7: 13) является недоделанным наконечником, у которого втулка осталась не вырезанной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках курганного могильника «Иноземцево-1» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // НА ИА РАН. Р-1, №№ 24526–24528.

2. *Братченко С.Н.* Лук і стріли доби енеоліту – бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. С. 70–81.

3. *Братченко С.Н.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 6 / Ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. С. 32–310.

4. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара: Самарский университет, 1994. 207 с.

5. Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. Бельтинский могильник эпохи бронзы (материалы раскопок 1978, 1980 гг.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа / Отв. ред. Г.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1988. С. 78–98.

6. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 360 с.

7. Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1969. 178 с.

8. Горащук И.В., Кузнецов П.Ф. Каменные наконечники стрел могильников потаповского типа и стрелковое вооружение в тактике колесничего боя эпохи бронзы // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 107–108.

9. Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

10. Калмыков А.А., Мимоход Р.А. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 4 / Ред. С.М. Санжаров. Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 2005. С. 201–234.

11. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. Махачкала, 1965. 261 с.

12. Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 146–154.

13. Кузьмина О.В. Абашевская культура в Волго-Уралье. Самара: СГПИ, 1992. 128 с.

14. Кузьмина О.В., Крамарев А.И. Наконечники стрел конца эпохи средней – начала поздней бронзы Доно-Волго-Уралья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 9 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2021. С. 144–189.

15. Литвиненко Р.А. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). К.-Вороніж-Перевальск, 1997. С. 29–33.

16. Литвиненко Р.А. Погребения КМК с производственным инвентарем // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК) / Отв. ред. Г.Н. Тощев. Запорожье, 1998а. С. 97–105.

17. Литвиненко Р.А. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (материалы 4-го Украинско-Российского полевого археологического семинара). К.-Воронеж, 1998. С. 46–52.

18. Литвиненко Р.А. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 5 / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. С. 157–187.

19. Литвиненко Р.А. Война в посткатакомбном мире // Stratum Plus. 2019. № 2. С. 313–382.

20. Лычагин А.В. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Незлобненский-5» на территории Георгиевского района и курганного могильника «Зимняя Ставка-1» на территории Нефтекумского района Ставропольского края в 2009 году // НА ИА РАН. Р-1, №№ 38401, 38402.

21. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998. 378 с.

22. Медникова М.Б. Летальные травмы головы в эпоху бронзы (новые методы изучения) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 327–338.

23. Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В.И. Гуляев и др. М.: Восточная лит-ра, 1999. С. 200–216.

24. Мимоход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н. э. // РА. 2018. № 2. С. 33–48.

25. Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

26. Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100–119.

27. Мимоход Р.А. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 79–96.

28. Мимоход Р.А. Западное и Южное Предкавказье в посткатакомбную эпоху: от кубанской культурной группы к невинномысской культуре // РА. 2023а. № 2. С. 20–33.

29. Мимоход Р.А. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. Автореф. дисс…д-ра. ист. наук. М., 2023. 61 с.

30. Мимоход Р.А. Поясная гарнитура невинномысской культуры как несостоявшаяся центробежная сила // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2024. С. 90–93.

31. Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Палеоэкология–культурогенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней–начале поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 20–34.

32. Мимоход Р.А., Загородняя О.Н. Свидетельства ранений и убийств в посткатакомбном мире (XXII–XVIII вв. до н. э.) // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Т. 1 / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 137–151.

33. Мимоход Р.А., Шишлина Н.И. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Тез. докл. М.: ИА РАН, 2004. С. 124–127.

34. Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. № 2 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Донеччина, 1993. С. 35–97.

35. Разумов С.Н. Кремневые изделия КМК (по материалам погребений Донеччины) // Історія очима молодих дослідників. Т.1. Донецьк: Донецький Державний університет, 1999. С. 212–216.

36. Ростунов В.Л. Эпоха энеолита – бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 1 / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. С. 11–177.

37. Санжаров С.Н. Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2008. 88 с.

38. Смирнов Ю.А. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1983. С. 164–187.

39. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек) / Труды МАЭ. Т. III. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 69 с.

40. Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового века и раннего железного веков Поднепровья. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1987. С. 27–47.

41. Шишлина Н.И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии / Труды ГИМ. Вып. 74 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1990. С. 23–37.

42. Шишлина Н.И. Интерпретация радиоуглеродных данных: абсолютная хронология лолинской культуры Прикаспия // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 23–36.

43. Юдин А.И. Курганы у с. Мокрое // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 47–68.

44. Mimokhod R., Zagorodnia O. Evidence of injuries and killings in the post-catacomb world (22,00–18,00 cal. BC) // Crimes in the Past: Archaeological and Anthropological Evidence. Summertown: Archaeopress. Oxford, 2021. P. 58–71.

Информация об авторе:

Мимоход Роман Алексеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mimokhod@gmail.com

ARROWHEADS OF THE LOLA CULTURE: ISSUES OF TYPOLOGY AND CULTURAL SPECIFICITY[2]

R.A. Mimokhod

The paper deals with the arrowheads made of flint, bone, and antler discovered in the Lola culture burials. Chronologically, the overwhelming majority date to the early phase of the post-Catacomb cultural block's existence, within the range of 2200–2100 CalBC. It has been established that some arrowheads in the burials functioned as grave goods, while others represent evidence of wounds or lethal injuries. A typology of these artifacts has been developed, encompassing both flint items and arrowheads crafted from bone and antler. Types characteristic of bearers of Lola traditions have been identified: foliate with an oval base and tanged types, as well as foreign cultural ones. Additionally, foreign (non-local) types were distinguished. The latter often served in burials as evidence of wounds or killings, illustrating military conflicts within the post-Catacomb world and adjacent areas.

Keywords: archaeology, arrowheads, Lola culture circle, chronology, typology, grave goods, wounds and killings.

REFERENCES

1. Berezin, Ya. B. 2000. *Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Inozemtsevo-1» na territorii g. Zheleznovodska Stavropol'skogo kraya v 2000 g. (Report on the excavations at the Inozemtsevo-1 barrow field in Zheleznovodsk, Stavropol Krai in 2000).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 24526–24528 (in Russian).

2. Bratchenko, S. N. 1989. In *Arkheologyia (Archaeology)*, 4, 70–81 (in Russian).

3. Bratchenko, S. N. 2006. In Sanzharov, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoy Ukraini (Materials and Studies on the Archaeology of Eastern Ukraine)* 6. Lugans'k: Vid-vo SNU im. V. Dal, 32–310 (in Russian).

4. Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovsky Barrow Burial Ground of the Indo-Iranian Tribes on the Volga River)*. Samara: "Samarskii universitet" Publ. (in Russian).

5. Vinogradov, V. B., Khashegul'gov, B. M. 1988. In Turgiev T. B. (ed.). *Pogrebal'nyy obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza. (The Funeral Rite of the Ancient and Medieval Population of the North Caucasus)*. Ordzhonikidze: North Ossetian State University Publ., 78–98 (in Russian).

6. Vinogradov, N. B. 2003. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Krivoe Ozero Bronze Age Burial Ground in the South Transurals).* Chelyabinsk: "South Ural book publishing House" Publ. (in Russian)

7. Gadzhiev, M. G. 1969. *Iz istorii kul'tury Dagestana v epokhu bronzy (mogil'nik Ginchi) (From the cultural history of Dagestan in the Bronze Age (Ginchi burial ground).* Makhachkala: Dagestan Branch, Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

8. Gorashchuk, I. V., Kuznetsov, P. F. 1999. In Korobkova, G. F. (ed.). *Sovremennye eksperimental'no-trasologicheskie i tekhniko-tekhnologicheskie razrabotki v arkheologii. Pervye Semenovskie chteniya (Modern experimental-use-wear and technical-technological developments in archaeology. The first Semenov's readings)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 107–108 (in Russian).

9. Epimakhov, A. V. 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) (Early Complex Societies of Central Eurasia (Based on Materials of Kamenny Ambar-5 Burial Ground)* 1. Cheliabinsk: "Cheliabinskii dom pechati" Publ. (in Russian).

This work was prepared as a part of R&D project 122011200270-0

10. Kalmykov, A. A., Mimokhod, R. A. 2005. In Sanzharov, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoy Ukraini (Materials and Studies on the Archaeology of Eastern Ukraine)* 4. Lugans'k: Vid-vo SNU im. V. Dal, 201–234 (in Russian).

11. Kotovich, V. M. 1965. *Verkhnegunibskoe poselenie – pamyatnik epokhi bronzy Gornogo Dagestana (Verkhny Gunib settlement is a monument of the Bronze Age of Mountainous Dagestan).* Makhachkala (in Russian).

12. Kuznetsov, P. F. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archeology of the Urals and the Volga Region*) 2. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 146–154 (in Russian).

13. Kuz'mina, O. V. 1992. *Abashevskaya kul'tura v Volgo-Ural'e (The Abashevo culture in the Volga-Urals).* Samara: Samara State Pedagogical Institute (in Russian).

14. Kuz'mina, O. V., Kramarev, A. I. 2021. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 9. Samara: "Slovo", 144–189 (in Russian).

15. Litvinenko, R. A. 1977. In *Doba bronzi Dono-Donets'kogo regionu (Materiiali 3-go Ukrains'ko-Rosiys'kogo pol'ovogo arkheologichnogo seminaru) (Bronze mining in the Don-Donetsk region (Transactions of the 3rd Ukrainian-Russian archaeological field seminar).* K.-Voronizh-Pereval'sk, 29–33 (in Russian).

16. Litvinenko, R. A. 1998. In Toshchev, G. N. (ed.). *Problemy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoy obshchnosti mnogovalikovoy keramiki (KIOMK) (The issues of studying the Catacomb cultural and historical community (KKIO) and the cultural and historical community of multi-cordoned ware (KIIOMK))*. Zaporozh'e, 97–105 (in Russian).

17. Litvinenko, R. A. 1998. In *Epokha bronzy Dono-Donetskogo regiona (materialy 4-go Ukrainsko-Rossiyskogo polevogo arkheologicheskogo seminara) (The Bronze Age of the Donetsk region (proceedings of the 4th Ukrainian-Russian archaeological field seminar).* K.-Voronezh, 46–52 (in Russian).

18. Litvinenko, R. A. 2006. In Sanzharov, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoy Ukraini (Materials and Studies on the Archaeology of Eastern Ukraine)* 5. Lugans'k: Vid-vo SNU im. V. Dal, 157–187 (in Russian).

19. Litvinenko, R. A. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2. 313–382 (in Russian).

20. Lychagin, A. V. 2009. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Nezlobnenskiy-5» na territorii Georgievskogo rayona i kurgannogo mogil'nika «Zimnyaya Stavka-1» na territorii Neftekumskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 2009 godu (Report on the security excavations of the Nezlobnensky-5 barrow field in the Georgievsk district and the Zimnaya Stavka-1 barrow field in the Neftekumsk district of the Stavropol Krai in 2009)* // Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 38401, 38402 (in Russian).

21. Magomedov, R. G. 1988. *Ginchinskaya kul'tura. Gory Dagestana i Chechni v epokhu sredney bronzy (Ginchi culture. Mountains of Dagestan and Chechnya in the Middle Bronze Age)*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center Publ. (in Russian).

22. Mednikova, M. B. 2019. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 257, 327–338 (in Russian).

23. Mednikova, M. B., Lebedinskaya, G. V. 1999. In Gulyaev, V. I. et al. *Pogrebal'nyy obryad. Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy (The burial rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological insights)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 200–216 (in Russian).

24. Mimokhod, R. A. 2014. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 232, 100–119 (in Russian).

25. Mimokhod, R. A. 2016. *Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka (Lola Culture. North-Western Caspian Sea Region at the Border of Middle and Late Bronze Ages).* Series: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Proceedings of Protective Archaeological Studies)* 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

26. Mimokhod, R. A. 2018. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 33–48 (in Russian).

27. Mimokhod, R. A. 2022. In Gey, A. N. (ed.). *Eneolit i bronzovyy vek Tsirkumpontiyskogo regiona: kul'turnye protsessy i vzaimodeystviya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya N.Ya. Merperta) (The Eneolithic and the Bronze Age of the Circumpont Region: cultural processes and interactions (to the 100th anniversary of the birth of N.Y. Merbert)).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 70–73 (in Russian).

28. Mimokhod, R. A. 2023. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 20–33 (in Russian).

29. Mimokhod, R. A. 2023. *Kul'tury i kul'turogenez na vostoke postkatakombnogo mira (Cultures and cultural genesis in the East of the post-Catacomb world)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).

30. Mimokhod, R. A. 2024. In Korobov, D. S. (ed.). *Poyasnaya garnitura nevinnomysskoy kul'tury kak nesostoyavshayasya tsentrobezhnaya sila // Dostizheniya i perspektivy izucheniya arkheologii Severnogo Kavkaza v XX – pervoy chetverti XXI veka. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po arkheologii Severnogo Kavkaza «XXXIII Krupnovskie chteniya», posvyashchennoy 120-letiyu*

so dnya rozhdeniya Evgeniya Ignat'evicha Krupnova (Achievements and Prospects for Studying the Archaeology of the North Caucasus in the 20th – First Quarter of the 21st Century. Proceedings of the International Scientif ic Conference «XXXIII Krupnov Readings» devoted to the 120th anniversary of the birth of Evgeny Ignatievich Krupnov). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 90–93 (in Russian).

31. Mimokhod, R. A., Gak, E. I., Khomutova, T. E., Ryabogina, N. E., Borisov, A. V. 2022. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 20–34 (in Russian).

32. Mimokhod, R. A., Zagorodnyaya, O. N. 2020. In Baytanaev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2020: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Velikaya Step' v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy» (g. Almaty, 17–18 sentyabrya 2020 g.) (Margulan readings – 2020: proceedings of the international scientific and practical conference "Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research" (Almaty, September 17–18, 2020)* 1. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 137–151 (in Russian).

33. Mimokhod, R. A., Shishlina N. I. 2004. In Yablonskiy, L. T. (ed.). *Drevniy Kavkaz: retrospektsiya kul'tur. XXIII «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (The Ancient Caucasus: a cultural retrospection) XXIII Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 124–157 (in Russian).

34. Polidovich, Yu. B. 1993. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh* (*Archaeological almanac*) 2. Donetsk: "Donechchina" Publ., 35–97 (in Russian).

35. Razumov. S. N. 1997. In *Istoriya ochima molodikh doslidnikiv (History through the eyes of young researchers)* 1. Donets'k: "Donets'kiy Derzhavniy universitet" Publ., 212–216 (in Russian).

36. Rostunov, V. L. 2007. In *Arkheologiya Severnoy Osetii (Archaeology of North Ossetia)* 1. Vladikavkaz: "RIO SOIGSI" Publ., 11–177 (in Russian).

37. Sanzharov, S. N. 2008. *Strelochnye nabory instrumentov i syr'ya iz katakombnykh pogrebeniy Ukrainy (Pointer Sets Over of Tools and Raw Material from Catacomb Burials of Ukraine)*. Lugansk: Volodymyr Dahl East Ukrainian National University (in Russian).

38. Smirnov, Yu. A. 1983. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *Drevnosti Dona. Materialy rabot Donskoy ekspeditsii (Antiquities of the Don. Materials of the Don expedition works)*. Moscow: "Nauka" Publ., 164–187 (in Russian).

39. Khalikov, A. Kh., Lebedinskaia, G. V., Gerasimova, M. M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek) (Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition III. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

40. Sharafutdinova, E. S. 1987. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Pamyatniki bronzovogo veka i rannego zheleznogo vekov Podneprov'ya (Monuments of the Bronze Age and early Iron Age of the Dnieper region).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University Publ., 27–47 (in Russian).

41. Shishlina, N. I. 1990. In Studzitckaya, S. V. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii (Issues of the Archaeology of Eurasia)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 74. Moscow: State Historical Museum, 23–37 (in Russian).

42. Shishlina, N. I. 2013. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 230, 23–36 (in Russian).

43. Yudin, A. I. 2008. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 47–68 (in Russian).

44. Mimokhod, R., Zagorodnia, O. 2021. In *Crimes in the Past: Archaeological and Anthropological Evidence. Summertown: Archaeopress.* Oxford, 2021. R. 58–71.

About the Author:

Mimokhod Roman A. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mimokhod@gmail.com

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902.2 572 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.116.128

RITUAL CERAMIC WARES OF THE KAUNCHI CULTURE (BASED ON THE MATERIALS FROM KULTOBE SETTLEMENT SITE)[1]

© 2025 B.S. Sizdikov, B.A. Baitanayev, M. Gursoy, K.M. Zhetibaev, A.A. Seraliev

As a result of research carried out to this day, it was established that the ancient tribes ruled at the state level in the south from the Fergana region, in the north to the Aral Sea from the II to the VI centuries AD and gave rise to cultures known as the Kaunchi, Otyrar-Karatau, and Zhetyasar cultures. The focus of our study, the Kultobe settlement, is located within the area associated with the Kaunchi culture. This culture was prevalent in the middle reaches of the Syr Darya River, including the valleys of the Kurkeles, Keles, Shyrshyq (Chirchik), and Ohangaron (Angren/Akhangaran) rivers; that is, this culture was formed by ancient tribes inhabiting the Tashkent Oasis. It is known that ritual clay vessels held significant importance in the worldview and religious-ritual beliefs of ancient tribes. Representatives of these ancient tribes deliberately depicted animals they observed around them on ritual vessels, using them as totems. Consequently, a large number of ritual clay vessels and cauldrons have been discovered at sites of ancient nomadic and sedentary tribes inhabiting the Eurasian continent. Unfortunately, the purpose, distribution range, chronology, and regional characteristics of ritual clay vessels remain insufficiently studied. This article introduces into scholarly discourse ritual vessels from the Kultobe settlement and the nearby burial grounds of Myntobe and Karatobe. Therefore, within this article, we aim to determine the period of manufacture, the purpose of the vessels used for ritual purposes, and their distribution range. Based on C^{14} analysis, the article establishes the absolute chronology of the ritual clay vessels.

Keywords: archaeology, Sarmatians, Syrdarya, Kultobe, Myntobe, ritual ceramic wares, zoomorphic handle, faith and beliefs.Introduction.

The city of Kultobe is located in the middle reaches of the Syrdarya River, at the confluence of the Keles River into the Syrdarya River (2 km south-west of G. Muratbayev village of Keles district, Turkestan province). Geographical coordinates of Kultobe town: N 4540702.838, E 467896.822, altitude - 234 m. The total area of the city is 8.5 hectares. The location of the city is clearly visible from the topography. The city consists of a citadel, shahristan and rabad, reminiscent of early medieval citys. The citadel and the shahristan are connected by high castle walls. It was the only gate leading to the shahristan and citadel of the city. The gate faces north. Analysing the works of scholars studying the fortification of early medieval cities, it became known that the gates of early medieval cities were oriented to the north. This opinion is supported by Ancient Khanabad, Kalatepa (Iskitepa), Seviltepa (Munchaktepa), Pushti Mahmud, Aktepa, Kyrkjangitepa and others in the Tashkent oasis. The gates of the citys facing north are the basis (Buryakov, 1982, p. 12-41). The Turan archaeological expedition led by Doctor of Historical Sciences, Professor M.Yeleuov conducted archaeological excavations in the central part of the city. The excavations were carrried out from the reference point to a depth of 1.4 m as a result of which the objects belonging to two structural layers were revealed (Yeleuov et al., 2020, p. 195-199). According to the expedition leader, Ph.D., Professor M. Yeleuov, the ceramic dishes obtained during the excavations are similar with ceramic dishes found in the citys of Aktobe I, Aktobe II, Shaushykkumtobe and Kauynshytobe, Alimbaytobe in the Tashkent oasis (Yeleuov et al., 2020, p. 195-199).

[1] The article was prepared as a part of the scientific project «Conducting archaeological and interdisciplinary research at the ancient settlement of Kultobe located in the Keles region» (AP19678134).

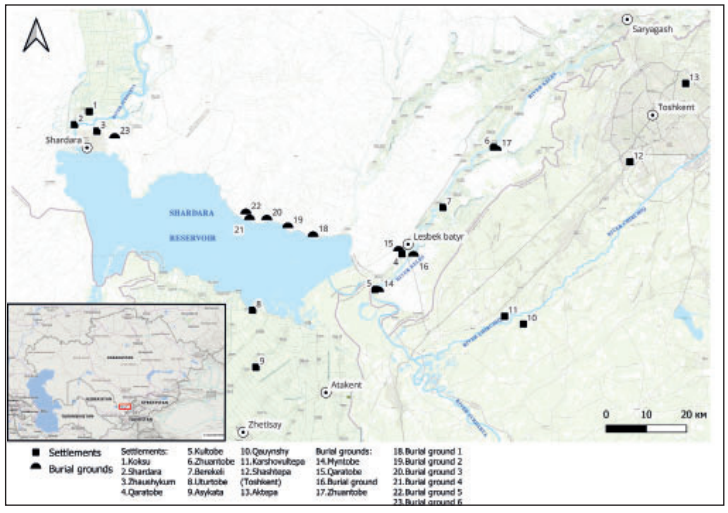

Fig. 1. Location of Kultobe settlement.
Рис. 1. Расположение городища Культобе.

The name of the region where the site is located is "Keles steppe". Keles steppe is considered one of the most important regions of the Great Silk Road. Because the caravan from Sairam and Shymkent, heading to the city of Shash (Tashkent), passed through the Keles Steppe. This is based on 65 citys of Keles steppe, identified during archaeological research. The caravan travelling from Shash (Tashkent) to Otyrar, Yasy, passed through Keles steppe, along the Syrdarya River, Utirtobe, Aktobe, Shaushykumtobe, Shardara, Suskent, Baiyrkum and others through the towns reaching Farab and Yassy districts (Fig. 1). In addition, the Keles steppe is one of regions of Central Asia that is rich in water resources and convenient for agriculture. This is evidenced by the rivers Kurkeles, Keles, Shyrshyk and Angren with abundant water flowing into the Syrdarya River. Along these rivers, the agriculture and nomadic cattle breeding were developed and the forests along the rivers with abundant water were full of animals. For these reasons, the Keles steppe has been one of the most convenient places for people to live since ancient times. Based on the towns and large citys located along the above mentioned rivers, it can be seen that the Keles Steppe was a natural boundary between peoples engaged in nomadic cattle breeding and those engaged in sedentary agriculture. This is due to the fact that in the Syrdarya valley, including the south of the Keles steppe, which is rich in abundant rivers, there were concentrated sedentary peoples whose agriculture was based on farming, while in the north of the Keles steppe there were peoples whose main economy was based on animal husbandry. As a result of archaeological research it turns out that the ancient tribes inhabiting the region were engaged in both semi-nomadic cattle breeding and agriculture, even built cities and formed the first urban culture. This opinion is confirmed by the studies of E.I. Ageeva and G. I. Pacevich, who conducted research in the region for many years (Ageeva, Pacevich, 1958, p. 8).

If we look at the ancient history of Keles, in the 2nd c. BC- 6th c. AD this region was inhabited by the tribes whose economy was based on agriculture and semi-nomadic pastoralism. The tribes dominated the state from the Fergana region in the south to the Aral Sea in the north and formed the Kauynshy, Otyrar-Karatau and Zhetyasar cultures (Bichurin, 1950, p. 149-151; Baypakov, Taymagambetov, 2009, p. 160-163; Zholdasbayuly, 1995, p. 42; Mynzhan, 1994, p. 91; Taleev, 1993, p. 34-36). G.V. Grigoriyev, S.P. Tolstov, A.N. Bernstam, L.M. Levina divided these cultures into three groups depending on regional peculiarities. These cultures were named after the names of the sites where the first large-scale studies were conducted -

Kauynshy, Otyrar-Karatau and Zhetyasar cultures (Ageeva, Pacevich, 1958, p. 9-60; Levina, 1971, p. 193-224; Baypakov, Taimagambetov, 2009, p. 208-230).

The city of Kultobe, which we are studying, is located in the territory of the tribes who formed the Kauynshy culture. Tashkent oasis is the main centre of musical culture of the anceint tribes (Yatsenko, 2020, p. 7). In 1934-1938, as a result of many years of research by the Yangiyul archaeological expedition led by G.V. Grigoriyev, the sites of the Kauynshy culture in the Tashkent oasis were studied at a high level and it was named after "Kauynshytobe culture" with name the Kaunshytobe site where the first research was conducted (Gromova, 1940, 41-62; Levina, 1971, p. 90-91; Baypakov, Taimagambetov, 2009, p. 220).

It can be seen that the sites in the valleys of the Kurkeles and Keles rivers in the areas inhabited by the tribes of the Kauynshy culture, are more or less studied. For this reason, since 2017, the scholars from the Khoja Akhmet Yasavi International Kazakh-Turkish University, the Research Institute of Archaeology, the Al-Farabi Kazakh National University and Shymkent Pedagogical University have been conducting research in the city of Kultobe and Myntobe and Karatobe burial grounds located in the lower reaches of the Keles River (Zhetibayev et al, 2020, p. 409-419; Taleev et al., 2019, p. 48-62; Yeleuov et al., 2020, p. 195-200; Podushkin, Donets, 2018, p. 99-104; Podushkin, 2019, p. 153-167; Sizdikov et al., 2023, p. 192-201). As a result of archaeological research conducted to date, a large number of relics belonging to the Kauynshy culture have been discovered (Figs. 1-2) (Sizdikov et al., 2022, p. 235-246; Gursoy et al., 2023, p. 225-243; Gursoy et al., 2023, p. 144-162; Gursoy et al., 2024, p. 173-190). Among them, a large number of ritual ceramic dishes belonging to the Kauynshy culture were revealed during the excavations in the cities of Kultobe and Myntobe, Karatobe burial grounds near the city. In the article, while studying the ceramic dishes of ritual purpose, which have not been studied to the end so far, we sought to determine the purpose of their use, the area of distribution, chronology, original and regional peculiarities. At the same time we decided to determine the connection with the ritual ceramic dishes found in the sites of ancient tribes inhabiting the Eurasian continent and to introduce them into the scientific turnover.

The purpose of the use of traditional ceramic dishes

Taking into account the discoveries of the large number of ceramic dishes with zoomorphic handles, swords and daggers with zoomorphic handles in the sites of tribes living on the Eurasian continent, we can understand that zoomorphic images occupy an important place in the worldview of nomadic and sedentary tribes. This is because the ancient tribes depicted totem animals for a specific purpose in ceramic dishes, used in their religious rituals.

Starting from the 19th c., a number of scholars began to take an interest in zoomorphic handles. Scholars who began studying zoomorphic handles came to different conclusions about the purpose for which these dishes were used. In the course of archaeological research ceramic dishes with zoomorphic handles were found in large numbers in the citys and burials of the ancient tribes living along the Syrdarya River, as well as in the burials of the Sarmatian tribes of the Krasnodar region and the Lower Volga region. It can be seen that dishes with zoomorphic handles were used by peoples inhabiting from the middle reaches of the Syrdarya River to the Northern Black sea region. K.M. Skalon, based on the fact that ceramic dishes with zoomorphic handles, found in burials, were used for ritual purposes, concluded that these dishes have some magical power. She determined the continuity of dishes with zoomorphic

Fig. 2. Aerial view of Kultobe settlement.

Рис. 2. Аэрофотоснимок городища Культобе.

handles with the ethnographic period and concluded that zoomorphic handles were made as a dish guard (Skalon, 1941, p. 182-184). G.V. Grigoriyev who studied the Kauynshy culture sites for many years and identified several dishes with zoomorphic handles, linking zoomorphic handles with the beliefs of ancient tribes, concluded that ancient tribes used totemic representations of their beliefs on the handles of dishes (Grigorev, 1935, p. 39; Grigorev, 1948, p. 55). E.I. Ageyeva, linking zoomorphic handles with the economy of ancient tribes, argued that nomadic or sedentary tribes depicted on the handles of their dishes the animals that formed the basis of the economy (Ageyeva, Pacevich, 1958, p. 163-164; Maximova et al. 1968, p. 250). Studying ceramics for many years, B.A. Litvinsky, linking the image of a sheep on zoomorphic handles with the symbol of khvarn (farn) in the ancient Iranian religion, came to the conclusion that zoomorphic handles appeared in the religious beliefs of nomadic and sedentary tribes under the influence of Zoroastrianism. At the same time, the researcher considers zoomorphic handles as a sign of abundance, a pledge of health and protection from evil forces (Litvinsky, 1968, p. 7-100). The scientific conclusions of the above-mentioned researchers were supported by E.G. Kastanayan (Kastanayan, 1955, p. 247-255), M.E. Voronets (Voronets, 1951, p. 62-63), K.M. Baypakov (Baypakov, 1980, p. 32-45), V.M. Kosyanenko (Kosyanenko, 1998, p. 167-178) and other researchers claimed that zoomorphic handles were used for ritual purposes.

V.B. Vinogradov, studying the dishes of the Sarmatian tribes with zoomorphic handles, came to the conclusion that "zoomorphic handles were used for decorative purposes, not for ritual purposes". The researcher noted that zoomorphic handles were used for decorative rather than ritual purposes taking account that dishes with zoomorphic handles covered with gold or silver can attract people's attention (Vinogradov, 1961, p. 43-45).

Based on the works of the above-mentioned researchers, we can assume that ceramic dishes with zoomorphic handles, found in the sites of nomadic and sedentary tribes, were used for ritual purposes, zoomorphic handles were made as a sign of abundance, a pledge of health and protection from evil forces. In fact, as a result of archaeological research it is established that nomadic and sedentary tribes used dishes with zoomorphic handles in their religious rituals. There are traces of black heat on the outside and inside of dishes with zoomorphic handles, proving the fact that they were used in religious rituals or in burial places to place food for the afterlife.

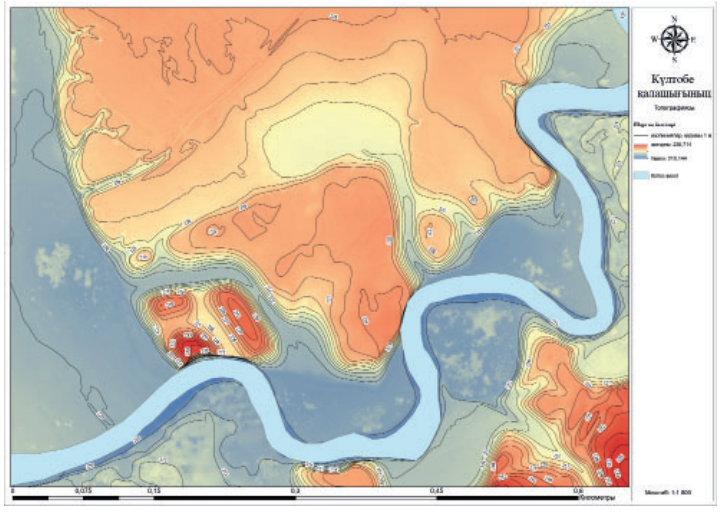

Fig. 3. Topographic structure of Kultobe settlement.

Рис. 3. Топографический план городища Култобе.

Ritual ceramic dishes found in the burial grounds of the city of Kultobe and its vicinity

In 2023, a stratigraphic excavation was made in the eastern part of the citadel of the city of Kultobe, in a northeastern, southwestern direction (Fig. 2). Stratigraphic excavations were carried out to determine the structural layers of the citadel part of the city, its age, the stages of formation, development and decline of the city, the defence system, the plan of residential complexes, economy, lifestyle, beliefs of ancient inhabitants, construction and functional features of the city (Fig. 3). The area of the stratigraphic excavation is 17x8 m, extends from the reference point to a depth of 7.5 m. There were revealed the construction objects belonging to 6 construction layers (Fig. 4). Valuable data were obtained on the architectural features of the buildings of each construction layer, the defence system, the chronology of the construction layers and the production of ceramics.

During excavations, a fragment of a ceramic dish with a zoomorphic handle from the fourth construction layer was found at a depth of 2.65 m from the reference point. It is known that this dish was used for ritual purposes. This is due to the fact that a large amount of ash was found in the central part of the room and in the rubbish pit near the room. In our opinion, the room may have been used for ceremonial purposes. Evidence for this can be found from the traces of fire found in the central part of the room and ceramic dishes with traces of ash on the outside. In addition, a fragment of a dish with a zoomorphic handle, used for ceremonial purposes and fragment of altar hearth with a ram's head were found in the sixth building layer, identified at a depth of 4.9 m from the reference point. In the course of our research work it became known that the mentioned samples of dishes were also used for ritual purposes by the Kauynshy culture tribes (Sizdikov et al., 2022, p. 235-246).

As for the ceramic dishes with zoomorphic handles used for ritual purposes in archaeological excavations, only the zoomorphic handle of the dish found in the fourth construction layer has preserved. The handle of the dish depicts an animal, the exact image of which cannot be described. From the broken muzzle part of the animal and the preserved part of the handle it is possible to understand that it is a two-eared animal (Fig. 5.1). As for the ceramic dish found in the sixth construction layer, it has a handle attached to the side and in the middle of the neck. The handle is carved and the top is in the shape of an animal head, which cannot be clearly described. The image (in profile) shows that it is a four-legged animal with a short neck and a pointed mouth. The preserved height of the dish is 18 cm, diameter of

Fig. 4. Aerial view of stratigraphic excavation.
Рис. 4. Аэрофотоснимок раскопа.

the edge 12 cm, thickness 0,6-0,7 cm, dimensions of the handle 6x2-3,5x0,7 cm (Fig. 5.3). Only the handle of the second ceramic dish, found in the sixth construction, was preserved. The upper part of the zoomorphic handle is broken, the preserved volume of the dish is 4.5x2 cm, the preserved volume of the handle is 6x1.5x1 cm (Fig. 5.2). There was also a part of an altar hearth with a ram's protoma, found on the sixth floor of the building. It depicts a ram's head with a short neck, spirally curved horns, oval eyes and an open mouth. It can be seen from the work that the protoma of the ram is very skilfully executed. The preserved volume is 16x10x4.7 cm (Fig. 6). The ram protomas made in this way were found in the citys of Kaunshytobe, Alimbaytobe (Grigoriyev, 1948, 53-54), Aktobe 2 (Maksimova et al. 1968, p. 63) in the Tashkent oasis and in the city of Kuiryktobe in the Otyrar oasis (Baypakov, Ternova, 2005, p. 131-132).

In 2017, during archaeological research conducted in Myntobe burial ground near the city of Kultobe, a ceramic dish with a zoomorphic handle, used for ritual purposes, was discovered in the 3rd burial ground. The bowl is handmade, height –11.5 cm, diameter of edge –10 cm, thickness – 0.4-0.6 cm, diameter of the bottom – 6 cm. The handle of the dish depicts an animal, the exact image of which cannot be described. The animal's mouth is open, two ears are standing, two eyes are oval in shape. The total length of the zoomorphic handle is 8 cm, thickness 0.9-2.0 cm. Traces of black soot were preserved on the outside and inside the dish (Fig. 5.4). In the course of our research work it was established that the abovementioned dish was used for ritual purposes, the afterlife food of the deceased was placed inside the dish and the dish was treated by smoke.

In 2024, during excavations of the Karatobe burial ground near the city of Kultobe, a ceramic dish with a zoomorphic handle, used for ritual purposes, was found. A sheep is depicted on the handle of the dish. The animal has a short neck, two oval ears and a pointed mouth. The total volume of the zoomorphic handle is 4.5x1.5x0.7 cm, thickness 0.7-0.8 cm. White crystals were preserved outside and inside the dish (Fig. 5.5). It is established that this dish was used for ritual purposes and inside the dish was placed the food for afterlife.

As a result of our research work it was established that zoomorphic ceramic dishes, used for ritual purposes, are found in large numbers in the sites of the ancient tribes living along the Syrdarya River. Besides, it is established that on the majority of zoomorphic handles found at the burial sites of Kultobe, Myntobe and Karatobe, along with the image of a sheep, there is an image of an animal, the exact image of which cannot be described. It is known that the heads of animals depicted on the handles are directed to the top of the dish, the animals are made with short necks,

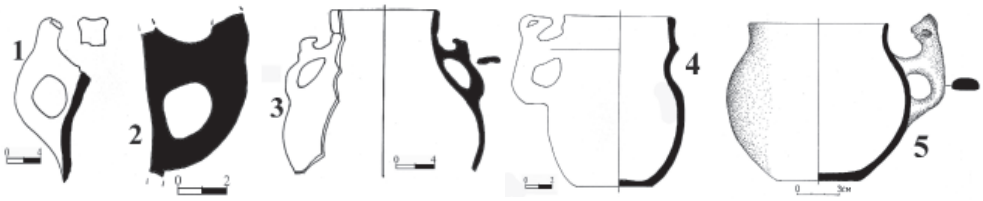

Fig. 5. 1–3 – Zoomorphic handle ceramics of Kultobe city;
4, 5 – Zoomorphic handle ceramics of Myntobe burial ground.

Рис. 5. 1–3 – зооморфная керамика с ручками из города Культобе;
4, 5 – зооморфная керамика с ручками из могильника Мынтобе.

high heads and pointed mouth. As a result of our research, ritual ceramic dishes made in this way were found in the cities of Shash (Tashkent) and Minguryuk (Filanovich, 1983, p. 204-211), Kaunshytepe (Grigorev, 1935, p. 16), Alimbaytepe (Grigorev, 1940, p. 12), Aktobe 2 (Levina, 1971, p. 130-137), Namudlig (Burkov, 1975, p. 135-137), Zhetyasar, Badikasar, Tompakasar (Levina, 1996, p. 243-249) and others, from the burials grounds of Kaunshytobe (Grigorev, 1940, p. 12), Almalyk (Aminov et al. 1978, p. 79-87), Dashti-Bodomak, Asht, Charchanaksay (Litvinsky, 1973, p. 2-5), Shirin-Sai (Gaidukevich, 1947, p. 92-109; Gaidukevich, 1952, p. 331-359, Sorokin, 1954, p. 131-147), Karamazar, Tura-Tash, Isfarin (Litvinsky, 1973, p. 11-28), Kavardan (Shishkina, 1979, p. 52-58). On the handles of all ritual dishes found in the above-mentioned sites there are images of a ram with a pointed mouth, whose horns are spirally wrapped inside or a sheep with two ears and a pointed mouth.

The vast majority of zoomorphic handles found in the sites of the Sarmatian tribes of the North Black Sea region and Lower Volga region have both the image of a wild boar and the image of a sheep. The heads of wild animals depicted on the handles are directed to the top of the dish, while the heads of sheep images are directed downwards or attached to the neck and edge of the dish. This is evidenced by ceramic dishes with zoomorphic handles with the image of a boar and a sheep used for ritual purposes, found in Kyz-Aul, Fangori (Medvedev, 2012, p. 42-52), Kerch (Skalon, 1941, p. 173-217), Manych, Mozdok, Ust-Labin 2, Pochtov, Ladozhsky, Armavir (Skalon, 1941, p. 173-217) burial grounds of the Sarmatian period.

In the course of our research work, after studying dishes with zoomorphic handles found in the burial grounds of Kultobe, Myntobe and Karatobe, it was established that these dishes were made in a style, typical of zoomorphic handles, belonging to the Kauynshy culture of the ancient tribes. All because L.M Levina who has studied the ceramics of the ancient tribes for many years, noted that zoomorphic handles characteristic of the Kauyinshy culture contained indescribable images (similar to the image of a dog or a fox) (Levina, 1971, p. 165). As a result of our scientific research and a comparative analysis of zoomorphic handles, found in sites belonging to the Kauynshy and Otyrar-Karatau cultures, we have established that the zoomorphic handles typical of the Kauynshy culture, in addition to the image of a ram and a sheep, depict animals with standing ears and pointed mouth, the exact description of which is impossible. Apart from the image of a ram, the presence of zoomorphic handle depicting animals with a pointed mouth and without ears, typical for the Otyrar-Karatau culture, has been revealed.

In this article, during the study of ritual ceramic dishes of the Kauynshy cul-

Fig. 6. Altar hearth with a ram's protoma.
Рис. 6. Очаг алтаря, украшенный протомой в виде барана.

ture tribes, it was found that the handles of dishes used for ritual purposes depict images of rams, sheep and animals, the exact images of which cannot be described. It turned out that the handle of the majority of ceremonial ceramic dishes of the Sarmatian tribes had not only the image of a sheep, but also the image of a boar.

Chronology of ceramic dishes with zoomorphic handles

In Central Asia, ram protomas have been found since ancient times, making handles in the shape of animals is a manifestation of culture since ancient times. The ceramic dishes with zoomorphic handles were widely used on the territory of Central Asia in the 6th-4th cc. BC. On the basis of materials found during archaeological research, conducted in the middle and lower reaches of the Syrdarya River, the researchers determined that the totem of the ancient peoples living there, was a ram. Academician K.M. Baypakov divided ceramic dishes with the image of a ram into several groups and examined them according to chronological periods. Among the artefacts of the first and second groups there are ceramic dishes with handles with the image of a ram, they were widely used in the first period of in the 1st -7th cc. AD, in the second period is the 8th -12th cc. The third group includes ram protomas, which are part of altar hearths. The fourth group includes mostly lid handles, which were used in the 15th -18th cc. (Baypakov, 1980, p. 32-45).

Analysing the chronology of dishes with zoomorphic handle found in the sites of nomadic and settled tribes inhabiting the Eurasian continent, it was established that in the worldview and religious ritual beliefs of these neighbouring tribes simultaneously appeared dishes with zoomorphic handles. Because from the works of scientists who studied the Sarmatian culture, it follows that dishes with zoomorphic handles appeared in the 1st century BC in the Volga region (Moshkova, 1956, p. 114; Abramova, 1959, p. 59) and began to spread to the North Caucasian, North Black Sea regions (Smirnov, 1951, p. 263; Vinogradov 1961, p. 38). Dishes with zoomorphic handles, found in Manych and Mozdok burial grounds, are dated to the 2nd c. BC- 6th c. AD and dishes with zoomorphic handles found in Ladoga, Armavir, Kyz-Aul (Skalon, 1941, p. 173-217), Fangori burial grounds are dated to the 1st - 2nd centuries AD (Medvedev, 2012, p. 42-52).

Based on the works of L.M. Levina, it was identified that dishes with zoomorphic handles appeared in the second half of the 1st millennium BC. in the lower reaches of the Syrdarya and then began to spread in the middle and upper reaches of the Syrdarya (Levina, 1977, p. 517-518). The reason is that dish with a zoomorphic handle found in the city of Tompakasar, located in the lower reaches of the Syrdarya, dates to the second half of the 1st millennium BC (Levina, 1977, p. 517-518), dishes with zoomorphic handles found in burials in the citys of Kok-Mardan, Altyntobe (Baypakov, Taimagambetov, 2009, p. 208-210), Ak-

Rapor no	: 29109288-125.05-4108/28189		
Talep eden	: Doç. Dr. Bagdaulet Sizdikov		
Talep edenin adresi	: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi Türkistan Şehri B. Sararhanov Cad. No:29 KAZAKİSTAN		
Örnek	: Örnek türleri tabloda verilmiştir	Barkod No	: 23T0001371
		Son kullanım tarihi	:
Örnek sayısı	: 4	BY örnek kayıt no	: 23T/1371
Örneğin getiriliş şekli	: Kargo	Kabul tarihi	: 29/12/2023
Kabul anındaki durumu	: Uygun	Analiz tarihi	: 17/02/2024

Şahit numune bilgileri : ( ) Müşteriye iade ( ) Şahit numune mevcut (x) Şahit numune alınmamıştır

Sıra No	Lab. No:	Müşteri No:	Karbon 14 Yaşı (G.Ö.)	Örnek Türü	Ön işlem	Takvim Yaşı Aralıkları (2σ)
1	TÜBİTAK - 3142	KKC-A1	893±22	Yanmış Kemik	Asitle Yıkama	MS 1046 - 1084 (%23,5) MS 1097 - 1102 (%0,7) MS 1126 - 1220 (%71,3)
2	TÜBİTAK - 3143	KKC-A2	1723±25	Kömürleşmiş Malzeme	Asit-Baz-Asit	MS 250 - 295 (%29,1) MS 311 - 409 (%66,4)
3	TÜBİTAK - 3144	KKC-A3	464±22	Kömürleşmiş Malzeme	Asit-Baz-Asit	MS 1421 - 1457 (%95,4)
4	TÜBİTAK - 3145	KKC-A4	1750±23	Kömürleşmiş Malzeme	Asit-Baz-Asit	MS 242 - 377 (%95,4)

Karbon 14 Yaşı (G.Ö.)*: Numunede ölçülen ^{14}C miktarına bağlı olarak delta ^{13}C düzeltmesi yapılmış Karbon-14 yaşıdır.

Cihaz: National Electrostatics Corporation, Model 3SDH-1 (UAMS)

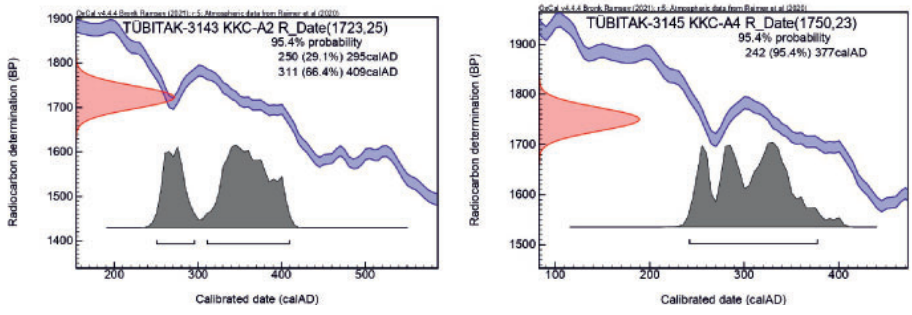

Fig. 7. C^{14} analysis results.

Рис. 7. Результаты анализа C^{14}.

tobe 2 (Levina, 1971, p. 130-137), Kaunshytepe (Levina, 1971, p. 100), Jun (Oboldueva, 1988, p. 157-168), Dynshytepe (Levina 1971, p. 168-179) refer to the 2nd c. BC- 6th c. AD, dishes with zoomorphic handles discovered in Shirin-Say (Gaidukevich 1947, p. 92-109), Tu-Tash (Litvinsky 1973, p. 96-97), located in the upper reaches of the Syrdarya, date from the 2nd c. BC- 6th c. AD.

Samples were taken for the examination of C14 (pieces of burnt wood), an examination was carried out at the "TUBITAK MARMARA" laboratory in the Republic of Turkey with the aim to determine the absolute chronology of the fourth and sixth construction layers of the city of Kultobe. According to the conclusion of the analysis it was established that the fourth construction layer dates back to 1723±25 years ago, i.e. the beginning of the 4th c. and the sixth construction layer goes back to 1750±23 years ago, i.e. the middle of the 3rd c. Based on the C14 examination report, it became known that the ceramic dish with zoomorphic handle found in the fourth construction layer was used in the early 4th c. and the ceramic dish and protoma of a ram was used for ritual purposes.

Regarding the chronology of the dishes with zoomorphic handles found in the burial mounds of Myntobe and Karatobe, analyzing the architecture of catacombs of dromos in these graves, collective burial, arrangement of skeletons, pottery found at the burial site, decorations, knife and an iron arrow tip with three-winged handle found in neighboring regions, we can see that these graves date to the 1st -3rd cc. AD.

Conclusion

Animals have occupied an important place in the worldview and religious beliefs of tribes that inhabited the Eurasian continent. As evidence, we can mention dishes and cauldrons with zoomorphic handles, swords and daggers with zoomorphic handles found in the sites of nomadic and settled tribes. This is due to the fact that tribes living in ancient times used in their beliefs totems of animals, which they most often encountered around them because of their mixture with nature, which formed the basis of their economy. There is reason to believe that the nomadic and sedentary tribes used dishes with zoomorphic handles based on their religious beliefs and used for ritual purposes, the zoomorphic handles were a symbol of abundance, a guarantee of health and protection against evil forces. As evidence, nomadic and sedentary tribes used dishes with zoomorphic handles in religious rituals or used them as dishes for placing food for afterlife.

As a result of our research it was identified that dishes with zoomorphic handles were used by the peoples inhabiting the territory from the middle course of the Syrdarya River to the North Sea region. The comparative analysis of handles of dishes used for ritual purposes, found in the sites of nomadic and settled tribes, inhabiting the Eurasian continent, showed that in the vast majority of handles of the Kauynshy culture along with the image of a ram depicted animals, the exact image of which is impossible to describe, while in the vast majority of handles found in the sites of Sarmatian tribes, along with the image of sheep was depicted the image of wild boar. In addition, it has been found out that that the handles of ritual dishes discovered in the city of Kultobe, Myntobe and Karatobe burial grounds are made according to the pattern characteristic of the Kauynshy culture.

As for the chronology of zoomorphic handmade dishes used for ritual purposes, it was clear that the nomadic and settled tribes started using zoomorphic handmade dishes from the second half of the 1st millennium BC. On the basis of C14 examination report it is revealed that the dish with zoomorphic handle, found in the fourth construction layer of city of Kultobe, was in use 1723±25 years ago, i.e. in the beginning of 4th century, dish with zoomorphic handle and protoma of ram, found in the sixth construction layer, were in use 1750±23 years ago, i.e. in the middle of 3rd century. As for the chronology of dishes with zoomorphic handle found in Myntobe and Karatobe burial mounds, we can conclude that these mounds, comparing the architecture of catacomb burial dromos in these mounds, collective burial, arrangement of skeletons, ceramic pots found at the burial site, ornaments, knife and a iron arrowhead tip with three-winged handle with archaeological artefacts found in neighbouring regions, these mounds date back to the 1st- 3rd cc. AD.

REFERENCES

1. Abramova, M. P. 1959. In *Sovetskaya Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 1, 52–71 (in Russian).
2. Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1958. In Shakhmatov, V. F., Akishev, K. A. (eds.). *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography)* V. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 3–215 (in Russian).
3. Aminov, V., Buryakov, Yu. F., Hodzhayov, T. K. 1978. In Askarov, A. (ed.). *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 14. Tashkent: “Fan” Publ., 79–87 (in Russian).

4. Baypakov, K. M. 1980. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological Studies of Ancient and Medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 32–45 (in Russian).
5. Baypakov, K. M., Taymagambetov, Zh. Қ. 2009. *Kazakhstan (Archeology of Kazakhstan).* Almaty: Kazak University (in Kazakh).
6. Baypakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2005. *Religii i kul'ty srednevekovogo Kazakhstana (Religions and Cults of Medieval Kazakhstan)*. Almaty: "Bauyr" Publ. (in Russian).
7. Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena (The collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*. Vol. 2. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
8. Burkov, Yu. F. 1975. *Istoricheskaya topografiya drevnikh gorodov Tashkentskogo oazisa (istoriko-arkheologicheskiy ocherk Chacha i Ilaka) (Historical topography of the ancient cities of the Tashkent oasis (historical and archaeological essay on Chach and Ilak)).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
9. Buryakov, Yu. F. 1982. *Genezis i etapy razvitiya gorodskoy kul'tury Tashkentskogo oazisa (Genesis and stages of development of Tashkent oasis urban culture).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
10. Eleuov, M., Taleev, D., Esenov, S., Moldakhmet, A. 2020. In Zhumataev, R. S. (ed.). *Ortalyқ Aziyanyң ezhelgi zhəne dəstyrli қoғamdarynyң tarikhi-mədeni mұrasy: zertteu, tysindiru zhəne saқtau məseleleri» atty «KhII Orazbaev oқulary» khalyқaralyқ ғylymi-ədistemelik konferentsiya materialdary (Proceedings of the international scientific and methodological conference "XII Orazbayev readings" entitled "Historical and cultural heritage of ancient and traditional societies of Central Asia: research, interpretation and preservation")*. Almaty: "Kazak. Universiteti" Publ., 195–199 (in Kazakh).
11. Filanovich, M. I. 1983. *Tashkent zarozhdenie i razvitie goroda i gorodskoy kul'tury (Tashkent the birth and development of the city and urban culture).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
12. Gaydukevich, V. F. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* XIV. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 92–109 (in Russian).
13. Gaydukevich, V. F. 1952. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 16. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 331–359 (in Russian).
14. Grigor'ev, G. V. 1948. In Chernikov, S. S. (ed.). *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriia arkheologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeological series)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 47–78 (in Russian).
15. Grigor'ev, G. V. 1935. *Otchet ob Arkheologicheskoy Razvedke v Yangiyul'skom Rayone UzSSR v 1934 g.* (*Report on Archaeological Exploration in the Yangiyul District of the Uzbek SSR in 1934*) Tashkent: Izdatel'stvo Komiteta NAUK UzSSR (in Russian).
16. Grigor'ev, G. V. 1940. *Kratkiy otchet o rabotakh Yangiyul'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1937 g. (Brief Report on the Work of the Yangiyul Archaeological Expedition in 1937)* Tashkent: "Izd-vo UzFAN" (in Russian).
17. Gromova, V. I. 1940. In Grigor'ev, G. V. (ed.). *Kaunchi-tepa*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 41–62 (in Russian).
18. Gursoy, M., Baitanayev, B. A., Acar, E., Sizdikov, B. S. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 47(1), 173–190 (in English). https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.173.190
19. Gursoy, M., Sizdikov, B., Seraliev, A. 2023. In *Otan tarikhy (History of the Homeland)* 1(26), 144–162 (in Kazakh).
20. Gursoy, M., Sizdikov, B., Tadzhibaev, N. 2023. In *Bulletin of Abai KazNPU. Series of Historical and social-political sciences* 1(76), 225–243 (in Kazakh).
21. In Shishkina, G. V. (ed.). 1979. *Drevniaia i srednevekovaia kul'tura Chacha (Ancient and Medieval Chach Culture)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
22. Kastanayan, B. G. 1955. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 15. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 247–255 (in Russian).
23. Kosyanenko, V. M. 1998. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997)* 15. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 167–178 (in Russian).
24. Levina, L. M. 1971. *Keramika Nizhnei i Srednei Syrdar'i v I tysiacheletii n. e. (Ceramics from Lower and Middle Syrdarya in 1st Millennium A.D.)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 7. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Levina, L. M. 1977. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 g. (Archaeological Discoveries in 1976)*. Moscow: "Nauka" Publ., 517–518 (in Russian).
26. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n. e. – I tysyacheletie n. e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region of I Millennium BC – I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
27. Litvinskii, B. A. 1968. *Kangyuysko-sarmatskiy farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) (Kangyui-Sarmatian farn (on the historical and cultural connections of the tribes of southern Russia and Central Asia)).* Dushanbe: "Donish" Publ.

28. Litvinskii, B. A. 1973. *Keramika iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany (Ceramics from the burial grounds of Western Fergana).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
29. Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary. (Antiquities of Chardara).* Alma-Ata: "Nauka"Publ. (in Russian).
30. Medvedev, A. P. 2012. In *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Istoriia, politologiia, sociologiia» (Bulletin of the Voronezh State University. History, Political Science, Sociology Series)* (1), 42–52 (in Russian).
31. Moshkova, M. G. 1956. *Proizvodstvo i osnovnoy import u sarmat Nizhnego Povolzh'ya (Production and main import of the Sarmatians of the Lower Volga region).* PhD Thesis. Moscow (in Russian).
32. Myңzhan, N. 1994. *Қazaқtyң қysқasha tarikhy (Brief history of Kazakh)*. Almaty: "Zhalyn baspasy" Publ. (in Kazakh).
33. Podushkin, A. N. 2019. In Baitanayev, B. A., Khabdulina, M. K. (eds.). *Margulanovskie chteniya-2019. (Margulan Readings-2019)* 1. Nur-Sultan: NII arkheologii im. K.A. Akisheva, ENU im. L.N. Gumileva, 153–167 (in Russian).
34. Podushkin, A. N., Donec, A. G. 2018. In Omarov, G. K. (ed.). *«Қazaқstannyң tarikhi – mədeni mұrasy: Zertteu, tүsindiru zhəne saқtau məseleleri» atty «X Orazbaev oқulary» khalyқaralyқ ғylymi – ədistemelik aonferentsiya materialdary (Proceedings of the International Scientific and Metodical Conference "10th Orazbayev Readings" "Historical and cultural heritage of Kazakhstan: problems of study, interpretation and conservation").* Almaty: "Kazak universiteti", 99–104. (in Russian).
35. Sizdikov, B. S., Gursoy, M., Seraliyev, A. A. 2022. In *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni al'-Farabi. Seriia istoricheskaia (Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. Historical Series)* 106 (3), 235–246.
36. Sizdikov, B.S., Kozha, M.B., Seraliev, A.A. 2023. In *Abay Atyndaғy Қazaқ Ұlttyқ Pedagogikalyқ Universiteti Khabarshysy «Tarikh zhəne sayasi-әleumettik ғylymdar» seriyasy (Bulletin of Abai KazNPU. Series of Historical and social-political sciences)* 3(78), 192–201.
37. Skalon, K. M. 1941. In Iessen, A. A. (ed.). *Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Papers of the Department of Primitive Culture of the State Hermitage Museum)* 1. Leningrad, 173–218 (in Russian).
38. Smirnov, K. F. 1951. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 23. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 226–272 (in Russian).
39. Sorokin, S. S. 1954. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 20. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 131–147 (in Russian).
40. Taleev, D. A. 1993. In *Қazaқstan Respublikasy Ұlttyқ ғylym akademiyasynyң ғylymi zhurnaly. Қoғamdyқ ғylymdar seriyasy (Scientific journal of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan Social Sciences series)* 5, 34–36 (in Kazakh).
41. Taleev, D., Sizdikov, B.S., Seraliev, A.A. 2019. In *L.N. Gumilev atyndaғy Euraziya ұlttyқ universitetiniң Khabarshysy. TARIKhI FYLYMDAR. FILOSOFIYa. DINTANU seriyasy (Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series)* 4(129), 48–62 (in Kazakh).
42. Vinogradov, V. B. 1961. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Bashkirskiy arkheologicheskiy sbornik (Archaeological Collection of Papers).* Moscow: Moscow State University, 32–46 (in Russian).
43. Voronets, M. E. 1951. In *Trudy Muzeya istorii narodov Uzbekistana (Proceedings of the Museum of the History of the Peoples of Uzbekistan)* 1. Tashkent, 43–73 (in Russian).
44. Yatsenko, S. A. 2020. In Yatsenko, S. A., Avizova, A. K., Torgoev, A. I., Saipov, A., Kulish, A. V., Kitov, E. P., Rogozhinskii, A. E., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., Torezhanova, N. Zh., Tur, S. S., Ivanov, S. S. *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva (Archaeology and History of Cangju State).* Shymkent: "Elem" Publ., 7–22 (in Russian).
45. Zhetibaev, K. M., Sizdikov, B. S., Gursoy, M. 2020. In *Abay Atyndaғy Қazaқ Ұlttyқ Pedagogikalyқ Universiteti Khabarshysy «Tarikh zhəne sayasi-әleumettik ғylymdar» seriyasy (Bulletin of Abai KazNPU. Series of Historical and social-political sciences)* 3(66), 409–419 (in Kazakh).
46. Zholdasbayuly, S. 1995. *Ezhelgi zhəne ortaғasyrdaғy Қazaқstan (Ancient and medieval Kazakhstan).* Almaty: "Ana tili" Publ. (in Kazakh).
47. Oboldueva, T. G. 1988. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 157–168 (in Russian).

About the Authors:

Sizdikov Bagdaulet S. Ph.D. Associate professor, Leading researcher. Research Institute of Archeology. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Baitanayev Bauyrzhan A. Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan; baytanaev@mail.ru

Gursoy Muzaffer. Ph.D. Associate professor, Leading researcher. Research Institute of Archeology, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Zhetybaev Kopzhasar M. Candidate of History Sciences, Associate professor, Direktor of the Research Institute of Archeology, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; kopzhasar.zhetibaev@ayu.edu.kz

Seraliyev Ali A. Postgraduate (PhD) Student. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; ali.seraliev@mail.ru

РИТУАЛЬНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА КУЛЬТОБЕ)

Б.С. Сиздиков, Б.А. Байтанаев, М. Гурсой, К.М. Жетибаев, А.А. Сералиев

Многолетние исследования свидетельствуют о том, что древние племена, объединенные в государственное образование, правили во II–VI вв. на территории от Ферганской долины на юге до Аральского побережья на севере, где сформировались культуры, получившие названия Каунчинская, Отырар-Каратауская и Жетысарская. Объект нашего исследования – городище Культобе – расположен в ареале распространения Каунчинской культуры. Эта культура была распространена в среднем течении реки Сырдарья, включая бассейны рек Куркелес, Келес, Шыршык и Ангрен, то есть на территории Ташкентского оазиса, и принадлежала древним племенам, населявшим его. Известно, что ритуальные керамические сосуды занимали важное место в мировоззрении и религиозно-обрядовых представлениях древних племен. Древние племена с определенной целью изображали на ритуальных сосудах животных, являвшихся их тотемами. Поэтому на памятниках древних кочевых и оседлых племен, населявших Евразийский континент, обнаружено большое количество ритуальных керамических сосудов и котлов. К сожалению, назначение, ареал распространения, хронология и региональные особенности использования ритуальных керамических сосудов изучены недостаточно. В статье вводятся в научный оборот ритуальные сосуды из городища Культобе и близлежащих могильников Мынтобе и Каратобе. Цель статьи – определить время возникновения, назначение и ареал распространения сосудов, использовавшихся в ритуальных целях. На основе радиоуглеродного анализа (C^{14}) в работе установлена абсолютная хронология ритуальных керамических сосудов.

Ключевые слова: археология, сарматы, Сырдарья, Культобе, Мынтобе, ритуальный керамический сосуд, зооморфная ручка, верования.

Информация об авторах:

Сиздиков Багдаулет Сапарбаевич, PhD, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Байтанаев Бауыржан Абишевич, доктор исторических наук, профессор, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); baytanaev@mail.ru

Гурсой Музаффер, PhD, доцент, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Жетибаев Копжасар Мустапаевич, кандидат исторических наук, доцент, директор. Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); kopzhasar.zhetibaev@ayu.edu.kz

Сералиев Али Алимбекович, докторант. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан); ali.seraliev@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Проведение археологияческих и междициплинарных исследований на древнем городище Культобе, расположенном в Келесском районе» (AP19678134).

УДК 903 (903.01/.09) https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.129.140

A PERSPECTIVE FROM THE SOUTH CAUCASUS ON THE RESEARCH BY FRENCH ARCHAEOLOGIST JACQUES DE MORGAN: ARCHAEOLOGICAL MATERIALS FROM AZERBAIJAN IN THE SAINT-GERMAIN MUSEUM, FRANCE

© 2025 A.M. Agalarzade

Archaeological excavations in southern Azerbaijan commenced in the 1890s. These pioneering studies are primarily associated with Jacques de Morgan (1857, Huisseau-sur-Cosson – 1924, Marseille), an archaeologist affiliated with France's Musée d'Archéologie Nationale (National Archaeological Museum) in Saint-Germain-en-Laye. Morgan conducted excavations across Iran, the South Caucasus, Egypt, India, and elsewhere. Although his initial work focused on Egypt, where he led the Agency for the Study of Ancient Egypt from 1892 to 1897, he undertook his first excavations within the territory of Lankaran and Lerik regions in 1890. During these campaigns in the Lerik region, Morgan excavated numerous monumental sites and transferred the associated material cultural remains to the Musée d'Archéologie Nationale. In late 2012, under the France-funded project "Studies of Jacques de Morgan's Heritage," the author of this paper participated in a research exchange at the Musée d'Archéologie Nationale in Saint-Germain-en-Laye. The primary objective was to study archaeological materials originally removed from Azerbaijan by Morgan. This research aimed to document these findings and assess their significance within the broader context of South Caucasus archaeology, particularly during the Late Bronze to Early Iron Age transition. The assemblage – comprising pottery, metal weaponry, ornaments, tools, and other diverse artifacts – provides detailed insights into the handicrafts, economic activities, and spiritual life of ancient tribes inhabiting this region during that period.

Keywords: archaeology, South Caucasus, Talysh Mountains, Late Bronze-Early Iron Age, stone tombs, dolmens, museum, artifacts.

Introduction. At the end of the 19th century, more precisely in the 1887-1892 years, archaeological mission led by French archaeologist Jacques de Morgan was sent to the South Caucasus (Fig.1). At first, carrying out excavations in the Late Bronze-Early Iron Age monuments in Aghtala, Muchi Yeri and Lori Berd territories in the north Armenia (Clairfontaine, 2009, p. 77-79), later, in 1890, Morgan starts excavations of the grave monuments in the south-eastern region of Azerbaijan and he comprehensively deals with this in chapter I, vol. IV of his book "Scientific trip to Iran" published in Paris in 1896. Chapter II called "Archaeological studies" was named as "The Researches in Prehistoric Russian Talish (Lankaran)" (Morgan, 1896, p. 13). It was noted there that the aim, after archaeological excavations in the North Caucasus and Armenia during three years before coming to Lankaran, was to continue researches in the Northern Iran, Russian Talish (*Morgan called the southern region of Azerbaijan so*), Mughan lowland and in Azerbaijani territories along the River Araz.

After many years' researches carried out by Morgan almost no archaeological excavations were carried out in the south-east region of Azerbaijan. In 1902, I.A. Mayevski recorded burial mounds and settlements in Mughan territory and Kura-Araz lowland. In 1924, for the first time D.Sharifov was sent to the official trip to Talish and Mughan regions. He discovered big burial mounds in Astrakhanbazar (now Jalilabad) and Masalli regions and registered them as the Scythian monuments (Goyushov, 1986, p. 14). In 1925, I.Azimbeyov identified a large number of monuments of different ages in the Lankaran lowland. He called most of these monuments as dolmens.

Monuments of this period were studied firstly in the 40s of the 20th century on the basis of Uzuntepe site in Jalilabad region by prominent

Fig. 1. French archaeologist Jacques de Morgan.
Рис.1. Французский археолог Жак де Морган.

I.M. Jafarzade. Thus, during the construction of the Baku-Astara railway in 1941, a big monument happened to be discovered at a place Uzuntepe near Novogolovka village in Astrakhanbazar (Jalilabad) region. While studying material and cultural items found in Uzuntepe site, I.M. Jafarzade had discovered the Late Bronze-Early Iron Age "Mughan archaeological culture" (Djafarzade, 1946).

After a while, in the 70s of the 20th century, taking into account importance of the monuments in the area for ancient history of Azerbaijan, in 1986 archaeological expedition headed by G.O. Goshgarly was sent to study these sites. The aim was to prepare the region's archaeological map based on the registration of the monuments. Among the discovered archaeological monuments, Bronze and Iron Age monuments are in majority. They are mainly kurgans, stone boxes and graves dug into terrace. The expedition had registered about 70 kurgans, and investigated one kurgan located between Osakucha and Vilvan villages of the Lankaran region (Goshgarli, Alekperov, 1992, p. 49-50).

In recent years archaeological excavations have been carried out on the Bronze - Early Iron Age monuments in the southern areas of Azerbaijan. Efforts were made since 2012, by the Azerbaijani-French archaeological expedition to involve the Bronze - Early Iron Age monuments of the region to the investigation. At the end of the same year, as a part of "Studies of Morgan Heritage" project, the author carried out archaeological research works at archaeological fund of National Archaeological Museum in Saint Germain in France, where the Bronze Age artefacts were taken from the region. Artefacts taken from Azerbaijan are preserved in the Museum fund. These are the collection of ceramic and metal vessels, bronze and iron ornamentals and weapons, beads made of agate, glass and paste, pendants and so on. Almost all the metal items have been restored in the leading laboratories of France (Agalarzade, 2013, p. 69). The richest archaeological heritage of the region is the Late Bronze - Early Iron Age monuments, which are mainly necropolis of burial mounds and stone box graves. These grave monuments belong to ancient inhabitants of the region and all the monuments have special scientific importance in studying history of socio-economic, cultural and spiritual development of tribes in the Late Bronze - Early Iron Ages. Archaeological exploration and excavation works on these monuments of the period in this region led by F.R.Mahmudov in the 60-70s and by G.O.Goshgarli in the 80s of the 20th century served as the starting point for further extensive researches.

The characteristics of the graves of Jacques de Morgan's excavations

The main characteristic features of the

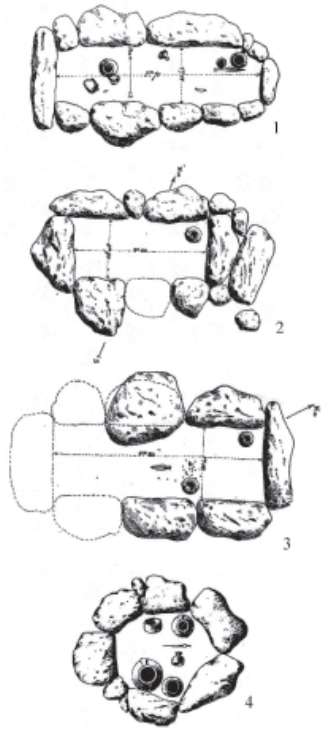

Fig. 2. Stone tombs from Keraveladi necropolis (Jacques de Morgan).

Рис. 2. Каменные погребальные сооружения из некрополя Керавелади (Жак де Морган).

Fig. 3. Stone tombs from Veri necropolis (Jacques de Morgan).

Рис. 3. Каменные погребальные сооружения из некрополя Вери (Жак де Морган).

Late Bronze-Early Iron Age monuments of the southern region included in the archaeological literature as "Mughan culture" are primarily reflected in the weapon items (Goyushov, 1986, p. 65). Reflecting the level of development of the society in the South Caucasus during the Late Bronze - Early Iron Ages, this archaeological culture covers a wide area from Mughan plain to the Lankaran lowland and Talish Mountains. Monuments referred to this culture show the directions of the main development areas of economy and course of the process in the 2nd millennium B.C. Thus, if in the 3rd millennium B.C. basically farming was prevalent in economy, in the 2nd millennium B.C. cattle breeding had become a major area. Meanwhile, along with farming, cattle breeding also had a special position in the economic life of the people during this period. Due to the high level of development of cattle-breeding, the process of settlement in high mountainous areas had gained momentum since the Early Bronze Age (Goshgarli, Alekperov, 1992, p. 49).

Morgan writes that he had registered 116 grave monuments in the *Keraveladi necropolis* (Lerik region) where he began his first excavation on April 4, 1890. However, he states that it was not possible to excavate them all. He mentions that as a result of excavations carried out in 10 graves (graves No.4, 5, 7, 11, 40, 106, 107, 108, 109, 110) 26) not so rich artefacts were found (Morgan, 1896, p. 21-26). The stone box graves, where he carried out excavations are basically a rectangular enclosure made of large slabs (Fig. 2).

Morgan writes about the rich graves in *Veri necropolis* (Fig. 3). According to the structure and nature these graves are similar to the Keraveladi, Hovil and Hamarat stone box graves. However, in spite of rich equipment graves of the

Veri necropolis are relatively small in size. Most of them were 3.1 m in length and 1.1 m in width. Morgan has given an extensive classification of one of these graves. Morgan relates the Veri necropolis to III phase of the late Bronze Age (Morgan, 1896, p. 33-38).

Coni necropolis is one of the most memorable monuments among the excavations of Morgan represented with rich material *(Fig.4)*. These burial monuments in the type of stone box-graves which he had excavated because of their large-scale the author mistakenly called as "dolmen". The grave was arranged with long slab stones, and 7 human bodies were buried in the grave chamber. The skeletons were placed mostly in the corner of the grave. This was probably a vault-like grave, belonging to one family, and over time, those who died from family members were buried there. Burial equipment was placed near each skeleton. They consist of pitchers, bowls, kuza-type jugs, plates, vase-type vessels, daggers and spearheads of various sizes and shapes. He related this grave to the III phase of the late Bronze Age (Morgan, 1896, p. 42-46). I.Narimanov excavated one of these graves in the necropolis of the same name near Buzeir village of Lerik region. According to researchers, this type of stone-box graves belonging to a family or a kin once were somehow of vault nature (Karimov, 2006, p. 29).

Morgan attributed above-mentioned necropolis to the Late Bronze-Early Iron Ages. He related the Keraveladi, Hovil and Hamarat necropolis to the I phase of the Late Bronze Age (XIV-XIII centuries B.C), the Mystan necropolis to the II phase of the same age (XII-XI centuries B.C), Veri and Coni necropolis to the III phase of this age (X-VII centuries B.C). At the same time, some of the graves in Coni and Tulu necropolis were referred to the Iron Age (Morgan, 1896, p. 61).

Azerbaijan-France International Archaeological Expedition organized in 2012, also carried out archaeological investigations and excavations in the

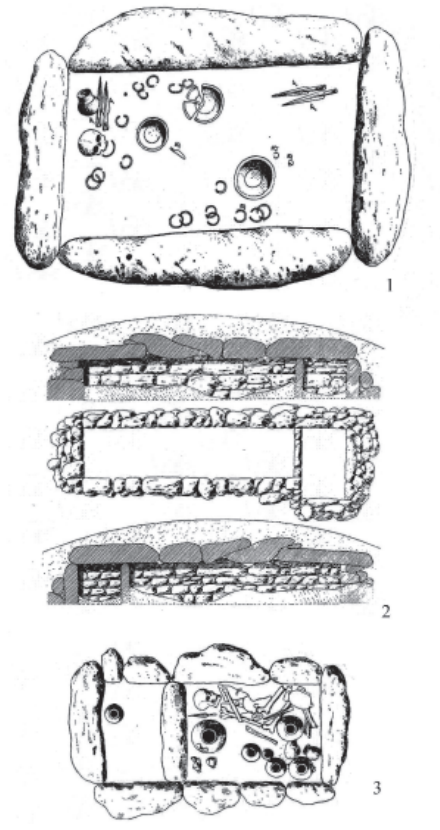

Fig. 4. Stone tombs from Coni necropolis (Jacques de Morgan).

Рис. 4. Каменные погребальные сооружения из некрополя Джони (Жак де Морган).

Keraveladi village of Lerik region. Azerbaijan-France International Archaeological Expedition has come to a conclusion that Keraveldi II necropolis on the western bank of Lakarchay River was not excavated by Morgan, and on their last archaeological excavations they have concluded that the grave monuments were robbed at one time (Rahimova et al., 2013, p. 356).

The archaeological materials, their classification and comperative analysis

As we have already noted, archaeological materials obtained by Morgan have been discovered in grave monuments. It should also be taken into account that this region is the area rich with mixed materials of Bronze, Iron and

Fig. 5. Jug and big size cup.
Рис. 5. Кувшин и большая чашка.

Antique periods, and it is no exception that some of the tombs excavated by Morgan are related to ancient times. Although the author could not identify this confusion, grounding on our observations on archaeological materials we can conclude that these findings include grave goods of antique period as well. They appear mostly in the zoomorphic type vessels of the antique period, in rich variety of pendants-ornamental items. Therefore, the explanation of the burial equipment involved into the research with certain differences in terms of period is understandable. Certainly, the most accurate historical-chronological framework can only be provided by radiocarbon analysis of these items.

Researchers divide the Late Bronze - Early Iron Age of the southern region into three stages: I - 14th - 13th centuries B.C., II - 12th - 11th centuries B.C. and III - 10th - 7th centuries B.C. (Karimov, 2006; Mahmudov, 2008).

On the whole, these archeological materials can be classified as follows: 1). *Pottery vessels*; 2). *Metal items*; 3). *Stone items and decorations*.

Pottery vessels are divided into the following types: 1) pitchers or jugs (kupa); 2) plates; 3) bowls; 4) clay-made jugs (bardags); 5) jugs; 6) vases; 7) cups (drinking bowls as used in Central Asia); 8) zooxmorfic vessels.

Pitchers (kupa) mainly of different sizes and shapes are divided into 2 groups: 1) medium-sized pitchers and 2) small-sized pitchers. Similar items of pitchers have been found in the late Bronze-early Iron Age Mehdi-Churi necropolis of the Rasht Province in Iran (Jahani, 2014, p. 44). There was also a pitcher with blue-green glazing on. Morgan had obtained this container from Coni necropolis (Djafarov, 1984, p. 25). According to him, it was discovered due to mutual relations of two countries, such as Egypt and Assyria, with the ethnos of this region (Morgan, 1896, p. 105-106), and in contrast to other graves, this finding should be related to the transition phase from the Bronze to the Iron Age (Djafarov, 1984, p. 28).

Dishes are of two forms: 1) shallow dishes and 2) deep dishes. This type of pottery is often found among the artefacts of Khojaly-Gedabey culture. Morgan had found similar examples of these types of plates in the area called Sheytan Tag in Armenia and referred them to the first and second phases of the Iron Age (11th-8th centuries B.C.) (Clairfontaine, 2009, p. 86).

Bowls are both hand-made and wheel-thrown. The traces of the potter's wheel are clearly observed inside of such bowls and their analogues have been found in the Mehdi-Churi necropolis (Jahani, 2014, p. 44-45).

The clay made *jugs* (*bardags*) being 1) narrow and long necked; 2) wide necked and of simple shapes can be divided into two groups. Similar containers are known from the late Bronze-early Iron Age necropolis in the Talish province of Iran (Khalatbari, 1965, p. 276-277).

Small size jugs (*dopu*) are divided into two groups: having handle and without it. The jug recalls a modern

Fig. 6. Jug and small size cup.
Рис. 6. Кувшин и маленькая чашка.

kitchen dish - a *piti* (a kind of eastern dish like a pea-soup with meat) *pot*. This type of jugs was encountered at Mehdi-Çuri necropolis (Jahani, 2014, p. 45).

Vases are containers of a very complex structure. These types of containers are generally typical for the Iron Age.

Cups (Pialas - drinking bowls as used in Central Asia) are also mostly of brown colour, and made of pure and fine sand-tempered clay. Zoomorphic vessels are rare items among the pottery wares.

Metal objects found by Morgan can be divided into several types: 1) *plates*; *2) weapons; 3) belts; 4) figures; 5) decorations.*

Metal containers are made of thin bronze. These containers are oblonged. Their mouth is wide open above. It is narrowing towards the seat. The seat is relatively protuberant on the sides. There is a bird image forged on the vessel. Similar items are known from late Iron-early Antiquesites in Azerbaijan territory (Goshgarli, 1985). The other is poorly preserved pot-shaped metal vessel. Despite the metal of the pot remains intact, its shape is crumpled and has completely lost its previous shape.

Weapons are basically: *1) swords; 2) daggers; 3) axes; 4) spear and arrow heads; 5) chopper-type tools; 6) wedge-shape tools; 7) iron-made weapons.*

According to F. Mahmudov, the ancient inhabitants of the South Caucasus at the Late Bronze - Early Iron Ages steps to the highest level of the primitive community structure - "military democracy". Therefore, the manufacture of weapons was of particular importance. It is no coincidence that the metallurgy, which was mainly developed in the field of bronze weapons' production, had its highest stage in this period. Therefore, some features of archaeological cultures in the South Caucasus can be observed on the basis of swords and daggers found and to distinguish metallurgical regions corresponding to the territory of these cultures (Agalarzade, 2013, p. 67-68).

Swords (Fig.7/1) that occupy a special place among the archaeological materials are of *2 types*: 1) *foil-like swords* and 2) *iron swords* (Karimov, 2006, p. 36-37). The first, foil-like swords have a long blade and narrow tip. The length of the blade is 75-85cm. Morgan had found this type of weapons in Codikesh and Veri villages (Morgan, 1896, p. 63). Long blades of the swords, typical for the late Bronze and first phase of Early Iron Age, show that they were effectively used in the battlefield. The analogues of these weapons dated to the 14th-13th centuries B.C is known from the sites in Mughan plain, Lankaran lowland and in the mountainous regions of Azerbaijan and in the Iranian Talish (Karimov, 2006, p. 36-37). This type of sword was also discovered at Hamashara-Misharchay settlement in the area of Jalilabad region. 6 of this kind of swords also were found in 1968, in a place called Divalona near Digah village of Lankaran. F.R. Mahmudov includes blades of the hafted swords found in Divalona to the type of blades of the foil-like swords, widespread in the late Bronze-early Iron Age sites in Talish and Mughan regions. According to the researcher, in the sites on Talish Mountains such type of swords is mainly represented by crescent-shaped, relief-decorated daggers, and

Fig. 7. Sword and daggers.
Рис. 7. Мечи и кинжалы.

in the sites of the Lankaran lowland and Mughan plain by swords with saddle-like hoods (Mahmudov, Kasamanli, 1974, p. 49-50). These types of swords had been found during earthen works in the Hishkadere village of Masalli region and near Lankaran. Main features distinguishing these swords from those with long blades, which are typical for Talish and Mughan regions are their wide blade, horn-shaped shoulders, and rhombic section. A similar dagger had been found in the cemetery of Shir-shir in IranianTalish. Horn-shaped shoulders are mostly typical for Aegean swords and can be often found among weapons of Mycenaean era (Mahmudov, 1970, p. 68). Iron swords were also made in the type of bronze swords preceding it. Morgan notes that he found their first example in the Bronze Age necropolis at Coni (Morgan, 1896, p. 63).

Daggers are divided into 4 types (Fig.7/2). O.A.Danielian writes that the daggers of different shapes had been revealed from the mountainous and foothill regions of the Lesser Caucasus, Talish and Mughan regions, Nakhchivan and other places of Azerbaijan. According to their typological and chronological features author divides the daggers found in the territory of Azerbaijan into 11 types, and writes that first daggers were made at the end of the 3rd and beginning of the 2nd millennia B.C and that were widespread during the late Bronze Age. The researcher adds that the diversity and great deal of daggers show the existence of several dagger manufacturing centres in the territory of Azerbaijan during the late Bronze-early Iron Ages, which were located in the eastern part of the South Caucasus, and its raw materials were got from the mining fields in Gedabey-Ganja, Nagorno-Karabakh, Zangazur-Mehri and Talish regions (Danielyan, 1987, p. 34-35).

Regarding the shapes of Talish and Mughan weapons, sometimes they repeat the features of ancient and medieval weapons of the Near and Middle East as well as the Mediterranean countries from the chronological aspect. In this sense, they are similar to Aegean weapons. French archaeologist J. Déchellet explained this similarity with the influence of the Mediterranean countries to the regions up to the Caspian Sea. Based on this, Morgan tried to prove that "ancestors of the Greeks, Indians and the Talishs had the same culture and origin." However, according to F.R. Mahmudov, some close features in forms of the Talish and Mughan weapons with Aegean and Near East ones are not related with the same origin of these cultures. It should be explained by the exchange and other relationships existing between the tribes of the time (Mahmudov, 1970, p. 73).

Axes take main place among the findings (Fig. 8/1). In his article "Bronze axes of Talish", F.R.Mahmudov supposes that the bronze axes of this region were mainly used as a weapon. Along with a number of local features in their shapes, he distinguished them as a special type by combining some morphological elements in the bronze axes of the Caucasus and the Asian Near East, and for the first time showed that the difference of the Guba type axes was a transitional form from the unsymmetrical axes to the poleaxes of the South Caucasus (Mahmudov, 1973, p.73).

Fig. 8. Axe and spearheads.
Рис. 8. Топор и наконечники копий.

Spearheads are mainly bronze-made and divided into 3 types (Fig.8/2). Morgan found these types of weapons in Hovil, Keraveladi and Hamarat graveyards. He writes that spearheads found inVeri, Hiveri, Coni and Aspahiz are both bronze and iron-made (Morgan, 1896, p. 70-72). Morgan had found this kind of iron spearheads from the stone-box grave No.47 in the Agtala cemetery in present-day Armenia and had referred them to the first phase of the Iron Age (Clairfontaine, 2009, p. 80).

Bronze belts make up a small number of finds (Fig.9/1). Moreover, belts are known only from the Coni village. Morgan had found a belt along the dagger during the excavations carried out in the village of Coni (Karimov, 2006, p. 60). This type of bronze belts are well-known from the monuments of Khojaly-Gedabey culture in Azerbaijan, and these bronze belts are very significant as the most valuable source for tracing the level of artistic metal working during the late Bronze-early Iron Ages (Goyushova, 2010, p. 12). A bronze belt found in Coni is related to the XII-XI centuries B.C. (Karimov, 2006, p. 60).

Arrowheads are numerous among the finds (Fig.9/2). The arrowheads found by Morgan are divided into 3 types: the first type of arrowheads was made of mineral flint, obsidian and jasper, and had been found in Tuli, Coni and Veri villages (Morgan, 1896, p. 75). This kind of arrowheads made of mineral flint and obsidian have been discovered from the Qasim Zemini settlement in the mountainous Talish Province of Iran (Jahani, 2014, p. 41-42). Morgan also discovered the arrowheads from the necropolis near Ghumru (in Armenia) and leaflike bronze-made arrowheads (Clairfontaine, 2009, p. 82-85).

The II type arrowheads are bronze-made. In archeological literature the III type arrowheads refer to "Scythian type" weapons. The haft of these three-edged bronze-made weapons is tubular. These findings belong to the 7th century. Sh.N.Najafov mentions that weapons of "Scythian type" are found not only in the Scythian-settled areas, but also in remote distances, and associates finding of such arrowheads with the spread during the wars or cultural-economic relationships (Najafov, 2010, p. 195).

Generally, metal production was particularly widespread in the late Bronze-early Iron Ages. At the same time, with the discovery of iron, new and better quality metal entered to the life of people. According to N.A. Museyibli, undoubtedly numerous bronze and iron weapons such as daggers, poleaxes, spear and arrow heads, swords, etc. revealed in the monuments of Khojaly-Gedabey, Nakhchivan and Mughan cultures are evidence to the existence of early state structures, which had already covered large areas and had some armed power entities (Museibli, 2016, p. 75-76).

Zoomorphic figures occupy a special place among the pendants made of bronze. These figures made by mould casting in the images of deer, ox, goat, sheep are considered to be one of the

Fig. 9. Belt and arrowheads.
Рис. 9. Ремень и наконечники стрел.

main finds of the region's Late Bronze - Early Iron Age grave monuments (Fig.10/1). Morgan writes that design of these figures made in the Talish area do not reflect abilities of a skilful master. However, the mobility and some dynamics are observed in the figures found in Kevsureti and Samtavr of Dagestan area and kept at the Caucasus Tiflis Museum (Morgan, 1896, p. 102). From this viewpoint, he considers the Talish's bronze figures as relatively insignificant to findings discovered in close or of the same period.

Rings, earrings, bracelets, hair pins, collar pins, necklaces, buttons, bells and others are bronze and iron-made. Morgan considers it very interesting in regard of burial traditions and notes that few this kind of goods were found from the necropolis in Armenia (Morgan, 1896, p. 99-101). Morgan had found the analogical sample of the spiral-shape pendant ornamentals made of bronze wire in the graves of Jalaloglu near Ghumru and referred them to the 12th-9th centuries B.C (Morgan, 1896, p. 84). But a bronze ring among the findings is of great interest. There is a goat's image as if moving forward described on the thin, plate-like ring found in Tulu village.

Fig. 10. Zoomorphic figures and bronze ring.
Рис. 10. Зооморфные фигуры и бронзовое кольцо.

The goat's horns designed backwards and there is short beard under the jaw (Fig.10/2). Morgan relates this pictorial decoration made by cutting method to the early Iron Age (Morgan, 1896, p. 85).

There are also disks and pendants that are interesting among the golden jewelry (Fig.11/1). Morgan notes that gold items found near the skeleton in the grave along with the bronze ware, play an important role in women's decorations (Djafarov, 1984, p. 44-45). Some of them are in the disc-form made of thin-sheets in a very subtle way. Looking carefully at the disks which have holes on sides, it appears that they remind zoomorphic images, especially the face of an ox. Others have different shapes and decoration properties. Morgan writes that he saw this kind of gold jewelry patterns and ornament elements on them in the Mycenae and Hisarlik cultures (Morgan, 1896, p. 81).

There are *agate, paste, glass and clay beads* among the ornamental items. But majority of items were made of agate. Agate beads being of barrel, tubular and trapezoidal shapes are sufficiently. Except those which were cut in the shape of barrel, rest of the beads was

Fig. 11. Golden juwelry and agate beads.
Рис. 11. Золотые украшения и агатовые бусы.

made symmetrically. Some of them were decorated with cutting ornaments (Fig.11/2). Paste and clay beads are also in barrel form but are scanty. The production sites of paste and glass beads are ancient Egypt and the Middle East countries, the homeland of kauri beads is considered to be the coastal areas of the Indian Ocean, the Red Sea and the Gulf of Iran. N.A. Museyibli considers these types of beads found in other regions as valuable material to study the economic and cultural relations of the ancient population of Azerbaijan (Museibli, 2009, p. 53).

One agate bead is an amulet; one side is oval and the other is flat. It has a two-sided hole in the center to pass thread. The flat side of this light grey colour agate mineral stone, which was found in the tomb-like stone box grave No.40 with the size of 3.2x1.1x0.80 m in the Keraveladi necropolis explored by Morgan, is a seal. There is a zoomorphic image on the seal – a picture of the Indian hunchback ox called "*Bos Zebu* (Grey Zebu)". It should be noted that pictures of different plots are prevalent in the late Bronze-early Iron Age art of Azerbaijan. Zoomorphic images on pottery, metal items and stone ornamentals are indications of the high level of development of art at that period. Zoomorphic images are of particular interest among the artefacts of the southern region of Azerbaijan for this period. It should be noted that this finding is currently being preserved at the National Museum of Archaeology in Saint-Germain, France (Agalarzade, 2015, p. 69). Morgan pointed out that this image also was met in Mazandaran, Gilan, and Talish regions in Iran and noted that the ox had an important place in the cattle-breeding of Bronze Age tribes (Karimov, 2006, p. 96). Taking into account the fact that Zebu spread through economic relations, it can be assumed that it had a certain role in cattle-breeding in Azerbaijan in the 2nd-1st millennia B.C.

Conslusion. The south-eastern region of Azerbaijan, which is rich in Late Bronze - Early Iron Age grave monuments, is of particular importance in the study of the ancient material culture of the region. The ancient Bronze Age farmer-cattle-breeding tribes who created the burial monuments settled in certain local areas. Artefacts found during archaeological excavations prove that the various areas of craftsmanship - pottery, metalworking, and stone work in the area were at a high level at the mentioned period.

The findings of French archaeologist Jacques de Morgan who carried out first excavation in the area at the end of the 19th century provides us with information just how the areas of craftsmanship had developed in this region. The rich artefacts composed of the weapon production, pottery ware and various decorative items, which are characteristic feature of the Late Bronze - Early Iron Age monuments, are evident to all above-said. As noted above, the absence of the skeletons in the majority

of the stone box graves in the south region during that period should be described as a type of burial custom, rather than a fact of robbery. Almost most of the views expressed in scientific literature related to the burial process where dead body was not put in some of graves in the Late Bronze - Early Iron Age in Azerbaijan have led to the formation of common ideas. It was revealed during the study that these burial traditions are one of the indicators of the spiritual culture of the tribes occupied in cattle-breeding in summer and winter pastures. Thus, on the basis of the archaeological materials found and taken to France by Morgan we discovered that Lerik region is rich with the Late Bronze - Early Iron Age grave monuments. In the future, it is undoubtedly that rich material cultural items belonging to semi-nomad cattle-breeding tribes of the region will be discovered as a result of systematic archaeological excavations that will be carried out in settlements along with tomb monuments. Also it will be possible to obtain full information about the economic life, welfare, the moral and spiritual culture of the Bronze Age inhabitants during systematic researches to be conducted in these monuments.

Thanksfull: *I express my gratitude to everyone who has contributed to the realization of these studies, especially to Mr. Hilaire Multon, the director of Saint Germain National Archaeological Museum and Christine Lorre, head of the archaeological funds. I thank to the Ministry of Culture of the Republic of France and Monument Protection Department for their initiatives in protection of this rich archaeological heritage taken from Azerbaijan in their funds and always keeping them in the centre of attention.*

REFERENCES

1. Agalarzade, A. M. 2013. Traces of Azerbaijan in France. “Geostrategy” monthly socio-political, scientific-popular magazine, No. 06(18) November-December (in Azerbaijani).
2. Agalarzade, A. M. 2015. Late Bronze-Iron Age Stone Box and Mound Graves of the Southeastern Region of Azerbaijan (Based on Materials from Lerik and Yardimli Districts). “State and Religion” Collection of Public Thought No. 7 (36) July, pp. 68–71 (in Azerbaijani).
3. Clairfontaine, F. F. 2009. *Jacques de Morgan et le recherche sur les ages du Bronz et du Fer en Armenie. A propos de ouvrage Mission scintifique au Caucase. Caucase, Egipte et Perse: Jacques de Morgan (1857-1924) pionnier de l aventure archeologique.* Cahiers de musee d Archeologie Nationale, Paris, numero 1, p. 77–88 (in French).
4. Danielyan, O. A. 1987. Material'naya kul'tura Azerbaydzhana. Tom 10, Baku: Elm, s. 22-35 *(in Azerbaijani)*
5. Dzhafarov, G. F. 1984. *Svyazi Azerbaydzhana so stranami Peredney Azii v epokhu pozdney bronzy i rannego zheleza (po arkheologicheskim materialam Azerbaydzhana) (Relations of Azerbaijan with the countries of Western Asia in the Late Bronze and Early Iron Ages (based on archaeological materials of Azerbaijan)* Baku: Elm Publ. (in Russian).
6. Dzhafarzade, I. M. 1946. In *Izvestiya AN Azerbaydzhanskoy SSR. (Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR)*. Issue 4 (9). 84–97 (in Russian).
7. Goshgarli, G. O. 1985. *Ancient and early medieval toreutics from Azerbaijan.* Baku: “Elm” Publ. (in Russian).
8. Goshgarli, G. O., Alekperov, A. İ. 1992. In *Materials of the scientific conference dedicated to the latest results of archeology and ethnography in Azerbaijan*. Baku: “Bilik”, 48–50 (in Azerbaijani).
9. Goyushov, R. 1986. Azerbaijan archaeology. Baku: “İshiq” Publ. (in Azerbaijani).
10. Goyushova, T. N. 2010. Bronze Belts of Azerbaijan (Late Bronze-Early Iron Age). Abstract of the dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Historical Sciences. Baku: “Nafta-Press” Publ. (in Azerbaijani).
11. Jahani, V. 2014. *Archaeology of Deilaman.* Gilan, Rasht: “Boloor” Publ.
12. Karimov, S. K. 2006. Archaeological monuments of Lerik. Baku: “Araz” Publ. (in Azerbaijani).
13. Khalatbari, M. R. 1965. *Talesh.* Gilan, 297 p.
14. Mahmudov, F. R. 1970. In *News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. History, philosophy, law series,* 2. Baku: “Elm” Publ., 66–76 (in Azerbaijani).

15. Mahmudov, F. R., Kasamanli, H. P. 1974. In *News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. History, philosophy and law series.* Baku: "Elm" Publ., 47–56 (in Azerbaijani).

16. Makhmudov, F. R. 1973. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* Vol. 7. Baku: "Elm" Publ., 64–73 *(in Russian).*

17. Makhmudov, F. R. 2008. *Kul'tura Yugo-Vostochnogo Azerbaydzhana v epokhu bronzy i rannego zheleza (Culture of Southeast Azerbaijan during the Bronze and Early Iron Ages).* Baku: "Nafta-Press" Publ. (in Russian).

18. Morgan, J. De. 1896. In Ernest Leroux (ed.). *Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques.* Chapitre II. Premiere partie, 14–125, Paris (in French).

19. Museibli, N. 2016. In "*Geostrategy" scientific and popular magazine,* 02 (32), March-April, 73–76 (in Azerbaijani).

20. Museibli, N. A. 2009. In *Archaeology of Azerbaijan.* Issue 12, No. 2, 37–57 (in Azerbaijani).

21. Najafov, Sh. N. 2010. In *News of ANAS. History, philosophy and law series,* 1–2. Baku, 193–197 (in Azerbaijani).

22. Rahimova, M., Alekperov, A., Kazanova, M., Lorre, K. 2012. In Rahimova, M. N. (ed.). *Archaeological research in Azerbaijan*. Baku: "AfPoliqraff" Publ., 352–357 (in Azerbaijani).

About the Author:

Anar Agalarzade M. PhD of History. Associate Professor in the Specialist of Archaeology, senior scientific worker, archaeologist. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid pr.-115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; anararxeoloq@mail.ru

ВЗГЛЯД ИЗ ЮЖНОГО КАВКАЗА НА ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО АРХЕОЛОГА ЖАКА ДЕ МОРГАНА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ АЗЕРБАЙДЖАНА ИЗ МУЗЕЯ СЕН-ЖЕРМЕН (ФРАНЦИЯ)

А.М. Агаларзаде

Раскопки археологических памятников в южной части Азербайджана ведутся с 90-х годов XIX века. Эти исследования связаны с именем Жака де Моргана (1857, Юиссо-сюр-Коссон — 1924, Марсель), сотрудника Музея Сен-Жермен во Франции. Морган занимался раскопками памятников в Иране, Южном Кавказе, Египте, Индии и других местах. Поскольку его первая деятельность была связана с изучением Египта, в 1892-1897 годах он возглавлял Управление по изучению Древнего Египта. Морган провел первые раскопки на территории современных Ленкоранского и Лерикского районов в 1890 году. Он исследовал множество монументальных памятников в Лерикском районе и отправил археологические находки в Музей Сен-Жермен во Франции.

В конце 2012 года, по приглашению французской стороны, автор данной статьи в рамках проекта «Исследование наследия Жака де Моргана», финансируемого Францией, принял участие в стажировке по изучению музейных материалов в Национальном археологическом музее в Сен-Жермене. Целью было ознакомиться с археологическими находками, вывезенными в свое время Морганом из Азербайджана, и определить их место в археологии Южного Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железа. Изучение керамической посуды, металлического оружия, украшений, орудий труда и множества других археологических материалов дает нам детальную информацию о сферах ремесла, занятий и духовной жизни древних племен данного периода в регионе.

Ключевые слова: археология, Южный Кавказ, Талышские горы, эпоха поздней бронзы-раннего железа, каменное погребальное сооружение, дольмены, музей, артефакты.

Информация об авторе:

Агаларзаде Анар Мирсамид оглы, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник, археолог. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); anararxeoloq@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.141.152

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА, ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ ВОЗНЕСЕНСКОЕ I

© 2025 г. М.Ш. Галимова, А.В. Новиков

Статья вводит в научный оборот комплекс предметов из камня, полученный в 2020 и 2022 гг. при раскопках поселения Вознесенское I – памятника многократного заселения, расположенного в окрестностях Галичского озера (бассейн Верхней Волги). Первоначально площадка поселения освоена в эпоху мезолита. В дальнейшем территория заселена носителями фатьяноидных культурных традиций. В поздний период эпохи бронзы здесь появилось население, изготавливавшее сетчатую керамику. Развитие посёлка продолжилось и в IX–VII/VI вв. до н. э. Стратифицированных памятников эпохи поздней бронзы, начальной фазы РЖВ на верхневолжских левобережных территориях известно немного, в связи с чем обращение к материалам раскопок поселения Вознесенское I является актуальным и важным. В то же время выделить в коллекции каменные артефакты, относящиеся к позднему периоду эпохи бронзы или раннему этапу РЖВ, не представляется возможным ни по характеру кремневого сырья, ни по степени эрозионного изменения поверхности предметов («окатанности», выветривания). Каменная индустрия этого времени практически не претерпевает изменений, что, очевидно, свидетельствует о преемственности традиций обработки камня населением с сетчатой керамикой на начальном этапе РЖВ. Номенклатура каменных изделий также практически одинакова. Найдены в раскопе и предметы из камня, относящиеся к мезолиту.

Ключевые слова: археология, бассейн Верхней Волги, Галичское озеро, поселение Вознесенское I, каменный инвентарь, мезолит, поздний период эпохи бронзы, начальный этап раннего железного века.

Коллекции каменного инвентаря из поселений с сетчатой керамикой, расположенных на левобережных участках Верхневолжского бассейна, ранее самостоятельно не освещались. Присутствие изделий из камня отмечается при описании некоторых памятников, однако информация эта, как правило, суммарно, представлена факультативно при рассмотрении находок из других материалов, и, что важно, предметы зачастую происходят из смешанных культурных отложений (Гурина, 1963; Леонтьев, 1997, с. 97; Новиков, 2018, рис. 101, Новиков, 2020, с. 347; Новиков, 2022, рис. 6). Следует признать, что особенности предметов из камня позднего периода эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века до конца не определены, что является следствием в том числе значительной смешанности материалов на многослойных поселениях. На сложность разделения на хронологические группы каменного инвентаря из памятников многократного заселения Верхней Волги уже обращала внимание Н.Н. Гурина (Гурина, 1963, с. 117). В этом отношении поселение Вознесенское I, в силу определяемой стратиграфии культурных напластований и, соответственно, локализации находок в разных горизонтах, может способствовать изучению особенностей каменной индустрии у населения с сетчатой керамикой как в поздний период эпохи бронзы, так и в начальной фазе раннего железного века, и выявлению специфики изготовления предметов из камня (впрочем, очень схожих между собой, практически однородных), ещё игравших важную роль в быту населения, изготавливавшего сетчатую керамику в конце II – первой трети I тыс. до н. э.

Поселение Вознесенское I открыто в 2019 г. О.В. Новиковой (Новикова,

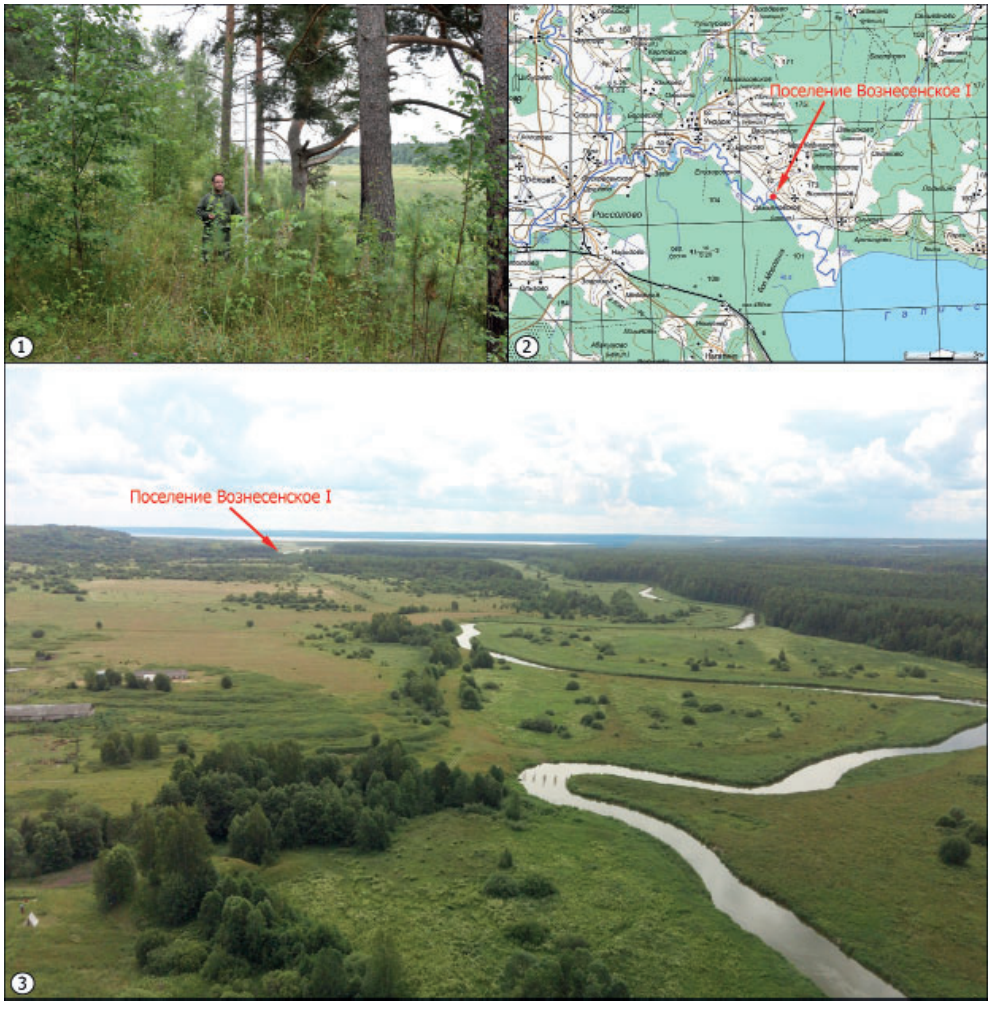

Рис. 1. Поселение Вознесенское I: 1 – вид на памятник с северо-запада; 2 – местонахождение памятника; 3 – панорамная сьемка северо-западных окрестностей Галичского озера с указанием месторасположения памятника.

Fig. 1. Voznesenskoye I settlement: 1 – view of the site from the northwest; 2 – location of the site; 3 – panoramic survey of the northwestern surroundings of Lake Galichskoye indicating the site location.

2020; Новикова, Новиков, 2021). Памятник располагается в северо-западных окрестностях Галичского озера, в краевой фронтальной части надпойменной террасы правого берега р. Вёксы, вытекающей из озера (рис. 1: 1–2). Площадка поселения возвышается над уровнем низкой и заболачиваемой поймы р. Вёксы на 2–3 м. Площадь составляет около 4300 кв. м. С северо-западной стороны памятник ограничен ручьём Кушка, впадающим в р. Вёксу, с юго-восточной – руслом безымянного ручья. В 2020 и 2022 гг. Костромской археологической экспедиций под руководством А.В. Новикова совместно с Русским географическим обществом здесь были выполнены раскопки на площади 48 кв. м. Ценным результатом исследований стало выделение на поселении двух литологических горизонтов, связанных с населением, изготовлявшим сетчатую керамику (эпохи поздней бронзы

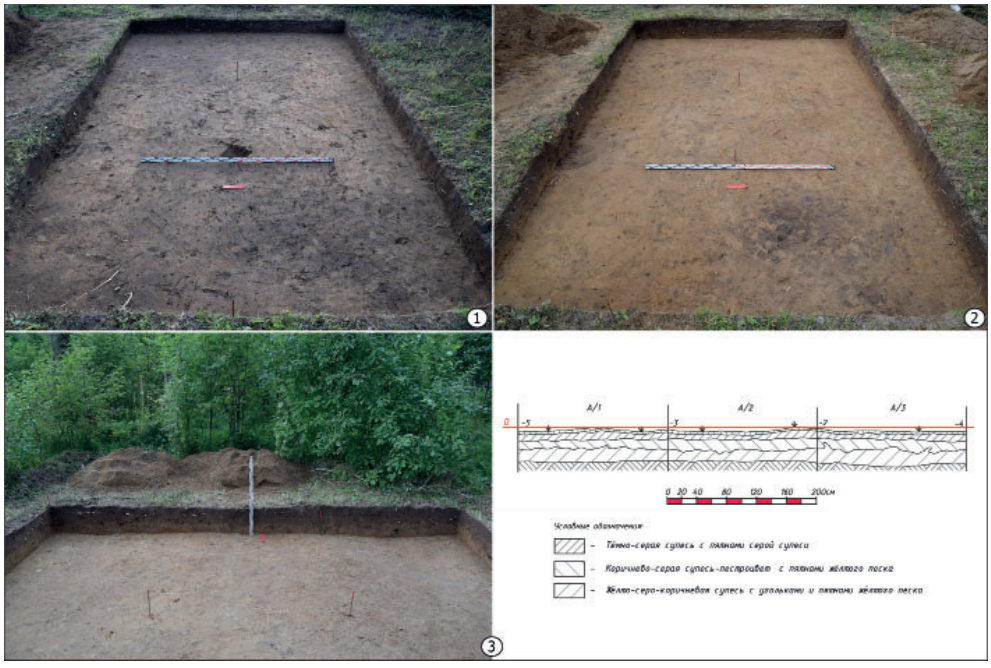

Рис. 2. Поселение Вознесенское I: 1 – раскоп 2020 г. на уровне зачистки 2 пласта (верхний горизонт культурного слоя); 2 – раскоп 2020 г. на уровне зачистки 3 пласта (нижний горизонт культурного слоя); 3 – стратиграфия, профиль северной стенки раскопа 2020 г.

Fig. 2. Voznesenskoye I settlement: 1 – 2020 trench at cleaning level of layer 2 (upper horizon of the cultural layer); 2 – 2020 trench at cleaning level of layer 3 (lower horizon of the cultural layer); 3 – stratigraphy, north wall profile of the 2020 trench.

и финала эпохи бронзы – начальной фазы раннего железного века) (рис. 2: 1–3). Формирование верхнего горизонта (коричнево-серой супеси) приходится на IX–VII/VI вв. до н. э., об этом свидетельствуют и данные радиоуглеродного датирования. Начиная с VI в. до н. э. облик керамики на поселениях Верхней Волги постепенно меняется под влиянием населения вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области (Новиков, 2018; Новиков, 2022), а поселение Вознесенское I к этому времени прекращает существование. Под наслоениями коричнево-серой супеси залегает слой желто-коричневой супеси (более светлой окраски в сравнении с верхними культурными отложениями) с находками типичной для эпохи поздней бронзы сетчатой керамики (вторая половина II тыс. до н. э.), в нём же встречаются, хоть и в небольшом количестве, мелкие обломки фатьяноидной посуды. Точных дат, указывающих на начало и продолжительность формирования нижнего горизонта (желто-коричневой супеси), пока не имеется. Предметы из камня найдены в обоих горизонтах.

Далее перейдем непосредственно к рассмотрению категорий каменных изделий, полученных при раскопках в 2020 и 2022 гг. Общее число рассмотренных предметов из камня составляет 292 экземпляра.

Особенности каменного инвентаря

Находки из раскопа 2020 г.

В 2020 г. получен 151 предмет из камня (рис. 3–4). В коллекции имеются находки из разнообразных по текстуре и цвету галек кремнистых пород – красноватых, желтоватых, корич-

Рис. 3. Поселение Вознесенское I. Раскоп 2020 г. Каменный инвентарь: 1–5 – заготовки бифасов; 6, 7 – сверла; 8–16 – резцы; 17–18 – вкладыши наконечников стрел; 19, 21 – наконечники стрел; 20, 22 – заготовки наконечников стрел; 23 – фрагмент (насад) наконечника-бифаса; 24–26 – ножи; 27–30 – долотца; 31–32 – проколки.

Fig. 3. Voznesenskoye I settlement. 2020 excavation area. Stone inventory: 1–5 – biface preform; 6, 7 – drills; 8–16 – burins; 17–18 – arrowhead inserts; 19, 21 – arrowheads; 20, 22 – arrowhead preforms; 23 – fragment (haft element) of a bifacial arrowhead; 24–26 – knives; 27–30 – small adzes; 31–32 – punctures.

невых, темно-серых, вплоть до черного, оттенков. Текстура предметов варьирует от крупнокристаллической до микрокристаллической. Имеются и отдельные артефакты из прозрачного желтоватого или темно-серого (дымчатого) кремня. В трех случаях на поверхности из крупнокристаллического коричневого галечного сырья наблюдаются древние палеонтологические отпечатки. Малочисленны находки из кварцита (7 экз.) и слан-

Рис. 4. Поселение Вознесенское I. Раскоп 2020 г. Каменный инвентарь: 1–6 – скребки; 7–9 – резчики-скобели; 10 – ретушер; 11 – фрагмент точильного камня; 12 – фрагмент округлой гальки; 13 – стамеска на отщепе; 14 – заготовка фигурного кремня («уточки»?); 15 – пластина-вкладыш (?); 16 – тесло; 17 – отбойник; 18 – галька уплощенная.

Fig. 4. Voznesenskoye I settlement. 2020 excavation area. Stone inventory:
1–6 – scrapers; 7–9 – side scrapers – small burins; 10 – retoucher; 11 – fragment of a grindstone; 12 – fragment of a rounded pebble; 13 – flake-chisel; 14 – blank of a shaped flint ("duck-shaped"?); 15 – blade-insert (?); 16 – adze; 17 – hammerstone; 18 – flattened pebble.

ца (3 экз.). 16 изделий имеют сильно окатанную поверхность и грани – такие происходят не только из первого пласта (8 экз.), но и второго (4 экз.), и третьего (4 экз.), однако, безусловно, в целом более характерны именно для верхнего горизонта культурного слоя. Не отмечено окатанных артефактов среди находок четвёртого пласта (горизонт эпохи поздней бронзы) и в заполнении объекта № 1 (начальный этап раннего железного века).

С точки зрения морфологии находок из камня в коллекции 2020 г. присутствуют изделия, характерные для эпохи поздней бронзы – раннего

Рис. 5. Поселение Вознесенское I. Раскоп 2022 г. Каменный инвентарь: 1–2 – фрагменты галек; 3–5 – резцовые отщепки; 6 – долотце; 7 – скобель; 8 – отщеп; 9–10 – ретушеры; 11 – пластина-резчик; 12, 14 – скобель-резчик: 13, 15–17, 19 – резцы; 18 – нож-резчик; 20 – желвак-заготовка; 21 – строгальный нож-скобель; 22 – нож-пилка-скобель-резец; 23 – фрагмент среднеширокой пластины с фасетками.

Fig. 5. Voznesenskoye I settlement. 2022 excavation area. Stone inventory: 1–2 – pebble fragments; 3–5 – burin spalls; 6 – adze; 7 – side scraper; 8 – flake; 9–10 – retouchers; 11 – blade-small burin tool; 12, 14 – side scrapers – small burins; 13, 15–17, 19 – burins; 18 – knife-small burin tool; 20 – nodule blank; 21 – planing knife-side scraper; 22 – knife-saw-side scraper-burin; 23 – fragment of a medium-width blade with facets.

железа и более ранних периодов – каменного века, скорее всего, мезолита.

По всей вероятности, к мезолиту относятся следующие изделия: ретушные, боковые и угловые резцы (рис. 3: 8–16), вкладыши ножей и наконечников стрел на медиальных фрагментах пластин (рис. 3: 17, 18), пластина со скошенным ретушью концом, мелкий конический нуклеус, а также наконеч-

Рис. 6. Поселение Вознесенское I. Раскоп 2022 г. Каменный инвентарь: 1 – пластина мелкая, треугольного сечения, без дистала, с ретушью по краям; 2–5 – нуклеусы; 6 – пилка или нож; 7–12 – скребки; 13 – скобель (?); 14 – сверло; 15 – желвак-заготовка; 16 – стамеска; 17 – фрагмент пилки.

Fig. 6. Voznesenskoye I settlement. 2022 excavation area. Stone tools:1 - small triangular-sectioned blade, without distal end, with edge retouch; 2–5 – cores; 6 – saw or knife; 7–12 – scrapers; 13 – side scraper (?); 14 – drill; 15 – nodule blank; 16 – push-plane; 17 – saw fragment.

ники стрел (как заготовки, так и завершённые и использованные в стрельбе) со слабо выраженными плечиками и насадом (рис. 3: 19–22).

К эпохе бронзы, в первую очередь, относятся бифасы – двусторонне обработанные изделия небольших размеров (рис. 3: 4, 23), заготовки таких бифасов в виде массивных отщепов с оформленными площадками, оставленные обитателями стоянки в начальной стадии обработки (7 экз.) (рис. 3: 1–5), а также тесла и долотца (10 экз.) (рис. 3: 27–30). Вместе с тем следует отметить, что заготовки нуклеусов для получения небольших пластин, оформленные на крупных отщепах и характерные для ранних этапов каменного века, зачастую довольно сложно отличить от более поздних бифасиальных заготовок рубящих орудий и наконечников.

В вышеописанной группе бифасов следует отметить заготовку наконечника стрелы (рис. 3: 4), а также фрагмент насада подобного наконеч-

ника (рис. 3: 23). Представляет также интерес заготовка фигурного кремня (рис. 4: 14).

Разнообразные по форме ножи (12 экз.) (рис. 3: 24–26), скребки (10 экз.) (рис. 4: 1–6), скобели (17 экз.), проколки (2 экз.) (рис. 3: 31, 32), отбойник (1 экз.) (рис. 4: 18), сверла (2 экз.), ручные стамески (4 экз.) (рис. 4: 17), резчики (13 экз.) на углах фрагментов нуклеусов и заготовок, а также резчики-скобели на чешуйках и мелких отщепах могли бытовать на всем протяжении эпохи камня и раннего металла, включая начальный период РЖВ.

С поселением эпохи поздней бронзы – начала РЖВ связаны два фрагмента от точильных камней (рис. 4: 11). Найден также фрагмент небольшой округлой гальки с бороздами и параллельными царапинами на одной из сторон, назначение предмета не ясно (рис. 4: 12).

Определенный интерес представляет тесло (рис. 4: 16), обнаруженное при разборе объекта № 1, представлявшего собой небольшую заглубленную в грунт яму. Время формирования объекта № 1 приходится на конец IX – VII вв. до н. э. Подобные тесла характерны для более ранних эпох, однако встречаются они и в слоях раннего железного века. Например, в Эстонии на поселении Asva (Kriiska, Tarasov, Kirs, 2013, fig. 1:3) обнаружен обломок тесла, датирующийся 700–600 ca1BC (Kriiska, Tarasov, Kirs, 2013, 335). Впрочем, нельзя исключить и возможность вторичного использования предмета как на поселении Asva, так и Вознесенское I.

Находки из раскопа 2022 г.

При исследованиях в 2022 г. собран 141 предмет из камня (рис. 5–6).

В верхнем горизонте культурного слоя, находки из которого относятся преимущественно к финалу эпохи бронзы – начальному периоду раннего железного века, обнаружено 50 экземпляров. Из них не окатанным является 31 предмет. В это число входят находки:

1) из желто-коричневого кремня – 6 экз.: 2 фрагмента галек, 2 резчика-скобеля на фрагменте нуклеусов, долотце-стамеска на фрагменте нуклеуса или заготовки, мелкий отщеп;

2) из кремня иных расцветок – 24 экз.: фрагмент нуклеуса или заготовки, 7 сколов, 6 отщепов с ретушью утилизации, 4 пластины с ретушью утилизации, угловой резец-скребок на отщепе, скребок-сверло, чешуйка, 3 фрагмента галек;

3) из валдайского (сиреневатого) кремня – 1 фрагмент орудия.

Окатанных предметов в верхнем горизонте выделено 19 шт., в том числе:

1) из желто-коричневого кремня – 11 экз.: отщеп, массивный длинный скол с ретушью утилизации – ретушер или заготовка микронуклеуса, 3 мелких фрагмента галек, скребок на поперечном сколе с мелкого нуклеуса, скол с ретушью утилизации – резчик-скобель, микронуклеус торцовый, заготовка микронуклеуса на гальке, оббитый желвак – заготовка (?), чешуйка с ретушью утилизации – резчик-скобель;

2) из кремня иных расцветок – 8 экз.: пластина с ретушированным концом и резчиком на углу, резцовый отщепок от массивного ретушного резца, 3 скола с гальки, отщеп с вогнутым ретушированным краем и концом – скобель, дистальный фрагмент пластины с вогнутым ретушированным концом и ретушью утилизации – скобель, чешуйка – резчик-скобель.

С нижним горизонтом культурного слоя, находки из которого, в основном, относятся к позднему периоду эпохи бронзы, соотносится 91 предмет. Из них не окатаны 55 шт., в том числе:

1) из желто-коричневого кремня – 19 экз.: нуклевидный фрагмент галь-

ки с ретушью утилизации, 3 осколка, 7 мелких фрагментов галек, осколок с острыми гранями и ретушью утилизации – скребок-скобель-сверло (?), стамеска на фрагменте скола (сломана в рукояти), массивный скол, треугольный осколок с жальцем – сверло, отщеп с ретушью утилизации – скобель, осколок с острым концом и ретушью утилизации – резчик, отщеп с отсеченным дистало м и ретушью утилизации на крае – нож и резчик, заготовка торцового микронуклеуса с подтеской площадки;

2) из кремня иных расцветок – 35 экз.: осколок гальки с острым краем и углом – резчик и строгальный нож, мелкий осколок с ретушью утилизации – стамеска, скребок с полукруглым лезвием на отщепе, проксимальный фрагмент пластины – сломанная рукоять орудия, мелкий фрагмент ножа, кварцитовая галька, расколотая пополам, скол с гальки с ретушированным краем – строгальный нож, фрагмент скола, долотце на массивном фрагменте гальки, фрагмент микронуклеуса, 8 фрагментов галек, 2 проксимальных фрагмента пластин, отщеп с ретушью утилизации – строгальный нож, вторичный торцовый нуклеус в начальной стадии, ретушной резец двухплощадочный, 2 фрагмента сколов, резцовый отщепок с ретушного резца, отщеп с ретушью утилизации – угловой и боковой скребок, 3 отщепа, фрагмент мелкого нуклеуса или заготовки орудия, фрагмент гальки с ретушью утилизации и резцовым сколом – резец-скобель, отщеп с ретушью утилизации – скребок концевой-боковой и пилка или нож, проксимальный фрагмент мелкого скола, резец угловой на фрагменте пластины с обушком;

3) из валдайского кремня – крупная пластина с ретушью утилизации по периметру – нож-пилка-скобель-резец («ложкарь»?) (рис. 5: 22).

Окатанные предметы представлены 36 экземплярами, в том числе:

1) из желто-коричневого кремня – 27 экз.: треугольный скол с зубчатой ретушью по периметру, мелкий фрагмент нуклеуса или заготовки с ретушью утилизации – резчик, галька фрагментированная, скребок с полукруглым лезвием, крупная галька со сколами, медиальный фрагмент пластины с зубчатой ретушью по краю – фрагмент пилки, 6 фрагментов галек, кремневый скол, фрагмент гальки – заготовка торцового нуклеуса в начальной стадии, фрагмент желвака – заготовка (?), скребок с узким концевым лезвием на сколе, массивный отщеп с ретушью утилизации – орудие (?), микронуклеус торцовый, пластина с ретушью утилизации – сломанное орудие, массивный фрагмент с ретушью утилизации – скребок, отщеп с зубчатой ретушью утилизации на конце – резчик-скобель, 5 сколов фрагментированных, 1 осколок;

2) из кремня иных расцветок – 9 экз.: плоский сработанный нуклеус, 2 скола с галек, медиальный фрагмент пластины со скребковой ретушью – скребок или вкладыш скребка, фрагмент гальки с ретушью утилизации на концах на концах – ретушер (?), фрагмент гальки, резец ретушной на массивной пластине, треугольный фрагмент скола – угловой резец, скребок подокруглый с высоким лезвием.

Наиболее ранними предметами из камня в коллекции из раскопа 2022 гг. являются резцы и орудия с вогнутыми ретушированными концами: два ретушных резца, два резцовых отщепка (собственно резцовых скола от ретушных резцов), два угловых резца, в том числе один из них в сочетании со скребком, отщеп с вогнутыми ретушированными концами, пластина с ретушированным концом. Эти находки могут быть отнесены к мезолиту. Происходят они как из верхне-

го горизонта культурного слоя, так и нижнего. Характерно, что эти изделия выполнены как из желто-коричневого кремня, так кремня иных расцветок, среди них окатанные и не окатанные экземпляры.

К этой группе находок примыкают (с некоторой долей сомнения) два орудия из валдайского кремня (оба не окатаны): фрагмент орудия из верхнего горизонта и полифункциональное орудие по дереву (типа ложкаря) – пластина без вторичной обработки, но с ретушью утилизации по периметру из нижнего горизонта (рис. 5: 22).

Очень условно к раннему комплексу (возможно, не к мезолиту, а к фатьяноидной культуре) можно отнести торцовые микронуклеусы (2 экз.), заготовки торцовых микронуклеусов (2 экз.), один скребок на поперечном сколе с подобного нуклеуса. Характерно, что часть из них окатаны, а часть – нет. Находки оказались как в верхнем, так и в нижнем горизонтах культурного слоя.

Основная масса довольно невыразительных типологически орудий и сколов с ретушью утилизации, происходящих из раскопа 2022 г. имеет самые широкие хронологические рамки в пределах эпох камня, раннего металла и РЖВ. В этой группе изделий наиболее выразительны рабочие части таких орудий как: скребки, сверло, резчики-скобели, пилка, нож (большинство из них представлены в комбинации разных функциональных типов на одном изделии). Найдена также рукоять сломанного орудия на пластине (проксимальный фрагмент пластины с характерной выкрошенностью краев). Все эти орудия обнаружены как в верхнем, так и нижнем горизонте, отличаются по характеру каменного сырья и окатанности.

Таким образом, судя по описанным выше находкам, выполненным из разнородного сырья и отличающимся разной сохранностью поверхности, коллекция каменных артефактов, происходящая из раскопов 2020 и 2022 гг. имеет разнородный характер.

Выводы.

Подводя итог, необходимо отметить, что коллекция каменных артефактов из раскопок поселения Вознесенское I неоднородна в культурно-хронологическом плане и включает по меньшей мере два комплекса: предположительно, мезолитический и эпохи поздней бронзы – начального этапа РЖВ, связанный с носителями сетчатых керамических традиций. Достоверно выделить каменные артефакты, относящиеся к позднему бронзовому веку или раннему этапу раннего железного века, не представляется возможным ни по характеру кремневого сырья, ни по степени изменения эрозионного поверхности предметов («окатанности», выветривания). Единственное более-менее определенное заключение можно сделать о присутствии в обоих горизонтах культурного слоя единичных орудий более раннего возраста, связанных с мезолитическим населением и носителями фатьяноидных культурных традиций. Заметим, что измельченная фатьяноидная керамика также встречается в культурном слое памятника.

Таким образом, только керамические материалы, полученные при раскопках поселения Вознесенское I, позволяют проследить процесс изменений в материальной культуре, произошедший на рубеже эпох и в начале раннего железа у населения, изготовлявшего сетчатую керамику в левобережной части Верхневолжского бассейна. Каменная индустрия остается практически без изменений как в поздний период эпохи бронзы, так и на начальном этапе раннего железного века, что указывает на сохранение традиций обработки камня населением с сетчатой керамикой в окрестностях Галичского озера. На

протяжении второй половины II – начала I тыс. до н. э. (IX–VII вв. до н. э.) существенных технологических изменений при использовании каменных пород не фиксируется, номенклатура каменного инвентаря также вполне устойчива.

Тем не менее на рубеже II–I тысячелетий до н. э. происходит определенная культурная трансформация в среде населения с сетчатой керамикой, свидетельством чему является некоторое видоизменение керамической посуды, при этом кремневый набор не претерпевает каких-то заметных модификаций – каменная индустрия оказывается более консервативной, в отличие от керамического производства, где наблюдаются постепенные изменения навыков у мастеров, что, очевидно, надо связывать с началом активных культурных контактов местного населения в начале раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 85–203.
2. *Леонтьев А.Е.* Железный век // Археология Костромского края / Ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костромской области, 1997. С. 84–137.
3. *Новиков А.В.* К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы-раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 329–368.
4. *Новиков А.В.* Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382–405.
5. *Новиков А.В.* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. С. 12–289.
6. *Новикова О.В.* Археологическое обследование окрестностей Галичского озера в 2019 г. // Культурное наследие Галичской земли / отв. ред. А.В. Новиков. Кострома: Стандарт Принт, 2020. С. 26–33.
7. *Новикова О.В., Новиков А.В.* Новые памятники археологии эпохи поздней бронзы – раннего железного века в окрестностях Галичского озера // Археологические открытия. 2019 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2021. С. 139–141.
8. *Aivar Kriiska, Alexey Tarasov, Juho Kirs.* Wood-chopping tools of the Russian-Karelian type from Estonia // Man, his time, artefacts, and places. MT 19. Tartu, 2013, 317–346.

Информация об авторах:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, заведующая отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия), научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); novikov–kostroma@mail.ru; кае44@mail.ru

MESOLITHIC, LATE BRONZE AND EARLY IRON AGE STONE ARTIFACT COLLECTION FROM THE VOZNESENSKOYE I SITE

M.Sh. Galimova, A.V. Novikov

This article introduces into scientific discourse a set of stone artifacts obtained during the 2020 and 2022 excavations at the Voznesenskoye I settlement. This site, located nearby Lake Galichskoye (Upper Volga basin), represents a multi-period settlement. The settlement area was initially occupied during the Mesolithic period. Subsequently, the territory was inhabited by bearers of Fatyanoid (or Fatyanovo-like) cultural traditions. In the late Bronze Age, a population producing net-impressed pottery appeared here. The development of the settlement continued into the IX–VII/VI centuries BC. Stratified late Bronze Age and initial early Iron Age sites are relatively few in the Upper Volga left-bank area. Consequently, the

study of materials from the Voznesenskoye I settlement excavations is both relevant and important. However, within the collection, it is impossible to isolate stone artifacts specifically attributable to the late Bronze Age or the early Iron Age stage. This is true both based on the character of the flint raw material and the degree of erosional surface alteration (roundness, weathering). The stone industry of this period shows virtually no change. This evidently indicates a continuity in stone-working traditions by the net-impressed pottery population at the beginning of the early Iron Age. Nomenclature of stone items is also practically identical. Stone artifacts dating back to the Mesolithic were also discovered in the excavation area.

Keywords: archaeology, Upper Volga basin, Lake Galichskoye, Voznesenskoye I settlement, stone inventory, Mesolithic, late Bronze Age, initial stage of the early Iron Age.

REFERENCES

1. Gurina, N. N. 1963. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 85–203 (in Russian).
2. Leont'ev, A. E. 1997. (ed.). *Arkheologiya Kostromskogo kraia (Archaeology of the Kostroma Land)*. Kostroma: State Research and Production Center for the conservation, restoration and use of historical and cultural heritage of the Kostroma region, 84–137 (in Russian).
3. Novikov, A. V. 2020. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 329–368 (in Russian).
4. Novikov, A. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 382–405 (in Russian).
5. Novikov, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 12–289 (in Russian).
6. Novikova, O. V. 2020. In Novikov, A. V. (ed.). Kul'turnoe nasledie Galichskoi zemli *(Cultural Heritage of the Galich Land).* Kostroma: "Standart Print" Publ., 26–33 (in Russian).
7. Novikova, O. V., Novikov, A. V. 2021. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2019 god. (Archaeological Discoveries in 2019)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 139–141 (in Russian).
8. Aivar Kriiska, Alexey Tarasov, Juho Kirs. 2013. In *Man, his time, artefacts, and places.* MT 19. Tartu, 2013, 317–346.

About the Authors:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Novikov Alexander V. Candidate of Historical Sciences. "Kostromskaia Arkheologicheskaia Ekspeditsia" Ltd. Marshal Novikov Str., 10, Kostroma, 156013, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; кае44@mail.ru, novikov-kostroma@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/903.904.01 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.153.170

НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ПО ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО И НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ[1]

© 2025 г. В.А. Борзунов

Рассмотрены новые факты и представления о генезисе, функционировании и финале развития трех культур лесного Зауралья: пришлой гамаюнской (X–IV вв. до н. э.), местной иткульской (VII–III/II вв. до н. э.) и гетерогенной исетской (IX/VIII–IV вв. до н. э.). Последняя сформировалась в ходе взаимодействия гамаюнских коллективов, потомков пришлых из бассейна Конды и Нижнего Приобья таежных охотников-рыболовов, носителей лозьвинской и атлымской культур, с общинами оседлых скотоводов периода поздней бронзы бархатовской культуры Нижнего Притоболья. Продвижение бархатовских групп на запад произошло с целью поиска месторождений медных руд в Уральских горах, в условиях временного отхода зауральских общин межовской культуры в лесостепь. Миграции лесного населения на юг были обусловлены резким похолоданием и увлажнением климата в начале I тыс. до н. э. Иткульская культура была образована кланами металлургов, выделившимися из состава поздних межовских скотоводческих коллективов. В VI–IV вв. до н. э. гамаюнские и исетские коллективы вошли в состав иткульского общества.

Ключевые слова: археология, лесное Зауралье, ранний железный век, археологические культуры, Зауральский очаг цветной металлургии, проблема «сарматизации» зауральских культур, контакты их населения с окружающими этносами.

Введение

В серии работ автором уточнены характеристики гамаюнской (X–IV вв. до н. э.) и иткульской (VII–III/II вв. до н. э.) культур лесного Зауралья, а их материалы «очищены» от инородных включений. Выделены два самостоятельных образования – исетская (IX/VIII–IV вв. до н. э.) и юртоборская (IX/VIII–VI вв. до н. э.) культуры (Борзунов, 1992; 2014; 2019а), артефакты и памятники которых необоснованно включались в состав иткульской (Бельтикова, 1977; 1993; 1997; 2005; Зимина, Зах, 2009). Отвергнуты ошибочные утверждения об отнесении гамаюнской культуры к началу эпохи бронзы (Крижевская, 1967) и даже энеолиту (Григорьев и др., 2008), а ее населения к высокоразвитым скотоводам и металлургам, пришедшим на Урал из степей в поисках источников медных руд (Берс, 1963).

Сходные взгляды на необходимость «изъятия» инородных материалов из состава иткульской культуры и выделения самостоятельной исетской, представлявшей первых металлургов раннего железного века горно-лесного Зауралья, раньше меня опубликовала известный уральский археолог В.Д. Викторова (2008, с. 79–90).

Автором собраны сведения о 476 памятниках горно-лесного Зауралья, бассейна р. Чусовой и сопредельных восточных предгорных территорий, включая верховья Тавды, бассейны Пелыма, Сосьвы, Лозьвы, средние течения Пышмы, Ницы и Исети, а также Нижнее Притоболье. По большей части данные поселенческие, производственно-хозяйственные и культовые объекты являются многослойными. Помимо небольших инородных включений они содержат материалы четырех основных культур: гамаюнской (232 памятника, в том числе 19 с вагильской керамикой, то есть ранней северной гамаюнской), иткульской (222), исетской (97 зауральских) и юртоборской (81 поселение, из них 41 – исетского периода) (рис. 1). При этом без учета сотен мест находок медно-бронзовых изделий РЖВ I (птицевид-

[1] Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ, тема FEUZ-2023-0018.

ные и древовидные «идолы», наконечники стрел и копий, кельты, круглые петельчатые бляхи-«зеркала», различные украшения и др.), обнаруженных здесь туристами, любителями археологии и кладоискателями.

Известно также 10 поселений в Пермском Прикамье, на которых найдена посуда гамаюнской, исетской и иткульской культур с типично зауральской примесью толченого талька. Помимо этого на северо-востоке Башкирии открыто 46 стоянок и селищ с гамаюнской и исетской керамикой, а также один памятник с предполагаемым иткульским медеплавильным комплексом.

Целью статьи является анализ особенностей взаимодействия населения лесного и лесостепного Зауралья первой половины раннего железного века (РЖВ I) с окружающими этносами, генезис и функционирование Зауральского очага цветной металлургии VIII/VII–III/II вв. до н. э., а также финал развития культур лесного Зауралья этого периода.

Общая природная и культурно-историческая ситуация в лесном Зауралье и на окружающих территориях в конце бронзового и начале железного веков

Конец эпохи бронзы на севере Евразии был отмечен резким похолоданием и увлажнением климата, пик которого пришелся на первые века I тыс. до н. э. В лесной полосе катастрофически повысился уровень рек и озер, уменьшились площади сухих участков, изменились маршруты миграции диких копытных животных, крупных рыб, перелетных птиц и в целом сократился общий объем биомассы в таежном Приобье. Для древнего населения главных выходов из создавшейся ситуации было два: миграция на территории, более благоприятные для ведения традиционного присваивающего хозяйства, а также перестройка жизнедеятельности коллективов, оставшихся на прежних местах.

По археологическим данным, в конце бронзового и начале железного веков (XI/X–III/II вв. до н. э.) прослеживается первый в истории массовый и многоэтапный сдвиг общин рыболовов-охотников-собирателей таежного Приобья, носителей ямочно-гребенчатой, ямочно-крестовой, ямочно-фигурно-штампованной и ямочно-волнисто-прокатанной керамики, на юг, юго-восток, запад и юго-запад, а также внедрение выходцев из тайги на территории, занятые коллективами, практиковавшими многоотраслевое хозяйство с лидирующей отраслью животноводства. В качестве последних в Зауралье и на юге Западной Сибири выступали объединения периода поздней бронзы, входившие в состав андроноидной культурно-исторической общности (пахомовская, сузгунская, еловская, корчажкинская культуры) и межовско-ирменского культурно-хронологического пласта (межовская, бархатовская, ирменская культуры). При этом за пределы лесостепной зоны, в южную лесостепь и степные пространства, пришельцы с севера выходить не стали.

Результатом миграционных процессов стало формирование на юге Зауралья и Западной Сибири на рубеже бронзового и железного веков гетерогенных (смешанных) культурных образований (исетская, юртоборская, карьковская, красноозерская, молчановская, завьяловская культуры, памятники лучкинского типа, «крестовые» комплексы в большереченской культуре и др.), усиление сектора присваивающей экономики у коренного населения края, освоение пришельцами с севера основ производящего хозяйства, прежде всего приемов содержания и разведения домашних животных (лошадь, крупный и мелкий рогатый скот), появление «северных» типов жилищ, а также очередной (четвертый) этап распространения укрепленных поселений – укрепленных жилищ и городищ.

Инициаторами первых переселений были рыболовы-охотники атлымской культуры Нижнего Приобья с гребенчато-ямочной и ямочно-фигурно-штампованной керамикой, а также лозьвинской – с посудой, украшенной ямочно-волнисто-прокатанными узорами (XIII/XII–VIII вв. до н. э.). Их взаимодействие и продвижение на юг стало причиной генезиса на рр. Сосьве, Лозьве и в верховьях Тавды населения с керамикой вагильского типа. Миграция последнего в горно-лесное Зауралье стала причиной сложения гамаюнской культуры (Викторова, 1967; Борзунов, 1992). Как ни странно, пришельцы с севера не встретили здесь поздних межовских (межовско-березовских) общин. Последние в условиях природного катаклизма, по-видимому, также сместились на юг – в приуральскую лесостепь. Оставшиеся, возможно, находились в некоем «подавленном состоянии» из-за прихода с востока родственных племен скотоводов притобольской бархатовской культуры (XII/XI–VIII вв. до н. э.), устремившихся в Уральские горы в поисках источников медных руд. Тесное взаимодействие двух потоков мигрантов привело к образованию гетерогенной исетской культуры (рис. 1) (Борзунов, 2014; 2019а).

В свою очередь, подвижка на юго-восток атлымских коллективов, встретивших в Сургутском Приобье рыболовов-охотников барсовской культуры с гребенчатой керамикой, стала результатом формирования здесь носителей белоярской культуры VII–IV/III вв. до н. э. (Чемякин, 2008, с. 48–74).

Вернувшиеся со временем в лесное Зауралье – по причине улучшения климата – наследники межовского «этноса», наряду с выходцами из Нижнего Притоболья, стали основой формирования около десятка новых культурных образований. В их числе, помимо вышеупомянутых гамаюнской, исетской и иткульской культур, были юртоборская (IX/VIII–VI вв. до н. э.), носиловская (VII–VI/V вв. до н. э.), баитовская (VII/VI–IV/III вв. до н. э.), воробьевская (VI–V вв. до н. э.), гороховская (VI/V–II вв. до н. э.), зеленомысская (около середины I тыс. до н. э.), а также группы с керамикой гафурийского типа (V–IV/II вв. до н. э.). Последние под давлением с востока саргатских и гороховских племен вскоре мигрировали на правобережье среднего течения р. Белой и сформировали там в IV/III–II вв. до н. э. небольшой «этнос», со временем ассимилированный племенами местной кара-абызской культуры (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Впрочем, некоторые исследователи объединяют памятники с керамикой носиловского и баитовского типов в одну баитовскую культуру, а воробьевские и гороховские рассматривают как разные стадии гороховской (Сальников, 1962; 1966; Викторова, 1969; Стоянов, 1973; Пшеничнюк, 1973; 1983; Корякова, 1988; 1993; Матвеева, 1998; 2000; Борзунов, Шорин, 2008; Зимина, Зах, 2009; Борзунов, 2014).

В Зауралье новые монокультурные и «полиэтничные» объединения проживали как по отдельности, так и «чересполосно», на относительно небольшой, около 300×250–300 км, территории, простиравшейся от Уральского хребта до р. Тобол (рис. 1). Хозяйственной специализации культур способствовала «пестрота» природных ниш. Кроме того, разная хозяйственная ориентация культурных формирований позволяла относительно мирно уживаться большинству из них. Это же позволило образовать здесь особый ареал культур, население которого отличалось более или менее четким разделением труда и тесным культурно-хозяйственным взаимодействием.

Население лесного Зауралья и сопредельных районов Западной Сибири относилось к разным формированиям угроязычного мира.

В свою очередь, стабилизация природной обстановки и дальнейшее усу-

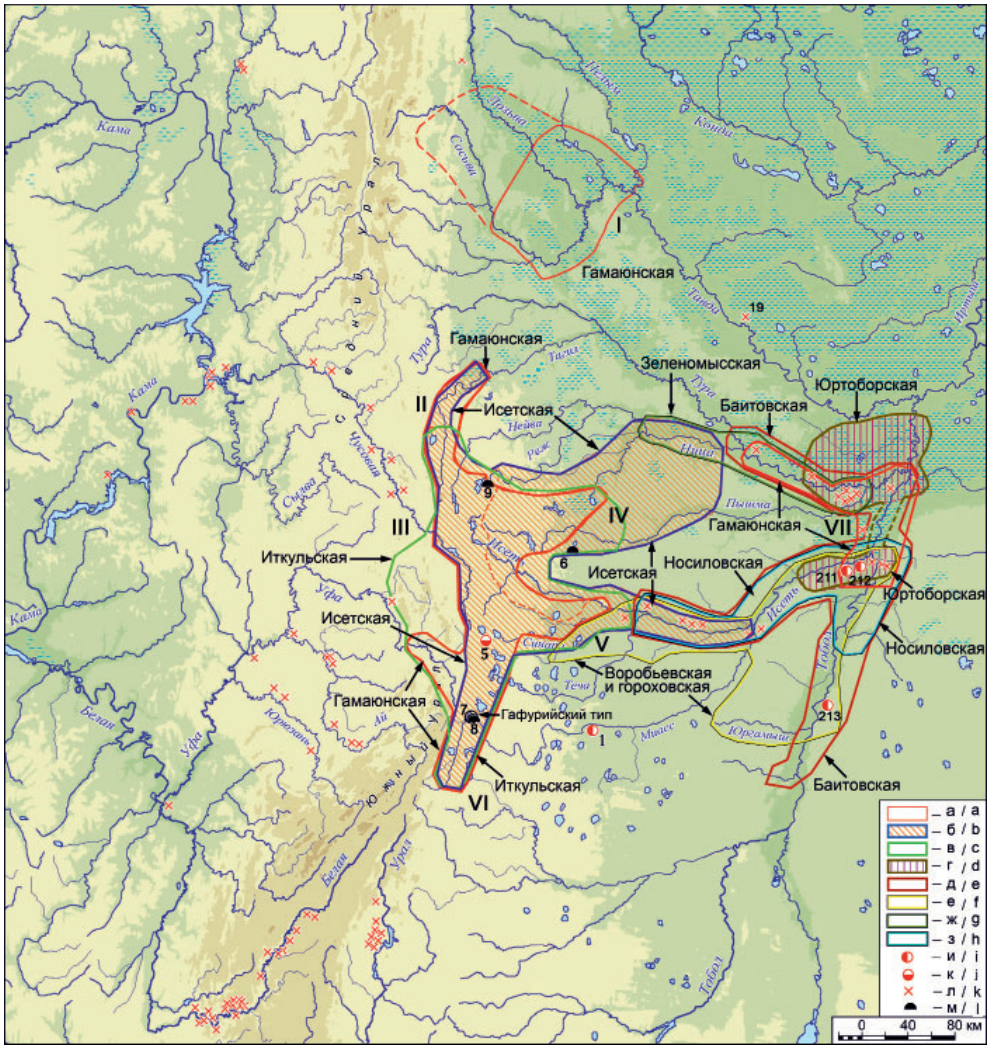

Рис. 1. Ареалы лесных культур Зауралья и Нижнего Притоболья первой половины раннего железного века:
а – ареал памятников гамаюнской культуры (I – вагильский вариант, памятники с керамикой вагильского типа; II – тагильский вариант; III – верхне-исетский вариант; IV – ирбитско-пышминский (бывший ирбитский) вариант; V – иткульско-синарский (бывший каслинско-синарский) вариант; VI – уфимско-миасский (бывший миасско-аргазинский) вариант, VII – нижне-тобольский (бывший тюменский) вариант; б – ареал памятников исетской культуры; в – ареал памятников иткульской культуры; г – ареал памятников юртоборской культуры; д – ареал памятников баитовской культуры; е – ареал памятников воробьевской и гороховской культур; ж – ареал памятников зеленомысской культуры; з – ареал памятников носиловской культуры; и – бархатовско-гамаюнские городища (1 – Миасское I; 2 – Усть-Утяк I, ранний горизонт; 3 – Красногорское (Лизуново); 4 – Коловское, ранний горизонт); к – городище с бархатовской и иткульской керамикой (Иткуль 20. Городище III); л – находки гамаюнской керамики за пределами основного гамаюнского ареала; м – могильники в горно-лесном Зауралье: гороховские (6 – Куртугуз I; 7 – Березки VIIIA; 8 – погребение на поселении Малый Вишневый Остров) и иткульско-гороховский? (9 – Шайдурихинский).

Fig. 1. Areas of forest cultures of the Trans-Urals and Lower Tobol river region of the first half of the Early Iron Age.

шение климата во второй – третьей четвертях I тыс. до н. э. обусловили проникновение в северную лесостепь Зауралья и Притоболья в VI–IV вв. до н. э. целого ряда кочевых ираноязычных племен – саков из Северного Казахстана и Приаралья, савроматов и сарматов из южно-уральских степей. Параллельно с этим происходило становление системы караванной «торговли» между государствами Средней Азии и населением урало-западносибирской лесостепи, а также внедрение ираноязычных групп и их культуры в некоторые южные общества угорского мира Зауралья и Западной Сибири (воробьевская, гороховская, саргатская культуры) с формированием в них смешанных ирано-угорских элит (Корякова, 1988; 1993; Матвеева, 1997; 2000; Борзунов, 2002).

Расцвет лесостепных скотоводческих обществ юга Западной Сибири в оптимальных климатических условиях обусловил «демографический взрыв», который вынудил расширить ареал их обитания за счет соседних, сходных в природном отношении, западных территорий. Во второй половине I тыс. до н. э. здесь начинается широтная миграция скотоводческих коллективов на запад, предвестник «Великого переселения народов». В результате этого с V–III вв. до н. э. в Нижнее Притоболье из Ишимо-Иртышья проникают большие, богатые и воинственные коллективы саргатской культуры (V в. до н. э. – V в. н. э.), теснящие аборигенов края.

О контактах зауральского населения первой половины раннего железного века с «народами» Приуралья

На гамаюнских, исетских и иткульских поселениях горно-лесного Зауралья ананьинской и савромато-сарматской посуды практически не обнаружено. Определенным исключением являются обломки ананьинского сосуда с примесью в глине толченой раковины, а также прикамская бронзовая прямоугольная бляшка, найденные В.Д. Викторовой на исетско-иткульском памятнике с остатками металлургического производства и культовых площадок Палатки I на острове Каменные Палатки в верховьях Исети, датированном по медным наконечникам стрел V–IV/III вв. до н. э. или VI–IV вв. до н. э. Кроме того, по оценке ученого, следы пребывания на том же острове – в виде развалов сосудов на памятниках Палатки I и Вершина I – оставили скотоводы лесостепного Зауралья (Бельтикова, 1993, с. 95, табл. 3; Викторова, 2008, с. 81–85, рис. 4: 5). И главное: о взаимодействии зауральского населения с соседними «древними этносами» Прикамья свидетельствуют находки зауральской керамики с примесью талька и предметов из цветного металла в «путевых» святилищах на р. Чусовой (рис. 1), с древности связывавшей Зауралье и Предуралье. В том числе это фрагменты сосудов гамаюнской культуры, обнаруженные в гротах Глухой, Дождевой, Денежный, Камень Котел, а также пещерах Туристов и Усть-Койвинской (Дыроватые Ребра). В двух последних местах залегали обломки гамаюнской посуды с ямочно-крестовым и ямочно-волнисто-прокатанным орнаментом. Фрагменты исетской и иткульской керамики происходят из пещеры Усть-Койвинской, гротов Денежный и Камень Котел. Иткульские медно-бронзовые боевые и вотивные наконечники стрел, а также бронзовая колесовидная бляха найдены в разных пещерах в Камне Дыроватом. В свою очередь, прикамская ерзовская керамика в небольшом количестве собрана в Кумышанской пещере, а ананьинская – в гротах Денежный и Камень Котел, пещерах Кумышанской и Туристов (Сериков, 2009).

В Среднем Прикамье выявлено три памятника финала эпохи бронзы с ямочно-волнисто-прокатанной, ямочно-крестовой и ямочно-змейковой га-

маюнской керамикой, содержавшей в глине примесь зауральского толченого талька: поселения Ерзовка, Заюрчимские I и VI. В.П. Денисов и О.Н. Бадер отнесли данные сосуды «стратиграфически и типологически... к заюрчимскому (гамаюнскому) горизонту рубежа IX–VIII вв. до н. э.» (Вечтомов, 1967, с. 138; также см.: Денисов, 1961), отмеченному трансформацией ерзовской культуры поздней бронзы в пермский вариант ананьинской. Эта же «керамика особого типа» обнаружена в малом количестве на ананьинских памятниках Среднего Прикамья: Галкинском городище в окрестностях г. Перми и Вятском (Больше-Вятском) селище, расположенном на противоположном берегу р. Камы к северо-западу от г. Оханска (Денисов, 1960, с. 35–36). Такими же ямками, змейками и эсовидными узорами украшена синхронная посуда из поселений Васюковского II, Чирва I–III в Верхнем Прикамье. Помимо этого, зауральская тальковая керамика – гамаюнская ямочно-волнисто-прокатанная, исетская с ямочным декором и гребенчатая иткульская – происходит со стоянок на оз. Грязном и у д. Усть-Чусовой, а также с соседнего Галкинского городища, относящегося к среднему этапу ананьинской культурно-исторической области (рис. 1) (Прокошев, 1940, с. 16, рис. 3: 10; Збруева, 1940, с. 98–99, табл. IV: 1–3, 5, 14–16; 1952, с. 98, табл. IV–VI; Бадер, Кадиков, 1957, с. 149, 150, 154, рис. 9: 6; Денисов, 1960, с. 36).

В целом же на обширных пространствах Предуралья (Приуралья) в финале эпохи бронзы и начале бронзового века, во времена существования лебяжской культуры и ананьинской культурно-исторической области, были распространены поселения с западносибирской ямочно-крестовой керамикой с примесью песка и шамота. В том числе на европейском Северо-Востоке в районе Косьминских озер (стоянки Кыско, Ружникова), на р. Печоре, включая памятники лебяжской культуры и чаркабожского типа (стоянки Лебяжские I, II, Пидж, Знаменская, Усть-Волосницкая, Тыбью, Канинская пещера, поселения Усть-Пидж, Сотчемъёль II, Палью I, Антон, Нижне-Петрушинское, Чаркабож, Мыелдино, Щельябож) (Канивец, 1974, с. 116–120, 139–145; Ашихмина, 1977; 1984, с. 118–122; Борзунов 1992, с. 104–105), а также на рр. Вятке и Ветлуге (городища Чутайские I и II, Гремячий Ключ, Черепашье, Сухой Берсут, Ройский Шихан, поселение Курган и др.) (Марков, 1985; 1988; 1994, с. 59–60; 2007; Борзунов, 1992, с. 104–106). Найденная на них инокультурная посуда, вопреки мнению приуральских археологов, в том числе признающих либо отвергающих памятники «чаркабожского типа» на р. Печоре (якобы родственный вариант гамаюнской культуры), явно не зауральская гамаюнская (Борзунов, 1992, с. 104). Она украшена «крестовым» орнаментом, но в глиняном тесте приуральских сосудов нет примеси толченого талька, а есть только добавки дресвы и/или песка. Эта приуральская керамика отчасти походит на «раннюю» атлымскую с отогнутой наружу шейкой и ямочно-крестовыми узорами (по Е.А. Васильеву: XIII–X вв. до н. э.) (Васильев, 1982; Кокшаров, 2007, с. 55–57, рис. 3; 4; Чемякин, 2023, с. 256–257), но больше всего – на сургутскую белоярскую VII–IV вв. до н. э. (о ней – см: Чемякин, 2008, с. 69–70, рис. 52; 54–57).

К югу от горно-лесного Зауралья, в восточной части Башкирии, открыты небольшие, площадью 300–400 м^2, гамаюнские сезонные промысловые стоянки и селища. Их известно 46: Усть-Айское, Русско-Сальевская, Большеустьикинское 1, Сельзегутовская (Сальзегутовская), Усть-Юрюзанское, Сарапуловское, Ташауловское, Кадыровское (Верхне-Кадыровское), Ново-Мухаметовское, Кульметовское, Козырбакская, Азап-

кин III, IV (3, 4), Узян III (3), Кагинская (Кага) I, Бельская I (Бельский 1), Нижне-Бельская 1, Мурадымово 1, «Курган Бабсак-Бия», Ново-Акбулатово I, II, IV, V (1, 2, 4, 5), Акбулатово I, II, III, IIIa (1, 2, 3, 3a), Шульганово II, III, V (2, 3, 5), Батран 2, Сакаска 1, Акаваз 1, Каргисаар 1, Азануй 1, Мурат, Теляшево IV (4), Елимбетово VII (7), Карабалыкты X (10) (Ташбулатово I), Сабакты III (3), Банное 5 (горизонт 2), Банное 6 (Кусимовская), Акбердино III (3) (в двух случаях ошибочно опубликованное как «Акбердино-4»), пещеры Бурновская, Жемчужная, грот Песчаный и др. Обломки гамаюнских сосудов также найдены на святилище Курузак 2. В большинстве случаев гамаюнская керамика на этих памятниках представлена в минимальном количестве (рис. 1) (Археологическая карта Башкирии..., 1976, с. 22, 173, 202; Матюшин, 1973, с. 143–144; Лебедев, 1984; 1986; Борзунов, 1992, с. 100–101). На этой территории практически не выявлено следов долговременных гамаюнских поселений, тем более укрепленных. Впрочем, уфимские коллеги утверждают, что в горной долине р. Белой все же существовали поселки с «зауральским населением гамаюнской и иткульской культур» (Савельев, 2017, с. 120, рис. 4: 1–14). Эти «памятники представлены как сезонными стоянками, так и базовыми поселениями» (Савельев, 2017, с. 120; также см.: Обыденнов, 1997; Савельев, 2011; Котов, Румянцев, Савельев, 2014). Между тем на опубликованных рисунках керамики бассейнов Уфы, Белой и верховьев Урала среди явно инородной зауральской тальковой посуды выделяется только гамаюнская и исетская и нет ни одного иткульского черепка.

Гамаюнские группы проникли на данные территории вследствие общей миграции таежных общин на юг в начале I тыс. до н. э. и с целью поиска мест, благоприятных для ведения продуктивного присваивающего охотничье-рыболовческого промысла (Борзунов, 1992, с. 102). В то же время исетская керамика (а не иткульская) появилась здесь, скорее всего, позднее и в процессе торгово-обменных операций иткульским металлом, которые вели небольшие подвижные группы исетского населения в середине I тыс. до н. э. Именно в таком ключе следует рассматривать известную находку на р. Ай «сосуда ананьинского времени для выплавки металла» с большим содержанием олова (Крижевская, 1959), в действительности являвшегося исетским.

Проблема «сарматизации» культур горно-лесного и лесостепного Зауралья

Связь носителей лесных и лесостепных культур начала эпохи железа Южного и Среднего Зауралья с миром кочевников Волго-Казахстанских степей не вызывает сомнений. Также как определенное следование древними уральскими «народами» савромато-сармато-сакским «модам» (Косарев, 1991, с. 194), прежде всего в сфере оружия (металлические наконечники стрел) (Бельтикова, 1982). Вторая особенность: широкое распространение в лесах Среднего и Южного Урала лошадей, более подходящих для воинов-кочевников евразийских степей (Виноградов, 2022, с. 316). Наконец, третья черта – прямое или опосредованное воздействие соседей-номадов на становление и развитие в уральской тайге производства цветного и затем черного металла.

Тем не менее в плане верований и изобразительного искусства лесные зауральские общества, в отличие от своих лесостепных соседей, в том числе южных ананьинских племен, а также носителей кара-абызской, айской, гороховской и саргатской культур, были подвержены «сарматизции» в гораздо меньшей степени (иткульская, исетская культуры) либо таковая у них практически не прослеживалась (гамаюнская культура). У населения

гамаюнской, исетской, иткульской и юртоборской культур так и не появилось курганов (кроме нескольких спорных случаев с материалами смешанных иткульско-гороховских памятников), равно как и комплекса воинского вооружения, иерархических структур, культа воина, а также специфических зооморфных изображений степного «звериного стиля» и многого другого. Впрочем, отдельные вещи такого облика, в том числе импортная прорезная бронзовая бляха со сценой борьбы степных животных с Горы Думной, все же единично попадали в Зауралье. Для жителей Уральских гор были характерны проводившиеся на высоких скалах обряды, связанные с культом солнца, диких животных и птиц, а также с «чудесным» превращением камня (малахит, азурит, самородная медь) в цветной металл. На горных капищах и производственных площадках обычно находят керамические и тальковые диски с резным «солярным» орнаментом и отверстием в центре (детали лучковых устройств для добывания огня), а главное – отлитые из меди и бронзы «древовидные», «птицевидные» и «антропо-орнитоморфные» идолы, возможно являвшиеся «вместителями» человеческих душ (Берс, 1959, № 122, 151, 190, 304, без №; 1963, рис. 21: 1, 2; Викторова, 2002а; 2004; 2008; Виноградов, 2022, с. 316–317, рис. 304; Пименов, 2019). Уместно напомнить, что в свое время подобным образом, в качестве «вместилищ для души умершего», некоторые исследователи интерпретировали приуральские орнитоморфные поделки Гляденовского костища-могильника второй половины раннего железного века в Пермском Прикамье (Генинг, 1977, с. 21–30; Чижова, 1983, с. 14).

Генезис двух последних изображений, по всей видимости, был связан с древними тотемистическими верованиями финно-угорских народов, почитанием ими птиц, родовых предков-тотемов и с ритуалами жертвоприношений (Берс, 1963, с. 93; Оборин, 1976, с. 13, 15, 16, 18–21; Косарев, 1984, с. 188, рис. 25; Чижова, 1983, с. 10, 14; Оборин, Чагин, 1988, с. 31; Викторова, 2004; 2008).

Более того, по версии В.Д. Викторовой, образ птицы мог ассоциироваться с движением воздуха, столь необходимого для выплавки цветного металла (2002а, с. 76). При этом орнитоморфные «идолы» могли выполнять роль вместилищ душ именно умерших литейщиков, а их различие в размерах теоретически свидетельствует о неодинаковом социальном и профессиональном статусе их владельцев (2002б, с. 42; 2008, с. 87).

«По религиозным представлениям, бытовавшим у обских угров, душа нередко принимает образ птицы, ее может видеть только шаман, да и в загробный мир душа отправляется в облике птицы. По эвенкийской легенде, некий человек захотел жить на верхней земле. Отыскал он большую птицу, которая сказала ему: «Запаси на три года еды, одежды, воды, дров». Положил он все это на птицу, и поднялись они в воздух. Долго летели; наконец увидел он лестницу, ведущую в верхний мир, поднялся по ней, но прогнал его шаман из небесной обители: «Иди на свою землю». Сел опять человек на птицу и улетел обратно домой, где рассказал сородичам о полете в верхний мир. По представлениям эвенков, лишь шаман во время особых камланий мог попасть в верхний (или утренний) мир, где восходит солнце, где вечный день и богатая растительность. Обычным же людям туда проникнуть не удавалось» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 109–110).

Не исключено, что сказания индоариев об огромной птице Гаруде, переносящей божеств и героев, а также о гигантском Орле обских угров и мифической птице Карс манси (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 122–129; Косарев, 1991, с. 196) появились еще

в эпоху бронзы, во времена первых прямых контактов степных ираноязычных племен с миром урало-западносибирских лесных народов. Дело в том, что в священной «Махабхарате», написанной потомками людей, обитавших в эпоху бронзы в волго-уралоказахстанских степях, сохранились предания о «путешествиях» почтенных мудрецов на птицах в различные страны света и особенно к горе Меру, далекой северной обители «блаженного» народа. К ее вершинам «летал» на птице Гаруде святой мудрец, муни Галава, осматривая знакомые и незнакомые страны. На ней же парили бог Вишну и богиня Лакшми (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 39, 109). Напомню, что по представлениям индоиранцев, записанных в Пуранах, сборниках сказаний о богах, «золотая гора Меру», обитель Брахмы, Шивы, Вишну и великого Индры, находилась где-то на Северном Урале или даже на Северном полюсе, именно там, где полгода длится день, полгода – ночь. У античных авторов на далеком Севере помещались Рипейские горы, или Рифеи, которые сейчас отождествляются с Уральским хребтом. К северу от Меру и Рипеев простирался «Молочный», он же – Белый или Ледяной, океан (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 39–43, 86–91).

В целом же в северном шаманизме культ птицы играл особую роль. «В образе птицы шаман (или его душа) «отправлялся» в дальние странствия, как бы «пролетая» по знакомым и мифическим странам. Птица считалась покровителем шамана – недаром атрибуты его костюма уподоблялись частям тела птицы и ее оперению» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 109).

В свою очередь, в Пермском Прикамье новый тип птицевидных идолов – с человеческой личиной на груди, появившийся в местном варианте ананьинской культуры, – связывают с представлениями о священной птице, уносившей душу человека в Верхний мир (Оборин, Чагин, 1988, с. 38). Развитие этого сюжета наиболее полно изучил А.В. Шмидт, проследивший его эволюцию от ананьинской эпохи до ломоватовской культуры раннего Средневековья (Шмидт, 1927, с. 130, 133, 144–152, 159–161). Правда, Алексей Викторович высказал сомнение относительно позиции исследователей, которые видели в пермских птицевидных изображениях «деградированные мотивы Ганимеда, уносимого орлом, или Гаруды, сжимающей между когтями демона Нага» (Шмидт, 1927, с. 132).

Несколько иную интерпретацию сюжета о металлических птицах с «личинами» на груди, причем периода раннего Средневековья, предложила Л.В. Чижова. Она полагала что «птица – образ, связанный с душой, главная функция которой в культовом литье соотносится с родовой душой. Соединение этих образов в единый сюжет несло определенную нагрузку в общей идеологической системе данной эпохи, не меняя общей функции культовых поделок. Птица с личиной на груди, очевидно, выступала вместилищем для души уже не рядового общинника, а человека, занимающего определенное, социально значимое, положение в обществе. Не случайно птица с личиной на груди в шесть раз реже встречается по сравнению с одиночными изображениями птиц» (Чижова, 1983, с. 20).

Вместе с тем, в отличие от других урало-сибирских лесных территорий, где в эпоху железа были распространены металлические орнитоморфные изображения с человеческими фигурами или только птицы с головами-«личинами» на груди (бог или герой, оседлавший птицу), а также многоголовые птицевидные фигурки (Оборин, 1976, с. 31, рис. 6; 9: а; 11: в; Косарев, 1984, с. 188, рис. 25: 3–7, 10–12; Чиндина, 1984, рис. 36), в иткульской и исетской культурах лесного Заура-

лья таких отливок не существовало. Зато на обороте зауральских изделий имеются петельки, что предполагает прикрепление фигурок к одежде.

Иткульские металлурги, заимствуя ряд культурных «достижений» кочевников уральских степей, не торопились принять вместе с ними все верования и обычаи своих соседей. Более того, жители горных лесов старались оградиться, как могли, от чуждого им мира, особенно в момент производства металла. Наряду с другим лесным населением – гамаюнским, воробьевским, отчасти гороховским, они заняли позицию активной обороны. Свидетельством тому являлись их городища, рассчитанные не только на междоусобную борьбу, но и на отражение атак воинственных кочевников. Южные «крепости» населения Зауралья, на мой взгляд, являлись составной частью общей цепи укреплений, возведенных от Волги до Оби и защищавших внутренние лесные районы от номадов.

Безусловно, это не отменяло «внедрение» в VI–II вв. до н. э. небольших групп сакского, савроматского и сарматского степного населения в лесостепные общества Урала и Зауралья (южные ананьинские коллективы, кара-абызская, гороховская, саргатская и другие культуры), равно как активные торгово-обменные операции между Степью и Лесом. Последние осуществлялись в системе «торговых путей», связывавших степи и леса Евразии с государствами Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. При этом первоначально, в VI по IV вв. до н. э., превалировали многоступенчатые обменные операции лесного Предуралья со Скифией, Кавказом и греческим Причерноморьем по Волжскому торговому пути. Тогда как «этносы» горно-лесного Зауралья ориентировались на взаимодействие с населением ананьинского Прикамья и савромато-сармато-сакскими племенами. После Скифо-персидской войны 513 г. до н. э., с III в. до н. э., на первый план выходят постоянно действующие караванные пути, связывавшие Среднюю Азию с Уралом и Западной Сибирью, в том числе с конца II в. до н. э. – «пушные ответвления» Великого шелкового пути (Смирнов, 1964, с. 258–261; Корякова, 1988, с. 166; 294–295; 1991, с. 35, 36, 38; Матвеева, 1997; 1998, с. 36; 2000, с. 257, 294–295, 301; Борзунов, 2002, с. 94; 2014, с. 402, 405; Виноградов, 2022, с. 58, 77, 324, 361–365).

«Во второй половине V в. до н. э. в степи Южного Зауралья вновь, по мнению А.Д. Таирова, массово мигрируют немногочисленные кочевые группы из Северного и Северо-Западного Китая (юэчжи, или усуни). Исследователи называют их условно «ранние сарматы». ... В течение IV в. до н. э. на Южный Урал продолжали прибывать из Восточного Туркестана новые переселенцы. Эти миграции могли спровоцировать как неблагоприятная экологическая обстановка, так и некие политические события. ... Именно со второй половины V в. до н. э. в результате упомянутых миграций на Южном Урале сложилась мир-система, в которой раннесарматские кочевые объединения соседствовали как с иткульскими группами населения в горно-лесной части Южного Урала, так и с гороховскими в лесостепях Зауралья. Эта карта этнокультурного расселения в регионе продолжала быть актуальной до II в. до н. э.» (Виноградов, 2022, с. 296).

Становление и развитие Зауральского очага цветной металлургии VIII/VII–III/II вв. до н. э.

По мнению Г.В. Бельтиковой, данный очаг, который она называла Зауральским (Иткульским), прошел три этапа: VII–VI, VI–V и IV–III вв. до н. э. (1982; 1993; 1997; 2005). На мой взгляд, этапов было действительно три, но с иной хронологией: исетско-иткульский: VIII/VII – начало VI в. до н. э.; иткульский: VI–V вв. до н. э.; позднеиткульский: IV–III/II вв. до н. э. При этом содержание их было

также несколько иное, особенно первого, и предполагало участие в его становлении и развитии гетерогенного исетского «этноса» (Борзунов, 2019, с. 135–136; Борзунов и др., 2023, с. 236–238).

Г.В. Бельтикова ошибочно включила население с исетской керамикой, которую она называла «иткульской второго типа», в состав иткульской культуры (1977; 1997; 2005). Между тем исетская культура, в отличие от иткульской, сформировалась раньше и на иной основе (Викторова, 2008, с. 89–90; Борзунов, 2014, с. 224–229). Дело в том, что пришедшие с севера группы с вагильской керамикой трансформировались в горно-лесном Зауралье в носителей гамаюнской культуры (Борзунов, 1992, с. 95, 118–135, 140 и др.; 2014, с. 218). Они не застали здесь в IX–VIII вв. до н. э. аборигенов края, поздних межовских (межовско-березовских) общин, предков иткульского населения. Хотя в свое время я ошибочно настаивал на обратном (Борзунов, 1992, с. 91, рис. 25: 6). Таежные охотники-рыболовы вступили здесь в тесный контакт с коллективами скотоводов бархатовской культуры Нижнего Притоболья, часть которых продвинулась к Уральским горам с целью поиска и разработки медных руд. Результатом этого взаимодействия стало сложение исетской (бархатовско-гамаюнской) культуры. По версии В.Д. Викторовой, металлурги этой культуры первоначально появились в верховьях Исети. Впоследствии мигрировали на юго-восток и восток – на рр. Багаряк и Тобол (Викторова, 2008, с. 90). Между тем зона данных контактов, судя по археологическим материалам, охватывала всю территорию распространения бархатовской культуры: от Нижнего Притоболья и р. Масс до верховьев Нейвы и Тагила. В этом ареале и оформилась исетская культура, хотя поселения ее первых металлургов действительно локализуются в верховьях Исети, а культовые места – на Шигирском палеоозере.

По всей видимости, вследствие плювиала начала I тыс. до н. э. межовско-березовские коллективы временно мигрировали на юг, вероятно в северную лесостепь. Со стабилизацией климата они около VII в. до н. э. (или рубежа VII/VI вв. до н. э.) вернулись назад. Из их состава выделились большесемейные общины, специализировавшиеся на горном деле, цветной металлургии и металлообработке. Формирование Зауральского очага цветной металлургии и его основных носителей – кланов иткульских металлургов – существенно изменило историю развития местных и пришлых коллективов лесного Зауралья. Становление и развитие очага, особенно со второго этапа, было обусловлено не столько внутренними потребностями горно-уральского населения, сколько потребностью в цветном металле и оружии из него соседних степных племен Южного Урала (савроматы, сарматы), а также лесных и лесостепных обществ ананьинской культурно-исторической области. С этого времени производство меди исетским населением для собственных нужд стало угасать. Оно переключилось по большей части на торгово-обменные операции. Наряду с гамаюнскими и другими соседними племенами оно стало поставлять иткульским металлургам и кузнецам, активно трудившимся в теплое время года в своих укрепленных центрах, – в обмен на цветной металл – продукты охоты, рыболовства и домашних животных. Полученную медь поставляли соседним и более удаленным урало-сибирским коллективам именно исетские «торговые» группы. На это указывает широкое распространение исетской керамики от Прикамья на западе до Барабы и даже верховьев Оби на востоке при отсутствии собственно иткульской(«первого типа» и производственной) посуды (Борзунов, 1992, с. 94; 2014, с. 227; 2019, с. 136–138). Около V в. до н. э. иткульские

металлурги начали производить и черный металл.

Финал развития лесных культур Зауралья и его последствия

В V–III вв. до н. э. в иткульских общинах горно-лесного Зауралья появились небольшие группы носителей воробьевской, гороховской и баитовской культур, мигрировавшие из лесостепного Притоболья на запад и северо-запад под давлением пришедших с востока хорошо вооруженных, многочисленных и сильных ишимо-иртышских племен саргатской культуры-общности VII/VI вв. до н. э. – IV/V вв. н. э., древних предков венгров.

В VI–IV вв. до н. э. под эгидой иткульских металлургов формируются поселки со смешанным населением (городища Дальнее Багарякское, Зотинское II – 1-я площадка, Каменогорское, Серный Ключ, возможно, поселение Верхняя Макуша и др.).

В IV–III вв. до н. э. происходит полное «растворение» северных пришельцев и их наследников – носителей гамаюнской и исетской культур – в среде коренного уральского населения.

В III (или III/II) вв. до н. э. миграции в степях и повсеместное распространение производства черного металла привело к краху Зауральского очага цветной металлургии как некой целостности.

Во второй половине раннего железного века (РЖВ II) потомки носителей иткульской и других горно-уральских культур по археологическим материалам практически не прослеживаются. Никем не востребованные, осколки древних «этносов» растворились в уральской тайге, переориентировав свое хозяйство на присваивающие отрасли – рыболовство и охоту, при вспомогательной роли разведения скота и домашних производств, включая изготовление предметов из цветного и черного металла сугубо для собственных нужд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.
2. *Ашихмина Л.И.* Раннеананьинские поселения на верхней Мезени // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени / МАЕСВ. Вып. 6 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1977. С. 37–47.
3. *Ашихмина Л.И.* Керамика гамаюнского типа на поселениях в бассейне Печоры // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья / Труды Института языка, литература и истории. Вып. 33 / Отв. ред. Л.В. Жеребцов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. С. 112–122.
4. *Бадер О.Н., Кадиков Б.Х.* Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом // СА 1957. № 3. С. 136–158.
5. *Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири / ВАУ. Вып. 14 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–133.
6. *Бельтикова Г.В.* Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 65–78.
7. *Бельтикова Г.В.* Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Отв. ред. Л.Л. Косинская. Свердловск: Издательство УрГУ, 1993. С. 93–106.
8. *Бельтикова Г.В.* Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1997. 23 с.
9. *Бельтикова Г.В.* Исетский куст Зауральского (иткульского) очага металлургии // Екатеринбург. Энциклопедия / Гл. ред. В.В. Маслаков. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 254–255.
10. *Бельтикова Г.В.* Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 162–186.
11. *Берс Е.М.* Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья (По материалам раскопок Средне-Уральской археологической экспедиции (СУАЭ)) // Вопросы истории Урала. Вып. 1. Свердловск: УрГУ, 1958. С. 3–21.
12. *Берс Е.М.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1959. 83 с.
13. *Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. 2-е изд. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1963. 84 с.

14. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983. 206 с.
15. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 189 с.
16. Борзунов В.А. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири / Отв. ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: Наука, 1993. *С.* 111–134.
17. *Борзунов В.А.* Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА 2002. № 3. С. 79–97.
18. Борзунов В.А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Отв. ред.: Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.
19. Борзунов В.А. О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // РА. 2019. № 3. С. 131–146.
20. *Борзунов В.А.* Древнейшие погребения элиты обских угров (богатыри и шаманы кулайской эпохи Сургутского и Нижнего Приобья) // Stratum plus. 2022. № 4. С. 287–332.
21. Борзунов В.А., Шорин А.Ф. Гафурийский тип памятников // Челябинская область. Энциклопедия. Т. I (А–Г) / Отв. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 813.
22. Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья / Отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: ТГУ, 1982. С. 3–14.
23. Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155
24. Викторова В.Д. Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967 / Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 127. 365 с.
25. *Викторова В.Д.* Клады древних металлургов Урала // Клады: состав, хронология, интерпретация / Ред. Д.Г. Савинов, В.Н. Седых, Н.А. Лазаревская. СПб.: СПбГУ, 2002б. С. 18−42.
26. *Викторова В.Д.* Почему на птицевидных изображениях появились личины? // Уральский исторический вестник. 2002а. № 8. С. 74–93.
27. *Викторова В.Д.* Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 158–173.
28. Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 1 (23). С. 31–45.
29. Виноградов Н.Б. Южный Урал в древности и Средневековье. Научно-популярный очерк. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2022. 449 с.
30. Генинг В.Ф. Гляденовское костище-могильник с обрядом трупосожжения // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ, 1977. С. 21–30.
31. Григорьев С.А., Васина Ю.В., Ивасько Л.В., Котов В.Г. Мегалитические комплексы Урала: проблема датировки // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008: С. 204–206.
32. *Денисов В.П.* К истории на селения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы // Из истории Урала / Ред. Ф.П. Быстрых и др. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1960. С. 28–37.
33. *Денисов В.П.* Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 66–75.
34. *Збруева А.В.* Галкинское городище // Археологические памятники Урала и Прикамья. [Т. I] / МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 83–99.
35. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
36. Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
37. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 149 с.
38. Кокшаров С.Ф. Памятник атлымской культуры на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. Т. 31. № 3. С. 53–62.
39. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.
40. *Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, УрГУ, 1991. 53 с.
41. *Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века). Дисс. … докт. ист. наук в форме науч. доклада. Новосибирск, 1993. 72 с.
42. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 302 с.

43. *Косарев М.Ф.* Древняя история Сибири. Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
44. Котов В.Г., Румянцев М.М., Савельев Н.С. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1(1) / Отв. ред. С.Л. Воробьева. Уфа: НИЦ «Наследие», 2014. С. 16–17.
45. Крижевская Л.Я. Сосуд ананьинского времени для выплавки металла // КСИИМК. Вып. 77 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 109–111.
46. *Крижевская Л.Я.* Южно-Уральская экспедиция // Археологические открытия 1966 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1967. С. 108 –111.
47. Лебедев А.И. Новые памятники раннего железного века на северо-востоке Башкирии // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии / Отв. ред. Р.М. Юсупов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 23–29.
48. *Лебедев А.И.* К вопросу о населении северо-восточной Башкирии в эпоху железа // Источники по истории и культуре Башкирии / Отв. ред. Р.М. Юсупов. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 72–74.
49. Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 // Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1985. С. 38–56.
50. Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988а. С. 92–113.
51. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.
52. Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. 1997. № 2. С. 63–77.
53. *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон). Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Новосибирск, 1998. 45 с.
54. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
55. Матюшин Г.Н. Мезолитический и неолитический комплексы поселения Мысового на Южном Урале // СА. 1973. № 4. С. 143–159.
56. Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. 189 с.
57. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 178 с.
58. Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. Отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. Т. 1. Уфа: Башкирский экономико-юридический колледж, 1997. 202 с.
59. Пименов А.Б. Культовые бронзы зауральских металлургов раннего железного века. Иткульская археологическая культура: каталог. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 638 с.
60. Прокошев Н.А. Селище у д. Турбино // Археологические памятники Урала и Прикамья. [Т. I] / МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 111–120.
61. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.
62. Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103.
63. Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Материалы Регион. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога А.П. Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 42–70.
64. Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н. э. // Поволжская археология. 2017. № 1(19). С. 114–129.
65. Сальников К.В. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки Челябинского областного краеведческого музея. Вып. 1. Челябинск: Челябгиз, 1962. С. 21–46.
66. *Сальников К.В.* Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. 1966. № 5. С. 118–124.
67. Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 2009. 366 с.
68. Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.
69. Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969. № 119. С. 52–61.
70. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
71. *Чемякин Ю.П.* Возвращаясь к атлымской культуре // XVI Бадеровские чтения / Отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 256–261.

72. Чижова Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л., 1983. 24 с.

73. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

74. Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник музея антропологии и этнографии / Отв. ред. Е.Ф. Карский. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 125–164.

Информация об авторе:

Борзунов Виктор Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), victor.borzunov@mail.ru

SEVERAL NARRATIVES ON THE HISTORY OF THE FOREST TRANS-URAL POPULATION AND ITS SURROUNDINGS AT THE END OF THE BRONZE AGE AND THE BEGINNING OF THE IRON AGE[2]

V.A. Borzunov

New findings and interpretations concerning the genesis, functioning, and final development of three cultures in the forest Trans-Urals region have been examined: the incoming Gamayun culture (X–IV centuries BC), the local Itkul culture (VII–III/II centuries BC), and the heterogeneous Iset culture (IX/VIII–IV centuries BC). The latter formed as a result of interaction between Gamayun groups (descendants of of taiga hunters and fishermen who came from the Konda and Lower Ob River basin, bearers of the Lozva and Atlym cultures) and communities of settled pastoralists from the Late Bronze Age Barkhatovo culture of the Lower Tobol region. The westward advance of Barkhatovo groups occurred during a temporary withdrawal of the interceding Mezhovka culture communities into the forest-steppe, driven by the search for copper ore deposits in the Ural Mountains. Southward migrations of the forest population were triggered by abrupt cooling and increased humidity at the beginning of the I millennium BC. The Itkul culture was formed by metallurgical clans that separated from late Mezhovka pastoralist groups. Intermediaries in copper trade with distant steppe and forest "ethnic groups" were representatives of the Iset culture. During the VI-IVcenturies BC, Gamayun and Iset groups became incorporated into Itkul society.

Keywords: archaeology, forest Trans-Urals, Early Iron Age, archaeological cultures, Trans-Urals center of non-ferrous metallurgy, the problem of “sarmatization” of Trans-Ural cultures, contacts of their population with surrounding ethnic groups.

REFERENCES

1. Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. Ashikhmina, L. I. 1977. In Stokolos, V. S. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Pechory, Severnoi Dviny i Mezeni (Archaeological sites of the Pechora, Northern Dvina and Mezen Rivers)*. Series: Materials on the Archaeology of European Northeast 6. *Syktyvkar: Academy of Sciences of the USSR, Komi Branch*, 37–47 (in Russian).

3. Ashikhmina, L. I. 1984. In *Zherebtsov, L. V. (ed.). Arkheologo-etnograficheskie aspekty izucheniya Severnogo Priural'ya (Archaeological and ethnographic aspects of the study of the Northern Urals).* Series: Proceedings of the Institute for Language, Literature and History. Issue 33. Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, 112–122 (in Russian).

4. *Bader, O. N., Kadikov, B. Kh. 1957. In Sovetskaya Arkheologiia (Soviet Archaeology) (3), 136–158 (in Russian).*

5. Bel'tikova, G. V. 1977. In Stoyanov, V. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na Urale i v Zapadnoi Sibiri (Archaeological Investigations in Ural and Western Siberia). Series: Issues of Archaeology of Ural* 14. Sverdlovsk: Ural State University, 119–133 (in Russian).

6. Bel'tikova, G. V. 1982. In Stoyanov V. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii (Archaeological Studies of the North of Eurasia).* Sverdlovsk: Ural State University, 65–78 (in Russian).

7. Bel'tikova, G. V. 1993. In Kosinskaya, L. L. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 21. Sverdlovsk: Ural State University, 93–106 (in Russian).

The work was carried out as a part of the State assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the topic FEUZ-2023-0018.

8. Bel'tikova, G. V. 1997. *Zaural'skii (itkul'skii) ochag metallurgii (VII–III vv. do n.e.) (Trans-Urals (Itkul') Center of Metallurgy (5th — 3rd Centuries BC))*. PhD Thesis. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
9. Bel'tikova, G. V. 2002. In Maslakov, V. V. (ed.). Ekaterinburg. Entsiklopediia (Ekaterinburg: Encyclopaedia). Ekaterinburg: "Akademkniga" Publ., 254–255 (in Russian).
10. Bel'tikova, G. V. 2005. In Borzunov, V. A. (ed.). *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (Archaeology of the Urals and Western Siberia*). Ekaterinburg: Ural State University, 162–186 (in Russian).
11. Bers, E. M. 1958. In *Voprosy istorii Urala (Questions of the History of the Urals)* 1. Sverdlovsk: Ural State University, 3–21 (in Russian).
12. Bers, E. M. 1959. *Katalog arkheologicheskikh kollektsiy Sverdlovskogo krayevedcheskogo muzeya (The Catalog of Archaeological Collections of the Sverdlovsk Museum of Local Lore).* Sverdlovsk: "Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
13. Bers, E. M. 1963. *Arkheologicheskie pamyatniki Sverdlovska i ego okrestnostey (Archaeological Sites of Sverdlovsk and its Neighbouring Area)*. Chelyabinsk: "Middle Ural book publishing House" Publ. (in Russian)
14. Bongard-Levin, G. M., Grantovsky, E. A. 1983. *Ot Skifii do Indii. Drevniye arii: mify i istoriya. (From Scythia to India. Ancient Aryans: Myths and History)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
15. Borzunov, V. A. 1992. *Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura)* (*Trans-Urals between the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture))*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
16. Borzunov, V. A. 1993. In Koryakova, L. N. (ed.). *Pamiatniki drevnei kul'tury Urala i Zapadnoi Sibiri (Artefacts of the Ancient Culture of the Urals and Western Siberia)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 111–134 (in Russian).
17. Borzunov, V. A. 2002. In *Rossiyskaya Arkheologija (Russian Archaeology)* (3), 79–97 (in Russian).
18. Borzunov, V. A. 2014. In Vizgalov, G. P., Kardash, O. V. (eds.). *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy (Problems of preservation and use of cultural heritage: history, methods and problems of archaeological research).* Ekaterinburg: "Magellan" Publ., 212–245 (in Russian).
19. Borzunov, V. A. 2019. In *Rossiyskaya Arkheologija (Russian Archaeology)* (3), 131–146 (in Russian).
20. Borzunov, V. A. 2022. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 287–332 (in Russian).
21. Borzunov, V. A., Shorin, A. F. 2008. In Bochkarev, K. N. (ed.). Chelyabinskaya oblast'. Entsiklopediya (Chelyabinsk Region. Encyclopedia) I. Chelyabinsk: "Kamenny poyas" Publ., 813 (in Russian).
22. Vasiliev, E. A. 1982. In: Lukina, N. V. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya (Archeology and Ethnography of the Ob' River Region).* Tomsk: Tomsk State University Publ., 3–14 (in Russian).
23. Vechtomov, A. D. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Trudy IV Ural'skogo arkheologicheskogo soveshhaniya (Proceedings of the 4th Ural Archaeological Conference)*. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 133–155 (in Russian).
24. Viktorova, V. D. 1967. *Arkheologicheskaya karta rr. Tury i Tavdy (opyt sistematizatsii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov) (Archaeological map of the rivers Tura and Tavda (experience of systematization and periodization of* archaeological sites)). PhD. Diss. Sverdlovsk. Archives of the Task-oriented Research Archaeological Laboratory of Urals Federal University. F. III, D. 127 (in Russian).
25. Viktorova, V. D. 2002. In Savinov, D.G., Sedykh, V.N, Lazarevskaya, N.A. (eds.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya (Treasures: composition, chronology, interpretation).* Saint Petersburg: St. Petersburg State University, 18−42 (in Russian).
26. Viktorova, V. D. 2002. In *Ural'skiy istoricheskiyi vestnik (Ural Historical Journal)* 8, 74–93 (in Russian).
27. Viktorova, V. D. 2004. In Viktorova, V. D. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala (Cult Sites of the Mountain-Forest Urals).* Ekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 158–173 (in Russian).
28. Viktorova, V. D. 2008. In *Nauka. Obshchestvo. Chelovek Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN (Science. Society. Human:: Bulletin of the Ural Branch RAS)* 1 (23), 31–45 (in Russian).
29. Vinogradov, N. B. 2022. *Yuzhni Ural v drevnosti i Srednevekov'ye. Nauchno-populyarny ocherk (Southern Urals in Antiquity and the Middle Ages. Popular Science Essay)*. Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).
30. Gening, V. F. 1977. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Drevnosti Volgo-Kam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Rivers Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–30 (in Russian).
31. Grigoriev, S. A., Vasina, Yu. V., Ivasko, L. V., Kotov, V. G. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g.*

(Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008) I. Moscow: "Nauka" Publ., 204–206 (in Russian).

32. Denisov, V. P. 1960. In Bystrykh, F. P. et al (eds.). *Iz istorii Urala (From the history of the Urals).* Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye Knizhnoe Izdatel'stvo, 28–37 (in Russian).

33. Denisov, V. P. 1961. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 1, 66–75 (in Russian).

34. Zbrueva, A. V. 1940. In Tretyakov, P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 83–99 (in Russian).

35. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

36. Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (Lower Tobol River Area between the Bronze and Iron Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

37. Kanivets, V. I. 1974. *Pechorskoe Pripolyar'e. Epokha rannego metalla (Pechora circumpolar region. The epoch of the Early Metal).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

38. Koksharov, S. F. 2007. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 31 (3), 53–62 (in Russian).

39. Koryakova, L. N. 1988. *Ranniy zheleznyi vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture)).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

40. Koryakova, L. N. 1991. *Cultural and Historical Communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh province at the Beginning of the Iron Age).* Preprint. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural State University (in Russian).

41. Koryakova, L. N. 1993. *Kul'turno-istoricheskiye obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiya na ranney i sredney stadiyakh zheleznogo veka) (Cultural and Historical Communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh province in the Early and Middle Stages of the Iron Age)).* Abstract Doct. Diss. ... in the form of Scientific Report. Novosibirsk (in Russian).

42. Kosarev, M. F. 1984. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti (Western Siberia in Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

43. Kosarev, M. F. 1991. *Drevniaya istoryia Sibiri. Chelovek i prirodnaya sreda (Ancient History of Siberia: Human and Natural Environment).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

44. Kotov, V. G., Rumiantsev, M. M., Savelev, N. S. 2014. In Vorobyova, S. L. (ed.). *Izvestiia Arkheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan (Bulletin of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan)* 1 (1). Ufa: Scientific Research Center "Naslediye" Publ., 16–17 (in Russian).

45. Krizhevskaya, L. Ya. 1959. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 77. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 109–111 (in Russian)

46. Krizhevskaya, L. Ya. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskiye otkrytiya 1966 goda (Archaeological Discoveries of 1966).* Moscow: "Nauka" Publ., 108–111 (in Russian).

47. Lebedev, A. I. 1984. In Yusupov, R. M. (ed.). *Istochniki i istochnikovedeniye istorii i kul'tury Bashkirii (Sources and Source Studies of the History and Culture of Bashkiria).* Ufa: The Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 23–29 (in Russian).

48. Lebedev, A. I. 1986. In Yusupov, R. M. (ed.). *Istochniki po istorii i kul'ture Bashkirii (Sources on the History and Culture of Bashkiria).* Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 72–74 (in Russian).

49. Markov, V. N. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnie etnicheskie protsessy Volgo-Kam'ia (Ancient Ethnic Processes in the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 9. Yoshkar-Ola, 38–56 (in Russian).

50. Markov, V. N. 1988. In Starostin, P. N. (ed.). *Pamyatniki pervobytnoy epokhi v Volgo-Kam'e (Sites of the Primeval Period in the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 92–113 (in Russian).

51. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

52. Matveeva, N. P. 1997. In *Rossiyskaya Arkheologija (Russian Archaeology)* (3), 63–77 (in Russian).

53. Matveeva, N. P. 1998. *Sotsial'no-ekonomicheskiye struktury drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri (ranniy zheleznyy vek lesostepnoy i podtayezhnoy zon) (Socio-economic structures of the ancient population of Western Siberia (Early Iron Age of forest-steppe and subtaiga zones)).* Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).

54. Matveeva, N. P. 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony)* (*Social and Economic Structures of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Sub-Boreal Forest Areas)*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

55. Matyushin, G. N. 1973. In *Sovetskaya Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 143–159 (in Russian).
56. Oborin, V. A. 1976. *Drevneye iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskiy zverinY stil' (Ancient Art of the Peoples of the Kama River Region. The Animal Style of Perm).* Perm': "Permskoye knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
57. Oborin V. A., Chagin, G. N. 1988. *Chudskiye drevnosti Rifeya. Permskiy zverinyy stil' (Peipus Antiquities of Riphean. The Animal Style of Perm).* Perm': "Permskoye knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
58. Obydennov, M. F. 1997. *Arkheologicheskie pamyatniki verkhov'yev Agideli. Otchety Ishtuganovskoy kompleksnoy ekspeditsii (Archaeological Sites of the Upper Reaches of Agidel' River. Reports of the Ishtugan Complex Expedition)* 1. Ufa: Bashkir Economics and Law College (in Russian).
59. Pimenov, A. B. 2019. *Kul'tovye bronzy zaural'skikh metallurgov rannego zheleznogo veka. Itkul'skaya arkheologicheskaya kul'tura: katalog. (Cult bronzes of Trans-Ural Metallurgists of the Early Iron Age. Itkul' Archaeological Culture: Catalogue).* Ekaterinburg: "Publishing Solutions" Publ. (in Russian).
60. Prokoshev, N. A. 1940. In Tretyakov, P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 111–120 (in Russian).
61. Pshenichniuk, A. Kh. 1982. *Nauchnyy otchet o raskopkakh Okhlebininskogo mogil'nika (Iglinskiy rayon Bashkirskoy ASSR) v 1981 godu. Al'bom illyustratsiy k otchetu 1981 g. (Ch. I) (Scientific Report on the Excavations of the Okhlebinino Burial Ground (Iglinsky District of the Bashkir ASSR) in 1981. Album of Illustrations for the Report of 1981. (P. I)).* Ufa. Scientific Archive of Institute for Ethnographical Research of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences Fund 1. Inventory 6. Dossier 105 (in Russian).
62. Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 77–103 (in Russian).
63. Savelev, N. S. 2011. In Kotov, V. G. (ed.). *Nasledie vekov (Heritage of Ages)* 2. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 42–70 (in Russian).
64. Savelev, N. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 114–129 (in Russian).
65. Sal'nikov, K. V. 1962. In *Kraevedcheskie zapiski Cheliabinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Notes on Local History by the Chelyabinsk Regional Museum of Local Studies)* 1. Chelyabinsk: "Cheliabgiz" Publ., 21–46 (in Russian).
66. Sal'nikov, K. V. 1966. In *Sovetskaya Etnografiya (Soviet Ethnography)* (5), 118–124 (in Russian).
67. Serikov, Yu. B. 2009. *Peshchernye svyatilishcha reki Chusovoy (Cave Sanctuaries of the Chusovaya River).* Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Academy (in Russian).
68. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
69. Stoyanov, V. E. 1969. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 119. Moscow: "Nauka" Publ., 52–61 (in Russian).
70. Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity).* Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).
71. Chemyakin, Yu. P. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuikina, E. V. (eds.). *XVI Baderovskie chteniya (16th Bader Readings).* Perm': Perm State Research University, 256–261 (in Russian).
72. Chizhova, L. V. 1983. *Ideologiya drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri (po materialam kul'tovogo lit'ya) (Ideology of the Ancient Population of the Urals and Western Siberia (Based on Cult Casting Materials)).* PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
73. Chindina, L. A. 1984. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture).* Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
74. Shmidt, A. V. 1927. In Karskiy, E. F. (ed.). *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Papers of the Anthropology and Ethnography Museum)* 6. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 125–164 (in Russian).

About the Author:

Borzunov Victor A. Candidate of Historical Sciences. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; victor.borzunov@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.171.182

МАКАРЬЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ. ХРОНОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА[1]

© 2025 г. Э.И. Оруджов, Г.Ш. Асылгараева

В статье представлены итоги археологических исследований Макарьевского городища (III–II тыс. до н. э., I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) за 2018 г. На территории памятника было заложено два раскопа общей площадью 148 м^2. В результате проведенных изысканий было обнаружено жилое наземное сооружение прямоугольной формы. Стратиграфический анализ насыпи вала позволил установить культурно-хронологическую последовательность возведения оборонительной системы городища. Выделено четыре этапа строительства оборонительного вала городища. Первые три этапа были отнесены к АКИО (IX–IV вв. до н. э.), последний этап – предположительно, к I тыс. н. э. Всего в оборонительной конструкции зафиксировано семь объектов: вал I–IV, ров I–II, каркасно-столбовая деревянная стена. Произведен детальный анализ полученных при раскопках находок. Вследствие выделено шесть групп керамики: 1) чирковская (рубеж III–II тыс. до н. э.), 2) постмаклашеевская (IX–IV вв. до н. э.), 3) акозинско-ахмыловская (IX–VI вв. до н. э.), 4) ош пандо (рубеж эр), 5) азелинская (II–V вв. н. э.), 6) именьковская (IV–VII вв. н. э.). На основании изучения материальной культуры городища установлены вышеприведенные хронологические рамки существования памятника, а также дана краткая характеристика хозяйственной деятельности населения городища с I тыс. до н. э. вплоть до эпохи Средневековья.

Ключевые слова: археология, раскопки, Макарьевское городище, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область.

Расположено Макарьевское городище на высоком правом берегу приустьевой части реки Свияги. Мыс памятника с северо-западной стороны примыкает к Макарьевскому монастырю XVI века. С северо-восточной и юго-западной сторон городища расположены глубокие овраги. Площадка подтреугольной формы, вытянута с юго-востока на северо-запад. С северо-восточной стороны склон городища нарушен грунтовой дорогой, в связи с этим культурный слой городища систематически разрушается, сползая в сторону дороги (рис. 1).

История изучения Макарьевского городища берет свое начало в первой половине XX века. Городище впервые было обследовано П.А. Пономаревым в 1917 году, однако никаких данных, кроме упоминания о его исследованиях у Л.И. Вараксиной, на сегодняшний день не сохранилось. Для современной науки городище практически было открыто А.Х. Халиковым и В.Н. Марковым (Марков, 1987, с. 1).

В 1986 году В.Н. Марковым на его территории было заложено два шурфа, а также в северной части площадки небольшой раскоп, общей площадью 40 м^2 (Марков, 1987, с. 3). В результате проведенных работ произведен стратиграфический анализ культурного слоя площадки городища, который выявил перечень культурных напластований из серого, темно-серого и серо-коричневого суглинка. Зафиксированная мощность культурного слоя достигала 120 см (ближе к склону, в мысовой части площадки). В пределах раскопа автором было зафиксировано сооружение

[1] Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

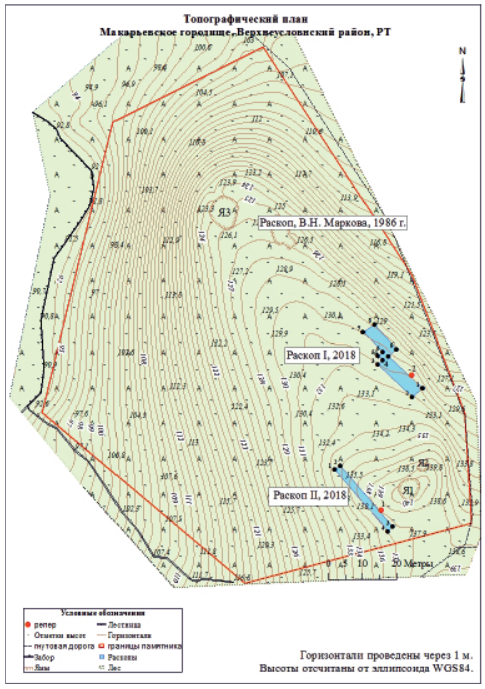

Рис. 1. Топографический план. Макарьевское городище, Верхнеуслонский район, РеспубликаТатарстан.

Fig. 1. Topographic plan. Makaryevskoye hillfort, Verkhny Uslon district, Tatarstan

в виде пятна прямоугольной формы из серо-коричневого суглинка с включением угля с углистой полосой по контуру, мощностью до 4 см. Размеры сооружения: 90×65 см, глубина 10 см.

Выявленные материалы представлены фрагментами керамики (около 2000 ед.), изделиями из глины, кости и камня (17 ед.).

Изучение полученного в результате раскопок керамического комплекса позволило В.Н. Маркову выделить четыре культурно-хронологические группы керамики: 1) сер. I тыс. н. э., 2) ананьинская керамика, характерная для Среднего Поволжья и Прикамья (I тыс. до н. э., совр. постмаклашеевская), 3) ананьинская керамика, характерная для Среднего Поволжья и Прикамья (I тыс. до н. э., совр. акозинско-ахмыловская) и 4) чирковская (рубеж III–II тыс. до н. э.).

Остальные находки были представлены кремневыми скребками (6 ед.), костяными наконечниками стрел (4 ед.), наконечником гарпуна, резцом, долотом, глиняными пряслицами, тиглем и бусиной (Марков, 1987, с. 4–7).

Важнейшим итогом исследований В.Н. Маркова стало определение культурно-хронологических рамок существования Макарьевского городища.

Летом 2018 года первобытной экспедицией ИА АН РТ под руководством Э.И. Оруджова археологические исследования на Макарьевском городище были продолжены. На территории памятника было заложено два раскопа общей площадью 148 м^2.

Раскоп I площадью 100 м^2 был заложен на краю северо-восточной части площадки городища. В результате стратиграфического и планиграфического анализа в культурном слое раскопа были зафиксированы следующие напластования: 1) дерново-подзолистый слой почвы, 2) темная серо-коричневая рыхлая гумусированная супесь с включением известняка (является заполнением объектов раскопа), 3) тёмно-серая плотная супесь с включением известковой крошки и 4) серо-коричневая рыхлая супесь с включением золы. В связи с постоянным движением грунта под воздействием эрозионных процессов с площадки памятника по склону в сторону дороги, а также высокой степенью залесенности площадки памятника культурный слой сильно перемешан, в связи с чем культурно-хронологическую привязку выявленным напластованиям осуществить не удалось. Зафиксированная в результате раскопок мощность культурного слоя на площадке городища определена от 30 до 180 см.

В пределах раскопа были выявлены контуры наземного жилого со-

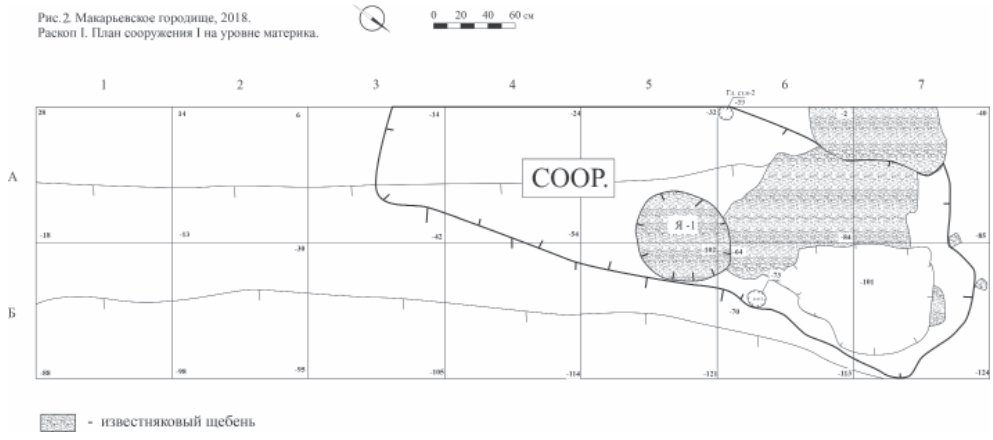

Рис. 2. Макарьевское городище, 2018. Раскоп I.
План сооружения I на уровне материка.
Fig. 2. Makaryevskoye hillfort, 2018. Excavation area I. Plan of structure I at virgin soil level.

оружения в виде углубления прямоугольной формы, размеры: 894×271 см (рис. 2). Сооружение состояло из двух камер (комнат) с отвесными стенками и плоским дном. Глубина варьируется от 30 до 40 см. Сооружение располагалась под наклоном в северном и восточном направлении, перепад высот на уровне материка достигал 0,87 м от нулевой отметки. Данное сооружение относится к типу наземных построек. Обнаруженный в его пределах археологический материал, в котором преобладает постмаклашеевская и акозинско-ахмыловская керамика, свидетельствует о его культурной принадлежности к ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (IX–III вв. до н. э.).

Раскоп II площадью 48 м^2 был заложен на юго-западной оконечности вала. Стратиграфически в пределах данного раскопа было выделено десять культурных напластований: 1) дерново-подзолистый слой почвы, 2) пестроцветная рыхлая супесь с включением прокала и извести, 3) светло-серовато-коричневая плотная пестроцветная супесь, 4) темно-серая рыхлая пестроцветная супесь с включением кусочков угля, 5) тёмно-серая плотная пестроцветная супесь с включением извести и угля, 6) серо-коричневая рыхлая супесь, 7) серо-коричневый суглинок с включением угля, 8) серо-коричневая плотная супесь, 9) темно-коричневый суглинок, 10) коричневый плотный пестроцветный суглинок с включением извести (рис. 3). Анализ стратиграфии данного раскопа позволил выделить четыре этапа формирования реликтовой конструкции вала городища. Первые три этапа были отнесены к АКИО (IX–IV вв. до н. э.), последний этап – предположительно, к I тыс. н. э.

Всего в результате археологических исследований оборонительной конструкции на раскопе II было выявлено семь объектов – четыре насыпи вала, два рва и каркасно-столбовая конструкция.

Вал I имеет дуговидную форму, состоит из слоев коричневого плотного пестоцветного суглинка с включением известняка и темно-коричневый суглинок. Высота вала 1,4 м, ширина 7,64 м. Сравнительно-типологический анализ находок, полученных при прокопке вала I, говорит о существовании данного сооружения в раннеананьинское время (IX–VII вв. до н. э.). Косвенным свидетельством этому служит присутствие в запол-

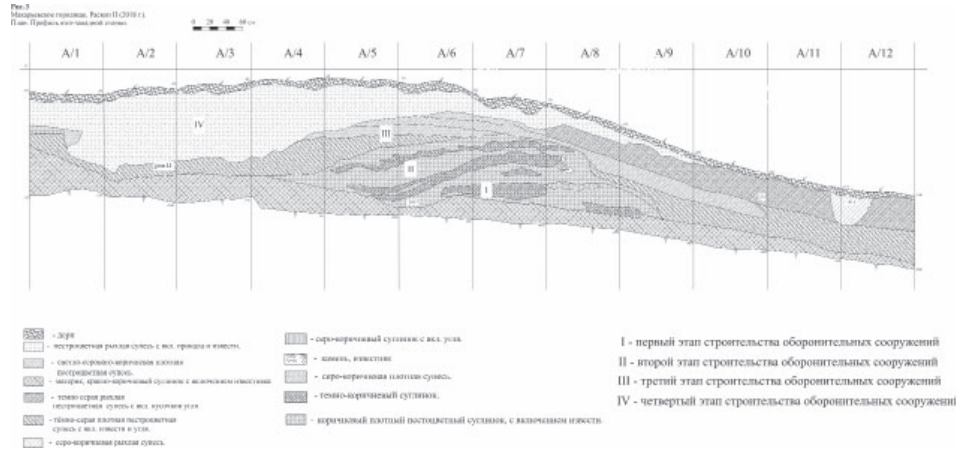

Рис. 3. Макарьевское городище. Раскоп II (2018). План.
Профиль юго-западной стенки.

Fig. 3. Makaryevskoye hillfort. Excavation area II (2018). Plan. Profile of the southwestern wall.

нении вала, на данном этапе строительства, изделий из кремня, а также отходов кремневого производства, угасающего наследия предшествующей эпохи бронзового века. Особый интерес в данном контексте представляет широкий треугольный черешковый наконечник стрелы из кремня, по определению А.А. Чижевского и М.Ш. Галимовой аналогичные наконечники встречаются на поселениях маклашеевской культуры с XIV–X вв. до н. э. (Чижевский, Галимова, 2023, с. 115).

Вал II дуговидной формы, заполнение – коричневый плотный пестроцветный суглинок с включением известняка, темно-коричневый суглинок. Высота вала составляет 1,12 м, ширина 8,79 м. Сравнительно-типологический анализ полученных при прокопке вала II находок свидетельствует о его функционировании в ананьинское время (IX–VI вв. до н. э.). В качестве основного хроноиндикатора здесь служит текстильная керамика акозинско-ахмыловской культуры АКИО, носители которой, согласно В.Н. Маркову, покидают территорию Нижней Камы и прилегающих к ней районов Среднего Поволжья в VI в. до н. э. (Марков, 2007, с. 44–45, 63).

Вал III также имеет дуговидную форму, в качестве заполнения здесь фиксируются следующие слои: тёмно-серая плотная пестроцветная супесь с включением извести и угля, серо-коричневая плотная супесь, коричневый плотный пестроцветный суглинок с включением известняка. Сооружение сильно разрушено, его мощность едва достигает 1,076 м и фиксируется на всем протяжении раскопа, в заполнении зафиксирован бронзовый трехлопастной наконечник стрелы, с лавролистным пером и выступающей втулкой (рис. 7: 1) – тип С-26 по С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983, с. 107), относится к VI–IV вв. до н. э. Строительство данной конструкции во II периоде АКИО подтверждается присутствием в слое темно-серой пестроцветной супеси с включением извести и угля керамики белогорского типа (рис. 6: 5), время существования которой укладывается с VI по III вв. до н. э. (Чижевский, 2014, с. 222), а также AMS-датой 2476 ± 29 14^{C} л. н., полученной из обнаруженного в этом же слое зерна ячменя. Данная дата при калибровке соответствует хронологическому диапазону 571–407 кал. л. до н. э. (OxCal-4.3) (Чижевский, Пономаренко, Оруджов, 2025, с. 39).

Рис. 4. Макарьевское городище, 2018. Оборонительный вал. После снятия 7-ого пласта. А/4-5. Следы от кольев деревянной каркасно-столбовой конструкции.

Fig. 4. Makaryevskoye hillfort, 2018. Defensive rampart. After removal of the 7th layer. A/4-5. Imprints of stakes from a wooden wattle and daub structure.

Вал IV – в разрезе форма не зафиксирована, заполнение – пестроцветная рыхлая супесь с включением прокала и известняка, темно-серая рыхлая пестроцветная супесь с включением кусочков угля, высота 1,84 м, ширина 18,492 м, Анализ размещения археологического материла на раскопе I, а также наличие вышеупомянутого фрагмента дна именьковского сосуда, исходя из принципа Стентона, согласно которому «при ненарушенном залегании каждый нижележащий слой древнее перекрывающего слоя», позволяет отнести данное сооружение к I тыс. н. э., более точное культурно-хронологическое определение сделать не удалось.

Ров I – углубление дуговидной формы, заполнение – коричневый плотный пестроцветный суглинок с включением известняка, темно-коричневый суглинок, образованное в результате склоновых процессов, связанных с разрушением вала I. Глубина рва 0,4 м, ширина 2,6 м, стратиграфически и культурно-хронологически соотносится с валом I.

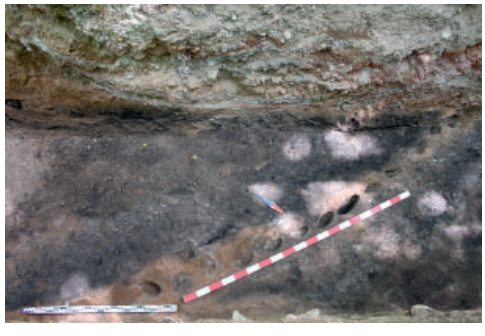

Рис. 5. Макарьевское городище, 2018. Оборонительный вал. После снятия 8-ого пласта. А/2-3. Следы от кольев деревянной каркасно-столбовой конструкции.

Fig. 5. Makaryevskoye hillfort, 2018. Defensive rampart. After removal of the 8th layer. A/2-3. Imprints of stakes from a wooden wattle and daub structure.

Ров II – углубление дуговидной формы, заполнение – пестроцветная рыхлая супесь с включением прокала и извести, темно-серая рыхлая пестроцветная супесь с включением кусочков угля, тёмно-серая плотная пестроцветная супесь с включением известняка и угля, серо-коричневая плотная супесь, коричневый плотный пестроцветный суглинок с включением известняка, образованное в результате склоновых процессов, связанных с разрушением вала III и IV. Глубина рва 0,84 м, ширина 7,86 м, хронологически соотносится с валом III.

Каркасно-столбовая конструкция

Впервые выявлена на гл. -230–279 от 0 на уч. А/4-5 в виде пятен неопределенной формы с конусовидным сужением, с заполнением чёрной гумусированой супеси с включением угля, размеры: 14×8 см, 20×8 см, 4×4 см (рис. 4). При прокопке следующего пласта на глубину 20 см выполнен разрез, в результате которого обнаружены следы от частокола, расположенного под наклоном, их глубина варьируется от 5 до 20 см в зависимости от наклона вала, с востока на запад. Колья располагались на самой конструкции вала III, с внешней стороны.

При снятии следующего пласта на уч. А/2-3 на гл. от -260 до -297 см от 0

Рис. 6. Керамический комплекс Макарьевского городища, 2018 г.
Fig. 6. Pottery assemblage from Makaryevskoye hillfort. 2018.

зафиксированы пятна овальной формы с заполнением из желто-коричневой плотной супеси, с включением известки, размеры: 14×6 см, 24×6 см, 20×9 см, 14×6 см, 18×8 см, 18×8 см, 16×9 см, 18×8 см, 18×4 см, произведена выборка (рис. 5) и выполнен разрез, в результате обозначенных выше манипуляций удалось установить, что данные следы относятся к столбовой конструкции, окончание которой было зафиксировано на глубине -324 см от 0 в виде пятен неопределенной формы, глубиной менее 1 см, с заполнением из темно-коричневой плотной гумусированной супеси с включением древесного тлена и угля.

Резюмируя полученные результаты, следует отметить, что данная конструкция состояла из двух рядов кольев, расположенных по дуге вдоль внешней стороны вала, возможно по аналогии с подобными конструкциями на других городищах АКИО (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 248), внутри она была забутована либо камнями, либо грунтом. Ширина между рядами превышала пять метров, с учетом среднего размера кола 18×8 см ширина стены приблизительно составляла 5,5–6 метров. Отсутствие следов забутовки на стратиграфическом разрезе оборонительных конструкций городища объясняется денудацией конструкции вала III и IV.

Общее количество предметов, выявленных в результате раскопок на Макарьевском городище в 2018 году, составило 5735 ед. Находки представлены фрагментами керамической посуды, изделиями из кости и рога, камня, глины, железа и бронзы. Основная часть коллекции состоит из фрагментов керамики (5719 ед.).

Керамика

В результате комплексного анализа керамического комплекса (630 фр.) по морфологическим признакам, а также составу теста и способу формирования сосуда, с учетом данных, полученных при обработке керамической коллекции Макарьевского городища В.Н. Марковым из раскопов 1986 г., в коллекции 2018 года было выделено шесть групп керамики:

1. Сосуды имеют горшковидную форму с плавно отогнутой шейкой и плоским дном. В составе теста использовалась примесь шамота. Поверхность бугристая, неорнаментированная, определяются именьковской культурой (IV–VII вв. н. э.) (рис. 6: 3). Данная керамика составляет 22% от общей выборки (630 фр.). Большая часть сосудов (94%) обнаружена при снятии первых четырех пластов раскопа I на гл. от 0 до -40 см от уровня современной дневной поверхности;

2. Плоскодонные лепные сосуды также имеют горшковидную форму, с прямыми либо слегка отогнутыми венчиками, со слегка заостренным

Рис. 7. Макарьевское городище, 2018. Находки: 1 – бронзовый наконечник стрелы, 2 – амулет (клык хищника), 3 – наконечник стрелы (кость), 5 – лопатка-тупик (кость), 6 – вток (кость).

Fig. 7. Makaryevskoye hillfort, 2018. Finds: 1 – bronze arrowhead, 2 – amulet (predator's fang), 3 – arrowhead (bone), 5 – dead-end blade (bone), 6 – butt (bone).

окончанием венчика, с плотной структурой. Подобная керамика встречается на памятниках азелинской АК (II–V вв. н. э.) (рис. 6: 4). Данная керамика составляет 2% от общей выборки (630 фр.). Обнаружена при снятии первых трех пластов раскопа I на гл. от 0 до -30 см от уровня современной дневной поверхности;

3. Плоскодонные лепные сосуды горшковидной формы с примесью в тесте крупного шамота. Имеют Т-образную либо Г-образную форму широкого прямого венчика (рис. 6: 2). Данная керамика составляет 5% от общей выборки (630 фр.). Аналогии были обнаружены П.Д. Степановым на городище Ош Пандо, поселении Ашна Пандо и у с. Симкино в Мордовии. П.Д. Степанов относит данную керамику к одной из культур (юхновской, либо городецкой АК) середины либо второй половины I тыс. до н. э. и вплоть до II века н. э. (Степанов, 1967, с. 74–75), данный тип керамической посуды зафиксирован при снятии первых четырех пластов раскопа I на гл. от 0 до -40 см от уровня современной дневной поверхности. Наибольшее количество фрагментов (66%) обнаружено при снятии 2–3 пластов раскопа на гл. -20–30 см от уровня дневной поверхности;

4. Круглодонные сосуды горшковидной формы с вертикальной или отогнутой шейкой, с примесью толченой раковины в тесте и орнаментом в виде оттисков гребенки, шнура, присутствует ямочный орнамент, а также различные виды треугольных и овальных вдавлений. Аналогичная посуда относится к постмаклашеевской археологической культуре (ПМК) АКИО (IX–IV вв. до н. э.) (рис. 6: 5, 7). Данная керамика составляет 55% от общей выборки (630 фр.), фиксируется при снятии всех пластов раскопа от 0 до 110 см от уровня дневной поверхности;

5. К пятой группе относятся круглодонные сосуды, встречаются как горшковидной, так и чашевидной форм, с примесью песка к тесту и оформлением в виде текстильного раппорта в сочетании с ямочным орнаментом. Составляет 16% от общей выборки (630 фр.). Данная керамика относится к акозинско-ахмыловской культуре (АКАХ) АКИО (IX–VI вв. до н. э.) (рис. 6: 6), зафиксирована на гл. от 0 до 100 см от уровня дневной поверхности, преобладает на уровне снятия 4–8 пластов раскопа I (72%), на гл. от -40 до -80 см от уровня дневной поверхности;

6. Круглодонные сосуды горшковидной формы с высокой цилиндрической или раструбообразной горловиной с резким переходом в шаровидное тулово, с содержанием в тесте большого количества дробленой ракушки. Орнаментированы вдавлениями или чаще очень мелким

Рис. 8. Макарьевское городище, 2018. Находки: 1 – фрагмент оселка (камень), 2 – нож (железо), 3 – рыболовный крючок (железо), 4 – фрагмент тесла (камень), 5 – заготовка рукояти (рог).

Fig. 8. Makaryevskoye hillfort, 2018. Finds: 1 – fragment of a hone (stone), 2 – knife (iron), 3 – fish hook (iron), 4 – fragment of a chisel (stone), 5 – handle blank (horn).

зубчатым штампом. Зубцы имеют ромбическую форму. Чаще всего использовался узор в виде волнистого выпуклого валика, расположенного между ямочными наколами. Аналогии данной керамике встречаются на памятниках чирковско-сейминского типа западной части Среднего Поволжья эпохи бронзы (Марков, 1987, с. 4–6). На раскопе 2018 года обнаружен один фрагмент (рис. 6: 1), основная часть данной керамики выявлена при раскопках В.Н. Маркова 1986 г. и встречается у него на уровне 4–5 пласта (Марков, 1987, с. 6).

Таким образом было выделено несколько периодов заселения территории Макарьевского городища, начиная с бронзового века и вплоть до I тыс. н. э. К сожалению, на раскопе II проследить культурно-хронологическую последовательность распространения керамики не удалось. Находки здесь фиксируются только после снятия третьего пласта, в основном, за исключением одного фрагмента именьковского сосуда, идет ананьинский материал.

Изделия из кости, металла, глины и кремня

С учетом функциональной принадлежности все зафиксированные изделия (28 ед.) при проведении раскопок распределяются по группам: I – охотничье-промысловые; II – орудия труда и приспособления для промысловой деятельности; III – украшения, детали одежды и предметы культа.

К I группе относятся наконечники стрел (4 ед.): костяной листовидной формы с трехгранным сечением с выступающим черешком (рис. 7: 3), заготовка костяного наконечника стрелы, ранее уже упомянутый бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с лавролистным пером и выступающей втулкой (рис. 7: 1) – тип С-26 по С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983, с. 107) – и широкий треугольный черешковый наконечник стрелы из кремня (рис. 9: 5), костяной вток, изделие из трубчатой кости с двумя сквозными отверстиями и срезанным с одной стороны под углом окончанием (рис. 7: 6). Если данные предметы имеют аналогии на памятниках АКИО IX–IV вв. до н. э., то крупный (до 13 см) рыболовный крючок из кованого железа (рис. 8: 3), обнаруженный на гл. -8 см от уровня дневной поверхности, аналогичные крючки встречаются на памятниках именьковского времени (IV–VII вв. н. э.) (Старостин, 1967, с. 75), полученная в результате раскопок именьковская керамика подтверждает его культурно-хронологическое определение.

Ко II группе относятся такие предметы, как костяные проколка, заготовка рукояти для ножа (рис. 8: 5),

Рис. 9. Макарьевское городище, 2018.
Изделия из кремня и отходы кремневого производства.
Fig. 9. Makaryevskoye hillfort, 2018. Flint items and flint production waste.

лопатка-тупик (рис. 7: 5), глиняные, керамические, каменные и костяные пряслица (10 ед.) (рис. 10), среди них встречаются орнаментированные пряслица (рис. 10: 5, 10), железный нож с горбатой спинкой (рис. 8: 2), несмотря на длину лезвия, более 12 см, подходит согласно типологии А.Х. Халикова к типу IV, 2Б, который датируется им с VIII по V вв. до н. э. (Халиков, 1977, с. 144, 150), кремневый скребок (рис. 9: 6), фрагменты каменного тесла (рис. 8: 4) и оселка (рис. 8: 1).

III группа представлена предметами культа – амулетами из клыков медведя (рис. 7: 4) и неизвестного хищника (рис. 7: 2). Выделенные во вторую и третью группу предметы широко распространены на памятниках АКИО (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006).

Макарьевское городище относится к категории «костеностных городищ», распространенных по всей территории АКИО. В связи с этим одним из основных атрибутов культурного слоя городища является наличие большого количества костей животных. Всего из раскопок 2018 г.было диагностировано 3844 ед. костных остатков. Проведенный анализ археозоологической коллекции городища показал, что основная масса костей является «кухонными остатками» домашних и диких животных, причем наибольшую часть в рационе населения Макарьевского городища составляло мясо домашних животных (94,8%). Из домашних животных в мясном рационе в основном использовалась говядина (50,4%) и конина (42,9%), из диких – мясо медведя (33,5%), лося (18,9%) и бобра (16,1%) (Асылгараева, Оруджов, Старков, 2022).

Отсюда мы видим, что скотоводство занимало ведущую роль в хозяйственной жизни населения памятника, охота же и рыбная ловля имели второстепенное значение. В насыпи вала были зафиксированы и продатированы фрагменты сброженного на солод ячменя и обугленной соломы культурных злаков. По мнению Е.В. Пономаренко, наличие обугленной соломы культурных злаков свидетельствует в пользу того, что данный ячмень был

Рис. 10. Макарьевское городище, 2018. Пряслица.
Fig. 10. Makaryevskoye hillfort, 2018. Spindle whorl

произведен местным населением, что является свидетельством использования земледелия в хозяйственной жизни обитателей Макарьевского городища уже с VIII до н. э. (Чижевский, Пономаренко, Оруджов, 2025, с. 39).

Таким образом, археологические исследования на Макарьевском городище позволили определить, что время освоения территории памятника относится к чирковскому периоду (рубеж III–II тыс. до н. э.), в данный период здесь существовало небольшое неукрепленное поселение. Лишь только в I тыс. до н. э. (VIII–IV вв. до н. э.) на данной территории возникает городище, просуществовавшее вплоть до второй половины I тыс. н. э. По всей видимости, жители городища в ананьинский период проживали

в прямоугольных наземных сооружениях. Городище с напольной стороны было прикрыто оборонительными сооружениями: валом и рвом. Контуры деревянной стены, зафиксированные при исследовании оборонительных сооружений, относятся к периоду с VI по IV вв. до н. э. Первые три этапа формирования конструкции вала были отнесены к АКИО (IX–IV вв. до н. э.), последний – к I тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асылгараева Г.Ш., Оруджов Э.И., Старков А.С.* Археозоологический комплекс Макарьевского городища // Поволжская археология. 2022. № 1(39). С. 178–189.
2. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.
3. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
4. *Марков В.Н.* Отчет о работах отряда Первобытной экспедиции в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. № 11637.
5. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.
6. *Степанов П.Д.* Ош Пандо. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1967. 211 с.
7. *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.
8. *Чижевский А.А., Галимова М.Ш.* Каменные наконечники стрел ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 107–129.
9. *Чижевский А.А., Пономаренко Е.В., Оруджов Э.И.* К вопросу о земледелии ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2025. № 1 (51). С. 35–42.
10. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Информация об авторах:

Оруджов Эдуард Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

MAKARYEVSKOYE HILLFORT. CHRONOLOGY AND MATERIAL CULTURE

E.I. Orudzhov, G.Sh. Asylgaraeva

The article presents the results of the 2018 archaeological research at the Makaryevskoye hillfort (III–II millennium BC, I millennium BC – I millennium AD). Two excavation area, totaling 148 m², were laid on the site. The research uncovered a rectangular aboveground residential structure. Stratigraphic analysis of the mound established the cultural-chronological sequence of the settlement's defensive system construction. Four distinct phases of defensive rampart construction were identified. The first three phases were attributed to the Ananyino cultural and historical area (ACHA) period (IX–IV centuries BC), while the final phase is tentatively dated to the I millennium AD. A total of seven objects were recorded within the defensive complex: rampart I–IV, moat I–II, and a wattle and daub wooden wall. A detailed analysis was conducted of the finds recovered during excavation. Consequently, six ceramic groups were distinguished: 1) Chirki (turn of the III–II millennium BC), 2) post-

The work was carried out with support from a grant provided by the Tatarstan Academy of Sciences to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending a doctoral dissertation, conducting scientific research, and performing duties within scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan, under the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and technological development of the Republic of Tatarstan".

Maklashevka (IX–IV centuries BC), 3) Akozino-Akhmylovo (IX–VI centuries BC), 4) Osh Pando (turn of the eras), 5) Azelino (II–V centuries AD), and 6) Imenkovo (IV–VII centuries AD). Based on the study of the material culture from the hillfort, the chronological limits for the site's occupation outlined above was established. A brief characterization of the hillfort inhabitants' economic activities from the I millennium BC through the Medieval period is also provided.

Keywords: archaeology, excavations, Makaryevskoye hillfort, early Iron Age, Ananyino cultural and historical area.

REFERENCES

1. Asylgaraeva, G. Sh., Orudzhov, E. I., Starkov, A. S. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 178–189 (in Russian).
2. Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.)).* Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
3. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Markov, V. N. 1987. *Otchet o rabotakh otryada Pervobytnoy ekspeditsii v 1986 g. (Report on the Activities of Primeval Group Expedition in 1986).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 11637 (in Russian).
5. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama Region in the Ananyino Epoch).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
6. Stepanov, P. D. 1967. *Osh Pando (Osh Pando)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
7. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 107–129 (in Russian).
9. Chizhevskiy, A. A., Ponomarenko, E. V., Orudzhov, E. I. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 51 (1), 35–42 (in Russian).
10. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Orudzhov Eduard I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov. eduard@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

Памятники рубежа эр и средневековья

УДК 902/904, 902.01, 903.25, 902.64, (470.13, 470.41, 470.51)
https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.183.190

ВОПРОСЫ РАННЕЙ ДАТИРОВКИ ПОЯСНЫХ ПРЯМОУГОЛЬНЫХ НАКЛАДОК ПЬЯНОБОРСКОГО ТИПА

© 2025 г. А.А. Красноперов

Характерным («этнографическим») элементом пьяноборской культуры являются прямоугольные поясные накладки, украшенные двумя параллельными рядами треугольных вдавлений. Несмотря на «типичность», их развернутой хронологии в настоящее время не существует. В литературе встречается мнение (С.Н. Коренюк, И.О. Васкул) о ранней – до-пьяноборской – ананьинской – датировке времени их появления. В статье рассматриваются аргументы авторов, обсуждаются привлекаемые для обоснования ранней даты комплексы. В настоящий момент убедительных доказательств датировать эти накладки с ананьинского времени нет. Привлекаемые находки происходят из случайных сборов или из комплексов без датирующих вещей. Накладки можно относить только к пьяноборскому времени. При этом появление декора в виде рядов треугольников – но не на накладках, – может быть более ранним приемом. Определенно к ананьинскому времени относятся накладки, где в качестве декоративного элемента используются два ряда зигзага.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Республика Коми, поясные накладки, типология, хронология, ананьинская КИО, гляденовская культура, пьяноборская культура.

В последние века до нашей эры – первые века нашей эры центральная часть Прикамья (юг современной Удмуртии и север современной Башкирии) была занята носителями пьяноборской культуры. Ранняя дата этих памятников вряд ли опускается раньше сер. II в. до н. э. (Красноперов, 2014), максимальный расцвет приходится на II в. н. э., постепенная трансформация – на 1-ю пол. III в. н. э. (Красноперов, 2018). Между этими основными датами возможно выделение более дробных интервалов, но их обоснование – дело будущего. В основе современных представлений лежат работы В.Ф. Генинга (1959) и Б.Б. Агеева (1983). По прошествии 40 (60) лет они явно требуют уточнений, проверки, пересмотра. В костюме (головном уборе, украшениях в области груди, на обуви) обильно использовались различные бронзовые нашивные накладки, в том числе «прорезные», бляшки разных размеров. Типичное украшение – бронзовые (самый поздний вариант – железные) височные подвески в виде знака вопроса. Характерные элементы костюма – пояса с эполетообразной застежкой (часто с многочисленными бронзовыми накладками, иногда – с крупными дисковидными бляхами), без наконечников. Начиная с пьяноборского времени пояса становятся «наборными» – с застежкой, пряжкой, наконечником, многочисленными накладками. Эта традиция практически неизвестна в предшествующее время, но становится повсеместной в последующем. Среди пьяноборских типов поясных накладок самыми массовыми и характерными («этнографическими») являются прямоугольные, обычно с двумя петлями, украшенные двумя параллельными линиями треугольников.

Датировка этих накладок затруднена и специально не рассматривалась. Очевидно, что накладки (и сама конструкция поясных наборов) относятся к «классическому» периоду пьяноборской культуры (2 пол. I (?) –

II вв. н. э.)[1]. Время появления накладок остается предметом дискуссии. Существует точка зрения (С.Н. Коренюк, И.О. Васкул) о датировке накладок с ананьинского времени. Для обоснования более ранней даты приводятся находки или из памятников ананьинского времени, или из Шиховского могильника, включающего как погребения ананьинского, так и гляденовского времени.

И.О. Васкул при публикации Шиховского могильника ссылается на находки из Старшего Ахмыловского, Ананьинского, Кадыровского VI могильников, находки в кара-абызской и гороховской культурах, на основании чего относит шиховские погребения к V–III вв. до н. э. (Васкул, 2002, с. 14). Мне даты приведенных аналогий кажутся необоснованными и приниматься во внимание не могут. Соответственно, и датировка накладок из Шиховского могильника не подкреплена.

И.О. Васкул выделяет в Шиховском могильнике (всего 44 погребения (Васкул, 2021, с. 588), на плане – 43 (Васкул, 2002, рис.3)) две хронологические группы (и несколько разных керамических культур). К гляденовскому времени отнесено всего восемь могил: пп. 25, 29, 30, 33, 34, 35 (Васкул, 2002, с. 17), 37, неизвестный номер (Васкул, 2021, с. 588). Остальные атрибутированы как ананьинские кон. VI (V) – III вв. до н. э. (Васкул, 2002, с. 7, 15).

Датировки определены на основании керамики, радиоуглеродных дат, стилистике зооморфных украшений. Но кроме, быть может, бронзового наконечника копья и железного кинжала из могилы 19, все остальные находки и комплексы или не имеют четких дат, или имеют очень широкую хронологию[2].

Точка зрения С.Н. Коренюка была высказана в докладе «Хронология одной группы накладок» на конференции «Ананьинский мир: процессы культурогенеза в финале эпохи бронзы и раннем железном веке в Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения Б.С. Жукова)» в Елабуге 3–6 октября 2022 г. Он также оперирует находками из Старшего Ахмыловского и Шиховского могильников для обоснования ананьинского возраста накладок с двумя параллельными рядами треугольных вдавлений.

Погребения 663 и 920 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 99: 2, 126: 9) (рис.1: В, Д) однозначно атрибутируются ананьинской культурой (конкретная датировка здесь не важна). Однако сами накладки имеют существенные отличия от пьяноборских: у них одна петля на обороте[3]; фактически это не ряды треугольных вдавлений, а зигзаг; треугольники (зигзаг) занимают все поле накладки от торца к торцу.

А у пьяноборских ряды треугольников расположены только в центральной части, до концов и краев не доходят.

Судя по всему, литейная форма с Елабужского городища (Кавеев, 1984, рис. 3: 14) (рис. 1: Г-2) относится к этой же группе – ранних накладок с зигзагом. Но ее контекст в слое из публикации непонятен.

На Зуевском могильнике нет могил не ананьинского времени. В погребении 198 (Худяков, 1933, с. 14, табл. III: 2, V: 3, 4, 21)[4] (рис. 1: Б) найдена довольно характерная ранняя ложчатая чаша, но треугольниками украшена не накладка, а подвеска. Есть серьезные сомнения, что достаточно простой декоративный прием можно рассматривать как самостоятельный, хронологически важный признак.

Довольно запутанная ситуация с находками с Ананьинского могильника. Во-первых, из этого пункта – «Ананьинская дюна» – происходят материалы разных эпох, в т. ч. и чисто

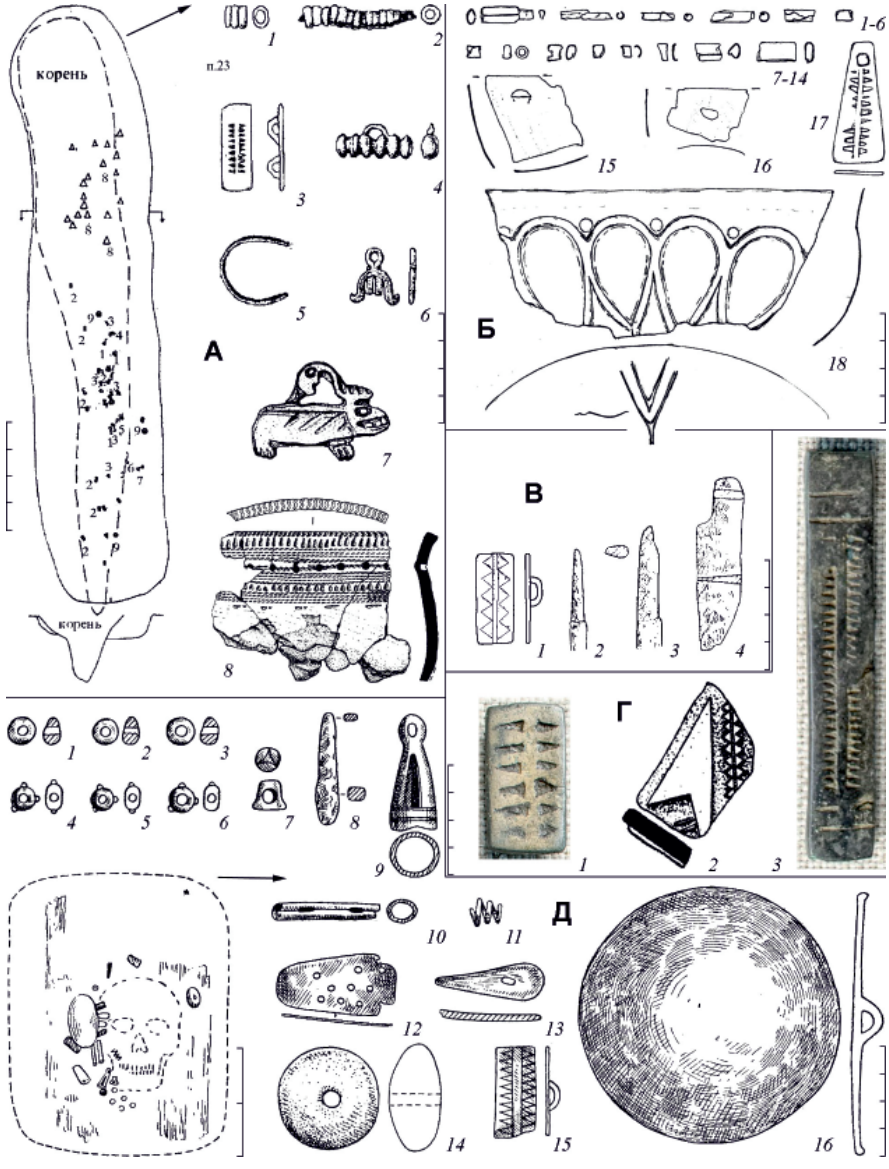

Рис. 1. Комплексы с накладками и отдельные находки:
А – Шиховской, п.23 (Васкул, 2002, рис.6: 2, 12: 2,58,11, 15: 8, 18: 1); Б – Зуевский, п.198 (ГЭ, с оригиналов); В – Ст.Ахмыловский, п.920 (Патрушев, Халиков, 1982, табл.99: 2); Г-1,2 – Ананьинский (ГИМ 44743/11 = Оп.Б 347/11 = ГК 21539830; ГИМ, Оп.Б 345/12 = ГИМ 32722/12 = ГК 12317372), Г-2 – Елабужское городище (Кавеев, 1984, рис.3: 14); Д – Ст.Ахмыловский, п.663 (Патрушев, Халиков, 1982, табл.126: 9).

Fig. 1. Assemblages with mounts and individual finds

пьяноборских типов (Tallgren, 1919, fig. 103: 16, 19, 24; Генинг, 1963, рис. 69: 6–9), во-вторых, к Ананьинскому могильнику, как к раскрученному бренду, приписывали многочисленные находки из других мест. Одна из накладок (https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12438719) (рис. 1: Г-3) существенно отличается пропорциями и имеет дополнительные элементы декора в виде парных врезных линий на концах. Других похожих экземпляров я не знаю. Другой экземпляр (https://goskatalog.ru/portal/#/

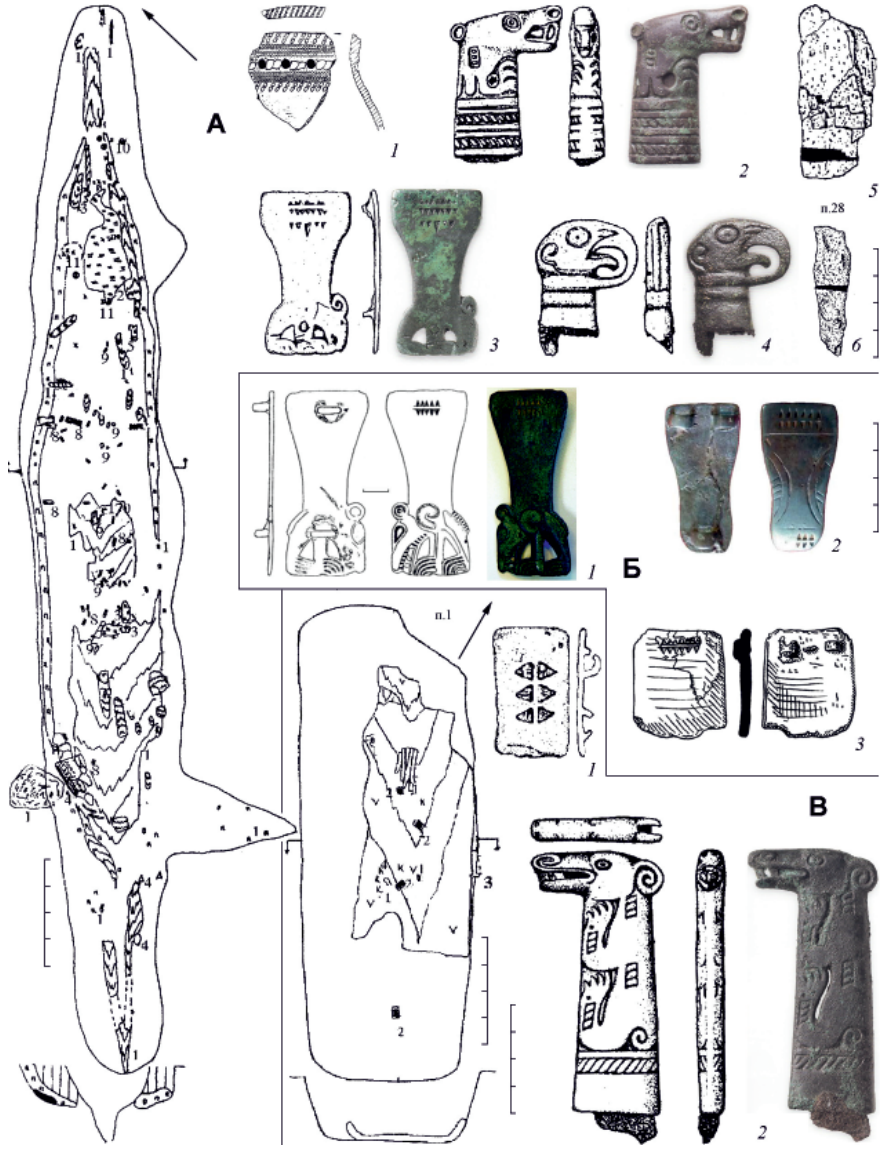

Рис. 2. Комплексы с накладками и отдельные находки:
А – Шиховской, п.28 (Васкул, 2002, рис. 10, 13: 10, 11, 13, 15: 3, 18: 2, 17: 7); Люди, Звери, Боги, 2017, № 4); Б-1 – Ананьинский (Васильев, 2002д, кат.II-23; Карпелан, Уйно, 2009, с.22: В), Б-2 – «Башкирия» (Ширин, 2018, рис.1: 7), Б-3 – Кудома XI (Косменко, 2009, рис.5: 3); В – Шиховской, п.1 (Васкул, 2002, рис.4: 1, 12: 3, 13: 12).

Fig. 2. Assemblages with mounts and individual finds.

collections?id=21671345) (рис. 1: Г-1) имеет вполне обычный пьяноборский облик.

Самая сложная ситуация с Шиховским могильником. Памятник опубликован не полностью и содержит погребения как ананьинского, так и гляденовского времени (по новой терминологии «пиджская культура» (Васкул, 2021, с. 585–597). Предметы, декорированные рядами треугольников, встречены в трех[5] из опубликованных погребений: пп. 1, 23, 28 (Васкул, 2002). В двух случаях это накладки (рис. 1: А, 2: В), в одном – накладная пластина (рис. 2: А).

Обобщенный контур пластины из погребения 28 можно описать как прямоугольник с вогнутыми длинными сторонами, с одной из коротких сторон декор из расположенных поперек рядов треугольников, с другой – зооморфная фигура: хищник с когтистыми лапами и круглым ухом, на обороте две петли поперек длинной оси. Этой находке (Люди, Звери, Боги, 2017, № 4) практически идентична накладная пластина из недокументированных сборов А.-М. Тальгрена 1909 г. с Ананьинской дюны (Tallgren, 1919, fig. 120: 20; Васильев, 2002д, кат. II-23; 2004, рис. 19: 20; Карпелан, Уйно, 2009, с. 22: B) (рис. 2: Б-1). Судя по расположению фигуры, предмет должен использоваться в костюме вертикально, а при наличии петель и отсутствии крючков застежкой являться не может. Условное сходство с этой парой составляет предмет, опубликованный Ю.В. Ширином из недокументированных находок в Башкирии (Ширин, 2018, рис. 1: 7) (рис. 2: Б-2), и, может быть (фрагмент предмета), из Кудома XI в Карелии (Косменко, 2009, рис. 5: 3) (рис. 2: Б-3).

По обряду погребение 28 является одним из четырех (не менее[6]) захоронений в лодках: пп. 26, 27, 28, 42 (Васкул, 2002, рис. 9,10; Ашихмина, Васкул, 2021, рис. 10). Все они И.О. Васкулом определены как «ананьинские» (Ашихмина, Васкул, 2021, с. 277). Для могилы 26, с инвентарем гляденовского (пьяноборского) времени (височная подвеска, бляха и подвеска из зеркал), имеется радиоуглеродная дата по углю 2080 ± 40 л. н. (ЛЕ 5597). Для могилы 27, также с инвентарем гляденовского времени (подвеска в виде пчелы), имеется радиоуглеродная дата по углю 2370 ± 60 л. н. (ЛЕ 6294) (Васкул, 2002, с. 15; Ашихмина, Васкул, 2021, с. 287, табл. 1). Разброс скорее свидетельствует о невысокой точности дат, чем о ранней датировке комплекса[7]. Комплекс находок из погребения 28 представлен зооморфными рукоятями и наконечниками. Обычно они априори (в силу привычки, «так принято») относятся к «ананьинскому времени», но жесткой доказательной базы никто не привел[8]. Датировки опираются на случайные сборы без контекста, в единичных случаях на комплексы, не содержащие датирующих вещей. Т. е. отнесение к ананьинской эпохе возможное, но не единственно возможное, без реальных доказательств.

Примерно также обстоит дело с комплексами Шиховской, пп. 1 и 23, – они не могут датироваться исключительно ананьинским временем. Оснований явно недостаточно.

Рассмотренная точка зрения о ранней датировке накладок с рядами треугольников в настоящий момент не убедительна. Достоверно к ананьинскому времени относятся Ст. Ахмыловский, пп. 663, 920, и, вероятно, литейная форма с Елабужского городища. Принципиальные отличия накладок из них от пьяноборских в декоре – это не ряды треугольников в центральной части поля, а зигзаг, занимающий всю длину накладки.

Остальные случаи сложнее. Часть находок с таким декором не является накладками (Ананьинская дюна, «Башкирия», Шиховской, п. 28) или существенно отличается (Ананьинская дюна) от накладок из достоверно пьяноборских комплексов. К допьяноборскому времени относится подвеска (не накладка) с декором треугольниками (Зуевский, п. 198). Несколько находок происходят из пунктов (Ананьинская дюна) и с памятников (Шиховской могильник), содержащих находки как ананьинского, так и пьяноборского времени. Но отнесение их именно к допьяноборскому времени обосновано недостаточно. Видимо, можно сформулировать вывод, что прямоугольные накладки с двумя параллельными рядами треугольных

вдавлений относятся именно к пьяноборскому, а не к более раннему времени. Но происхождение такого способа декорирования (на морфологически других предметах) может быть раньше.

Примечания

[1] Находки в других культурах и их датировки будут рассмотрены отдельно.

[2] Подробно и весьма жестко этот вопрос был разобран Ю.В. Ширимым (Ширин, 2018, с. 182), что позволяет повторно на нем не останавливаться.

[3] Кажется, накладки с одной петлей на обороте встречены в пьяноборских памятниках лишь однажды – Тарасово, п. 1108 (Голдина, 2004, табл. 447: 7).

[4] ОАВЕС ГЭ, 609/356–358, 360, 361. Благодарю хранителя коллекции Екатерину.Арнольдовну Шаблавину (ГЭ) за возможность работы.

[5] В тексте упоминается, что бляшки этого 1-го типа найдены в пп. 1, 18, 23, 27, 28 (Васкул, 2002, с. 11; Ашихмина, Васкул, 2021, с. 273). Подробности недоступны.

[6] В тексте упоминаются могилы 26, 27, 28, 38, 41, 42 (Ашихмина, Васкул, 2021, с. 267).

[7] О чем прямым текстом пишет сам исследователь (Васкул, 2002, с. 15–16).

[8] О том же: Ширин Ю.В., 2018.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 242–287.

3. Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс… канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.

4. Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. № 11 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 275–297.

5. Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 451. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 52 с.

6. Васкул И.О. Памятники гляденовской культурно-исторической общности на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 562–597.

7. Генинг В.Ф. Пьяноборская культура на Средней Каме (III в. до н.э. – II в. н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1959. 16 с.

8. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. // Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / ВАУ. Вып. 5. Свердловск-Ижевск, 1963. 195 с.

9. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.

10. Кавеев М.М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 18–27.

11. Карпелан К., Уйно П. Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном Музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 13–23.

12. Косменко М.Г. Древности железного века с ананьинскими элементами в Карелии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 108–121.

13. Красноперов А.А. Погребение № 28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинской мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–348.

14. Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 56–84.

15. Люди. Звери. Боги: Предметы первобытного искусства Северного Приуралья: каталог выставки / Авт. вступ. ст.: Т.Ю. Туркина, Е.А. Шаблавина. Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2017. 99 с.

16. Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

17. Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. 27 с., 11 л. ил.

18. Ширин Ю.В. Хронология выявляемых культурных связей Приуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железа // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 178–190.

19. Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale / Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. T. II / In Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (SMYA), XXXI: 1. 1919. 203 p.

Информация об авторе:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Удмуртский институт истории, языка, литературы УдмФИЦ УРО РАН (г. Ижевск, Россия); alexander.kaa@mail.ru https://orcid.org/0000-0001-7931-4536

ISSUES OF EARLY DATING OF RECTANGULAR BELT MOUNTS OF THE PYANY BOR TYPE

A.A. Krasnopeorov

A characteristic ("ethnographic") element of the Pyany Bor culture are rectangular belt mounts decorated with two parallel rows of triangular impressions. Despite their "typical" nature, a developed chronology for them currently lacks. Literature contains an opinion (S.N. Korenyuk, I.O. Vaskul) proposing an early – pre-Pyany Bor – Ananyino – dating for their emergence. The paper examines the authors' arguments and discusses the assemblages cited to support the early date. Currently, there are no convincing proofs to date these mounts to the Ananyino period. The cited finds originate either from chance finds or from assemblages lacking datable artifacts. The mounts can only be attributed to the Pyany Bor period. However, the appearance of decoration in the form of rows of triangles – though not on mounts – may be an earlier technique. Mounts where two rows of zigzags are used as the decorative element are definitely datable to the Ananyino period.

Keywords: archaeology, Kama River region, Komi Republic, belt mounts, typology, chronology, Ananyino cultural-historical community (Ananyino CHC), Glyadenovskaya culture, Pyany Bor culture.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1983. *P'yanoborskaya kul'tura (voprosy khronologii i obshchestvennogo stroya) (Piany Bor culture (questions of chronology and social structure)).* PhD Thesis. Moscow (in Russian).

2. Ashikhmina, L. I., Vaskul, I. O. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 242–287 (in Russian).

3. Vasiliev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kam'ia v anan'inskuiu epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga – Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. PhD Diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

4. Vasilev, St. A. 2004. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 275–297 (in Russian).

5. Vaskul, I. O. 2002. *Shikhovskoy mogil'nik rannego zheleznogo veka (pervye rezul'taty issledovaniy) (Shikhovsky Burial Ground of the Early Iron Age (First Study Results)).* Series: Nauchnye doklady KNTs UrO RAN (Scientific Reports of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) 451. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

6. Vaskul, I. O. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 562–597 (in Russian).

7. Gening, V. F. 1959. *P'yanoborskaya kul'tura na Sredney Kame (III v. do n.e. – II v. n.e.) (Piany Bor culture on the Middle Kama (III century BC – I century AD)).* PhD Thesis. Moscow (in Russian).
8. Gening, V. F. 1963. In *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk (in Russian).
9. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Region)* 1. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
10. Kaveev, M. M. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–82 (in Russian).
11. Karpelan, K., Uyno, P. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 13–23 (in Russian).
12. Kosmenko, M. G. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga Historical, Architectural and Art Museum, 108–121 (in Russian).
13. Krasnopeorov, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskoi mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (Ananyino World: Origins, Evolution, Relations, Historical Fates)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 331–348 (in Russian).
14. Krasnopeorov, A. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 56–84 (in Russian).
15. In Turkina, T. Yu., Shablavina, E. A. (introd. and annotat.). 2017. *Lyudi. Zveri. Bogi: Predmety pervobytnogo iskusstva Severnogo Priural'ya: katalog vystavki (People. Animals. Gods. Primitive art items of the Northern Urals. The exposition catalogue).* Syktyvkar: "The National Museum of the Komi Republic" (in Russian).
16. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshiy Akhmylovskiy mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Khudiakov, M. G. 1933. *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "Pechatnyy Dvor" Typography (in Russian).
18. Shirin, Yu. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 178–190 (in Russian).
19. Tallgren, A. M. 1919. *L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale* / Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. T. II / In Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (SMYA), XXXI: 1. 203 p.

About the Author:

Krasnopeorov Alexander A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation; alexander.kaa@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.191.206

ИМЕНДЯШЕВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА, ВНЕШНИЕ СВЯЗИ[1]

© 2025 г. Н.С. Савельев

Рассматривается история выделения имендяшевских древностей, которые разными исследователями определялись как тип памятников или отдельная археологическая культура. Проведенный сравнительный анализ показал, что имендяшевская керамика выступает маркером позднего этапа кара-абызской культуры и является эволюционным продолжением убаларского культурного типа в составе этой культуры, сформировавшегося не позже середины IV – рубежа IV–III вв. до н. э. Носители этих традиций постепенно вобрали в себя кочевнические позднесавроматские (филипповские), раннесарматские (прохоровские), зауральские лесостепные (иткульские), позднесарматские и мазунинские компоненты. Судя по различным вариантам смешанной керамики, самые поздние группы населения кара-абызской культуры к началу – первой половине V в. н. э. были полностью ассимилированы носителями турбаслинской и мазунинской культур. По имеющимся данным, территория, занятая населением позднего (имендяшевского) этапа кара-абызской культуры, в основном была приурочена к правобережью р. Белой и ограничивалась на севере низкогорным таежным Уфимским плато, на востоке – краем гор Южного Урала, на юге доходила до широты современного г. Салават. Максимальные размеры этого ареала составляли около 250×70 км, но основная часть памятников сосредоточена в Бельско-Уфимско-Симском междуречье, занимающем северную часть ареала.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, лесостепь, эпоха Великого переселения народов, убаларский культурный тип, поздний этап кара-абызской культуры, культурное взаимодействие.

Введение

Вопросы атрибуции культурных типов памятников или отдельных типов керамической посуды, по тем или иным причинам не включенных в рамки археологических культур на стадии их выделения, всегда являлись и являются очень сложными. Тем более такие ситуации усугубляются по прошествии длительного времени, когда для культур уже определены основные характеристики, хронологические рамки и пр., и наряду с этим не включенные в рамки культур «типы» также накопили значительную собственную историографию. Одним из таких «периферийных» образований лесостепи Южного Приуралья начала I тыс. н. э. являлся т. н. «имендяшевский тип», выделение которого относится еще к началу 1960-х гг. Различные его интерпретации – в рамках типа, но рассматривавшегося совершенно различно (Г.И. Матвеева, Н.А. Мажитов, В.Ф. Генинг), или даже самостоятельной археологической культуры (С.М. Васюткин, А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович) – основывались на крайне недостаточных и разрозненных данных. Наиболее глубокими и обоснованными являлись взгляды Г.И. Матвеевой, которая после раскопок Имендяшевского городища и выделила данный тип. По ее мнению, имендяшевские древности вырастают на основе убаларского варианта кара-абызской культуры и на своем позднем этапе ассимилируются пришлыми с юга кочевниками – носителями турбаслинской культуры

[1] Работа выполнена при поддержке проекта № 23-78-10057 Российского научного фонда «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

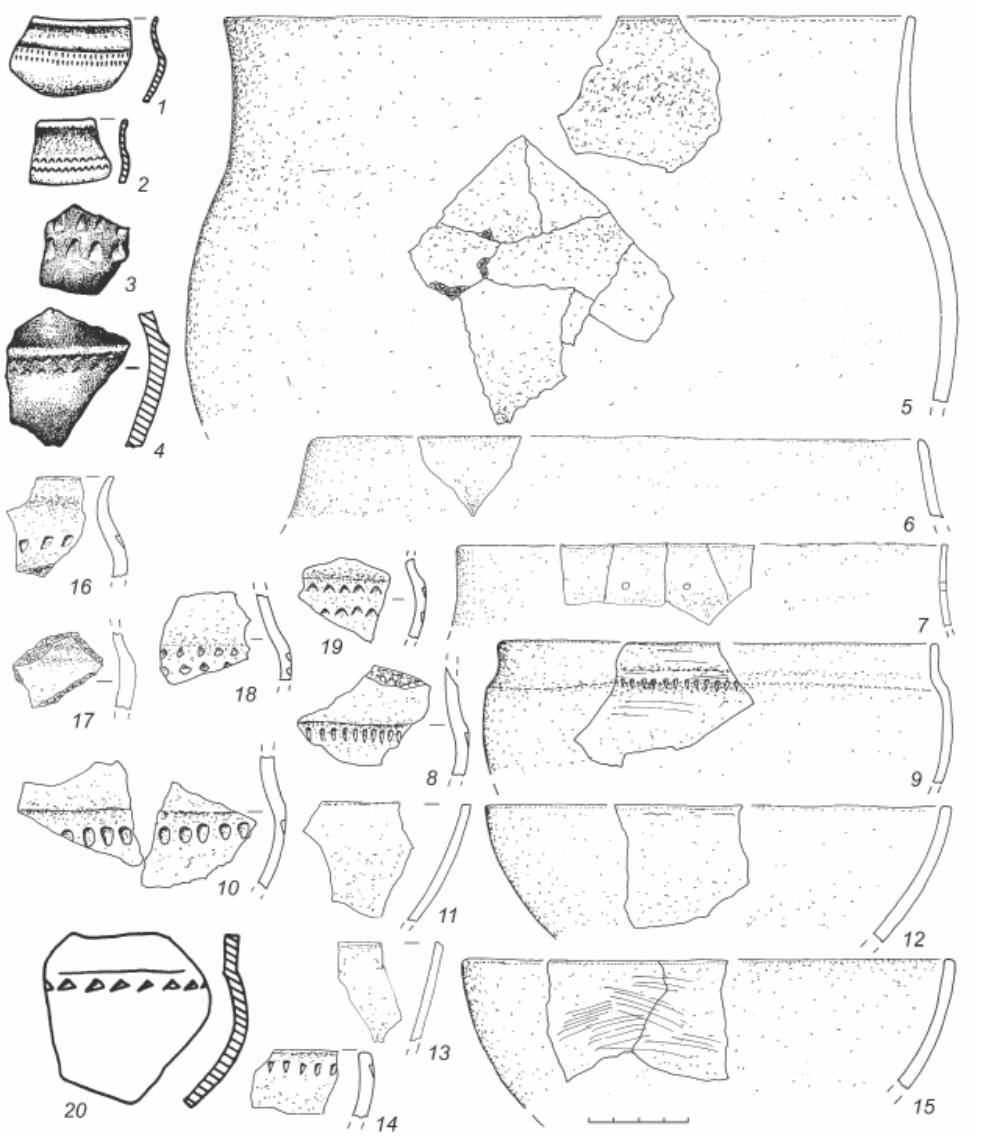

Рис. 1. Позднекараабызский (имендяшевский) керамический комплекс лесостепи Южного Приуралья. 1–4 – Имендяшевское городище; 5–15 – поселение Акбердино-3; 16 – селище Тауш-2; 17 – селище Караган-4; 18, 19 – Шиповское городище; 20 – селище Таш-Асты-1.

Fig. 1. Late Kara-Abyz (Imendyashevo) pottery assemblage of the Southern Ural forest-steppe. 1–4 – Imendyashevo hillfort; 5–15 – settlement Akberdino-3; 16 – settlement Taush-2; 17 – settlement Karagan-4; 18, 19 – Shipovo hillfort; 20 – settlement Tash-Asty-1.

(Матвеева, 1973, с. 250, 252; 1979, с. 168). К сожалению, ее выводы так и не получили какого-либо дальнейшего развития в региональных археологических построениях.

Длительное отсутствие внимания к «имендяшевскому типу» в значительной степени было связано с крайне малым количеством однослойных памятников, по которым можно было бы провести развернутый анализ материальной культуры данного населения и включить его в археологическую схему Южного Приуралья

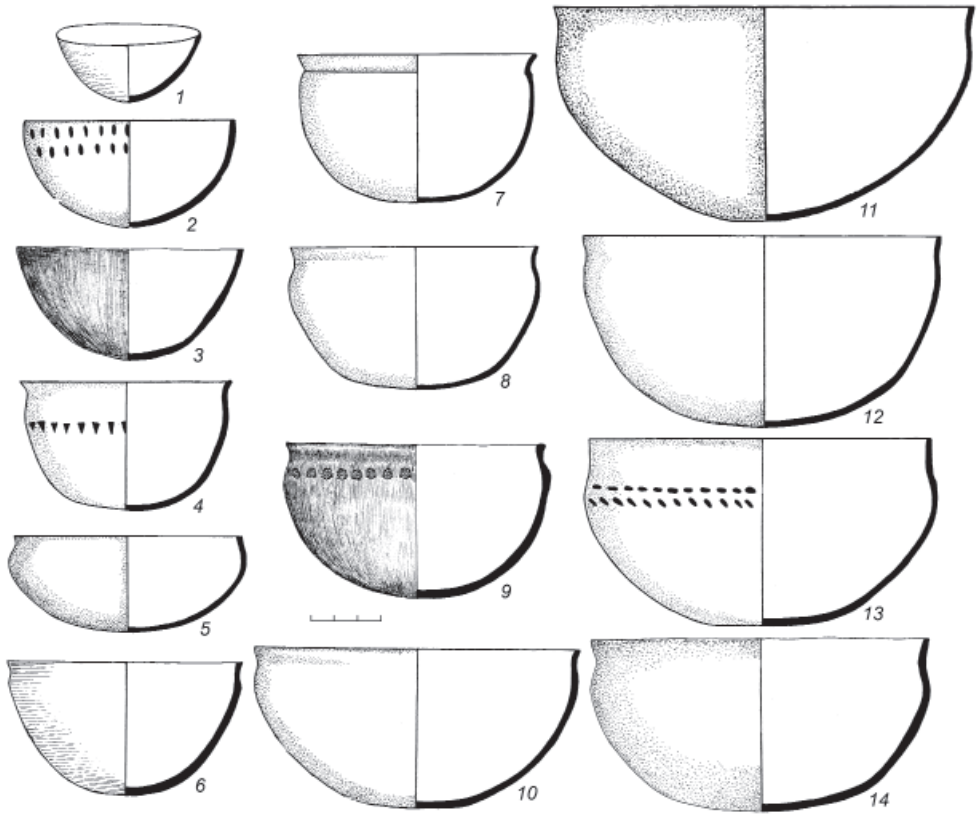

Рис. 2. Шиповский могильник. Раскоп XIII. Позднекараабызские (имендяшевские) сосуды. 1 – погр. 159; 2 – погр. 288; 3 – погр. 75; 4 – погр. 279; 5 – погр. 257; 6 – погр. 143; 7 – погр. 278; 8 – погр. 286; 9 – погр. 81; 10 – погр. 289; 11 – погр. 190; 12 – погр. 187; 13 – погр. 251; 14 – погр. 239.

Fig. 2. Shipovo burial ground. Excavation XIII. Late Kara-Abyz (Imendyashevo) vessels. 1 – burial 159; 2 – burial 288; 3 – burial 75; 4 – burial 279; 5 – burial 257; 6 – burial 143; 7 – burial 278; 8 – burial 286; 9 – burial 81; 10 – burial 289; 11 – burial 190; 12 – burial 187; 13 – burial 251; 14 – burial 239.

I тыс. н. э. Единственная работа, в которой была предпринята попытка системного анализа имендяшевской керамики – статья В.В. Овсянникова и Ф.А. Сунгатова по Бажинскому городищу в среднем течении р. Уфы (Овсянников, Сунгатов, 2004). В ней имендяшевская керамика рассматривалась в качестве важнейшего маркера раннебахмутинского (мазунинского) керамического комплекса, постепенно полностью растворившегося в нем. Исследования последних почти 20 лет на городище Уфа II с мощным культурным слоем также не добавили ясности: совместив данные по всем раскопам, Ф.А. Сунгатов пришел к выводу, что имендяшевская керамика встречается по всей толще (до 4 метров) и в очень незначительном количестве (К проблеме…, 2018, с. 82). Изменить данную ситуацию помогли исследования поселения Акбердино-3 (2009 г.), расположенного восточнее г. Уфы на правобережье р. Белая (Савельев и др., 2024).

Материалы и методы

По результатам раскопок поселения Акбердино-3 проанализирован керамический комплекс (рис. 1; 2), в т. ч. такой важный этнокультурный маркер, как пряслица (рис. 3), что

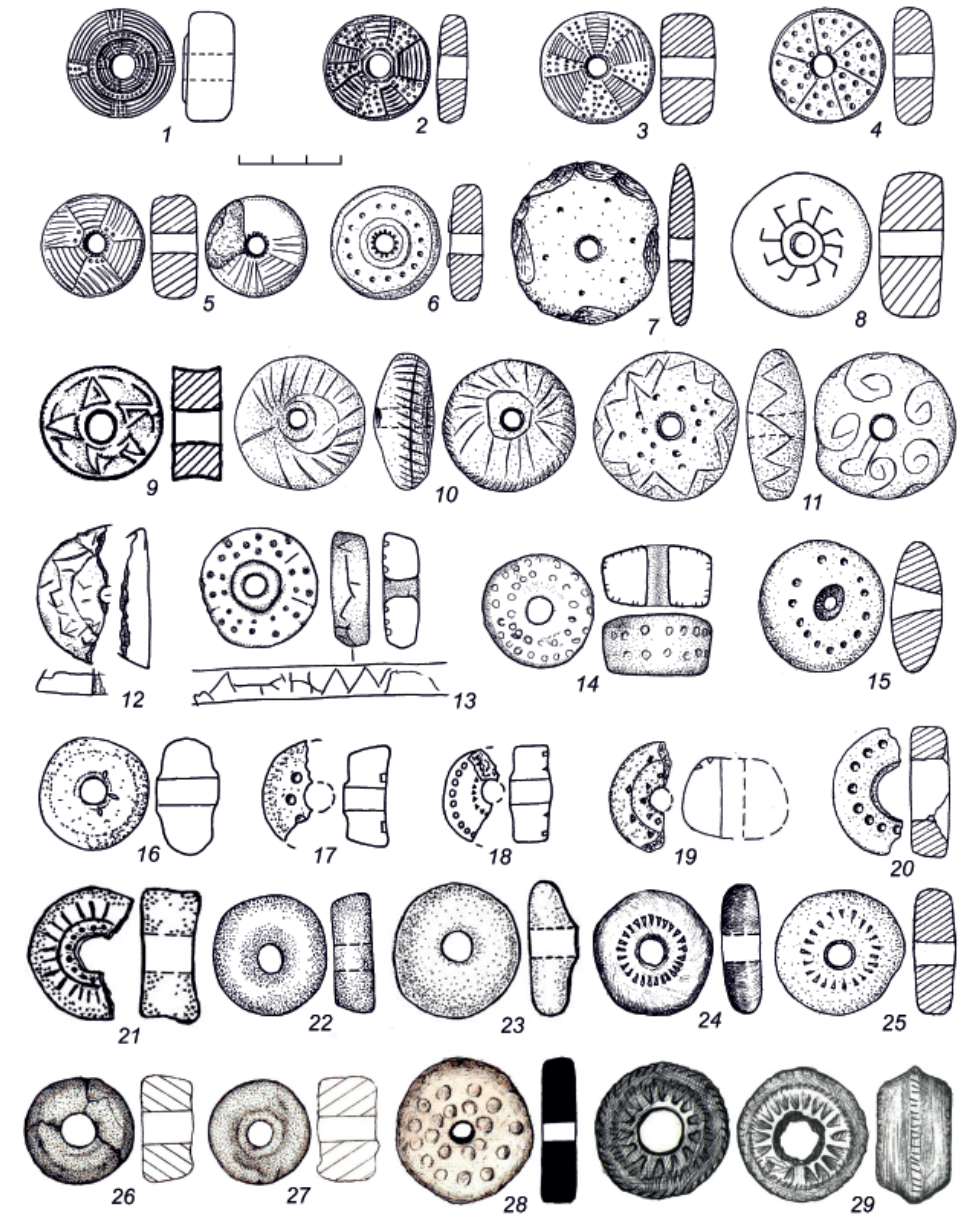

Рис. 3. Пряслица лесостепи Южного Приуралья второй половины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. Находки с поселения Акбердино-3 (16–18), их прототипы (1–14), синхронные (15, 19–25) и более поздние экземпляры (26–29). 1–3, 5 – Шиповские курганы; 4, 9 – Охлебининский могильник; 6, 11 – Охлебининское городище; 7 – пещера Байсланташ; 8 – Табынское городище; 10 – Курмантаевское городище; 12–14 – городище Акбердино II; 15, 20 – Шиповское городище; 19 – селище Тауш-2; 21–24 – Шиповский могильник (поздняя часть); 26–29 – городище Уфа II.

Fig. 3. The spindle whorls from the Southern Ural forest-steppe of the second half of the I millennium BC – the middle of the I millennium AD. Finds from the settlement of Akberdino-3 (16–18), their prototypes (1–14), synchronous (15, 19–25) and later items (26–29). 1–3, 5 – Shipovo mounds; 4, 9 – Okhlebinino burial ground; 6, 11 – Okhlebinino hillfort; 7 – Bayslantash cave; 8 – Tabynsk hillfort; 10 – Kurmantau hillfort; 12–14 – Akberdino II hillfort; 15, 20 – Shipovo hillfort; 19 – Taush-2 settlement; 21–24 – Shipovo burial ground (late part); 26–29 – Ufa II hillfort.

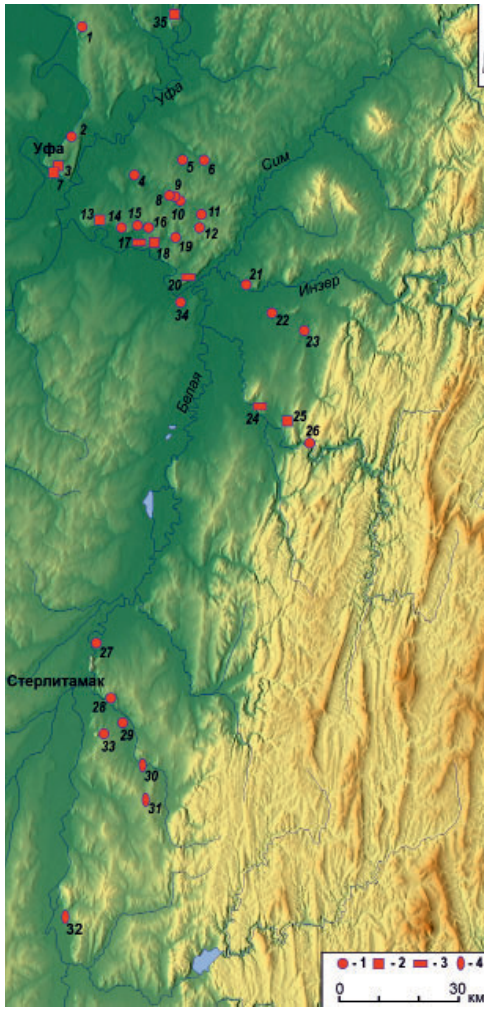

Рис. 4. Имендяшевские и содержащие имендяшевскую керамику памятники эпохи Великого переселения народов лесостепи Южного Приуралья.
1 – Кара-Абыз-2а; 2 – Дежневка; 3 – Уфа II; 4 – Русский Юрмаш-1; 5 – Караган-1, -2, -4; 6 – Тауш-1, -2, -3; 7 – Уфа III; 8–10 – Поступалово-1, -2, -3; 11 – Ивано-Казанка I; 12 – Ивано-Казанка II; 13 – Нагаевское I; 14 – памятники около с. Акбердино; 15 – Блохино I; 16 – Карамалы; 17, 18 – Шипово; 19 – Багармыж-1; 20 – Охлебинино; 21 – Кумурлы; 22 – Устиново; 23 – Бейсово; 24 – Юлуково-1; 25 – Имендяшево; 26 – Таш-Асты I; 27 – Юрак-Тау; 28 – Шах-Тау; 29 – Селеук; 30 – Ахмерово II; 31 – Салихово; 32 – Камбулатово; 33 – Торатау-3; 34 – Улукулево; 35 – Каменная Гора (Бажино).
1 – селища и поселения; 2 – городища; 3 – грунтовые могильники; 4 – курганные могильники

Fig. 4. Imendyashevo sites and Imendyashevo ceramics-containing sites of the epoch of the Great Migration of the peoples of the Southern Ural forest-steppe.

1 – settlements; 2 – hillforts; 3 – burials without mounds; 4 – barrow fields.

позволило собрать воедино разрозненные данные по поселенческим и погребальным памятникам лесостепи Южного Приуралья начала I тыс. н. э., а также показать истоки данного комплекса. Привлечение археозоологических данных показало значительную трансформацию хозяйства населения – носителей имендяшевского комплекса по сравнению с предшествующим временем, что коррелирует с существующими палеоэкологическими колонками приуральской лесостепи. Результаты данных процедур явились основой для картографирования рассматриваемых памятников (рис. 4), определения их внутренних и внешних связей и корректировки существующей региональной археологической схемы I тыс. н. э.

Материальная культура

Керамический комплекс

Раскопками на поселении Акбердино-3 вскрыта часть небольшой усадьбы, состоявшей из наземного жилища, хозяйственной постройки и шести хозяйственных ям. Общие размеры пятна культурного слоя этого объекта около 20×20 м. Судя по палеопочвенным исследованиям, усадьба существовала очень короткий промежуток времени (Савельев и др., 2024). К ней относится 679 фрагментов керамики не менее чем от 30 сосудов (43,3% имендяшевские, 30% турбаслинские, 26,7% смешанные

имендяшевско-турбаслинские). Нахождение их в одних скоплениях и заполнении ям позволяет рассматривать весь комплекс как одновременный.

Для имендяшевской группы (рис. 1: 5–15), которая хорошо выделяется тонкостенностью и примесью большого количества мелкого песка, характерны открытые и профилированные глубокие чаши. Первые за единичными исключениями не орнаментированы, для вторых характерен орнамент из пояска клиновидных или подовальных вдавлений. Характерным их признаком является небольшой уступ, проходящий по основанию шейки. Горшки крупные, неорнаментированные, с утонченной дуговидно отогнутой или наклоненной внутрь шейкой. Наружная поверхность одной из профилированных чаш черно-лощеная. Турбаслинские сосуды выделяются грубым комковатым тестом, примесью шамота и отличающимися формами горшков, имеющими аналогии на городище Уфа II (К проблеме…, 2018, рис. 36). Также турбаслинская и имендяшевско-турбаслинская посуда поселения Акбердино-3 (Савельев и др., 2024, рис. 5; 6) выделяется отсутствием глубоких профилированных чаш, наличие же среди нее открытых чаш, судя по их отсутствию в материалах городища Уфа II (К проблеме…, 2018, рис. 36–50), свидетельствует об имендяшевском происхождении данных форм.

Рассмотренный керамический комплекс и явившийся основанием для выделения особого «имендяшевского типа» широко представлен на городищах Имендяшевское, Бажинское и Уфа II (Матвеева, 1973; Овсянников, Сунгатов, 2004; К проблеме…, 2018), а также в виде небольшой примеси на многих памятниках среднего течения р. Белой (Васюткин, 1987). Ранее автором, но на основании других материалов, было предложено рассматривать его в рамках позднего этапа кара-абызской культуры, который так и предложено именовать, не рассматривая его далее в рамках каких-либо «типов» или «культур» (Савельев, 2017, с. 33–34). На основе анализа значительного по объему комплекса керамики было показано, что основной тип имендяшевской керамики – глубокие профилированные чаши, а также сильно запесоченное плотное тесто имеют убаларское происхождение (Савельев, 2009, с. 135–136; 2017). Убаларский культурный тип, сформировавшийся не позже середины IV – рубежа IV–III вв. до н. э. в предгорной лесостепи Южного Приуралья (территория от устья р. Сим, где расположено Охлебининское городище, до места выхода р. Зилим из гор) на основе остаточного постмаклашеевского (раннекараабызского) населения, может быть интерпретирован в качестве отдельной группы, входящей в состав кара-абызской культуры (Савельев, 2017). Вывод о двухкомпонентности носителей кара-абызской культуры также был сделан и В.В. Овсянниковым, анализировавшим керамику с поселений ее северных и центральных территорий (Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015, с. 103).

Примерно с III–II вв. до н. э. происходит распространение убаларских традиций на весь центр и юг кара-абызской территории, что для памятников Бельско-Уфимско-Симского междуречья постепенно привело к полной замене «собственно кара-абызских» форм, орнаментов и гончарной технологии на убаларские. Детально это зафиксировано на материалах Шиповского и Акбердинского II городищ (Савельев, 2009; Овсянников, Савельев, 2019, с. 202–205, рис. 8). Также по керамике Шиповского городища показано, что имендяшевский орнамент из пояска треугольных вдавлений является сильно упрощенной и стандартизированной формой убаларских резных

зигзагов, восходящих к сложной геометрической орнаментике гафурийской посуды (Савельев, 2009, с. 136).

Наглядным подтверждением тому, что т. н. «имендяшевская» керамика является кара-абызской позднего этапа, выступают погребения III–IV вв. н. э. Шиповского могильника, которые за небольшим исключением содержат только открытые и профилированные чаши (рис. 2), многие из которых орнаментированы поясками подтреугольных вдавлений (Овсянников и др., 2007; Овсянников, 2023). Близкая картина зафиксирована и в поздних погребениях Охлебининского могильника (Савельев, 2017, рис. 8: 8–17, 25–29). Для этого времени по материалам Шиповского могильника (раскоп XIII) фиксируется тесное взаимодействие позднего кара-абызского населения с кочевниками – поздними сарматами, осваивавшими узкую полосу предгорной лесостепи по правобережью р. Белой в 100–150 км южнее (Салихово, Ахмерово, Нижнеарметово, Дербенево). Следствием этого для кара-абызского населения является появление в погребениях фибул, поясных наборов, а также северных ориентировок и случаев искусственной деформации головы (Овсянников и др., 2007, с. 83), а для указанных позднесарматских памятников – появление сосудов, которые по формам и орнаментам могут быть названы имендяшевскими (Васюткин, 1977, рис. 4: 2, 6; 5: 3; 1986, рис. 8: 8). Также в ближайшей округе этих курганных могильников зафиксирован ряд селищ, на которых помимо позднесарматской керамики присутствует и имендяшевская (Васюткин, 1987). Важен вывод В.В. Овсянникова о том, что даже в поздний период существования Шиповского могильника фиксируется наличие в нем двух тесно связанных между собой этнокультурных традиций. Для одной характерны грунтовые погребения, для другой – реминисценции курганного погребального обряда, уходящего своими корнями во время включения в кара-абызскую среду оседающих кочевников, относящихся к филипповскому кругу памятников и являвшихся основой формирования гафурийского культурного типа. Именно для погребений носителей второй традиции характерны имендяшевские сосуды и тесные связи с поздними сарматами (Овсянников, 2023, с. 45–46).

По данным городища Уфа II, имендяшевская керамика приурочена только к самой нижней части культурного слоя (Белявская, Проценко, Курманов, 2022, рис. 84), основание которого по ^{14}C датируется второй половиной III – первой половиной IV в. н. э. (К проблеме…, 2018, с. 133). Количество имендяшевской керамики на этом городище не превышает 1% и практически все относительно целые формы характеризуются высокими дуговидными шейками и валикообразным оформлением срезов венчика (Колонских, 2017, рис. 3: 1–4; К проблеме…, 2018, с. 82, рис. 53). Эти признаки совершенно не характерны для имендяшевских сосудов поселения Акбердино-3 и, наоборот, характерны для турбаслинских и имендяшевско-турбаслинских сосудов этой же коллекции. Данный факт позволяет говорить о том, что значительная часть «имендяшевской» керамики городища Уфа II является смешанной имендяшевско-турбаслинской. Подобный же имендяшевско-турбаслинский сосуд найден в Камбулатовских курганах, которые по ременной гарнитуре должны датироваться временем около середины V в. н. э. (Русланов, 2023, с. 96–97, рис. 130).

Также на городище Уфа II единично встречаются сосуды, сочетающие в своем орнаменте ранние бахмутинские/мазунинские (поясок ямок по шейке) и имендяшевские (поясок из одного-двух рядов треу-

гольных вдавлений по верху тулова) элементы. Значительный комплекс таких сосудов, наряду с собственно имендяшевскими, выявлен на городище Каменная Гора (Бажинское) в среднем течении р. Уфы, где относительно тонкий и ненарушенный культурный слой позволил зафиксировать их стратиграфическое положение и хронологию. Соотношение форм и орнаментов наиболее полно сохранившихся бахмутинских (в т. ч. и мазунинских) сосудов показало, что для остроребериых форм, имеющих имендяшевское происхождение, совершенно не характерен чандарский орнамент, распространившийся (или сформировавшийся?) в Приуралье в V в. н. э. (Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 229, табл. 3; 4; Красноперов, 2023, с. 242). Для них характерен тот же смешанный орнамент, что и на городище Уфа II, также единично присутствуют и сосуды, сделанные в бахмутинской гончарной традиции, но имеющие имендяшевскую форму и орнаментацию (Овсянников, Сунгатов, 2004, рис. 13: 3). Проведенная классификация позволила установить, что около половины бахмутинских сосудов ранней группы (III–V вв. н. э.), т. е. мазунинских, сохраняют в остаточном виде имендяшевские формы и орнаменты, а поздняя группа, у которой орнамент состоит из ямок, расположенных по всей поверхности сосуда (т. е. чандарский), никаких имендяшевских элементов не имеет (Овсянников, Сунгатов, 2004, рис. 14).

Бажинское городище является самым северным памятником, где есть чистая имендяшевская керамика, однако в смешанном виде ее присутствие прослеживается значительно севернее, в основном по материалам некрополей. Это Бирский могильник (Красноперов, 2023, рис. 1: 9), Старая Мушта (Красноперов, 2010, рис. 4: 2; 14: 5; 18: 4; 19: 1) и Ангасяк (Красноперов, 2010, рис. 10: 1; 19: 3–5, 7–12, 14, 15). Все они объединяются наличием ребра на тулове, одним-двумя поясками треугольных вдавлений или насечек на плече и пояском ямок по шейке, т. е. это те же смешанные мазунинско-имендяшевские формы, которые известны на городищах Уфа II и Бажинское. В одном случае в могильнике Старая Мушта найден сосуд, который по орнаменту и приземистой чашевидной остроребериой форме может быть назван имендяшевским (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, рис. 38: 6). Два сосуда из кургана 7 того же могильника сочетают в себе имендяшевскую остроребериую форму и чандарский орнамент (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, рис. 15: 5; 16: 2).

Обращение к более южным по отношению к поселению Акбердино-3 памятникам также показывает ряд важных закономерностей. Так, на эпонимном Имендяшевском городище, расположенном в 60 км юго-восточнее, к ранней части отложений относится 656 сосудов, из которых по описанным выше признакам к имендяшевской группе относится 25,9% (рис. 1: 1–4), а к турбаслинской, отличающейся отсутствием орнамента, грубой фактурой и примесью шамота, – 74,1% (Матвеева, 1973, с. 249–250). Для значительной части турбаслинской керамики этого городища характерны уступчики на плече и практически не отличимый от имендяшевских профиль (Матвеева, 1973, с. 250, рис. 4: 3; Колонских, 2017, рис. 5: 8, 9). Это свидетельствует о смешанном имендяшевско-турбаслинском характере части сосудов, относимых к турбаслинской группе.

Материалы Улукулевского селища, расположенного на пойменной гриве противоположного от Акбердино-3 левого берега р. Белой, показывают картину, отличающуюся важными деталями. Из 326 надежно атрибу-

тируемых сосудов 9,2% относятся к имендяшевской традиции (26 – горшки и профилированные чаши с уступчиком, 4 – открытые чаши), остальные – к турбаслинской, разделяемой по профилировке шейки на два типа (Матвеева, 1979, с. 181–182, рис. 3; 4). Традиционный для имендяшевской посуды орнамент отсутствует, однако на 17 сосудах имендяшевской группы и второго типа турбаслинской присутствуют насечки по срезу венчика. Также в 13 случаях на втором типе турбаслинской посуды присутствуют одинарные пояски разреженных ямок на шейке. Последний орнамент является мазунинским, он широко представлен в нижней части культурного слоя городища Уфа II, насечки же по срезу венчика, учитывая хронологическую позицию мазунинского (раннебахмутинского) комплекса, могут быть уверенно связаны с гончарными традициями поздних сармат, осваивавших во II–IV вв. н. э. предгорную лесостепь по правобережью р. Белой (Васюткин, 1977, рис. 3: 1; 5: 2; 1986, рис. 8: 9; 9: 1–3; Русланов, 2023, рис. 128: 17).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в северной части ареала имендяшевская керамика встречается с мазунинской и, за единичными исключениями (Старая Мушта), ко времени распространения чандарского орнамента исчезает. В центральной части лесостепи Южного Приуралья (Уфа II) имендяшевская керамика синхронизируется с мазунинской и турбаслинской, а в южной – с турбаслинской, мазунинской и позднесарматской. Важно, что во всех рассмотренных случаях присутствует как относительно «чистая» имендяшевская керамика, так и различные смешанные формы. В этом контексте поселение Акбердино-3, а также ближайшее к нему Улукулевское селище, расположенное прямо напротив Охлебининского городища, вероятно, показывают начальный этап взаимодействия пришлого с юга кочевого населения турбаслинской культуры с местными оседлыми позднекараабызскими имендяшевскими группами. Учитывая датировки мазунинского и бахмутинского комплексов, позднесарматских древностей, самых ранних турбаслинских погребений Уфимского полуострова (Белявская, 2021), радиоуглеродные датировки основания культурного слоя городища Уфа II, недолговременность исследованного жилища на поселении Акбердино-3, а также специфику форм и орнаментации керамики основных проанализированных памятников, время существования данного поселения и зафиксированного состояния имендяшевского керамического комплекса может быть ограничено серединой – второй половиной IV в. н. э.

Пряслица

Найденные на поселении Акбердино-3 три лепных пряслица характеризуются усеченно-конической формой, кольцевидными выступами вокруг каналов, наличием вогнутых плоскостей и орнаментом из поясков круглых ямок и мелких треугольных вдавлений (рис. 3: 16–18).

На городище Уфа II из 115 учтенных пряслиц 78% биконических (вероятно, имеют именьковское происхождение), 9,6% – овально-прямоугольных и 11,3 % – дисковидных (К проблеме…, 2018, с. 58, рис. 28; 29). Два фрагментированных акбердинских пряслица могут быть сближены только с последним типом: среди них единично присутствуют усеченно-конические экземпляры, выделенные кольцевидные выступы вокруг каналов и орнаментация одной плоскости неглубокими круглыми ямками (рис. 3: 26–28). Учитывая наличие на городище небольшого комплекса имендяшевской керамики, находки подобных пряслиц вполне закономерны.

Массовые аналогии акбердинским экземплярам происходят из памятников кара-абызской культуры (рис. 3). Среди них известны усеченно-конические формы (Овсянников и др., 2007, рис. 54: 8; Котов, 2010, рис. 1: 9; Овсянников, Савельев, 2019, рис. 5: 10–12), кольцевидные выступы или канавки вокруг каналов (Пшеничнюк, 1976, рис. 40: 6; Котов, 2010, рис. 1: 6; 2: 1, 10, 11; Овсянников, 2023, рис. 24: 14; 45: 2; 51: 7), орнаментация пояском из неглубоких круглых ямок (Котов, 2010, рис. 1: 6, 10–12; Овсянников, Савельев, 2019, рис. 5: 11, 12; Овсянников, 2023, рис. 49: 10), пояски мелких треугольных вдавлений вокруг канала (Овсянников и др., 2007, рис. 39: 19; Котов, 2010, рис. 1: 4, 6), а также наличие вогнутых поверхностей (Овсянников, 2023, рис. 49: 10). Усеченно-коническое пряслице с двумя поясками мелких треугольных наколов по одной плоскости найдено на селище Тауш-2 (рис. 3: 19), основная часть керамики которого датируется первыми веками н. э.

Подобные пряслица известны и на более удаленных (50–70 км к северу и югу) территориях кара-абызской культуры (Котов, 2010, рис. 1: 5, 9), т. е. в пределах всего ее ареала, а также в погребениях кочевников прохоровской культуры (Марыксин, Федоров, 2017), тесно взаимодействовавших с оседлым населением лесостепи. Все рассматриваемые простые по орнаментации пряслица являются сильно упрощенными вариантами богато декорированных, часто каменных пряслиц последних веков до н. э., центром распространения которых являлся микрорайон Охлебинино – Шипово – Акбердино, где расположены самые крупные и яркие памятники кара-абызской культуры. Происхождение их связано с иткульской культурой восточного склона Южного Урала, где богато декорированные сложные по формам пряслица и их упрощенные варианты (в т. ч. усеченно-конические, с кольцевидными выступами, поясками точек и т. д.) имели значительное распространение (Наумов, 2016, рис. 33: 15, 16, 22, 23, 59–61; 51: 1, 11; 91: 25, 34). Все они были предметами явно неутилитарного назначения, что подтверждается их находками на святилищах (Дюрягин, 2009, с. 54, рис. 5: г, д; 6: б). Также значительное количество орнаментированных пряслиц известно в прииртышских памятниках саргатской культуры, но больше всего их найдено в древностях староалейской культуры Барнаульского Приобья VI в. до н. э. – II в. н. э. (Фролов, 2008, рис. 98; 113; 150). Именно эта территория, вероятно, и являлась центром, из которого в середине I тыс. до н. э. распространилась далеко на запад традиция изготовления и использования в ритуальных целях сложных по форме, орнаментации и семантике пряслиц.

Возможно, часть орнаментированных биконических пряслиц городища Уфа II (всего орнамент присутствует на пяти экземплярах из 90), в т. ч. с нанесенным на плоскости пояском треугольных вдавлений вокруг канала (К проблеме…, 2018, с. 58, рис. 28: 13), также может быть связана с поздними кара-абызскими (имендяшевскими) традициями (рис. 3: 29).

Таким образом, пряслица с Акбердино-3 позволяют выделить целую серию подобных предметов и рассматривать ее как самый поздний и упрощенный вариант высокохудожественных каменных и глиняных экземпляров IV–II вв. до н. э. Появление их в ареале кара-абызской культуры связано с трансуральскими связями носителей гафурийского культурного типа, что прослеживается как по погребальному обряду, так и по керамике (Савельев, 2007, с. 105; Овсянников, 2018, с. 60).

Таблица 1

Поселение Акбердино-3 и городище Акбердинское II.
Видовое распределение костей животных (%)

Виды	Акбердинское II, горизонты 4–7 (IV–III вв. до н.э.)	Акбердинское II, горизонты 1–3 (рубеж эр)	Акбердино-3 (IV в. н.э.)
КРС *Bos taurus*	15,7	13,3	44,9
МРС *Ovis et Capra*	57,2	57,8	3,8
Свинья *Sus scrofa domesticus*	2,4	9,6	6,4
Лошадь *Equus caballus*	24,1	19,3	43,6
Собака *Canis familiaris*	0,6	-	1,3
ВСЕГО (кости)	166	135	78

Особенности хозяйства

Остеологические материалы с поселения Акбердино-3 показывают важные закономерности: полное отсутствие диких видов, малое количество свиньи и мелкого рогатого скота и высокое – лошади и крупного рогатого скота (табл. 1). Проведенный многомерный статистический анализ показал резкое отличие остеологического спектра позднекара-абызской структуры от более ранних однокультурных памятников и значительной части синхронных (Савельев и др., 2024).

Детализация данной информации позволяет понять причину таких различий. Видовое распределение костей животных с расположенного рядом и несколько более раннего Акбердинского II городища показывает отсутствие каких-либо изменений в хозяйстве его населения вплоть до рубежа эр при стабильно высоком проценте костей МРС (табл. 1). Близкая картина зафиксирована и в нижней части культурного слоя (горизонты 15–19) городища Уфа II (раскопки 2017 г.): КРС – 21,3%, МРС – 45,5%, лошадь – 24,2%, свинья – 9,0% (Пластеева, Девяшин, Романов, 2022, табл. 16). Постепенно к верхней части отложений доля костей МРС снижается более чем в два раза, а доля костей лошади почти в два раза увеличивается (Девяшин и др., 2023, рис. 2). Доля костей КРС в этом спектре также имеет небольшую тенденцию к росту, но в целом их почти в два раза меньше, чем на поселении Акбердино-3. Палинологические данные по Акбердинскому II городищу показывают, что к финалу накопления культурного слоя происходит постоянное увеличение облесенности территории (Овсянников, Савельев, 2019, с. 203). Эти природные изменения и могли стать причиной значительного изменения структуры стада (двух-трехкратный рост костей КРС и лошади и практически полное исчезновение костей МРС). Для начального же этапа функционирования городища Уфа II, который синхронизируется со временем существования поселения Акбердино-3, характерны широкие открытые пространства (Белявская, Проценко, Курманов, 2022, с. 151–153). Фиксируемые постепенные изменения в остеологическом спектре городища Уфа II могут являться следствием трансформации животноводства в связи с растущей пастбищной нагрузкой на освоенную территорию, что и привело к снижению количества мелкого рогатого скота в стаде.

Территория распространения памятников

Выделение керамического комплекса позднего этапа кара-абызской культуры позволяет определить его территориальные рамки. В основном

памятники с подобной керамикой и своеобразными пряслицами занимают территорию Бельско-Уфимско-Симского междуречья, расположенного между устьем р. Уфы и краем гор Южного Урала (рис. 4). Размеры этого междуречья, выделяющегося отсутствием крупных водотоков и переходными от северолесостепных к лесным ландшафтами, составляют около 40×80 км. Северная, удаленная от долины р. Белой часть этой территории до сих пор обследована недостаточно, однако небольшие работы последних лет показывают, что в Бельско-Уфимско-Симском междуречье широко представлены селища эпохи раннего железа и раннего Средневековья (Савельев, 2017, рис. 1). На большинстве из них, а также на крупных археологических комплексах высокой террасы правого берега р. Белой присутствует имендяшевская керамика.

Западная граница имендяшевского ареала может быть проведена по Уфимскому полуострову (городище Уфа II) и р. Уфе до ее среднего течения (Бажинское городище), где большая часть имендяшевского комплекса представлена в смешанном виде с мазунинскими и турбаслинскими традициями (рис. 4: 3, 35). Северная граница по наличию в нижней части культурного слоя Бажинского городища чистой имендяшевской керамики может быть проведена по южному краю низкогорного таежного Уфимского плато, восточная – по крайним хребтам Южного Урала. На юге имендяшевский ареал по полосе предгорной лесостепи доходит до широты выхода р. Зилим из гор, где находится Имендяшевское городище (рис. 4: 25), и продолжается далее к югу, примерно до г. Салават. Именно здесь находятся позднесарматские могильники (Салихово, Ахмерово, Нижнеарметово), в которых также есть небольшая примесь «местной» керамики (рис. 4: 30, 31). Вероятно, самым крайним южным пределом распространения имендяшевской керамики являются Дежневский и Камбулатовский могильники (рис. 4: 32), в которых соответственно присутствует имендяшевско-мазунинский и имендяшевско-турбаслинский сосуды.

Максимальные размеры этой территории 250×70 км, но ядром ее было именно Бельско-Уфимско-Симское междуречье и прилегающая с юга полоса до места выхода р. Зилим из гор. Все известные памятники расположены на правобережье р. Белой, на левом берегу находится Улукулевское селище (рис. 4: 34), но и оно расположено в широкой пойме, примыкающей к руслу реки.

Заключение

К III–IV вв. н. э. в центральной части лесостепи Южного Приуралья, с одной стороны, продолжают существовать наиболее поздние группы кара-абызского населения (Шиповский и Охлебининский могильники), с другой стороны, с севера происходит распространение носителей мазунинской культуры. Ареал их освоенной территории не выходил за пределы Уфимского полуострова, а к востоку от него, в Бельско-Уфимско-Симском междуречье, были локализованы памятники кара-абызской культуры. Исследованные здесь городища показывают, что имендяшевская керамика в пределах их укрепленной части практически отсутствует, но представлена вокруг, на «посаде». Вероятно, прекращение функционирования городищ и при этом распространение небольших имендяшевских селищ вокруг них и по многим малым водотокам Бельско-Уфимско-Симского междуречья являлось следствием фиксируемого нарастания облесенности территории (Овсянников, Савельев, 2019). С этой же причиной, видимо, связано резкое сокращение костей мелкого рогатого скота и такой же резкий рост костей крупного рога-

того скота и лошади у имендяшевского населения.

Анализ керамических комплексов важнейших мазунинских, бахмутинских и турбаслинских памятников лесостепи Южного Приуралья, где присутствует имендяшевская керамика, показывает, что имендяшевские формы и орнаменты практически полностью исчезают в начале – первой половине V в. н. э., до широкого распространения чандарского типа посуды (Красноперов, 2023). Этим временем полностью заканчивается длительный период существования в лесостепи среднего течения р. Белой постмаклашеевского (раннекараабызского) населения, ставшего основой для формирования убаларского культурного типа кара-абызской культуры и постепенно вобравшего в себя кочевнические позднесавроматские (филипповские), раннесарматские (прохоровские), зауральские лесостепные (иткульские), позднесарматские и мазунинские компоненты.

Как отмечалось, поселение Акбердино-3 фиксирует начальный этап взаимодействия имендяшевского населения с турбаслинским, постепенно начавшим освоение центра лесостепи Южного Приуралья (Савельев и др., 2024). В дальнейшем это привело к оседанию последних на Уфимском полуострове, возникновению ряда крупных курганных некрополей и длительному взаимодействию с мазунинским, бахмутинским, именьковским (романовским) и кушнаренковским населением. Начальный же этап, который, вероятно, характеризовался брачными связями носителей двух различных культур и хозяйственных укладов, локализованных в разных частях лесостепной зоны Южного Приуралья, принципиально не отличался от модели, существовавшей на этой же территории еще в середине – второй половине I тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белявская О.С.* О некоторых дискуссионных вопросах турбаслинской культуры // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 2. С. 346–357. DOI: https://doi.org/10.31833/ uav/2021.21.2.013
2. *Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г.* Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.
3. *Васюткин С.М.* II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 67–89.
4. *Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV – V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.
5. *Васюткин С.М.* Поселения I тыс. н.э. правобережья Средней Белой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 104–113.
6. *Девяшин М.М., Пластеева Н.А., Белявская О.С., Романов А.А.* Млекопитающие в быту населения средневекового городища Уфа-II // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 196–204. DOI: https://doi.org/10.17223/19988613/86/24
7. *Дюрягин В.С.* Святилище «Лысая Гора» раннего железного века на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской области // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 46–71.
8. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья / Сост. и науч. ред. Ф.А. Сунгатов. Уфа: Самрау, 2018. 335 с.
9. *Колонских А.Г.* Коллекция керамики городища Уфа-II из раскопок Н.А. Мажитова 1958 года // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 10. С. 9–24.
10. *Котов В.Г.* Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2010. Вып. 10. С. 36–55.

11. Красноперов А.А. Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // Уфимский археологический вестник. 2010. Вып. 10. С. 83–109.

12. Красноперов А.А. Последние носители мазунинского культурного комплекса и стык мазунинской и бахмутинской культур // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 242–252. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.005

13. Марыксин Д.В., Федоров В.К. Курган 24 могильника Алебастрово I и проблема преемственности между культурами ранних кочевников Южного Приуралья VI–IV и III–I вв. до нашей эры // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.1.1

14. Матвеева Г.И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 244–252.

15. Матвеева Г.И. Улукулевское селище и Сахаевский могильник в Башкирии // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230 / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 179–190.

16. Наумов А.М. Фортификация и планиграфия Иртяшских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2016. С. 188–318. (Этногенез уральских народов)

17. Овсянников В.В. Новые материалы Шиповского курганно-грунтового могильника в лесостепном Предуралье // Уфимский археологический вестник. 2018. Вып. 18. С. 43–62.

18. Овсянников В.В. Шиповский курганно-грунтовый могильник в Южном Предуралье / Археология и этнография Башкортостана. Т. VII. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 114 с. ()

19. Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М. Новые материалы с поселений карабызской культуры // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 85–110.

20. Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

21. Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

22. Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 218–240.

23. Пластеева Н.А., Девяшин М.М., Романов А.А. Результаты изучения костных остатков млекопитающих городища Уфа-II (материалы раскопок 2017 г.) // Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. С. 160–189.

24. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Под ред. Р.Г. Куголовазеева, Н.А. Мажитова, А.Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

25. Русланов Е.В. Археологические микрорайоны Южного Урала: теория и практика научного изучения. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 260 с.

26. Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.

27. Савельев Н.С. Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 127–140.

28. Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 18–38. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.004

29. Савельев Н.С., Куфтерин В.В., Сулейманов Р.Р., Сатаев Р.М. Усадьба эпохи Великого переселения народов на поселении Акбердино-3 в лесостепи Южного Приуралья // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 202–221.

30. Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

31. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Информация об авторе:

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); sns_1971@mail.ru

IMENDYASHEVO ANTIQUITIES FROM THE SOUTHERN URAL FOREST-STEPPE: CULTURAL ATTRIBUTION, ECONOMIC SPECIFICS, EXTERNAL LINKS

N.S. Savelev

The history of the identification of Imendyashevo antiquities, which were classified by different researchers as either a distinct type of site or a separate archaeological culture, is considered. Comparative analysis demonstrates that Imendyashevo ceramics acts as a marker of the late stage of the Kara-Abyz culture and as an evolutionary continuation of the Ubalar type within this culture. The Ubalar type was formed no later than the mid 4th – the turn of the 4th – 3rd centuries BC. The bearers of these traditions gradually incorporated nomadic Late Sauromatian (Philipovka), Early Sarmatian (Prokhorovka), Trans-Ural forest-steppe (Itkul), Late Sarmatian, and Mazunino components. Judging by various types of mixed pottery, the latest Kara-Abyz population groups were completely assimilated by the Turbasly and Mazunino population at the beginning – first half of the 5th century AD. According to available data, the territory occupied by the population of the late (Imendyashevo) stage of the Kara-Abyz culture was mainly confined to the right bank of the Belaya River and was limited in the north by the low-mountain taiga Ufa Plateau, in the east by the edge of the mountains of the Southern Urals, extended southward to the latitude of modern sity Salavat. The maximum size of this area was about 250×70 km, but the main part of the sites is concentrated in the Belaya-Ufa-Sim interfluve, occupying the northern part of the area.

Keywords: archaeology, Southern Urals, forest-steppe, the Great Migration, Ubalar type, Late Kara-Abyz culture, cultural relationship.

REFERENCES

1. Belyavskaya, O. S. 2021. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (2), 346–357 (in Russian).
2. Belyavskaya, O. S., Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2022. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda (Ufa 2 Hillfort. Results of 2017 Excavations)*. Ufa: First Printing House (in Russian).
3. Vasyutkin, S. M. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniya po arheologii Yuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of Southern Urals).* Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 67–89 (in Russian).
4. Vasyutkin, S. M. 1986. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 180–197 (in Russian).
5. Vasyutkin, S. M. 1987. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Problemy srednevekovoj arheologii Urala i Povolzh'ya (Problems of medieval archaeology of the Urals and the Volga region).* Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 104–113 (in Russian).
6. Devyashin, M. M., Plasteeva, N. A., Belyavskaya, O. S., Romanov, A. A. 2023. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya (Tomsk State University Journal of History)* 86, 196–204 (in Russian).
7. Dyuryagin, V. S. 2009. In Vinogradov, N. B. (ed.). *Problemy arheologicheskogo izucheniya Yuzhnogo Urala (Problems of Archaeological Study of the Southern Ural).* Chelyabinsk: "ABRIS" Publ., 46–71 (in Russian).
8. In Sungatov, F. A. (ed.). 2018. *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epohi srednevekov'ya (To the Problem of Medieval Southern Ural Cities).* Ufa: "Samrau" Publ. (in Russian).
9. Kolonskih, A. G. 2017. In *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk (International Journal of Humanities and Natural Sciences)* 10, 9–24 (in Russian).
10. Kotov, V. G. 2010. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 10, 36–55 (in Russian).
11. Krasnopeorov, A. A. 2010. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 10, 83–109 (in Russian).

This study was supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-78-10057 "Dynamics of cultural progress and development of the Southern Urals from the ancient times until it became part of Russia (IV century BC – XVI century AD): an interdisciplinary archaeological study".

12. Krasnopeorov, A. A. 2023. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 23 (2), 242–252 (in Russian).
13. Maryksin, D. V., Fedorov, V. K. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)* 22 (1), 6–16 (in Russian).
14. Matveeva, G. I. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 5. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 244–252 (in Russian).
15. Matveeva, G. I. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevnyaya istoriya Povolzh'ya. Nauchnye trudy (Ancient History of the Volga Region. Scientific Works)* 230. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute Publ., 179–190 (in Russian).
16. Naumov, A. M. 2016. In Botalov, S. G. (ed.). *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of Southern Urals. Forest, Forest-steppe (Problems of Cultural Genesis).* Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 188–318 (in Russian).
17. Ovsyannikov, V. V. 2018. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 18, 43–62 (in Russian).
18. Ovsyannikov, V. V. 2023. *Shipovskiy kurganno-gruntovyj mogil'nik v Yuzhnom Predural'e (Shipovo mound-soil burial ground in the Southern Pre-Urals).* Series: Archaeology and Ethnography of Bashkortostan. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
19. Ovsyannikov, V. V., Kayumov, I. Kh., Babin, I. M. 2015. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15, 85–110 (in Russian).
20. Ovsyannikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasiliev, V. N. 2007. *Shipovskiy mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Forest-steppe Pre-Urals).* Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
21. Ovsyannikov, V. V., Savelev, N. S. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 201–226 (in Russian).
22. Ovsyannikov, V. V., Sungatov, F. A. 2004. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5, 218–240 (in Russian).
23. Plasteeva, N. A., Devyashin, M. M., Romanov, A. A. 2022. In Belyavskaya, O. S., Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda (Ufa 2 Hillfort. Results of 2017 Excavations)*. Ufa: First Printing House, 160–189 (in Russian).
24. Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G. Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals).* Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 35–131 (in Russian).
25. Ruslanov, E. V. 2023. *Arheologicheskie mikrorajony Yuzhnogo Urala: teoriya i praktika nauchnogo izucheniya (Archaeological Microdistricts of the Southern Ural: Theory and Practice of Scientific Study).* Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
26. Savelev, N. S. 2007. *Mesyagutovskaya lesostep' v epohu rannego zheleza (Mesyagutovo Forest-steppe in the Early Iron Age).* Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
27. Savelev, N. S. 2009. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 9, 127–140 (in Russian).
28. Savelev, N. S. 2017. In *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 17, 18–38 (in Russian).
29. Savelev, N. S., Kufterin, V. V., Suleymanov, R. R., Sataev R.M. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 202–221 (in Russian).
30. Sungatov, F. A., Garustovich, G. N., Yusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniya narodov (Staro-Mushtinskiy kurganno-gruntovyy mogil'nik). (Pre-Urals during the Great Migration (Staraya Myshta mound-soil burial ground)).* Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Publ. (in Russian).
31. Frolov, Ya. V. 2008. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) (Funeral Rite of Population of the Barnaul Ob River Region in the 6th century BC – 2nd century AD (according to data from subsoil burial grounds)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Savelev Nikita S. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 903.2 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.207.217

БОЕВЫЕ НОЖИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ В ЭПОХУ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ГОРНЫЙ-10)

© 2025 г. Н.Н. Серегин, С.С. Матренин, Н.Ф. Степанова

Статья посвящена введению в научный оборот, анализу и интерпретации серии боевых ножей из объектов некрополя Горный-10. На данном памятнике, расположенном в Красногорском районе Алтайского края, экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» в 2000–2002 гг. исследованы 75 грунтовых погребений эпохи Тюркских каганатов (вторая половина VI – начало VIII вв. н. э.). Изученная коллекция включает девять железных ножей, которые идентифицированы как боевые образцы. Эти предметы входили в состав погребального инвентаря восьми умерших людей, имевших при жизни довольно высокий статус. Размещение данных изделий в захоронениях демонстрирует их преимущественное положение с левой стороны от покойного, острием в направлении ног. Большая часть боевых ножей (семь экземпляров) представлена так называемыми «коленчатыми» образцами (типы 1 и 2), имеющими наклонную в сторону лезвия рукоять и выпуклую (горбатую) спинку клинка. Датировка таких предметов на территории юга Западной Сибири определяется рамками конца VI – середины VIII вв. н. э. Два изделия с прямым клинком и наклонной рукоятью (тип 3) имеют более широкую датировку и отражают традиции материальной культуры номадов эпохи Великого переселения народов.

Ключевые слова: археология, боевой нож, Алтай, эпоха Тюркских каганатов, некрополь, хронология, социальная история, погребальный обряд.

Введение

Боевым ножом принято называть короткое однолезвийное изделие режущего действия с острым окончанием, эффективное для ведения противостояния с противником на короткой (рукопашной) дистанции. К данной категории относятся предметы, морфологические характеристики которых гарантируют надежность смертельного поражения человека или нанесения глубокой раны, невозможной для заживления. Опираясь на практику судебно-медицинской трасологии, сложившиеся представления об отнесении к холодному оружию охотничьих ножей, а также опыт археологических исследований, боевыми образцами можно считать экземпляры с минимально допустимой длиной клинка не менее 12 см и шириной спинки от 0,3 см (Кустанович, 1974, с. 110; Мартынов, 1979, с. 52; Соловьев, 1987, с. 85; Горелик, 2003, с. 11; Горбунов, 2006, с. 75–76; и др.).

Изучению режущего оружия ближнего боя из археологических памятников юга Западной Сибири периода раннего Средневековья посвящены разделы обобщающих научных трудов Т.Н. Троицкой и А.В. Новикова (1998, с. 43), В.В. Горбунова (2006, с. 75–79), основанные на анализе весьма немногочисленных вещественных находок. Также приходится констатировать редкость обнаружения боевых ножей в погребальных комплексах тюрок Алтая и других регионов Азии (Худяков, 1986, с. 156; Овчинникова, 1990, с. 82; Кубарев, 2005, с. 100; Горбунов, 2006, с. 75–78).

Небольшой объем вещественных источников существенно ограничивает возможности исследования коротколинкового оружия, используемого раннесредневековым населением Северной и Центральной Азии. Тем более актуальными являются работы, посвященные введению в научный оборот новых материалов из памятников данного периода. В настоящей статье представлены основные аспекты систематизации и анализа

Рис. 1. Расположение некрополя Горный-10.
Fig. 1. Location of the Gorny-10 necropolis.

показательной серии боевых ножей, обнаруженных в ходе раскопок некрополя Горный-10 в северных предгорьях Алтая.

Характеристика источников

Могильник Горный-10 расположен в Красногорском районе Алтайского края, на мысу правого берега р. Иша (рис. 1). В 2000–2002 гг. 75 погребений данного некрополя исследованы экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой. Раскопанные могилы содержали преимущественно непотревоженные захоронения по обряду одиночной ингумации с многочисленным сопроводительным инвентарем, свидетельствующим о времени функционирования памятника в широких хронологических рамках второй половины VI – начала VIII вв. н. э. (Абдулганеев, 2001; Серегин, Степанова, 2021, 2023; Seregin, Tishin, Stepanova, 2022; и др.).

В восьми объектах некрополя Горный-10 обнаружены девять железных ножей, которые можно идентифицировать как боевые образцы. Данные предметы входили в состав погребального инвентаря шести взрослых мужчин, одного юноши и подростка. Представим общую характеристику обозначенной серии изделий (рис. 2–4) с указанием особенностей их размещения в захоронениях.

Могила 21. Боевой нож обнаружен в погребении мужчины 25–35 лет[2]. Предмет находился с внешней стороны у левой бедренной кости, рядом с кистью руки, и был уложен острием вниз (в направлении ступней покойного). Умеренно корродированное изделие (рис. 2: 5) имеет почти полностью сохранившийся треугольный в поперечном сечении клинок со слегка выгнутой спинкой, плавно переходящий в прямой по отношению к лезвию гладкий черен (длина не менее 3,3 см) для рукояти. Размеры ножа: длина 12,8 см, максимальная ширина 1,8 см.

Могила 24. В составе представительного сопроводительного инвентаря, предназначавшегося умершему мужчине 25–30 лет, обнаружен боевой нож. Изделие находилось у правого локтя покойного (с внутренней стороны), острием вниз. Данный экземпляр имел массивный сильно изогнутый клинок длиной 15,5 см и максимальной шириной 2,8 см с наклоненным в сторону лезвия череном для деревянной (?) рукояти, снабженной бронзовой накладной пластиной (рис. 2: 1). Нож значительно корродирован. Изделие было помещено в деревянные ножны с изогнутым абрисом, от кото-

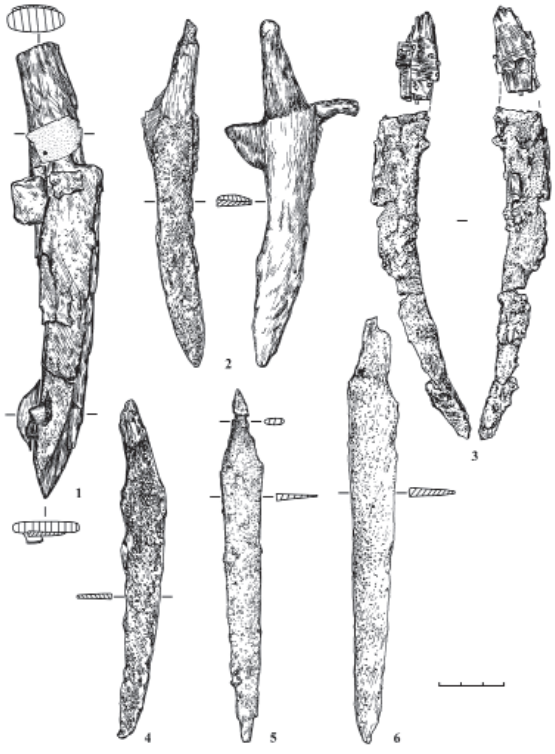

Рис. 2. Железные боевые ножи из погребений некрополя Горный-10: 1 – могила № 24; 2 – могила № 38; 3 – могила № 58; 4 – могила № 37; 5 – могила № 21; 6 – могила № 69.

Fig. 2. Iron combat knives from the burials of the Gorny-10 necropolis: 1 – grave No. 24; 2 – grave No. 38; 3 – grave No. 58; 4 – grave No. 37; 5 – grave No. 21; 6 – grave No. 69.

рых сохранился тлен, демонстрирующий с большой долей вероятности их крепление к поясу с помощью двух кожаных ремешков со стороны лезвия, отходящих от полукруглых выступов, один из которых располагался в проекции устья, а другой – ближе к окончанию футляра. Декоративным элементом последнего была небольшая бронзовая обойма.

Могила 37. В захоронении мужчины, умершего в возрасте не более 30 лет, боевой нож располагался с внутренней стороны левого бедра, острием вниз. Обнаруженное изделие умеренной степени корродированности имело изогнутый клинок (длина около 12 см, максимальная ширина – до 2 см), плавно переходящий в черен для рукояти, наклоненный в сторону лезвия (рис. 2: 4; 4: 1).

Могила 38. При погребенном юноше 16–17 лет боевой нож размещался с внутренней стороны правого локтя в проекции таза, острием в направлении ступней покойного. Изделие характеризуется относительно хорошей сохранностью. Нож имеет изогнутый клинок (длина 11,6–12 см, наибольшая ширина 1,7 см), плавно переходящий в черен для рукояти, наклоненной в сторону лезвия (рис. 2: 2). На предмете прослежен тлен деревянных ножен с выступами в проекции устья, к которым, по-видимому, крепились кожаные ремешки.

Могила 58. В захоронении мужчины 25–45 лет в районе левой руки покойного обнаружен сильно разрушенный нож с заметно изогнутым клинком длиной 15,2 см и максимальной шириной 2,1 см. Изделие имело наклоненный в сторону лезвия черен для рукояти без перекрестия и навершия. При этом рукоять предмета была обернута берестой и декорирована бронзовой накладной бляхой плохой сохранности (рис. 2: 3). Нож был уложен под острым углом в направлении пояса.

Могила 63. Боевой нож зафиксирован в составе сопроводительного инвентаря подростка 10–12 лет, между правой локтевой костью и позвоночником (рис. 5). Данный экземпляр имел сильно изогнутый клинок достаточно крупных размеров (сохранился в виде обломка длиной 10,6 см, максимальной шириной 2,3 см) с наклоненным в сторону лезвия череном, на который была насажена деревянная рукоять без навершия и перекрестия, декорированная одиннадцатью бронзовыми заклепками (рис. 3: 1). Руко-

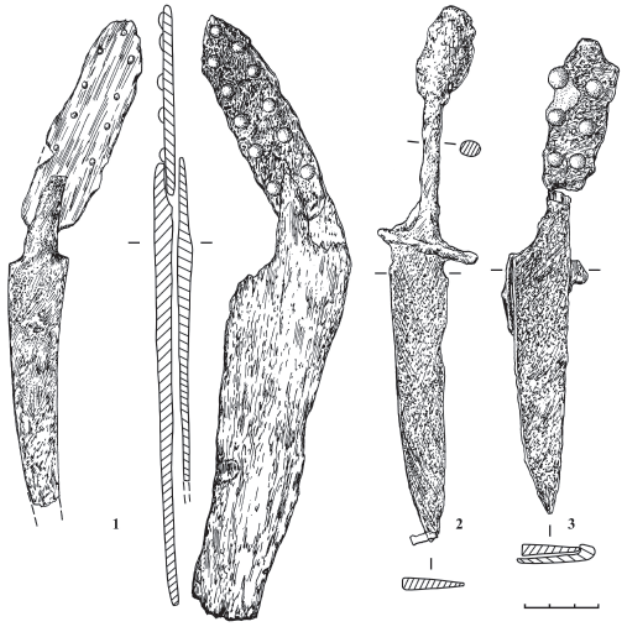

Рис. 3. Железные боевые ножи из погребений некрополя Горный-10: 1 – могила № 63; 2 – могила № 68; 3 – могила № 69.

Fig. 3. Iron combat knives from the burials of the Gorny-10 necropolis: 1 – grave No. 63; 2 – grave No. 68; 3 – grave No. 69.

ять ножа находилась у локтя, а острие оказалось уложено на правой половине таза и ориентировано в направлении ступней покойного. Изделие было помещено в массивные деревянные ножны, рядом с которыми по обе стороны лежали бронзовые геральдические бляхи от пояса.

Могила 68. При разборке скелета мужчины 35–45 лет под локтевыми костями левой руки и нижними ребрами найден крупный нож (длина клинка составляет 12,7 см, максимальная ширина 2,6 см) с наклоненной в сторону лезвия рукоятью (длина 9,5 см), снабженной прямым перекрестием и округлым навершием (рис. 3: 2; 4: 2). На изделии прослежен тлен от деревянных ножен, внешний вид которых не поддается реконструкции.

Могила 69. В парциальном погребении мужчины 35–40 лет зафиксированы два боевых ножа, оказавшихся в разных местах. Слева от черепа покойного лежал изогнутый клинок длиной 11,2 см и максимальной шириной 2,5 см, имевший наклоненную в сторону лезвия деревянную рукоять, декорированную бронзовыми заклепками (рис. 3: 3). Необычным оказалось то, что этот нож был ориентирован острием вверх (в направлении головы человека). Данный образец помещался в деревянные ножны с выступами в проекции устья, к которым, по-видимому, крепились кожаные ремешки. Под черепом погребенного человека обнаружен второй нож с прямым клинком (длина 15,8 см, наибольшая ширина 2,2 см) и наклоненным в сторону лезвия черенком для рукояти (рис. 2: 6; 4: 3).

Анализ и интерпретация материалов

Коллекция клинкового оружия, сформированная в ходе раскопок объектов некрополя Горный-10, включает девять боевых ножей. Размещение данных предметов в захоронениях демонстрирует их преимущественное (пять случаев) положение с левой стороны от умершего человека (у бедра, левого локтя, головы), острием в направлении ног покойного. При более редкой (три случая) локализации справа от погребенного они лежали в области локтя. Документированная ситуация местонахождения одного изделия острием «вверх» в могиле № 69 обусловлена, очевидно, нестандартным характером данного захоронения. Боевые ножи являлись элементом погребального инвентаря индивидов мужского пола. При этом, судя по зафиксированному составу сопроводительного инвентаря, практически во

всех случаях включавшему многочисленные предметы разных категорий (оружие, снаряжение, орудия труда, украшения), имеются основания для заключения о том, что умершие люди при жизни имели довольно высокий статус в рамках группы населения, оставившей некрополь.

Разнообразие обнаруженных боевых ножей и удовлетворительная сохранность большинства экземпляров определяют целесообразность их классификации. При осуществлении этой работы учитывался опыт анализа подобных предметов из памятников Алтая и сопредельных территорий раннего железного века и Средневековья (Худяков, 1986, с. 86; Горбунов, 2006, с. 75–79; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 56–59; Серегин и др., 2022, с. 58–59; 2023, с. 98–101; и др.). Классификация клинкового оружия из объектов некрополя Горный-10 предполагала учет следующих характеристик: материал клинка и основания рукояти (группа); форма поперечного сечения клинка (разряд); форма клинка (раздел); положение рукояти относительно продольной оси клинка (отдел); наличие/отсутствие перекрестия и навершия рукояти (тип); детали оформления рукояти (вариант).

В результате систематизации выделены одна группа, один разряд, два раздела, один отдел, три типа боевых ножей, дополненных шестью вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. С треугольным клинком.

Раздел I. С изогнутым клинком. Нож имеет выпуклую (горбатую) спинку, преимущественно вогнутое, реже прямое лезвие.

Отдел I. С наклонной в сторону лезвия рукоятью. Черен рукояти расположен под тупым углом к продольной оси клинка. При переходе клинка в черен образованы два прямых или покатых плечика либо одно плечико со стороны лезвия.

Тип 1. Без перекрестия и навершия. Размеры клинка: длина 11–15,5 см, максимальная ширина 1,7–2,8 см. *Вариант а* – с гладким череном для рукояти из дерева, декорированной бронзовыми заклепками. Включает два экземпляра из могил № 63 и 69 (рис. 3: 1, 3). *Вариант б* – с гладким череном для рукояти из дерева, декорированной бронзовой накладной пластиной. Включает один экземпляр из могилы № 24 (рис. 2: 1). *Вариант в* – с гладким череном для рукояти из дерева с берестяной обмоткой, декорированной бронзовой накладной бляхой. Включает один экземпляр из могилы № 58 (рис. 2: 3). *Вариант г* – с гладким череном для рукояти из дерева без декоративных элементов. Включает два экземпляра из могил № 37 и 38 (рис. 2: 2, 4; 4: 1).

Тип 2. С напускным перекрестием прямоугольной формы и овальным навершием. Размеры клинка: длина 12,7 см, максимальная ширина 2,6 см. *Вариант а* – с гладким череном для рукояти из органических материалов, без декоративных элементов. Включает один экземпляр из могилы № 68 (рис. 3: 2; 4: 2).

Раздел II. С прямым клинком. Нож имеет прямую спинку и прямое лезвие.

Отдел I. С наклонной в сторону лезвия рукоятью.

Тип 3. Без перекрестия и навершия. Размеры клинка: длина 12,8–15,8 см, максимальная ширина 1,8–2,2 см. *Вариант а* – с гладким череном для рукояти из органических материалов без декоративных элементов. Включает два экземпляра из могил № 21 и 69 (рис. 2: 5, 6; 4: 3).

Сопоставление выделенных типов короткоклинкового оружия из объектов некрополя Горный-10 с актуальными датированными вещественными аналогиями из памятников Северной и Центральной Азии позволило сделать ряд выводов о хроноло-

Рис. 4. Боевые ножи из могил некрополя Горный-10: 1 – могила № 37; 2 – могила № 68; 3 – могила № 69.

Fig. 4. Combat knives from graves of the Gorny-10 necropolis: 1 – grave No. 37; 2 – grave No. 68; 3 – grave No. 69.

гии изделий, а также об особенностях распространения разных модификаций таких предметов.

Все железные боевые ножи из рассматриваемой коллекции имеют треугольное сечение клинка (разряд I) с выпуклой (раздел I) или прямой (раздел II) спинкой, а также наклоненную в сторону лезвия рукоять (отдел I). По особенностям оформления рукояти они подразделяются на модификации без перекрестия и навершия (типы 1а–г, 3а), а также с данными конструктивными элементами (тип 2а). Среди них количественно преобладают экземпляры с сильно изогнутой выпуклой (горбатой) спинкой (типы 1 и 2), которые в терминологии разных специалистов обозначены как «кинжалы уйбатского типа», «коленчатые кинжалы», «коленчатые ножи» (Евтюхова, 1948, рис. 24–30; Комар, 2001, с. 25; Кубарев, 2008, с. 68–72; Sokolov, Gulyas, 2023, p. 287–289; и др.). На сегодняшний день в археологических памятниках раннего Средневековья, раскопанных на рассматриваемых территориях, известны шесть экземпляров похожих изделий: на Алтае (Яконур, впускное погребение в кургане № 5; Кок-Эдиган, курган № 1), в Минусинской (Уйбатский чаатас, курган № 7, могила 1) и Кузнецкой (Саратовка, курган № 6) котловинах, в Новосибирском (Чингис 2, курган № 7) и Томском (Архиерейская заимка, погребение 5) Приобье (Евтюхова, 1948, рис. 30; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 76: 1; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23: 12; Илюшин, 1999, рис. 16: 10; Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 4: 1; Худяков, 2003, рис. 6: 1).

Судя по имеющимся археологическим источникам, появление такого короткоклинкового оружия у населения Алтайской лесостепи связано с влиянием материальной культуры тюрок в эпоху Первого каганата. При этом исходными прототипами коленчатых боевых ножей у ранних тюрок Алтая могли быть клинки населения булан-кобинской культуры второй половины IV – первой половины V вв. н. э. (Горбунов, 2006, с. 78). Важно отметить, что изображения таких ножей, достаточно часто встречающиеся на тюркских каменных изваяниях Центральной Азии, имеют неоднозначную хронологическую интерпретацию, прежде всего в контексте сопоставления с вещественными находками показательных элементов поясной гарнитуры из погребальных и поминальных объектов: VI – первая половина VIII вв. н. э. (Горбунов, 2006, с. 78) либо вторая половина V – VII вв. н. э. (Кубарев, 2008, с. 70). В данном аспекте достаточно обоснованным представляется вывод Г.В. Кубарева (2008, с. 71–72) о том, что для раннесредневековых тюрок

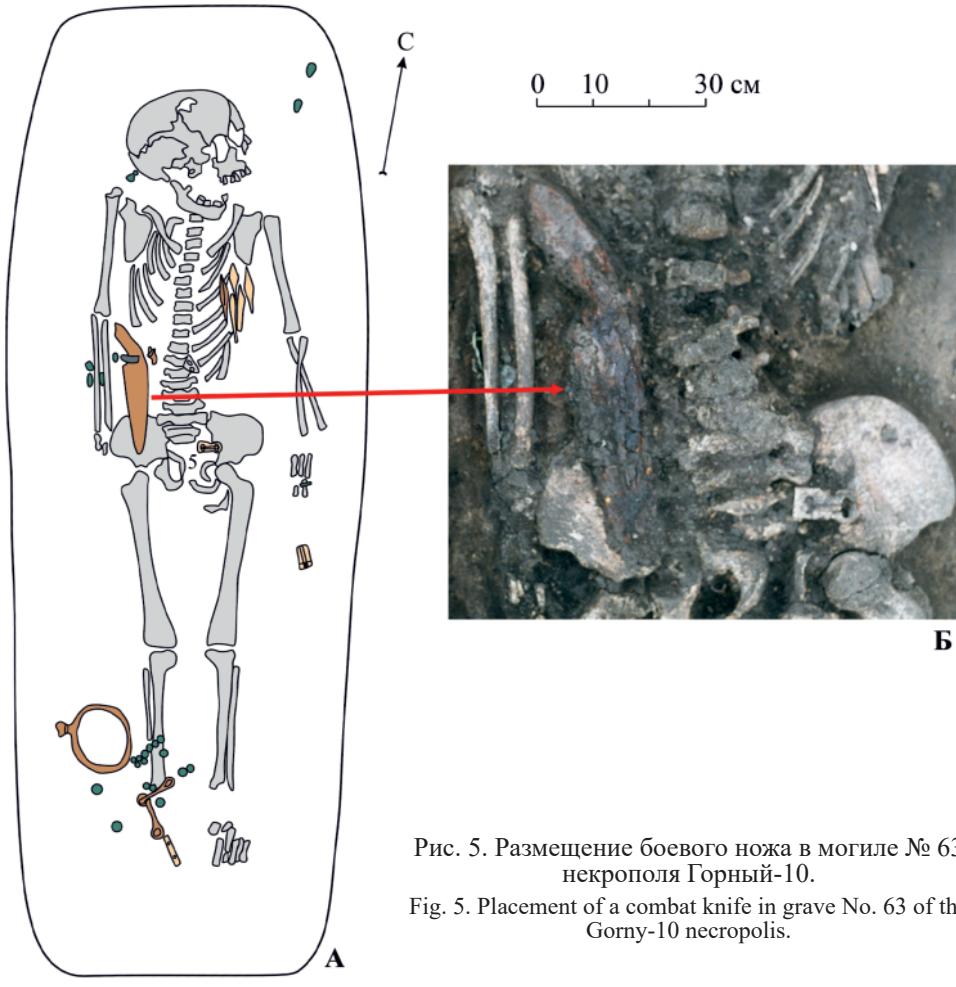

Рис. 5. Размещение боевого ножа в могиле № 63 некрополя Горный-10.

Fig. 5. Placement of a combat knife in grave No. 63 of the Gorny-10 necropolis.

«коленчатые кинжалы» могут выступать как этнокультурный и хронологический маркер объектов VI–VII вв. н. э. Вероятно, появление подобных ножей в воинских арсеналах населения восточно-европейских степей было связано с распространением материальной культуры кочевников Центральной Азии и произошло не ранее конца VI – начала VII вв. н. э. (Семенов, 1988, с. 105; Крыганов, 1990, с. 75; Комар, 2001, с. 25; Sokolov, Gulyas, 2023, p. 289; и др.).

Возвращаясь к вещеведческой составляющей анализа серии боевых ножей типов 1 и 2 из могильника Горный-10, важно обратить внимание на зафиксированные показательные детали оформления рукоятей. Экземпляры с деревянной рукоятью, декорированной бронзовыми заклепками (тип 1а), обнаруживают аналогии в материалах погребального комплекса верхнеобской культуры Новосибирского Приобья (Умна-2, курган № 1), датирующегося в рамках VI–VII вв. н. э. (Троицкая, Новиков, 1998, с. 58, рис. 12: 3). Хронология боевого ножа типа 1а из могилы № 63 некрополя Горный-10 подтверждается также наличием в обозначенном захоронении наборного пояса с геральдическими гарнитурами, характерными для второй половины VI – VII вв. н. э.

Обнаруженный в объекте № 68 комплекса Горный-10 нож с напуск-

ным перекрестием прямоугольной формы и овальным навершием (тип 2а) имеет наибольшее сходство с экземпляром из Томского Приобья, найденным в погребении VI–VIII вв. н. э. могильника у Архиерейской заимки (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 76: 1). Рассматриваемое изделие из северных предгорий Алтая зафиксировано в погребении, которое содержало набор предметов сопроводительного инвентаря, показательных для конца VII – первой половины VIII вв. н. э.

В отношении железных боевых ножей с прямым клинком и наклонной в сторону лезвия рукоятью без перекрестия и навершия (тип 3) из могил № 21 и 69 памятника Горный-10 необходимо отметить, что аналогичные модификации были широко распространены во времени и пространстве и практически не имеют хронологически и этнографически выраженных характеристик. На Алтае данные образцы короткоклинкового оружия могли появиться в начале I тыс. н. э. под влиянием позднехуннуской или раннесяньбийской военной традиций (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 59; Серегин и др., 2022, с. 59). В Алтайской лесостепи они известны у разных групп населения со второй половины IV – V вв. н. э. (Горбунов, 2006, с. 77–78). Такие предметы, по-видимому, отражают общую линию развития боевых ножей, происходившего под влиянием военного дела номадов Центральной и Северной Азии эпохи Великого переселения народов.

Заключение

Девять боевых ножей, обнаруженные в погребениях некрополя Горный-10, образуют наиболее многочисленную на сегодняшний день серию короткоклинкового оружия из памятников начального периода раннего Средневековья на юге Западной Сибири. Данные изделия входили в состав погребального инвентаря восьми индивидов мужского пола, которые при жизни имели достаточно высокий социальный статус. Выявлено преимущественное размещение рассматриваемой категории клинкового оружия с левой стороны от покойных (у бедра, левого локтя, головы), острием в направлении ног умерших людей. Большая часть боевых ножей (семь экземпляров) представлена так называемыми «коленчатыми» образцами (типы 1 и 2), имеющими наклонную в сторону лезвия рукоять и выпуклую (горбатую) спинку клинка. На территории Алтайской лесостепи подобные изделия впервые появились не ранее конца VI в. н. э., по-видимому под влиянием военной традиции тюрок эпохи Первого каганата. Анализ вещественных материалов позволяет сделать заключение о том, что верхний хронологический горизонт использования таких предметов населением северных предгорий Алтая пришелся на середину VIII в. н. э. Для хронологической интерпретации ножей типов 1 и 2 довольно показательными являются особенности оформления рукоятей (железное напускное перекрестие, округлое цельное навершие, заклепки из цветного металла). Два изделия с прямым клинком и наклонной рукоятью (тип 3), зафиксированные в рассматриваемом погребальном памятнике, имеют более широкую датировку. В лесостепном Алтае подобные ножи, известные со второй половины IV – V вв. н. э., отражают влияние материальной культуры номадов Центральной и Северной Азии эпохи Великого переселения народов. Результаты анализа вещественных материалов из могильника Горный-10 расширяют представления об эволюции оружия ближнего боя населения Алтая во второй половине I тыс. н. э., а также актуализируют продолжение исследований других категорий материальной культуры этого уникального памятника начального периода раннего Средневековья.

Примечания

[2] Здесь и далее половозрастные определения выполнены к.и.н. С.С. Тур.

[3] Вероятно, такое конструктивное решение обеспечивало более удобный захват оружия рукой и увеличивало режущие свойства ножа (Горбунов, 2006, с. 77).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулганеев М.Т.* Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТГУ, 2001. С. 128–131.
2. *Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
3. *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
4. *Горелик М.В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). СПб.: Атлант, 2003. 336 с.
5. *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
6. *Илюшин А.М.* Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.
7. *Комар А.В*. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 11–44.
8. *Крыганов А.В.* Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников. Новосибирск: ИИФиФ СО АН, 1990. С. 71–80.
9. *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
10. *Кубарев Г.В.* Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. Тез. докл. IV Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2008. С. 68–72.
11. *Кустанович С.Д.* Судебно-медицинская трасология. М.: Медицина, 1974. 167 с.
12. *Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
13. *Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
14. *Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: «Искусство». 1988. Вып. 29. С. 97–111.
15. *Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П.* Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.
16. *Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С.* Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с.
17. *Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф.* «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. 2021. №5. С. 335–344.
18. *Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф.* Детское захоронение начала раннего средневековья из некрополя Горный-10 (юг Западной Сибири) // Stratum Plus. 2023. №5. С. 151–161.
19. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
20. *Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. 10 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. С. 107–117.
21. *Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
22. *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
23. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.
24. *Худяков Ю.С.* Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 99–109.

25. Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. №50/3. P. 103–112.

26. Sokolov P., Gulyas B. Recently discovered early medieval grave from Serbin // Dissertationes Archaeologicae. 2023. № 11. P. 283–292.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией, профессор. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); nstepanova10@mail.ru

COMBAT KNIVES OF THE POPULATION OF THE ALTAI NORTHERN FOOTHILLS DURING THE TURKIC KHAGANATES PERIOD (BASED ON MATERIALS FROM THE GORNY-10 NECROPOLIS)

N.N. Seregin, S.S. Matrenin, N.F. Stepanova

The article presents the publication, analysis and interpretation of a series of combat knives from the Gorny-10 necropolis. At this site, located in the Krasnogorsk district of the Altai Krai, 75 burials without mounds of the Turkic Khaganates period (second half of the VI – beginning of the VIII centuries AD) were studied. The collection includes nine iron knives, which are identified as combat samples. These items formed part of the grave goods of eight deceased individuals who held a relatively high status during their lifetime The placement of these artifacts within the burials shows they were predominantly positioned on the left side of the deceased, with the point oriented towards the feet. Most of the combat knives are represented by the so-called «knuckled» samples (types 1 and 2), which have a handle slanted towards the blade and a convex (humpbacked) back of the blade. The dating of such objects in the south of Western Siberia falls within the period spanning the late VI to mid-VIII centuries AD. Two items with a straight blade and an slanted handle (type 3) have a wider dating and reflect the traditions of the material culture of the nomads of the Migration period.

Keywords: archaeology, combat knife, Altai, Turkic Khaganates period, necropolis, chronology, social history, burial rite.

REFERENCES

1. Abdulganeev, M. T. 2001. In Chindina, L. A. (ed.). *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: Materialy XII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii (The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent areas: Materials of the XII West Siberian archaeological and ethnographic conference).* Tomsk: Tomsk State University, 128–131 (in Russian).

2. Belikova, O. B., Pletneva, L. M. 1983. *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. (Sites of the Tomsk Ob region in the V–VIII centuries AD)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

3. Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

4. Gorelik, M. V. 2003. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie do n.e. – IV v. do n.e.) (Weapons of the ancient East (IV millennium BC – IV century BC))*. Saint Petersburg: "Atlant" Publ. (in Russian).

5. Evtyukhova, L. A. 1948. *Arkheologicheskie pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov) (Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakas))*. Abakan: "Khakas Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

6. Iljushin, A. M. 1999. *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya (Saratovka burial ground: publication of transactions and experience of ethnoarchaeological research)*. Kemerovo: Kuzbass University Publ. (in Russian).

7. Komar, A. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 11–44 (in Russian).

8. Kryganov, A. V. 1990. In Khudyakov, Yu. S., Plotnikov, Yu. A. (eds.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii (Warfare of the ancient and medieval*

population of North and Central Asia). Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the SB Academy of Sciences of the USSR Publ., 71–80 (in Russian).

9. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

10. Kubarev, G. V. 2008. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V.Alabin, 68–72 (in Russian).

11. Kustanovich, S. D. 1974. *Sudebno-meditsinskaya trasologiya (Forensic traceology)*. Moscow: "Medicina" Publ. (in Russian).

12. Martynov, A. I. 1979. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura (Forest-steppe Tagar culture)*. Novosibirsk: Nauka Publ. (in Russian).

13. Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaya v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th –10th centuries).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

14. Semenov, A. I. 1988. In Piotrovsky, B. B. (ed.). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 29. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 97–111 (in Russian).

15. Seregin, N. N., Demin, M. A., Matrenin, S. S., Umanskiy, A. P. 2022. *Severnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I). (Northern Altai in the Great Migration Period (on the materials of the Karban-I archaeological complex))*. Barnaul: Altai University Publ.(in Russian).

16. Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Tishkin, A. A., Parshikova, T. S. 2003. *Altay v predtyurkskoe vremya (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Choburak-I) (Altai in pre-Turkic period (based on materials from the archaeological complex Choburak-I)).* Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

17. Seregin, N. N., Stepanova, N. F. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 335–344 (in Russian).

18. Seregin, N. N., Stepanova, N. F. 2023. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 151–161 (in Russian).

19. Solov'ev, A. I. 1987. *Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya (Military Arts of the Indigenous Population of Western Siberia. The Middle Ages*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2003. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 10. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 107–117 (in Russian).

21. Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syan'bijsko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altay in the Xianbei-Rouran Period (based on the Stepushka Site))*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).

22. Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region).* Novosibirsk: Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of Russia Publ. (in Russian).

23. Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Armament of the Medieval Nomads of the Sourthern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

24. Khudyakov, Yu. S. 2003. In Soenov V. I. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Altaya (Archaeology and Ethnography of Altai).* Gorno-Altaisk: In-t altaistiki im. S.S. Surazakova Publ., 99–109 (in Russian).

25. Seregin, N. N., Tishin, V. V., Stepanova, N. F. 2022. In *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no. 3, 103–112 (in Russian).

26. Sokolov, P., Gulyas, B. 2023. In *Dissertationes Archaeologicae*, no. 11, 283–292 (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Stepanova Nadezhda F. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. Academician Lavrentyev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; nstepanova10@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 903.2 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.218.230

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА КЕРАМИКИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ С САРОВСКОГО ГОРОДИЩА[1]

© 2025 г. Д.В. Селин, Л.А. Чиндина

В работе изложены результаты анализа технологии изготовления керамики кулайской культуры с Саровского городища. Гончары использовали ожелезненные глины разной степени запесоченности и с различными естественными примесями, что позволило выделить шесть подвидов. Обнаружено восемь рецептов формовочных масс, наиболее распространенным из которых была смесь глины с песком (72%). Для создания начинов применялась донно-емкостная программа. Полое тело сосудов наращивалось с помощью лоскутов диаметром около 2 см. Редко применялся ленточный налеп. Обработка поверхностей включала в себя заглаживание и лощение. Также обнаружены два специфических технологических приема: оформление венчика с внутренней стороны дополнительным жгутиком и заглаживание на внутренней поверхности перехода от плеча к тулову при помощи зубчатого орудия. Обжиг мог проходить в восстановительной и восстановительно-окислительной среде при температурах в пределах от 550–650º до 900–1100º. Результаты исследования показывают, что технология изготовления керамики с Саровского городища имеет сходство с технологией производства посуды из бассейна реки Конды, и также обнаруживаются уникальные технические приемы, характерные для кулайских изделий с Барсовой Горы.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, кулайская культура и культурно-историческая общность, Саровское городище, керамика, технико-технологический анализ.

Введение

Кулайская культурно-историческая общность (далее – КИО) занимала обширную территорию Западной Сибири. К настоящему моменту исследователями выделяются разные варианты этой КИО – сургутский, томский, новосибирский и др. На территории Томско-Нарымского Приобья исследована серия городищ и поселений собственно кулайской культуры и выделено два этапа в ее развитии – васюганский (VI–II вв. до н. э.) и саровский (II в. до н. э. – V в. н. э.) (Чиндина, 1984). Эпонимным памятником для выделения второго этапа стало Саровское городище. Оно расположено в восточной части пос. Саровка в Колпашевском районе Томской обл. и занимает площадь ок. 500 кв. м (рис. 1). Памятник исследовался в 1971, 1973, 1974, 1976 гг. под руководством Л.А. Чиндиной. Были исследованы объекты № 4–7, которые представляли собой остатки подпрямоугольных сооружений с очагами. В об. № 6 обнаружена детская могила, в об. № 7 у восточной стенки лежал череп человека без нижней челюсти. Также были раскопаны участки траншеи-канавы и обороны. Л.А. Чиндиной отмечено, что об. № 5 и 7 были близки по времени, если не одновременны. Об. № 6 отличается от них малым количеством инвентаря, слабостью и бедностью очага, наличием охры и детской могилы (Чиндина, 1978). Получен представительный объем артефактов, включая наконечники стрел, железные и костяные изделия, пряслица, тигли-льячки, гребни и фрагменты керамики (более 4 тыс.). Основная часть фрагментов посуды относится к саровскому типу. Керамическая коллекция Саровского городища является важнейшим источником для реконструкции особенностей развития кулайской культуры как на территории Томского и Нарымско-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01192, https://rscf.ru/project/23-78-01192/

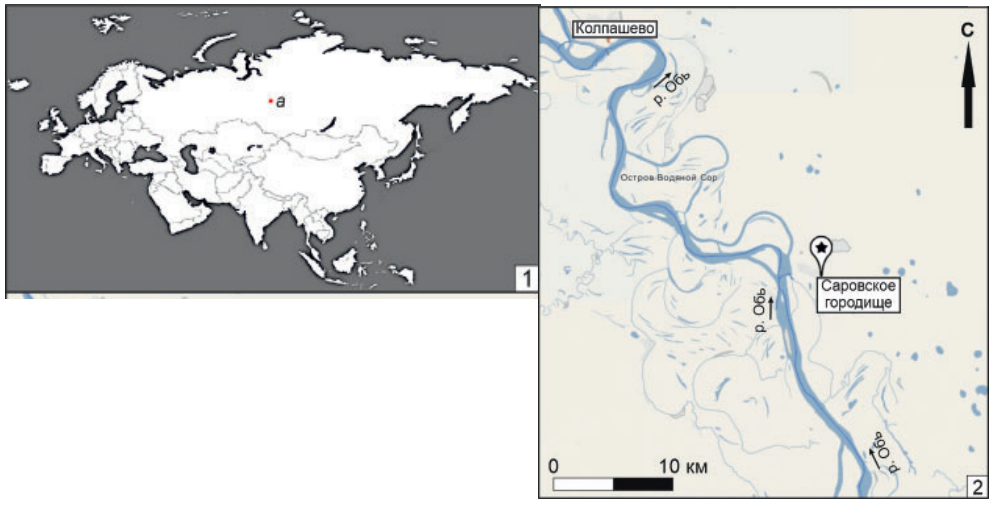

Рис. 1. Местоположение Саровского городища. 1 – местоположение Саровского городища на карте Евразии; а – указание места выноски ситуационной карты; 2 – местоположение Саровского городища на ситуационной карте.

Fig. 1. Location of the Sarovka hillfort. 1 – location of the Sarovka hillfort on the Eurasia map; a – indication of the location of the situational map; 2 – location of the Sarovka hillfort on the situational map.

го Приобья, так и для всего кулайского ареала в целом. Особенности орнаментации посуды с этого городища были подробно описаны Л.В. Панкратовой в серии работ (Панратова, 2007, 2008а, б). Основной акцент в этой статье будет сделан на исследовании технологии изготовления керамики.

Источниковой базой послужили сосуды саровского этапа кулайской культуры из об. № 5–7 и из могилы (всего исследовано 68 изд.; рис. 2, 3). Технико-технологический анализ посуды с этого памятника проводится впервые.

Цель – реконструкция содержания ступеней гончарной технологии у носителей кулайской КИО с Саровского городища.

Анализ выполнен по методике, предложенной А.А. Бобринским в соответствии с естественной структурой гончарного производства (Бобринский, 1978; 1999). Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. Выделение технологической информации происходило с опорой на специализированную научную литературу и «Каталог эталонов по керамической трасологии», подготовленный И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной (см. напр.: Бобринский, 1978; 1999, Цетлин, 2012; 2017; Васильева, Салугина, 2020; Жущиховская, 2022; и др.).

Результаты исследования керамики

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья. Для производства посуды гончары использовали ожелезненные глины разной степени запесоченности и с разным содержанием естественных примесей. Выделено шесть подвидов:

Глина 1 (7 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью окатанного прозрачного и глухого песка (размер 0,1–0,9 мм, до 5 вкл. на 1 кв. см) и с включениями окатанного и угловатого бурого железняка (размер 0,1–3 мм; до 20 вкл. на 1 кв. см). В об. № 5 и № 7 определено по три

Рис. 2. Керамика кулайской культуры Саровского городища из объекта 5.
Fig. 2. Ceramics of the Kulaika culture of the Sarovka hillfort from object 5.

сосуда, изготовленных из этого сырья. Сосуд из об. № 6 также был слеплен из этого подвида.

Глина 2 (47 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью окатанного прозрачного и глухого песка (размер 0,1–2 мм; до 4 вкл. на 1 кв. см) и окатанного и угловатого бурого железняка (размер 0,1–5 мм; до 6 вкл. на 1 кв. см). В четырех сосудах выявлены пластинки слюды (размер 0,1–0,2 мм; до 2 вкл. на 1 кв. см). В об. № 5 определено 35 сосудов, изготовленных из этого сырья, в об. № 7 – 11.

Глина 3 (2 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью окатанного прозрачного и глухого песка (размер 0,1–2 мм; 15–16 вкл. на 1 кв. см) и окатанного бурого железняка (размер 0,1–2 мм; до 2 вкл. на 1 кв. см). В об. № 5 и № 7 определено по одному сосуду, изготовленному из этого сырья.

Глина 4 (10 изд.) – слабозапесоченная глина (размер 0,1–2 мм; до 7 вкл. на 1 кв. см) с естественной примесью окатанного бурого железняка (размер 0,1–1 мм; до 2 вкл. на 1 кв. см). Установлены единичные фрагменты стеблей растительности (размер 1–3 мм; 6 изд.), обломки раковин речных моллюсков (размер до 3 мм; 2 изд.), кость рыбы (1 изд.). В об. № 5 установлено шесть сосудов, изготовленных из этого сырья, в об. № 7 – три, в об. № 6 – один.

Глина 5 (1 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественным включением фрагмента пуха птицы (3 мм). Обнаружено в об. № 7.

Глина 6 (1 изд.) – высокозапесоченная с естественным содержанием окатанного мелкого (размер 0,1–0,3 мм) и пылеватого песка. Выявлена в об. № 7.

Гончары Саровского городища чаще всего предпочитали отбирать слабозапесоченные глины (Глины 1, 2, 5), в которых содержится разное количество бурого железняка и других естественных минеральных примесей. Возможно, эти подвиды исходного пластичного сырья добывались в одной залежи, но из разных глинищ. Глина 4 могла добываться неподалеку от водоема или в пойме.

Составление формовочных масс. Во всех объектах установлено восемь

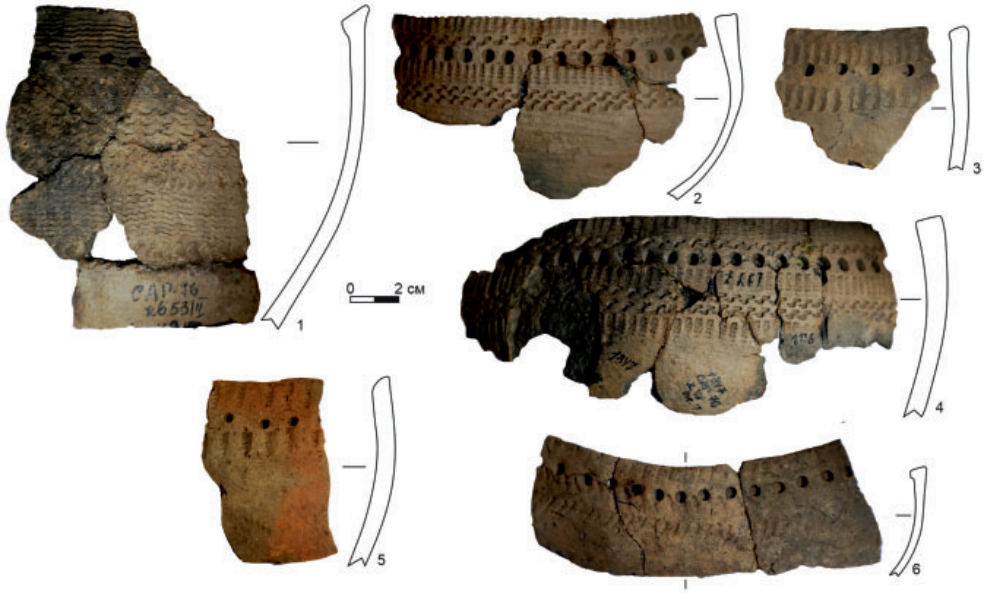

Рис. 3. Керамика кулайской культуры Саровского городища из объекта 7.
Fig. 3. Ceramics of the Kulaika culture of the Sarovka hillfort from object 7.

рецептов, в которые входит три несмешанных (рис. 4): 1) глина + шамот (2 изд.); 2) глина + песок (49 изд.); 3) глина + дресва (5 изд.) – и пять смешанных: 4) глина + песок + дресва (4 изд.); 5) глина + шамот + органический раствор (1 изд.); 6) глина + дресва + органический раствор (2 изд.); 7) глина + песок + органический раствор (4 изд.); 8) глина + песок + шамот (1 изд.).

В об №. 5 выявлен максимальный ассортимент рецептов, в об. № 7 – пять (табл. 1). В об. № 6 изделия слеплены по самому распространенному рецепту «глина + песок». Сосуд из могилы изготовлен из редкого рецепта с примесью дресвы и органического раствора, который зафиксирован только в одном сосуде из об. № 5.

Самой распространенной минеральной примесью является песок. В

Таблица 1

Соотношение рецептов формовочных масс керамики
в разных объектах на Саровском городище

Рецепты ФМ	Об. № 5	Об. № 7	Об. № 6	Могила	ВСЕГО изд.
Г+Ш	1	1	-	-	2
Г+П	36	11	2	-	49
Г+Д	2	3	-	-	5
Г+П+Д	2	2	-	-	4
Г+Ш+ОР	1	-	-	-	1
Г+Д+ОР	1	-	-	1	2
Г+П+ОР	1	3	-	-	4
Г+П+Ш	1	-	-	-	1
ВСЕГО изделий	**45**	**20**	**2**	**1**	**68**

Сокращения: Г – глина; Ш – шамот; П – песок; Д – дресва; ОР – органический раствор.

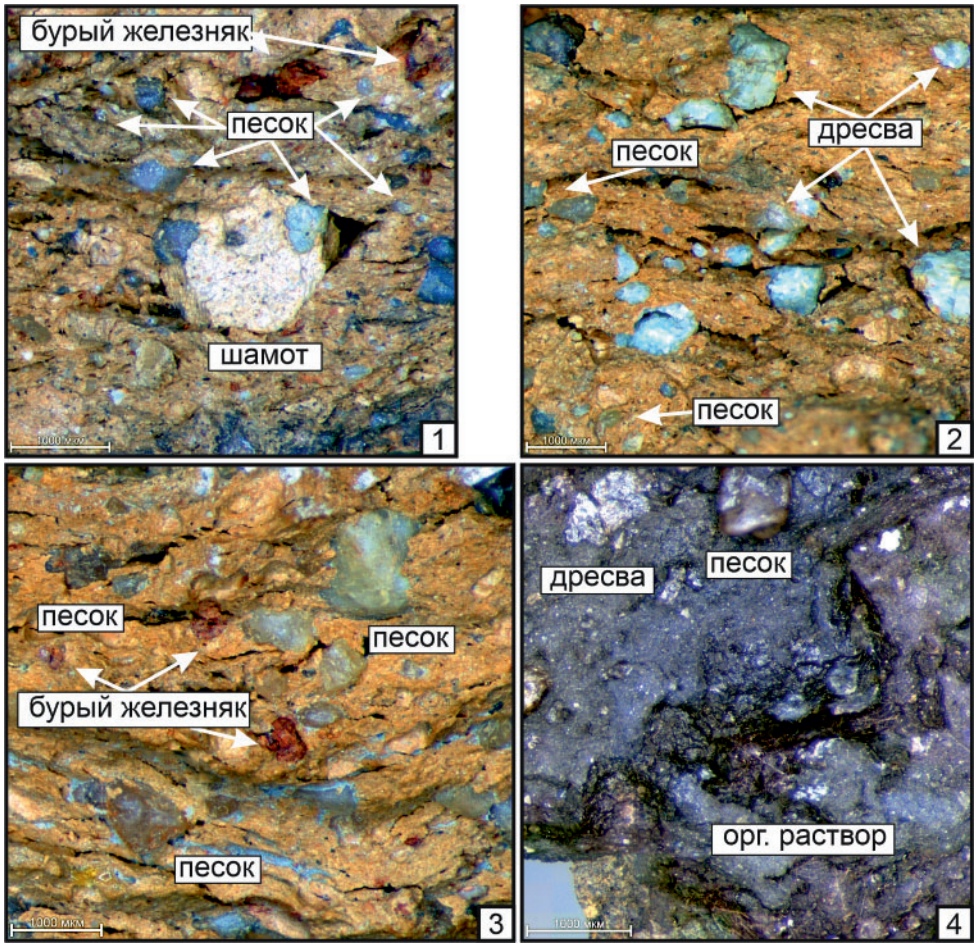

Рис. 4. Микрофотографии изломов керамики с естественными и искусственными примесями. 1 – искусственная примесь песка и шамота, песок в шамоте, естественная примесь бурого железняка; 2 – искусственная примесь песка и дресвы; 3 – искусственная примесь песка и естественная примесь бурого железняка; 4 – искусственная примесь песка, дресвы и органического раствора.

Fig. 4. Microphotographs of fractures of ceramics with natural and artificial impurities. 1 – artificial admixture of sand and chamotte, sand in chamotte, natural admixture of brown ironstone; 2 – artificial admixture of sand and tarmac; 3 – artificial admixture of sand and natural admixture of brown ironstone; 4 – artificial admixture of sand, tarmac and organic solution.

изломах установлены окатанные (преобладают) и угловатые прозрачные и глухие (преобладают) фракции. Размер включений составляет 0,1–3 мм. Преобладает концентрация 1:1, но обнаружены сосуды, в которых она составляет 1:2 (3 изд.) и 1:3 (2 изд.) Шамот не калибровался при введении в формовочную массу (размер 0,1–4 мм), концентрация составляет 1:4–5 (2 изд.) и 1:6 (2 изд.). В двух сосудах, изготовленных по несмешанному рецепту «глина + шамот», в шамоте установлен песок. Дресва, как и шамот, не калибровалась (размер 0,1–3 мм) и была получена из гранитоидов и кварцитов, концентрация 1:3 (3 изд.), 1:4 (2 изд.), 1:5–6 (4 изд.), 1:7 (1 изд.).

Органические примеси представлены растворами, обнаруженными в виде аморфных пустот размером 0,2–

Рис. 5. Керамика кулайской культуры Саровского городища со следами технологии изготовления. 1 – следы дополнительного оформления венчика сосуда при помощи отдельного жгута; 2 – следы ленточного налепа с боковым наложением.

Fig. 5. Ceramics of the Kulaika culture of the Sarovka hillfort with traces of molding. 1 – traces of additional decoration of the rim with the help of a separate harness; 2 – traces of ribbon overlay with lateral overlay.

2 мм, заполненных изнутри черным глянцевым веществом. В двух сосудах раствор обнаружен в виде тонких вытянутых пустот (0,5–4 мм) с черным налетом на стенках.

Конструирование начина и полого тела и их формообразование. По сохранившимся придонным частям установлено, что посуда изготавливалась по донно-емкостной программе. На 14 сосудах из об. № 5 и № 7 установлено, что полое тело наращивалось при помощи лоскутов диаметром до 2 см. На двух сосудах из об. № 5 выявлено использование ленточного налепа с боковым наложением. Высота лент составляет 3–4,5 см. Дополнительно форма посуде придавалась при помощи выбивки внешней поверхности гладкой колотушкой. На девяти изделиях из об. № 5 и № 7 обнаружен прием оформления венчика с внутренней стороны дополнительным жгутиком диаметром от 0,5 до 6 см (рис. 5: 1).

Обработка поверхностей. Для обработки применялось заглаживание и лощение различными инструментами в разнообразных сочетаниях. В об. № 5 обнаружено 15 вариантов комбинирования, в об. № 7 – 11. Общее количество комбинаций составило 21 (табл. 2).

На пяти сосудах из об. № 5 и № 7 обнаружен специфичный прием заглаживания на внутренней поверхности перехода от плеча к тулову при помощи зубчатого орудия. На двух изделиях из об. № 5 на внутренний поверхности под венчиком был обнаружен горизонтальный ряд ногтевых засечек. Высота одной засечки составляет 1–2 мм. Возможно, они являются разметкой зонального узора, так как совпадают с рядами волнистого орнамента, которыми украшена внешняя поверхность сосудов.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Зафиксированные цветовые гаммы изломов керамики разнообразны и включают одно- и многоцветные (табл. 3).

На фрагментах посуды отсутствуют следы спекания глины до стекловидного состояния и не установлено явления остаточной пластичности. Это свидетельствует об обжиге при температурах в пределах от 550–650º до 900–1100º. Режима обжига могло быть два – восстановительный и восстановительно-окислительный.

Обсуждение результатов

Керамика с других памятников кулайской КИО с территории Томско-Нарымского Приобья ранее анализировалась исследователями (см.: Степанова, Рыбаков, 2019; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021; и др.). Отмечено, что гончарами отбирались преимущественно слабоожелезненные и неожелезненные пластичные глины. Средне- и высокоожелезненные гли-

Таблица 2

Сочетание приспособлений для обработки поверхностей керамики в разных объектах на Саровском городище

Внешняя пов.	Внутренняя пов.	Об. № 5	Об. № 7	Об. № 6	Могила	**ВСЕГО изд.**
Твердое орудие	Зубчатое орудие	10	7	1	-	18
Твердое орудие	Пальцы	5	2	-	-	7
Твердое орудие	Зубчатое орудие, венчик заглажен твердым	1	1	-	-	1
Зубчатое орудие		6	3	-	-	9
Твердое орудие		6	1	-	1	8
Твердое орудие	Зубчатое и твердое орудие	2	1	-	-	3
Трава		1	-	-	-	1
Трава	Зубчатое орудие	2	-	-	-	2
Твердое орудие и пальцы	Зубчатое орудие	1	-	-	-	1
Твердое орудие и лощение	Зубчатое орудие	1	-	-	-	1
Трава	Твердое орудие	1	-	-	-	1
Твердое орудие	Зубчатое орудие и пальцы	4	-	-	-	4
Трава и пальцы	Твердое орудие, переход заглажен зубчатым	2	-	-	-	2
Зубчатое орудие	Зубчатое орудие и пальцы	1	1	-	-	2
Трава	Трава, переход заглажен зубчатым	1	-	-	-	1
Твердое орудие и пальцы	Зубчатое орудие и пальцы	-	1	-	-	1
Твердое орудие и лощение	Трава и пальцы	-	1	-	-	1
Пальцы и лощение	Зубчатое орудие, срез венчика заглажен пальцами	-	1	-	-	1
Пальцы	Пальцы, переход заглажен зубчатым орудием	-	1	-	-	1
Трава и лощение	Трава и твердое орудие, переход заглажен зубчатым	-	1	-	-	1
Твердое и зубчатое орудие	Зубчатое орудие	-	-	1	-	1

ны применялись редко (за исключением поселения Шеломок III). Изредка выполнялось смешивание двух глин. Наиболее часто применяемым рецептом формовочной массы был «глина + дресва + органика». Шамот редко выступает как единственная минеральная примесь в формовочной массе, чаще всего он использовался совместно с дресвой в смешанных рецептах. Однако на Карбинском городище I, которое расположено в Прикетье, вы-

Таблица 3

Цветовые гаммы изломов керамики из разных объектов на Саровском городище

Цветность излома	Об. № 5	Об. № 7	Об. № 6	Могила	**ВСЕГО изд.**
Одноцветные					
Коричневый	3	1	1	-	3
Серый	2	-	-	-	2
Темно-серый	4	-	-	-	4
Черный	15	3	-	-	18
Многоцветные					
Светло-коричневые края, темно-серый центр	3	4	1	-	8
Светло-коричневые края, черный центр	1	-	-	-	1
Коричневые края, темно-серый центр	5	4	-	-	9
Коричневые края, светло-серый центр	-	1	-	-	1
Темно-коричневые края, темно-серый центр	1	-	-	-	1
Светло-серые края, серый центр	1	-	-	-	1
Коричневый внешний край, темно-серый внутренний	4	3	-	1	8
Коричневый внешний край, черный внутренний	2	4	-	-	6
Темно-серый внешний край, светло-коричневый внутренний	1	-	-	-	1
Светло-серый внешний край, темно-серый внутренний	1	-	-	-	1
Черный внешний край, коричневый внутренний	1	1	-	-	2
Светло-коричневый внешний край, черный внутренний	1	-	-	-	1
Серый внешний край, коричневый внутренний	1	-	-	-	1

явлена противоположная ситуация – на рецепт «глина + шамот + органика» приходится 73% изученной керамики. На Нововасюганском городище и поселении исследователями выявлено, что для производства посуды применялись средне- и слабоожелезненные глины с большим количеством мелкого песка. Искусственные минеральные примеси практически не использовались для составления формовочной массы. Шамот выявлен в 13% изученной керамики в концентрации от 1:8 и менее. Самым распространённым рецептом на этих двух памятниках является «глина + органика» (77%) (по: Степанова, Кирюшин, Рыбаков, 2022).

Проанализированная посуда саровского этапа кулайской культуры с Саровского городища имеет значительные отличия от других ранее исследованных памятников с территории Томско-Нарымского Приобья и Прикетья. Так, для изготовления сосудов применялись ожелезненные глины, преимущественно слабозапесоченные и с разным содержанием естественных примесей, что дало возможность определить шесть разных подвидов. Не выявлено случаев смешения разных глин. Доминирующей

искусственной добавкой является песок, а доля однокомпонентных рецептов с дресвой и шамотом не превышает 10%. Подобная ситуация не характерна для керамических коллекций ни одного другого ранее проанализированного кулайского памятника в Томско-Нарымском Приобье и Прикетье. Также были выявлены многокомпонентные рецепты «глина + песок + дресва» и «глина + песок + шамот». Это свидетельствует о начавшихся процессах смешения носителей разных гончарных навыков на территории Саровского городища.

На территории Новосибирского Приобья в кулайской керамике также не было выявлено случаев искусственного добавления песка на разных поселениях, городищах и могильнике Каменный Мыс. Сосуды были слеплены из ожелезненных глин средней пластичности. Доминирующей примесью являлась дресва, на долю рецептов «глина + шамот» приходится 12% от общего числа изученных сосудов (Селин, 2021).

Особый интерес для сравнения представляет керамика кулайской КИО с памятников, расположенных на Барсовой Горе и в бассейне р. Конды. На Барсовой Горе одним из авторов к настоящему моменту выполнен анализ технологии создания посуды с городищ Барсов городок (далее – Бг) I/4, Бг I/5, Бг I/7, Бг I/20, Бг I/32, Бг III/6; селища Барсова Гора (далее – БГ) III/2 (см. напр.: Selin, Chemyakin, Mylnikova, 2021; Селин, Чемякин, 2021; 2022; др.). Определено, что для лепки посуды применялись ожелезненные глины с разным количеством естественного песка. В ассортимент искусственных добавок входили дресва, шамот, песок, различные виды органических растворов. Отличительной особенностью гончарной технологии является вариативность в составлении формовочных масс внутри одного поселения. Основным рецептом формовочной массы является несмешанный «глина + дресва», который зафиксирован на всех проанализированных памятниках. Также на отдельных городищах выявлена посуда, изготовленная с искусственной добавкой песка. На Бг I/4 и Бг I/5 доля керамики, изготовленной по таким рецептам, составляет 15%; на Бг I/20 – 17%. Песок может выступать единственной добавкой (Бг I/20) и входить в состав многокомпонентных смесей (Бг I/4, Бг I/5, Бг I/20). Для конструирования полого тела могли изредка применяться ленты с боковым наложением (Бг I/4, Бг I/5). При этом доминирующим строительным элементом являлся лоскут. Также на Барсовой Горе практически на всех исследованных памятниках известны случаи использования специфичных технологических приемов, которые были обнаружены и на Саровском городище. К ним относится дополнительное оформление венчика при помощи жгутика с внутренний или внешней стороны и заглаживание зубчатым орудием на внутренней поверхности места перехода от плеча к тулову.

На поселениях Новый Катыш IVa и IVб, которые расположены в бассейне р. Конды, одним из авторов определено, что для изготовления посуды гончарами использовались ожелезненные глины. Применялся похожий ассортимент добавок – дресва, шамот, песок, органический раствор. Особый интерес представляет тот факт, что на Новом Катыше IVa выявлено три рецепта с преобладанием двух, в которых входит песок – «глина + песок» и «глина + шамот + песок». На Новом Катыше IVб на долю рецепта с песком приходится 37%. Эта добавка была установлена в составе многокомпонентных рецептов совместно с органическим раствором и шамотом. Было проведено сравнение технологии изготовления керамики с Ново-

го Катыша IVа и IVб с кулайской из Сургутского Приобья. Это позволило предположить, что традиция добавления в формовочную массу песка в среде кулайского населения Сургутского Приобья является привнесенной. Одним из ее источников могло быть кулайское население, проживавшее в бассейне р. Конды (Селин, Чемякин, 2024).

Особенности орнаментации кулайской керамики с Саровского городища, как было отмечено выше, подробно описаны Л.В. Панкратовой (2007, 2008а, б; и др.). Нами было выполнено сопоставление выделенных композиций узоров с выявленными особенностями технологии посуды. По результатам сравнения установлено, что сосуды, орнаментированные разными композициями (по Л.В. Панкратовой) могли быть изготовлены по близкой технологии. Например, сосуды из об. № 5 с композицией из бордюров без окаймления (вариант 2) изготовлены из глины подвида 2 по рецепту «глина + песок». Из схожих глин и такого же рецепта изготовлены сосуды с композицией из бордюров без окаймления варианта 3. Подобная ситуация характерна и для изделий с другими искусственными примесями: два сосуда из об. № 5 были изготовлены из глины подвида 2 и с искусственной примесью дресвы и украшены композициями из бордюров без окаймления вариантов 1 и 2.

Заключение

Таким образом, для изготовления керамики гончары Саровского городища применяли ожелезненные глины, преимущественно слабозапесоченные и с разным содержанием естественных примесей, что позволило выделить шесть подвидов исходного пластичного сырья. Во всех объектах определено восемь рецептов формовочной массы, самым распространенным из которых является «глина + песок» (72%). Выявлено, что сосуд из могилы был слеплен по рецепту «глина + дресва + органический раствор», который был зафиксирован только в одном сосуде из об. № 5. Для изготовления начинов использовалась донно-емкостная программа. Полое тело наращивалось преимущественно при помощи лоскутов диаметром до 2 см, на двух сосудах определено использование лент. Использовалась выбивка гладкой колотушкой. Поверхности обработаны заглаживанием и лощением. Также определены специфические технологические навыки: оформление венчика с внутренней стороны дополнительным жгутиком и заглаживание на внутренней поверхности участка перехода от плеча к тулову при помощи зубчатого орудия. Обжиг мог проходить в восстановительной и восстановительно-окислительной среде при температурах в пределах от 550–650º до 900–1100º.

Наибольшее сходство в гончарной технологии посуды с Саровского городища прослеживается с кулайской керамикой с бассейна р. Конды. Отдельные специфические технологические приемы и искусственная примесь песка выявлены на посуде кулайской КИО с памятников, расположенных на Барсовой Горе. Возможно, Саровское городище оставлено особой группой кулайской КИО, для которой была характерна традиция добавки песка в ожелезненную слабозапесоченную глину. Носители этой традиции могли распространяться вниз по течению р. Оби и по ее притокам на север, вплоть до бассейна р. Конды и Барсовой Горы, оставив такие памятники, как Новый Катыш IVа и IVб. При этом вверх по течению р. Оби в более южные территории (например, Новосибирское Приобье) носители этих гончарных навыков не проникали, что выразилось в полном отсутствии случаев добавки песка в формовочную массу на памятниках, расположенных на указанной территории.

Продолжение технико-технологического анализа керамики кулайской КИО с территории Томско-Нарымского Приобья, в том числе с применением методов естественных наук, позволит уточнить направления культурных связей и миграций населения в эпоху раннего железного века на территории таежной и лесостепной зоны Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.
3. *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Электронный каталог эталонов по керамической трасологии [Электронный ресурс]. Самара, 2020. URL: http://archsamara.ru/katalog (дата обращения: 26.04.2022).
4. *Жущиховская И.Ю.* Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 3: Археология и этнография. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20
5. *Панкратова Л.В.* Историко-культурные особенности позднекулайской керамической орнаментики. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 24 с.
6. *Панкратова Л.В.* Структура и семантика орнаментальных композиций на кулайской керамической посуде // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. сборник трудов кафедры археологии и этнологии / Науч. ред. Л.М. Плетнёва. Томск: ТГПУ, 2008а. С. 126–144.
7. *Панкратова Л.В.* Обменные отношения в кулайском обществе (по материалам керамического комплекса Саровсого городища) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Под ред. В.И. Молодина и др. Томск: Аграф-Пресс, 2008б. С. 293–297.
8. *Селин Д.В.* Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 86–96 DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96
9. *Селин Д.В., Стефанова Н.К., Чемякин Ю.П.* Новый Катыш IVа и IVб — кулайские поселения в бассейне р. Конды (Западная Сибирь) // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 157−167. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1 (82)-157-167.
10. *Селин Д.В., Чемякин Ю.П.* Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 5: Археология и этнография. С. 116–128. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-116-128
11. *Селин Д.В., Чемякин Ю.П.* Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 71–88. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88
12. *Степанова Н.Ф., Кирюшин Ю.Ф., Рыбаков Д.Ю.* Результаты технико-технологического анализа керамики кулайской культуры с Нововасюганского городища и поселения из Нарымского Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 2 (36). С. 160–172. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-160-172
13. *Степанова Н.Ф., Плетнева Л.М., Рыбаков Д.Ю.* Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 55–61. DOI:10.17223/19988613/69/7 ISSN 2311-2387
14. *Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю.* Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН 2019. С. 607–613. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.607-613

15. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
16. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
17. Чиндина Л.А. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири / Отв. ред. В.А. Дремов. Томск: Томский университет, 1978. С. 51–80.
18. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
19. Selin D.V., Chemyakin Y.P., Mylnikova L.N. Pottery from the Barsov Gorodok III/6 Early Iron Age fortified settlement in the Surgut Stretch of the Ob: a Technological Analysis // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2021. № 49 (2) Pp. 72–83 doi:10.17746/1563-0110.2021.49.2.072-083

Информация об авторах:

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); selin@epage.ru

Чиндина Людмила Александровна, доктор исторических наук, профессор. Томский государственный университет (г. Томск, Россия); chindina37@mail.ru

PRODUCTION TECHNOLOGY OF KULAIKA CULTURE CERAMICS FROM THE SAROVKA HILLFORT SITE

D.V. Selin, L.A. Chindina

The article presents the results of an analysis of the technology used to create ceramics from the Kulaika culture at the Sarovka hillfort site. Potters utilized iron-enriched clays exhibiting varying degrees of sand content and different natural impurities, allowing for identification of six main types of raw materials. They used eight different recipes for creating the clay mixtures, with the most common being a mixture of clay and sand (72%). The bottom-up method was used to make the initial shapes. The hollow bodies of the vessels were built up using small patches approximately 2 cm in diameter. Coil application was rarely employed. The surface treatment included smoothing and burnishing. Two specific techniques were identified: decorating the rim on the inside with an additional flange and smoothing the inner surface between the shoulder and body with a denticulate tool. Firing could occur in both reducing and reducing-oxidizing atmospheres at temperatures ranging from 550–650°C to 900–1100°C. The results of the study indicate that the pottery production technology from the Sarovka site shares similarities with that of the Konda River, and unique technical methods specific to Kulaika pottery from Barsova Gora have also been identified

Keyword: archaeology, Early Iron Age, Kulaika culture and cultural-historical community, Sarovka hillfort, ceramics, technical and technological analysis.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya) (Current Issues of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
3. Vasilieva, I.N., Salugina, N.P., 2020. *Elektronnyy katalog etalonov po keramicheskoy trasologii (Elektronnyy resurs) (Electronic catalogue of standards for pottery microwear analysis. (Electronic resource).* Samara. URL: http://archsamara.ru/katalog. (in Russian).
4. Zhushchikhovskaya, I. S. 2022. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 21 (3), 9–20 (in Russian).
5. Pankratova L.V. 2007. *Istoriko-kul'turnye osobennosti pozdnekulayskoy keramicheskoy ornamentiki (Historical and cultural peculiarities of Late kulaika ceramic ornamentation).* PhD Thesis. Kemerovo. (in Russian)
6. Pankratova, L. V. 2008. In Pletneva, L. M. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya: materialy i issledovaniya. sbornik trudov kafedry arkheologii i etnologii (Archaeology and ethnography of the*

The research was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-01192, https://rscf.ru/en/project/23-78-01192/

Ob region: materials and research. Collected works of the Department of archaeology and ethnology). Tomsk: Tomsk State University Publ., 126–144 (in Russian).

7. Pankratova, L. V. 2008. In Molodin, V. I., et al. (eds.). *Vremia i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniiakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii (Time and Culture in Archaeological Studies of Ancient and Contemporary Societies of West Siberia and the Adjoining Territories: Issues of Interpretation and Reconstruction)*. Tomsk: "Agraf-Press" Publ., 293–297 (in Russian).

8. Selin, D. V. 2021. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 20 (7), 86–96 (in Russian).

9. Selin, D. V., Stefanova, N. K., Chemyakin, Yu. P. 2024. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 1 (82), 157–167 (in Russian).

10. Selin, D. V., Chemyakin, Yu. P. 2021. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 20 (5), 116–128 (in Russian).

11. Selin, D. V., Chemyakin, Yu. P. 2022. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 21 (5), 71–88 (in Russian).

12. Stepanova, N. F., Kiryushin, Y. F., Rybakov, D. Y. 2022. In *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 2 (36), 160–172 (in Russian).

13. Stepanova, N. F., Pletneva, L. M., Rybakov, D. Yu. 2021. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Tomsk State University Journal: History)* 69, 55–61 (in Russian).

14. Stepanova, N. F., Rybakov, D. Yu. 2019. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* XXV. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 607–613 (in Russian).

15. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

16. Tsetlin, Yu. B. 2017. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ceramics. The Concepts and Terms of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

17. Chindina, L. A. 1978. In Dremov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri (Issues of Archaeology and Ethnography of Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University Publ., 51–80 (in Russian).

18. Chindina, L. A. 1984. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

19. Selin, D. V., Chemyakin, Y. P., Mylnikova, L. N. 2021. In *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* no 49, 72–83 doi:10.17746/1563-0110.2021.49.2.072-083

About the Authors:

Selin Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch RAS, Acad. Lavrentiev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; selin@epage.ru

Chindina Ludmila A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Tomsk State University, Lenin Ave., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; chindina37@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.231.247

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР МАВЗОЛЕЕВ НЕКРОПОЛЯ СЫГНАК[1]

© 2025 г. А.Д. Искандерова, М.М. Бахтыбаев, С.С. Мургабаев, Д.А. Воякин, К.С. Арынов, Т.А. Апендиев

В статье рассматриваются элементы архитектурного декора мавзолеев XIV–XV вв. некрополя городища Сыгнак, расположенного в Кызылординской области Республики Казахстан. Коллекция представлена облицовочными шлифованными кирпичами без декора, алебастровыми плитками, резными и штампованными терракотами, терракотами с частичной глазурью, майоликой на глиняной основе, плитками разных размеров с многоцветной глазурью и подглазурной росписью, мозаикой на фаянсе с глазурью. Авторами рассмотрены все виды орнаментов и проведен анализ всех образцов архитектурного декора трех мавзолеев Сыгнака. Рассмотрены техника изготовления элементов архитектурного декора, характерный стиль и высокий уровень выполнения деталей. Изобразительные мотивы неполивных декоров мавзолея представлены резной и штампованной терракотой с геометрическими и растительными орнаментами. Глазурованные облицовочные плитки с резным или рельефным орнаментом на лицевой поверхности – растительным, геометрическим и эпиграфическим – сверху покрыты непрозрачной голубой глазурью. В статье была рассмотрена лишь небольшая часть материалов из культовых сооружений средневекового Сыгнака.

Ключевые слова: археология, Средневековье, Сыгнак, мавзолей, некрополь, архитектурный декор, облицовочный кирпич, терракота, резная глина, глазурь.

Среди археологических памятников Южного Казахстана заметное место принадлежит средневековому городищу Сыгнак. Это развалины одного из известнейших средневековых городов среднего течения реки Сырдарьи. Городище расположено на равнине и четко выделяется на местности многочисленными земляными буграми различных форм и размеров, которые являются остатками бывших построек. Памятник находится в Жанакурганском районе Кызылординской области, в 1,5 км к западу от села Сунак ата (рис. 1).

Город Сыгнак сыграл значительную роль в истории Казахстана, в том числе и как столичный центр значительных государственных образований, являлся культовым центром Дешт-и-Кыпчака, здесь находился один из некрополей его правящей и религиозной элиты.

С XVI в. Сыгнак вошел в состав Казахского ханства и оставался одним из важных его центров в период своего существования.

Изучение Сыгнака, входившего в различные этнополитические образования и имевшего ключевое политическое значение в качестве одного из важнейших городов, в целом закономерно вытекает из той роли, которую играл этот город на протяжении всей эпохи Средних веков в истории Казахстана и евразийского культурного пространства в целом. Исследования памятников археологии среднего течения Сырдарьи берут начало со второй половины XIX в. Среди упоминаний, кратких описаний памятников, встречающихся в путевых заметках, воспоминаниях участников различных миссий, поездок, экспедиций, особое место занимают сведения о культовых сооружениях – мавзолеях, мазарах и мечетях. Так как многие сооружения были разрушены или не сохранились до наших дней, эти данные

[1] Статья подготовлена в рамках научного проекта № AP26104363 «Проведение комплексных археологических исследований на некрополе средневекового города Сыганак».

Рис. 1. Ситуационная карта городища Сыгнак (по Захаров Д., 2019)
Fig. 1. Situational map of Sighnaq city (according to Zakharov D., 2019)

являются единственными источниками о памятниках.

В 1899 году развалины древнего Сунак-Ата (Сыгнака) посетил член Туркестанского кружка любителей археологии В.А. Каллаур. Он представил краткое описание городища и обратил внимание на два высоких здания, построенных из жженого кирпича, расположенных в 100 м к востоку от главных ворот городища. Сняв план здания, он представил краткое описание комплекса. По созданному им плану строения В.А. Каллаур описал комплекс следующим образом: «…состоит из двух помещений, расположенных с запада на восток: первое помещение с входными дверями с трех сторон (теперь сохранилась только дверь с южной стороны, высотою до 8 саженей, западные и северные ныне заложены). Длина и ширина этого помещения по 15 аршин. Второе помещение – длиною и шириною по 9 аршин, сообщающееся с первым сводчатым просветом шириною в 3 аршина, с единственным окном на восток. Под вторым помещением находится склеп со сводчатым потолком, вход в который, закрытый камнем, находится в полу с правой стороны, сейчас же у входа. Над каждым помещением были сводчатые потолки с куполами, но разрушились. В обоих помещениях внутри никаких орнаментов нет, а на остатках куполов, бывших над каждым помещением, сохранились куски алебастровой штукатурки» (Каллаур, 1900, с. 10–11). В склепе В.А. Каллаур обнаружил 19 человеческих черепов, человеческие кости и груду досок соснового и талового леса.

Одним из памятников, многократно описанных исследователями, является мавзолей Кок-кесене. По описанию Г.А. Пугаченковой, это был квадратный в плане мавзолей с размещенным под полом склепом. Главный объем составляют квадратная призма, переходный восьмигранник, шестнадцатигранный барабан и конический шатер. Вход оформлен порталом с аркой стрельчатой формы. С внешней стороны мавзолей был облицован цветными глазурованными плитками с растительными, геометрическими узорами и многоцветными мозаиками, внутри под куполом проходила арабская надпись (Пугаченкова, 1976, с. 81). Одним из первых, кто описал

мавзолей Кок-кесене, был В.А. Каллаур: «На юге от Саганака (Сунака), в верстах восьми по 1 направлению к Тюмень-Арыку, находится каменное здание Кок-кесене... Здание это высокое, сложенное из жженого кирпича, с уцелевшими орнаментными украшениями, синего цвета; оно приходит в большое разрушение не только от времени, но более еще от того, что жители из него выбирают кирпичи» (см. Жирмунский, 1951, с. 96; Каллаур, 2011, с. 254). По описанию, это был мавзолей со склепом внутри, над которым размещалась гробница с флагом. Пяти-шестикратно повторяющаяся внутри купола арабская надпись украшала несравненный посвоему изразцовому убранству мавзолей Кок-Кесене (Якубовский, 1929, с. 156). Оставшийся кусок устоя портальной арки имеет 61/2 м в окружности и высоту в 4,36 м; окружность холма, образующего развалины Кок-Кесене, равна 110 шагам, высота холма 3,1 м. В 1906 г. на городище побывал И.А. Кастанье, который дополнил данные В.А. Каллаура. «Один только памятник, известный мне, имеет портал, представляющий вид арки, но сам по себе этот мавзолей по изящности, величию и красоте превосходит только что описанный во много раз. Это надгробный мавзолей «Кок-Кесене», – писал Кастанье при изучении типов надгробных сооружений киргизских степей (Кастанье, 1911, с. 49). При посещении мавзолея в 1927 г. А.Ю. Якубовский застал печальную картину. По мнению окрестных поселян, мавзолей окончательно разрушился в 1914 г. Так возник холм, сформированный частями и обломками прежней постройки, и сохранялся лишь устой южной части арки портала (Якубовский, 1929, с. 156). На холме оставалось множество жженых кирпичей размерами 25×25×5 см. Затем при раскопках было найдено множество изразцов голубого, синего и белого цвета, покрытых высококачественной поливой, нанесенной толстым стекловидным слоем на ангобированную белой глиной поверхность кирпича. Размер изразца 291/2×9 см. Весьма необычны и голубые рельефные плитки размерами 9×61/2 см. Найден был и большой кусок кладки. Он был украшен изразцовой мозаикой. На нем видны голубые, белые, синие, желтые и красные вставки. Также на поверхности был найден и кусок резного неполивного терракотового кирпича (Якубовский, 1929, с. 156). А.Ю. Якубовский относит время возведения мавзолея к XV в. И Кок-Кесене, и соседние с ним развалины являются ханским кладбищем. А.Ю. Якубовский приводит выписки В.В. Бартольда из рукописи библиотеки, где указано, что в Сыгнаке были могилы и гробницы узбекских ханов, и на мазарах им возводили высокие купола.

В ходе экспедиции по изучению, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства, организованной ГАИМК при участии Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и природы и Чимкентского областного музея, в 1927 году на городище Сыгнак побывал А.Ю. Якубовский. Он дал тщательное описание памятника, привел подробную характеристику сохранившихся архитектурных сооружений, собрал исчерпывающие сведения о Сыгнаке из средневековых письменных источников (Якубовский, 1929, с. 123–159).

Комплексные археологические исследования на городище Сыгнак были начаты в 2003 году Сыганакской археологической экспедицией (руководитель С.Ж. Жолдасбаев) Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави. В ходе исследования было заложено несколько раскопов. Первый – на территории рабада, на небольшом бугре,

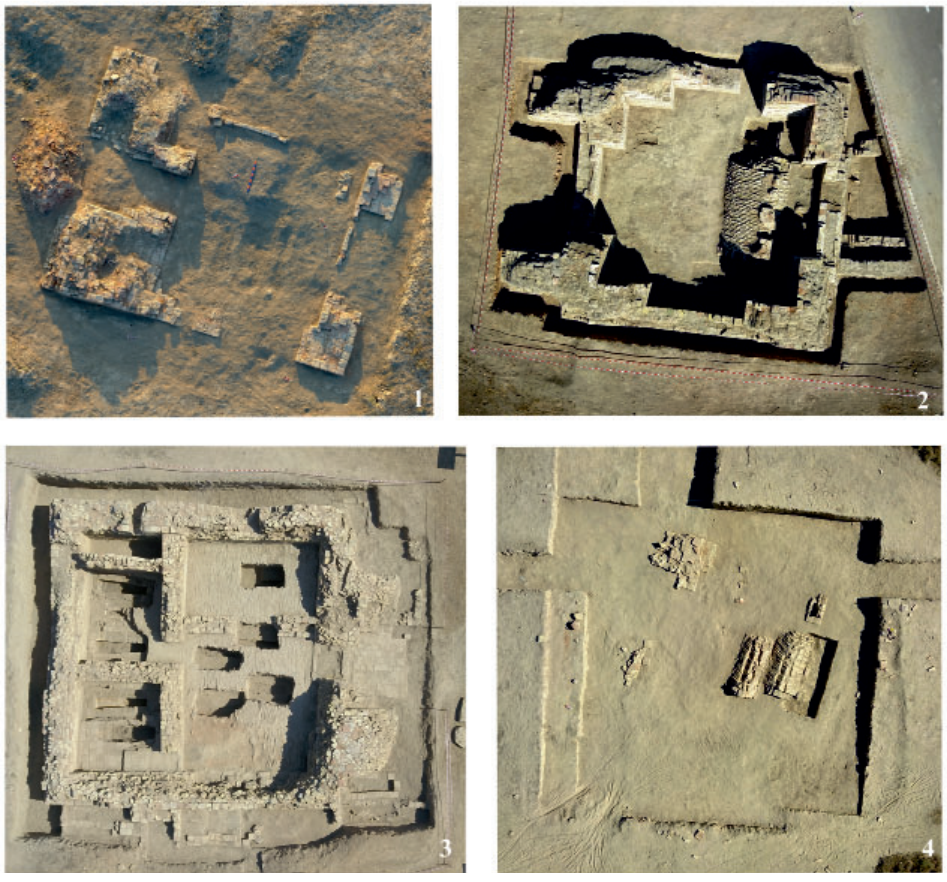

Рис. 2. Мавзолеи Сыгнака: 1 – Батыс-кесене; 2 – Батыр-ата; 3 – Шаршы-кесене; 4 – Безымянный.

Fig. 2. Mausoleums of Sighnaq: 1 – Batys-kesene; 2 – Batyr-ata; 3 – Sharshy-kesene; 4 – Unnamed.

расположенном недалеко от городского вала, площадью 14,5×8,5 м. В ходе раскопок во всех комнатах были собраны поливные и неполивные керамические материалы. Последние датируются XVIII–XIX вв. (Жолдасбаев, 2010, с. 111–112). Второй раскоп был заложен на территории рабада, в 100 м севернее от городища. До раскопок это был небольшой бугор размером 40×30 м, высотой 1,5 м. В ходе раскопок было вскрыто сооружение (мавзолей № 1), состоявшее из четырех комнат, общий размер которых 14×12 м. Стены были выложены из жженого кирпича, входной проем располагался на южной стороне мавзолея (Жолдасбаев, 2010, с. 112–113).

В 2022 году Сыганакской археологической экспедицией были исследованы мавзолеи № 6–7 (Sizdikov et al., 2023, с. 131–144) и мавзолей Кок-Кесене (Мургабаев, Бахтыбаев и др., 2022, с. 216–222).

В 2019 г. Международный институт центральноазиатских исследований совместно с Международным казахско-турецким университетом имени Ходжа Ахмеда Ясави провели археологические раскопки четырех объектов на некрополе Сыгнака (Бахтыбаев, Искандерова и др., 2019, с. 15–96). Были полностью открыты четыре мавзолея, которые дали обширный материал по архитектурному декору, керамике и представили

Рис. 3. Мавзолеи Батыр-ата, Безымянный. Облицовочные кирпичи, алебастровые плитки.
Fig. 3. Mausoleums of Batyr-ata, Unnamed. Siding bricks, alabaster tiles

сведения о погребальной обрядности населения городища (рис. 2). Исследования на некрополе показали, что большая часть памятников была уничтожена в ходе интенсивного освоения территорий, которое сопровождалось добычей строительного материала для возведения современных зданий. Разнообразна была архитектура многочисленных, но, к сожалению, до наших дней не сохранившихся мавзолеев Сыгнака. Археологические раскопки на территории средневековых городищ Южного Казахстана открыли новые образцы архитектурных изразцов. Оформление архитектурных памятников Центральной Азии в той или иной мере описывалось и отчасти анализировалось в статьях и монографиях ряда исследователей.

В ходе исследований, проведенных Казахско-Узбекской археологической экспедицией (рук. А. Искандерова, М. Бахтыбаев) в 2019 году на трех мавзолеях Сыгнака, условно названных Батыс-кесене (мавзолей № 3), Безымянный (мавзолей № 5) и Батыр-ата (мавзолей № 4), был накоплен богатейший материал, позволяющий по-новому взглянуть на способы декора архитектурных сооружений и надгробий мавзолеев.

Архитектурная керамика мавзолеев Сыгнака XIV–XV вв. представлена следующими видами: облицовочные кирпичи с гладкой шлифованной по-

верхностью, алебастровые плитки, резная и штампованная терракота, резная терракота с частичной глазурью, майолика и мозаика.

Облицовочные кирпичи, алебастровые плитки

Присутствуют глиняные обожжённые облицовочные кирпичи-плитки с гладкой шлифованной поверхностью, плитки с одноцветной поливой (см. в разделе майолика), а также фигурные алебастровые плитки.

С началом использования жженого кирпича в качестве стенового материала в строительство входит и облицовочная керамика. Простейшим видом облицовки были жженые кирпичи. Так и среди находок архитектурного декора встречаются облицовочные жженые кирпичи, отличающиеся только шлифовкой и часто покраской лицевой поверхности. Они применяются при постройке стен монументального здания, фасадной части портала, ребристых барабанов, конических куполов, а также сталактитов. Обнаруженные кирпичи с мавзолеев разных размеров, прямоугольные, квадратные, фигурные в виде ромба, пятиугольников, хорошо отшлифованные с обеих сторон (рис. 3: 1, 3, 4, 6). Облицовочный кирпич, как и любая керамика, обжигался в кустарных печах, так как при обжиге кирпича из-за примитивности конструкции печей не всегда поддерживалась постоянная температура. Это приводило к изменению внешней расцветки кирпичей, она получалась розоватая, желтовато-коричневая и зеленоватая (Гражданкина, 1958, с. 164).

Примеры кирпичной кладки можно наблюдать на мавзолеях IX–XI в.: Исмаила Самани IX в., Карахана (X в.), Айша биби XI в., Бабаджи Хатун XI в., Талхатан баба (1095 г.), портале летней резиденции караханидских правителей Рабати-Малик, мавзолее Аламбердара (X – начало XI вв.). Кладку мы встречаем и на фасадах мавзолеев Алаша-хана (XIII–XIV вв.) и Тектурмаса (XIV–XV вв.), выстроенных в кирпичной декоративной кладке. Портал основного фасада декорирован геометрическим, растительным орнаментом, а на плоскости боковых и задней стен мавзолея выше цоколя находится фигурная кладка из светлых и темных жженых кирпичей в виде ромбов, треугольников, диагональных поясков, «елок» (Чекаева и др., 2021, с. 41–41). Пояски выведены в кирпичной кладке бороздками – широко распространенным приемом на многих памятниках Казахстана и Средней Азии.

Алебастровые плитки, прямоугольные, фигурные (рис. 3: 2, 5), возможно, были использованы как решетки для оконных вставок (панджара) или же как ганчевые сталактиты интерьера, как на примере высоких стрельчатых ниш главного зала казандыка ханаки Ахмеда Ясави. Ханака Ахмеда Ясави была усилена декоративным приемом: купола главных залов покрыли изнутри ганчевыми сталактитами, боковые помещения – штукатуркой.

Фрагменты алебастровых решеток находят повсеместно в Средней Азии. Широкое применение панджара находят в архитектуре Средней Азии как сквозные ограды для защиты световых проемов. Решетки сложного построения и богатой отделки XV–XVI вв. не были ограничены применением определенного материала, их изготовляли из дерева, алебастра, специальной керамики и металла (Ремпель, 1957, с. 8).

Резная и штампованная терракота

Изразцы из терракоты с вырезанным или штампованным на лицевой поверхности рельефным орнаментом характерны для декора наружных фасадов, верхних частей стен архитектурных сооружений домонгольского времени и эпохи Золотой Орды. Ими

Рис. 4. Мавзолей Безымянный. Резная и штампованная терракота.
Fig. 4. Unnamed Mausoleum. Carved and stamped terracotta.

также украшали михрабы мечетей, а иногда они становились эпитафией (?) на надгробиях.

Архитектурная терракота обычно представлена керамическими неглазурованными изделиями с глиняным черепком.

Облицовочные терракотовые плитки с резным орнаментом, обнаруженные во время раскопок на мавзолеях Безымянный и Батыс-кесене, имели розовато-желтые оттенки. Для резной и штампованной терракоты золотоордынского периода характерны растительный, геометрический и эпиграфический типы орнаментов, при этом встречаются и сочетания. Для штампованных плиток характерен более мелкий рельеф и украшение ими плоскостей стен, углов, карнизов, надгробий и т. п. (Федоров-Давыдов, 1994, с. 152, 159 161).

Представленные терракотовые плитки Безымянного мавзолея состоят из мотивов геометрических пяти- и восьмиугольников; растительных орнаментов в виде пятилепестковых цветов, трилистников и завитых стеблей, чередующихся с плетением, повторяющихся растительных орна-

Рис. 5. Батыс-кесене. Резная терракота (Фото Ольги Кузнецовой).
Fig. 5. Batys-kesene. Carved terracotta (Photo by Olga Kuznetsova).

ментов в виде цветков бадьяна и трилистников в обрамлении геометрических многоугольников (рис. 4: 1–3). Присутствуют S-образные фигуры, составляющие элемент пальметты; плетение, образующее параллельные друг другу фигурные арочки с орнаментом мотива ствола с ответвлениями из листьев и стеблей с горошинами на концах (рис. 4: 2). На других фрагментах – пышные вьющиеся стебли, переходящие в центре плиты в повторяющиеся пары миндалевидных розеток (рис. 4: 4–6, 11–12). На штампованных фрагментах (рис. 4: 8–10) неглубоким рельефом выступают геометрические орнаменты переплетенных многоугольников с растительным орнаментом внутри каждой ячейки. Рельефная поверхность с остатками краски красно-бордового цвета. По рис. 4, 10 видна тыльная часть плиты со следами трещин и царапин, образовавшей при формовке глины в калыбы. Среди фрагментов декора встречается орнамент в виде плетенки из двух рельефных полос, видны линии, вырезанные острым предметом (рис. 4: 13–14). Интересными вариантами являются изящные шестиугольные

розетки из штампованной терракоты. Наблюдаются два варианта: шестиугольник с растительным орнаментом, с линиями, окантовывающими углубление по центру, которые завершаются трилистниками, переплетенными вершинами к угловой грани плитки, и резные терракотовые плитки, которые частично покрыты бирюзовой поливой рельефных элементов орнамента (рис. 4: 17–18).

Декор с мавзолея Батыс-кесене отличается своеобразным многообразием орнаментов. Среди изразцов мавзолея были найдены интересные фрагменты терракотовой полуколонки (рис. 5: 2–3). Повторяющиеся рельефные квадраты переплетаются лентами друг с другом, создавая решетчатый узор.

На одном из фрагментов терракоты – орнамент «узел счастья». Он обрамлен растительным орнаментом – побегами с листьями (рис. 5: 4). Орнамент «узел счастья» – это название декоративного мотива, существующего в различных вариациях узоров кочевников. Он известен в искусстве всех народов Европы и Азии. Орнамент «узла счастья» был распространен у народов в Центральной Азии: это монголы, буряты, калмыки, тувинцы и хакасы. Этот узор монголы также называют «уялга», что означает «завязка, вязание, узел». Буряты такой мотив называют Үлзы хээ – Узел счастья. Слово «узел» покитайски созвучно слову «благопожелание», поэтому узел символизирует достижение желаемого. «Прообразом символического орнамента благополучия (улзий) послужил обычный веревочный или ременной узел, который кочевники использовали в быту. Постепенно данный орнаментальный мотив получил широкое распространение. Символизирующий центр макромира кочевой культуры, он олицетворяет прочность, устойчивость, благополучие и счастье» (Гантулга, 2020, с. 196). Интересен орнамент «узел счастья» с заканчивающими с сверху и снизу «трилистниками» на изразцах-перемычках, встречающихся в декоре мавзолея 1 Ханского некрополя пос. Лапас, где представлены четыре типа этого орнамента в разных вариациях (Пигарёв, Ситдиков, 2024, с. 164–166).

Терракота с частичной глазурью

Развитие в XIII–XIV вв. декоративного искусства приходит к появлению глазурованных облицовочных плиток с резным или рельефным орнаментом, которые можно считать переходным типом, а резную терракотовую облицовочную плитку, частично покрытую бирюзовой поливой, можно считать типом, возникшим скорее в первой половине XIV века. Для этой плитки характерен высокий рельефный орнамент, покрытый бирюзовой глазурью. Также были найдены целые терракотовые плиты и их фрагменты, частично покрытые бирюзовой поливой. На некоторых из плит в углах соединения многоугольников сохранились глазурованные вставки бирюзового цвета (рис. 4: 15–16). Встречаются розетки со вставкой в центре из неаккуратно вырезанной кашинной плитки голубого цвета, закрепленной на алебастровом растворе (рис. 4: 17); вторая розетка, аналогичная первой по декору, без вставки, с выемчатым кругом в центре (рис. 4: 18). Розетки имели розовато-желтые оттенки. На одной из них сбоку сохранилась прямоугольная кашинная плитка голубого цвета, также закрепленная на алебастровом растворе (рис. 4: 17). Можно предположить, что розетки были прикреплены на стены фасада в обрамлении кашинных плиток, и таким образом создавалось декоративное панно, состоящее из чередующихся розеток. Шестиугольные розетки обрамлены широкой лентой растительного орнамента, что воссоздает впечатление малой розетки в крупной розетке.

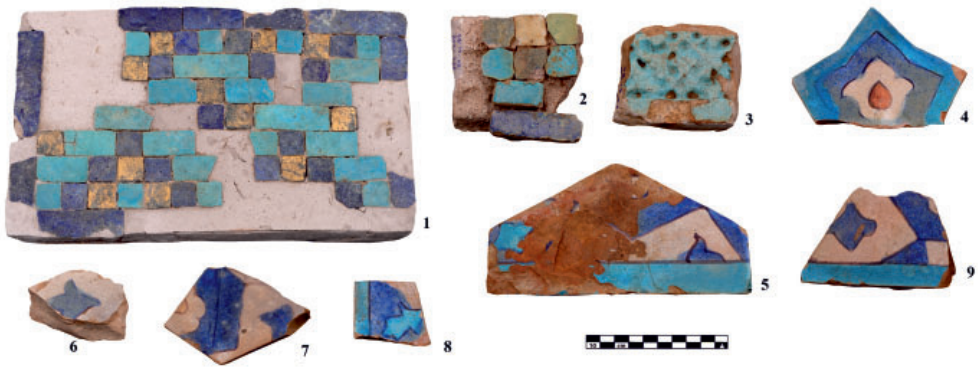

Рис. 6. 1–2 – мозаика (Безымянный); 3 – майолика (Батыс-кесене); 4–9 – майолика (Батыр-ата).

Fig. 6. 1–2 – Mosaic (Unnamed); 3 – Majolica (Batys-kesene); 4–9 – Majolica (Batyr-ata).

Декоративная облицовка Батыс-кесене представляет собой рельефный орнамент на лицевой поверхности – растительный, геометрический и эпиграфический. Сверху он покрыт непрозрачной голубой глазурью. Композиция орнамента состоит из пояса растительного орнамента – побегов с острыми листьями и бутонов полураскрытых цветов. Они оконтурены рядами штриховидных полос, и извивающимися побегами, и кругами, украшенными горошинами (рис. 5: 13). Фрагмент орнаментальной композиции восьмилучевой звезды в круге особенно интересен: две пары лучей листовидные, две – ромбовидные. В первых – рельефные «горошины» (рис. 4: 1, 14). На поверхности узора видны следы разметки орнамента мастером, в другой орнаментальной композиции представлен растительный узор в виде извивающихся побегов с нависающими листьями (Байпаков и др., 2014, с. 50). Орнаментальная композиция на одном из фрагментов представлена в виде восьмерки в миндалевидном контуре (рис. 5: 5). Эпиграфический орнамент дан фрагментами арабографичной надписи почерком сульс, а она украшена растительным орнаментом в виде остролистых извивающихся побегов и пальметок (рис. 5: 8–11). Есть и орнаментальная композиция, где геометрический орнамент из двойной рельефной линии заключен в миндалевидный контур (Байпаков и др., 2014, с. 49–50). Среди фрагментов также есть фрагмент с орнаментом розетки – шестилепестковый цветок, окаймленный по краям, в виде центрального круга, залитого синей глазурью и декорированного по краям растительным орнаментом из вьющихся листьев и эпиграфики (рис. 5: 12).

Майолика. До появления майоликовых изразцов на кашинной основе в средневековых архитектурных памятниках Средней Азии в домонгольский период существовала майолика на глиняной основе. К ней относятся изразцы, облицовочные плитки и другие детали с гладкой поверхностью, трехцветной – белой, голубой, синей, фиолетовой – поливой. Во избежание смешения разноцветной глазури во время обжига применялись такие способы, как нарезка, оттиск выпуклого или заглубленного рисунка, прорисовка контура рисунка черной, коричневой или красной тугоплавкой краской. Такие майоликовые изразцы широко применялись и в XIV веке. Глазурованные многоцветные покрытия в большинстве случаев непрозрачны, имеют мало блеска. Это объясняется трудностью подбора оптимального режима

Рис. 7. Примерная реконструкция расположения изразцов.
Fig. 7. Approximate reconstruction of the tile arrangement.

обжига для нескольких красок одновременно (Гражданкина, 1989, с. 28).

Присутствуют изразцы с мавзолеев – гладкие и рельефные. Глазурованная облицовочная керамика, несмотря на свое многообразие, во многом повторяет орнаментальные мотивы предыдущих периодов. Применялся тот же резной или рельефный орнамент, те же формы, но покрытые сплошной глазурью. Сложные орнаменты резного декора соседствуют с простыми деталями – это ленты бордюров, прямоугольные и квадратные плитки голубого и кобальтового цветов, а также плитки с зеленоватым оттенком (рис. 3: 7–8, 10–13). Глиняные обожженные изразцы с гладкой поверхностью, трехцветной – белой, голубой, синей – поливой также были использованы в декоре мавзолея Батыр-ата (рис. 3).

Голубые изразцы обычно частично чередуются с неполивными шлифованными кирпичами или же изразцами кобальтового цвета, как это можно наблюдать на восточной стене и нише мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (Туркестан), культовых зданий Самарканда и Бухары (Немцева, 2019; Юсупова, 2022). На мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави почерком геометризированного куфи такими кирпичами выполнена надпись, где многократным повторением имени «Мухаммад» заполнена вся поверхность щипцовой стены: чередуются полосы надписей, выполненные синим и бирюзовым обрамлением (Туякбаева, 1989, с. 58, рис. 34). Некоторые изразцы выполнены из жженых плиток со светлым желтоватым тестом, подтрапециевидных в сечении с одной стороны, эта же сторона покрыта непрозрачной глазурью голубого, кобальтового и зеленого цветов (рис. 3: 7–8, 10). Среди изразцов, найденных в завалах мавзолея Безымянный, находились несколько плиток, оформленных чередующимися полосами из бирюзового и кобальтового цветов, разделенных черной линией (рис. 3: 9). Такими плитками оформлялись боковые поверхности плит намогильных сооружений, покрывавшие некогда надгробия ступенчатой конструкции (типа «сагана») и выполненные из пористого розовато-белого цвета теста (кашин). Близкие аналоги плиток были найдены на бугре Джумарт Кассаб, находящемся в некрополе Миздахкана (Хорезм) (Искандерова, Султанова, 2022, с. 210). Очень близкий пример датированного надгробия сохранился в мавзолее Саида Алауддина, расположенном во Внутренней крепости (Ичан-кала) города Хивы (Iskanderova, 2017 (2020), p. 184, abb. 10, 5).

В завалах мавзолея найдены фрагменты звездчатых плиток, декорированных растительным орнаментом, содержащим белый бутон с сердцевиной миндалевидной формы, расцвеченной светло-коричневым цветом в центре (рис. 6: 4). Темно-синие кон-

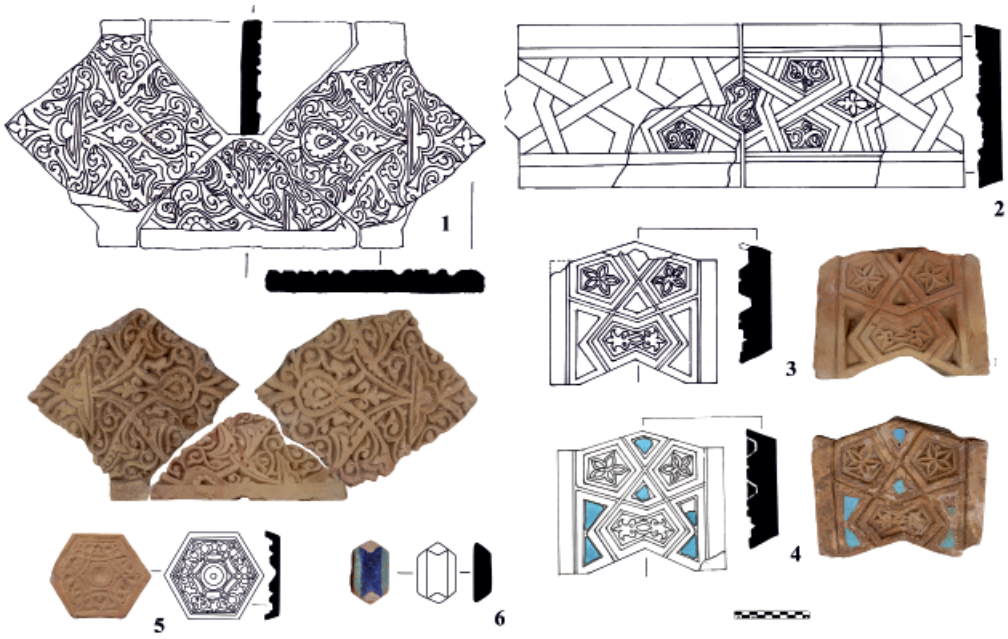

Рис. 8. Прорисовки изразцов.
Fig. 8. Drawings of tiles.

туры сердцевины и бутона находятся внутри звездчатого синего орнамента, обрамляющего голубые полосы. На других фрагментах – темно-синие трилистники на белом фоне, а также белые цветочки с синими листочками на синем или белом фоне, обрамленные голубыми полосами (рис. 6: 6–9). Сильная фрагментарность мешает полностью восстановить орнаменты. Целостность сохраняет лишь один экземпляр – это пятиугольная плитка с остатками голубой и синей глазури, с орнаментами растительного характера и ломаных линий (рис. 6: 5). Единственные экземпляры рельефной терракоты представлены прямоугольной удлиненной терракотовой плитой, покрытой голубой глазурью, с ячеистыми углубленными мелкими лунками, сужающимися ко дну и создающими эффект орнамента в виде крестиков в квадрате, и рельефной плиткой с мелкими ячейками, сплошь покрытой голубой глазурью (рис. 5: 15; рис. 6: 3).

Мозаика. Среди изразцов архитектурного декора с мавзолея Безымянный уникальной находкой является мозаичный набор плиток, собранных на алебастровом растворе (рис. 6: 1–2). В декоре применена плитчатая майолика из кашина (фаянс) и алебастра. Мозаика с композиционным оформлением пространства цветными майоликовыми вставками, собранная из мелких глазурованных плиточек на вяжущем растворе в крупные узорчатые панели, представлена в виде геометрического звездчатого орнамента. Орнамент выполнен из мелких кашинных плиток голубого, кобальтового и золотистого цветов. В центре расположена голубая плитка, вокруг нее золотистые плитки. Плитки с позолотой окружают плитки кобальтового цвета, а их, в свою очередь, – голубые плитки. Аналогичный мотив, выполненный из поливных плиточек, можно наблюдать на культовых памятниках Самарканда. Орнаментом, имитирующим кирпичный набор, оформлен купол зиаратхоны в комплексе Кусама ибн Аббаса (Немцева, 2019, с. 68, ил. 69), плиты на барабане мавзолея усто

Али-Несефи и мавзолея Туглу-Текин (Ремпель, 1961, с. 283, 287).

Для мозаики Золотой Орды характерно применение надглазурной позолоты (Носкова, 1972, с. 178, 180; Носкова, 1976, с. 26; Матвеев, 1959, с. 220–221). Шедевры представлены хорезмской школой – это фасад, сагана, стела мавзолея Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче, надгробие Саида Алауддина в Хиве. Также это самаркандский намогильник Кусама ибн Аббаса (Шахи-Зинда). Там тоже использована надглазурная окраска некоторых деталей золотом (Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 249).

Л.И. Ремпель писал, что кашинная мозаика пришла в Среднюю Азию из Хорезма (Ремпель, 1961, с. 292–293). Также полагает Г.И. Томаев: «… резная мозаика зародилась в Средней Азии, в Хорезме» (Томаев, 1951, с. 8–9).

В исследовании майолики и мозаики XIV–XV вв. нельзя ограничиваться территорией Южного Казахстана. Архитектурная керамика с подглазурной многоцветной росписью на известных памятниках Мавераннахра, Ирана, Золотой Орды позволяет датировать время проникновения майолики в архитектуру Средней Азии.

Майолика эпохи Золотой Орды с ее многообразием имеет свою классификацию и является свидетелем своего расцвета, связанного с подъёмом строительной деятельности народов Средней Азии в период распада монгольских улусов. В XIII–XV вв. формируется архитектурный облик сооружений, где ярко выделяются главные фасады сооружений, обрамление входов, купола и декорированное покрытие надгробий с майоликовыми изразцами. В работе мы представили свое видение расположения архитектурного декора мавзолеев Сыгнака – терракотовых плиток и плиток с частичной глазурью (рис. 7).

Таким образом, в коллекции представленных образцов, примененных в оформлении мавзолеев некрополя Сыгнак, можно выделить следующие виды: облицовочные шлифованные кирпичи без декора и алебастровые плитки; резная и штампованная терракота; терракота с частичной глазурью; майолика на глиняной основе, включающая в себя изразцы: а) с гладкой поверхностью, трехцветной – белой, голубой, синей – поливой, и рельефной со сплошной глазурью; б) плитки разных размеров с многоцветной глазурью и подглазурной росписью; мозаика на фаянсе с глазурью трех цветов – голубого, кобальтового и золотисто-желтого – в виде мелких деталей сборных панно (рис. 8).

Период конца XIV – начала XV вв. – важная в истории Сыгнака веха: в это время были построены многие культовые и гражданские здания, в декоре которых успешно использовалась майолика на глиняной основе, а также и штампованная, и резная терракота. Кое-где она покрыта голубой, а иногда – сплошной глазурью. Появляются новые формы керамических деталей, создаются новые виды орнаментов, использующие цветные сочетания и новую технику золочения глазурованных покрытий. Несмотря на фрагментарность и разрозненность, проанализированные архитектурные декоры были найдены в завалах раскопанных мавзолеев некрополя Сыгнака. Дальнейшие исследования в свете новых данных дадут возможность в будущем более полно раскрыть проблемы в той или иной сфере материальной и духовной культуры народов Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аббасова-Юсупова М.А.* Бухарская школа зодчества XV–XVII вв. (особенности и динамика развития). Самарканд, 2022. 360 с.

2. Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Воякин Д.А., Жолдасбаев С.Ж. Городище Сыгнак: Мавзолеи // Известия НАН РК. 2014. Вып. 5 (297). С. 45–51.

3. Бахтыбаев М.М., Искандерова А., Жетибаев К.М., Мургабаев С.С., Арынов К.С., Торежанова Н.Ж. Отчет о научно-исследовательской работе по итогам 2019 г. выполненного в рамках программы Министерства иностранных дел РК «Археологические исследования некрополя средневековое городище Сыгнак». Туркестан, 2019. 231 с. / Архив НИЦ Археологии. Инв. № 20.

4. Гантулга Д. Улзий символический орнамент благополучия и центр макромира монгольских кочевников // Альманах «Этнодиалоги». 2020. № 3 (61). С. 196–203.

5. Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы Туркмении // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XI / Отв. ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1958. С. 11–217.

6. Гражданкина Н.С. Архитектурно-строительный материал Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1989. 206 с.

7. Жирмунский В.М. Следы огузов в низовьях Сырдарьи // Тюркологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 93–102.

8. Жолдасбаев С.Ж. Средневековое городище Сыганак (X–XVIII вв.). Туркестан: Туран, 2010. 224 с.

9. Искандерова А. Д., Султанова М. Н. Архитектурный декор средневекового Хорезма и его аналогии в архитектуре мавзолеев Южного Казахстана // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 4 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. 2022. С. 203–215.

10. Каллаур В.А. Древние города Саганакъ (Сунакъ), Ашнасъ или Эшнасъ (Асанасъ) и другие вь Перовскомъ уезде, разрушенные Чингисъ-ханомъ въ 1219 году // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии (1899–1900), 5, протокол № 1 от 7.II.1900. С. 9–11.

11. Каллаур В.А. Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка юбителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авторы предисловия и составители Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: Туран, 2011 б. С. 254–258.

12. Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург: Типография Тургайского обл. правления, 1911. 144 с.

13. Матвеева Л.П. Поливные изразцы из Болгар // СА. 1959. № 2. С. 218–227.

14. Мұрғабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Малдыбекова Л.Ж. 2022 жылы Көккесенеде жүргізілген зерттеулердің нәтижелері // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 5 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. 2022. С. 216–222.

15. Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда: история – археология – архитектура. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 310 с.

16. Носкова Л.М. Поливной архитектурный декор из Сарая Бату (Селитренное городище) // СА. 1972. № 1. С. 171–184.

17. Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 7–37.

18. Ноткин И.И. Архитектура Средней Азии XIII–XIV вв. // Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии VI–XIX вв. / Всеобщая история архитектуры. Т. 8 / Отв. ред. Ю.С. Яралова. М.: Издательство литературы по строительству, 1969. С. 257–276.

19. Пигарёв Е.М., Ситдиков А.Г. Архитектурный декор мавзолея 1 ханского некрополя у пос. Лапас Астраханской области // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 154–174. https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.154.174

20. Пугаченкова Г. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1976. 116 с.

21. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1958. 292 с.

22. Ремпель Л.И. Панджара. Архитектурные решетки и их построение. Ташкент: Государственное издательство художественной литературы УзССР, 1957. 144 с.

23. Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана: история развития и теория построения. Ташкент: Изд-во худ. лит. Уз ССР, 1961. 606 с.

24. Томаев Г.Н. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии. М.: Госстройиздат, 1951. 120 с., ил.

25. Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясави. Алма-Ата: Онер, 1989. 176 с., ил.

26. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

27. Чекаева Р.У., Семби А.Т., Семби М.К. Памятники культовой архитектуры Сарыарки // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Технические науки и технологии. 2021. № 3(136). С. 33–46.

28. Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака // Сообщения Государственой академии истории материальной культуры II. Ленинград: Издание ГАИМК, 1929. С. 123–159.

29. Iskanderova A. Dekorelemente und Ephigrahik der Bauten und Grabmäler Chorezmiens // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 49. Dietrich Reimer Verlag. Berlin, 2017 (2020). Pp. 173–190.

30. Sizdikov B.S., Murgabayev S.S., Bakhtybayev M.M., Arynov K.S., Gursoy M., Seraliyev A.A. Mausoleums in the Medieval City of Syganak // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). P. 131–144. https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.131.144

Информация об авторах:

Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова (г. Самарканд, Узбекистан); Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук (г. Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан); aysulu.iskander@gmail.com

Бахтыбаев Мэлс Маратович, автор-корреспондент, PhD, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт Археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжа Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz

Мургабаев Сагынбай Серикбаевич, PhD, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт Археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжа Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан) sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Воякин Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, член Национальной комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО, Координатор проекта Центральноазиатские археологические ландшафты (CAAL), Университетский колледж Лондона (г. Алматы, Казахстан); d_voyakin@hotmail.com

Арынов Куаныш Суйндикович, докторант. Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); kuanysh.arynov@ayu.edu.kz

Апендиев Тимур Акимханович. PhD. Казахский национальный педагогический университет им. Абая (г. Алматы, Казахстан); timur.apendiev@mail.ru

ARCHITECTURAL DECORATION OF NECROPOLIS MAUSOLEUMS IN SIGHNAQ[2]

A.D. Iskanderova, M.M. Bakhtybayev, S.S. Murgabayev, D.A. Voyakin, K.S. Arynov, T.A. Apendiyev

The article discusses the elements of the architectural decor from the XIV–XV century mausoleums of the Sighnaq necropolis, located in the Kyzylorda region of the Republic of Kazakhstan. The collection includes undecorated polished siding bricks, alabaster tiles, carved and stamped terracotta, semi-glazed terracotta, clay-based majolica, tiles of different sizes with polychrome glaze and underglaze painting, as well as glazed faience mosaics. The authors considered all types of ornaments and analyzed all samples of the architectural decor of the three Sighnaq mausoleums. The technique of creating architectural decor elements, characteristic style and a high level of craftsmanship in the details are considered. The decorative motifs of the unglazed mausoleum decor are represented by carved and stamped

The article was prepared as a part of scientific project No. AP26104363 “Conducting comprehensive archaeological research at the necropolis of the medieval city of Sighnaq”.

terracotta with geometric and floral ornaments. Glazed siding tiles with carved or relief ornamentation on the face – floral, geometric, and epigraphic – are covered with opaque pale blue glaze.The article deals with only a small part of the materials taken from the religious buildings medieval of Sighnaq.

Keywords: archaeology, Sighnaq, mausoleum, necropolis, excavation, siding brick, terracotta, architectural decor, Middle Ages, carved clay, glaze.

REFERENCES

1. Abbasova-Yusupova, M. A. 2022. *Bukharskaya shkola zodchestva XV–XVII vv. (osobennosti i dinamika razvitiya) (The Bukharan School of Architecture in the 15th–17th centuries (Distinctive Features and Paths of Development)).* Samarkand.
2. Baypakov K.M., Akylbek S.Sh., Voyakin D.A., Zholdasbaev S.Zh. 2014. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 5, 45–51 (in Russian).
3. Bakhtybaev, M. M., Iskanderova, A., Zhetibaev, K. M., Murgabaev, S. S., Arynov, K. S., Torezhanova, N. Zh. 2019. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po itogam 2019 g. vypolnennogo v ramkakh programmy Ministerstva inostrannykh del RK «Arkheologicheskie issledovaniya nekropolya srednevekovoe gorodishche Sygnak» (Research report on the archaeological studies of the medieval settlement Sighnaq necropolis for 2019, carried out under the program of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan)*. Turkestan. Scientific Research Center of Archaeology. Inv. № 20 (in Russian).
4. Gantulga, D. 2020. In *Etnodialogi (Ethnodialogues)* 3 (61), 196–203 (in Russian).
5. Grazhdankina, N. S. 1958. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* VIII. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR. 11–217 (in Russian).
6. Grazhdankina, N. S. 1989. *Arkhitekturno-stroitel'nyy material Sredney Azii (Architectural and building materials of Central Asia).* Tashkent: "Uzbekistan" Publ. (in Russian).
7. Zhirmunskiy, V. M. 1951. In Kononov, A. N. (ed.). *Tyurkologicheskii sbornik (Collected Papers on Turkic Studies)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–102 (in Russian).
8. Zholdasbaev, S. Zh. 2010. *Srednevekovoe gorodishche Syganak (X–XVIII vv.) (The medieval city of Sighnaq (10th–18th centuries).*Turkestan: "Turan" Publ. (in Kazakh, Russian, English).
9. Iskanderova, A. D., Sultanova, M. N. *2022. In* Ongar, A., Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 4 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 4).* Almaty – Turkestan: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 203–215 (in Russian).
10. Kallaur, V. A. 1900. In *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (1899–1900, 5) (Minutes of meetings and reports of members of the Turkestan of archeology lovers. year V),* 9–11 (in Russian).
11. Kallaur, V. A. 2011. In Eleuov, M., Bakhtybaev, M. M. (comp.). *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzhka yubiteley arkheologii. Istoriko-kul'turnye pamyatniki Kazakhstana* (*Minutes of meetings and reports of members of the Turkestan of archeology lovers.*). Turkestan: "Turan" Publ., 254–258 (in Russian).
12. Kastan'e, I. A. 1911. *Nadgrobnye sooruzheniya kirgizskikh stepey (Grave structures of the Kyrgyz steppes).* Orenburg: "Tipografiya Turgayskogo obl. Pravleniya" (in Russian).
13. Matveeva, L. P. 1959. In *Sovetskaya Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 2, 218–227 (in Russian).
14. Murgabayev, S. S., Bakhtybayev, M. M., Maldybekova, L. Zh. 2022. *In* Ongar, A., Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 5 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 5).* Almaty – Turkestan: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 216–222 (in Kazakh).
15. Nemtseva, N. B. 2019. *Ansambl' Shakhi-Zinda: istoriya – arkheologiya – arkhitektura (Shahi-Zinda Ensemble: History – Archaeology – Architecture)*. Samarkand: "MITsAI" Publ. (in Russian).
16. Noskova, L. M. 1972. In *Sovetskaya Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 1, 171–184 (in Russian).
17. Noskova, L. M. 1976. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region).* Moscow: "Nauka " Publ., 7–37 (in Russian).
18. Notkin, I. I. 1969. In Yaralova, Yu. S. (ed.). *Arkhitektura stran Sredizemnomor'ya, Afriki i Azii VI–XIX vv. (Architecture of the Mediterranean, African and Asian countries of the VI–XIX centuries).* Series: General History of Architecture, 8. Moscow: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 257–276 (in Russian).
19. Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 48 (2), 154–174 (in Russian).
20. Pugachenkova, G. 1976. *Zodchestvo Tsentral'noi Azii. XV vek. Vedushchie tendentsii i cherty (Architecture of Central Asia. Fifteenth Century. Key Tendencies and Peculiarities)*. Tashkent: "Izdatel'stvo literatury i iskusstva" Publ. (in Russian).

21. Pugachenkova, G. A., Rempel', L. I. 1958. *Vydayushchiesya pamyatniki arkhitektury Uzbekistana (Outstanding architectural monuments of Uzbekistan)*. Tashkent: "Goslitizdat UzSSR" Publ. (in Russian).
22. Rempel', L. I. 1957. *Pandzhara. Arkhitekturnye reshetki i ikh postroenie (Panjara. Architectural lattices and their design and construction).* Tashkent: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury UzSSR" Publ. (in Russian).
23. Rempel, L. I. 1961. *Arkhitekturnyi ornament Uzbekistana: istoriia razvitiia i teoriia postroeniia (Architectural Ornament of Uzbekistan: Development History and Formation Theory)*. Tashkent (in Russian).
24. Tomaev, G. N. 1951. *Reznaya mayolikovaya mozaika v arkhitekture Sredney Azii (Carved maiolica mosaic in Central Asian architecture).* Moscow: "Gosstroyizdat" Publ. (in Russian).
25. Tuyakbaeva, B. T. 1989. *Epigraficheskiy dekor arkhitekturnogo kompleksa Akhmeda Yasavi (Epigraphic decoration of the architectural complex of Ahmed Yasawi)*. Alma-Ata: "Oner" Publ. (in Russian).
26. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Cities in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
27. Chekaeva, R. U., Sembi, A. T., Sembi, M. K. 2021. In *Vestnik ENU imeni L.N. Gumileva. Seriya tekhnicheskie nauki i tekhnologii. (Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Technical Science and Technology Series)* 3(136), 33–46 (in Russian).
28. Yakubovsky, A. Yu. 1929. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy of the Institute of Material Culture)* II. Leningrad, 123–159 (in Russian).
29. Iskanderova, A. 2017. In *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 49. Dietrich Reimer Verlag. Berlin, 173–190.
30. Sizdikov, B. S., Murgabayev, S. S., Bakhtybayev, M. M., Arynov, K. S., Gursoy, M., Seraliyev, A. A. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (44). 131–144. https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.131.144 (in English)

About the Authors:

Iskanderova Aysulu D. Candidate of Historical Sciences. Samarkand Institute of Archaeology named after Ya. Gulyamov; Abdullaeva St., 3, Samarkand, 140061, Uzbekistan; Karakalpak Research Institute of Humanititarian Sciences of the Karakalpak branch of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Amir Temur Ave., 179a, Nukus, 230100, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan; aysulu.iskander@gmail.com

Bakhtybayev Mels M. Corresponding author, PhD. Institute of Archaeology of the Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz

Murgabayev Sagynbay S. PhD. Institute of Archaeology of the Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Voyakin Dmitriy A. Candidate of Historical Sciences, Member of the National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO, Coordinator project of the Central Asian Archaeological Landscapes (CAAL), University College London. Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; d_voyakin@hotmail.com

Arynov Kuanysh S. Kazakh National University named after Al-Farabi. Al-Farabi St., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; kuanysh.arynov@ayu.edu.kz

Apendiyev Timur A. PhD. Abai Kazakh National Pedagogical University. Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; timur.apendiev@mail.ru

Статья принята в номер 01.09.2025 г.

Список сокращений

АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
АКАХ – акозинско-ахмыловская культура
АКИО – ананьинская культурно-историческая область
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
ВА – Вестник антропологии
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМВ – Государственный музей Востока
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора
ДД – Донские древности
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
КалмГУ – Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
КолАЭ ЛОИА АН СССР – Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института археологии материальной культуры
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАР – Материалы по археологии России
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья
МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
МНК – Международная нумизматическая конференция

МЮТАКЭ – Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН

НГУ – Новосибирский государственный университет

НИИ – научно-исследовательский институт

НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

РА – Российская археология (Москва)

РАН – Российская академия наук

РГБ – Российская государственная библиотека

РГО – Русское географическое общество

РИЦ – редакционно-издательский центр

РНФ – Российский научный фонд

РСМ – Раннеславянский мир

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГПИ – Ставропольский государственный педагогический институт

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа

СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

СПб – Санкт-Петербург

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СПГИХМЗ (SPSHAMP) – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СУАК – Ставропольская ученая архивная комиссия

СЭ – Советская этнография

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея

Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции

УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

ХНМЦОКС – Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини

BAR – British Archaeological Reports

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/

Сроки приема материалов

№ 1 (март) – не позднее 1 декабря
№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года
№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года
№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 25.09.2025 г. Формат 70×108 1/16
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20

16+